ЦИЦЕРОНЪ

и

ЕГО ДРУЗЬЯ.

Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря.

СОЧИНЕНІЕ

Гастона Буасье.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИЗДАНІЯ

Маріи Корсакъ.

Цѣна 2 рубля.

Изданіе К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

МОСКВА.

Тип. Мартынова и К° (бывш. Грачева и К°). на Тверской, ул., д. Хомяковыхъ.

1880

ЦИЦЕРОНЪ

и

ЕГО ДРУЗЬЯ.

Очеркъ римскаго общества во времена Цезаря.

Сочиненіе Гастона Буасье.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИЗДАНІЯ
Маріи Корсакъ.

Изданіе К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

МОСКВА.
Тип. Мартынова и К° (бывш. Грачева и К°). на Тверской, д. Хомяковыхъ.
1880.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Письма Цицерона.

Ни одна исторія не изучается въ настоящее время такъ охотно, какъ исторія послѣднихъ годовъ римской республики. Объ этомъ предметѣ появилось въ послѣднее время нѣсколько ученыхъ сочиненій во Франціи, въ Англіи, въ Германіи, [1]) и они съ жадностью были прочтены публикою. Подобный интересъ объясняется важностью разбиравшихся въ то время вопросовъ, драматическою живостью событій и величіемъ дѣйствовавшихъ лицъ; но что еще лучше объясняетъ, собою влеченіе чувствуемое нами къ этой интересной эпохѣ, такъ это то, что она была разсказана намъ въ письмахъ Цицерона. Одинъ современникъ этихъ писемъ говорилъ, что тотъ, кто прочтетъ ихъ, перестанетъ искать въ другомъ мѣстѣ исторію своего времени, [2]) и дѣйствительно, мы видимъ, что въ нихъ она гораздо живѣе и достовѣрнѣе, нежели въ послѣдовательныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ именно съ тою цѣлью, чтобы преподать ее намъ. Что мы могли бы узнать еще больше отъ Азинія Полліона, Тита Ливія или Кремуція Корда, если бы они сохранились для насъ? Мы узнали бы только ихъ личныя мнѣнія; но подобныя мнѣнія въ боль-

---

[1]) Продолженіе этого труда докажетъ, что я много пользовался сочиненіями, изданными въ Германіи, и преимущественно прекрасной *Римской исторіей* Моммсена, отличающейся въ одно и то-же время и ученостью, и живостью. Я не всегда раздѣляю мнѣнія г. Моммсена, но даже въ тѣмъ мѣстахъ гдѣ я расхожусь съ нимъ, можно замѣтить вліяніе его идей. Въ настоящее время онъ—учитель всѣхъ, изучающихъ Римъ и его исторію.

[2]) Корн. Непотъ, *Att.* 16.

шинствѣ случаевъ подозрительны, такъ какъ они высказывались людьми, не могшими говорить полной правды, писавшими при императорскомъ дворѣ, подобно Титу Ливію, или надѣявшимися, подобно Полліону, заслужить прощеніе за свою измѣну, говоря какъ можно больше зла о тѣхъ, кому они измѣнили. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы принимать уже готовыя мнѣнія, лучше составить себѣ свое собственное, что сдѣлается для насъ совершенно возможнымъ послѣ чтенія писемъ Цицерона. Оно ставитъ насъ среди самаго разгара событій и даетъ намъ возможность слѣдить за ними изо дня въ день. Не смотря на отдѣляющіе насъ отъ нихъ восемнадцать вѣковъ, намъ кажется, что они происходятъ у насъ передъ глазами, при чемъ мы пользуемся еще тѣмъ важнымъ преимуществомъ, что эти событія находятся настолько близко отъ насъ, что мы можемъ видѣть ихъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, и на столько далеко, что мы можемъ судить о нихъ безпристрастно.

Легко объяснить важное значеніе этихъ писемъ. Въ то время политическіе люди чувствовали гораздо большую необходимость переписываться, нежели теперь. Проконсулъ, отъѣзжавшій изъ Рима управлять какою-нибудь отдаленною провинціей, вполнѣ сознавалъ, что онъ совершенно удаляется отъ политической жизни. Люди, привыкшіе къ движенію дѣлъ, къ волненіямъ партій или, какъ они сами выражались, къ постоянному житью на форумѣ, считали величайшею скукою отправиться на нѣсколько лѣтъ въ такую глушь, куда не достигалъ шумъ римской публичной площади. Правда, что они получали тамъ нѣчто въ родѣ оффиціальной газеты, *acta diurna*, этого почтеннаго предка нашего *Moniteur'a*. Но кажется что всякій оффиціальный журналъ по самому существу своему уже осужденъ на извѣстную степень незначительности. И этотъ римскій журналъ заключалъ въ себѣ довольно безцвѣтный отчетъ о народныхъ собраніяхъ, краткое изложеніе важныхъ судебныхъ дѣлъ, разбиравшихся на форумѣ, описаніе разныхъ публичныхъ церемоній съ точнымъ разсказомъ объ атмосферическихъ явленіяхъ или о чудесныхъ событіяхъ, совершившихся въ самомъ городѣ или въ его окрестностяхъ. Не совсѣмъ въ этомъ родѣ были тѣ новости, которыя хотѣлось знать претору или проконсулу; потому, желая дополнить то, чего не доставало въ оффиціальномъ журналѣ, онъ прибѣгалъ къ корреспондентамъ, составлявшимъ за извѣстную плату рукописную газету для любознательныхъ провинціаловъ, что было въ модѣ и у насъ въ прошломъ столѣтіи; но между тѣмъ какъ въ восемнадцатомъ вѣкѣ это дѣло поручалось именитымъ писателямъ, коротко знакомымъ

съ вельможами и пользовавшимся хорошимъ пріемомъ у министровъ, римскіе корреспонденты были просто неизвѣстные компиляторы, ремесленники, какъ ихъ называетъ гдѣ-то Целій, выбиравшіеся обыкновенно изъ голодныхъ Грековъ, принуждаемыхъ нищетою браться за всевозможныя занятія. Они не имѣли доступа въ знатные дома и не приближались къ политикамъ. Вся роль ихъ состояла въ томъ, чтобы бѣгать по городу и собирать на улицахъ все, что они тамъ видѣли или слышали. Они тщательно записывали всякія театральныя исторіи, освѣдомлялись объ освистанныхъ актерахъ, о побѣжденныхъ гладіаторахъ, подробно описывали пышныя похороны, отмѣчали разные слухи и сплетни, а главное, скандальные разсказы, какіе имъ удавалось прослышать. [1]) Вся эта болтовня забавляла на минуту, но не удовлетворяла этихъ политиковъ, желавшихъ прежде всего знать о состояніи текущихъ дѣлъ. Съ этой цѣлью они естественно обращались къ лицамъ, знакомымъ съ этими дѣлами. Они выбирали обыкновенно надежныхъ, значительныхъ и свѣдущихъ, друзей; черезъ нихъ они узнавали причину и дѣйствительный характеръ событій, сухо и безъ всякихъ объясненій описанныхъ въ журналахъ; и между тѣмъ какъ ихъ наемные корреспонденты оставляли ихъ обыкновенно на улицѣ, тѣ вводили ихъ въ кабинеты важныхъ политиковъ и давали имъ подслушивать ихъ секретнѣйшія бесѣды.

Никто такъ сильно не ощущалъ этой потребности аккуратно получать обо всемъ извѣстія и жить, такъ сказать, среди оставленнаго имъ Рима, какъ Цицеронъ; никто не любилъ такъ сильно, какъ онъ, этихъ волненій общественной жизни, на которыя государственные люди жалуются, когда предаются имъ, и о которыхъ они не перестаютъ сожалѣть послѣ того какъ разстанутся съ ними. Не слѣдуетъ слишкомъ вѣрить ему, когда онъ говоритъ, будто онъ утомленъ бурными преніями въ Сенатѣ, будто онъ ищетъ такой страны, гдѣ не слыхивали о Ватиніи или Цезарѣ, и гдѣ никто не думаетъ объ аграрныхъ законахъ; будто онъ умираетъ отъ желанія позабыть Римъ въ прекрасномъ тѣнистомъ Арпинумѣ или среди очаровательной мѣстности Формій. Какъ только онъ поселится бывало въ Форміяхъ, въ Арпинумѣ или въ какой-либо другой изъ прекрасныхъ виллъ, называемыхъ имъ съ гордостью украшеніемъ Италіи —*Ocellos Italiae*, мысли его естественнымъ образомъ обращаются къ

---

[1]) См. у Цицерона. *Ep'st ad fam.* II, 8 и VIII, 1. Я буду приводить въ этой книгѣ слова Цицерона по изданію Орелли.

Риму, и онъ безпрестанно посылаетъ туда гонцовъ, чтобы узнать, что тамъ думаютъ и дѣлаютъ. Что бы онъ ни говорилъ, но онъ положительно не можетъ оторвать глазъ отъ форума. Какъ вблизи, такъ и вдали, ему необходимо было, по выраженію Сенъ-Симона, *ощущать тотъ дѣловой запахъ, безъ котораго не могутъ обойтись политики.* Ему хотѣлось, во чтобъ то ни стало, знать положеніе партій, ихъ тайныя соглашенія, секретные раздоры, словомъ сказать, всѣ скрытныя продѣлки, подготовляющія событія и объясняющія ихъ собою. Этого-то онъ и требовалъ безпрестанно отъ Аттика, Куріона, Целія и многихъ другихъ великихъ умовъ, замѣшанныхъ во всѣ эти интриги въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ или любопытныхъ зрителей; это онъ самъ остроумнѣйшимъ образомъ разсказывалъ своимъ отсутствующимъ друзьямъ, и такимъ образомъ, безъ всякаго съ его стороны желанія, получаемыя и отправляемыя имъ письма вмѣстили въ себя всю исторію его времени [1]).

Издаваемая переписка политическихъ людей нашего времени далеко не имѣетъ такого значенія, потому что обмѣнъ мыслей и чувствъ уже ненастолько происходитъ теперь посредствомъ переписки, какъ въ тѣ времена; мы изобрѣли для этого новые способы. Громадная гласность прессы съ успѣхомъ замѣнила собою тѣ скромныя сношенія, которыя не могли простираться далѣе немногочисленнаго кружка. Въ настоящее время, въ какую бы пустыню ни удалился человѣкъ, журналы докладываютъ ему обо всемъ, что происходитъ на свѣтѣ. Такъ какъ онъ узнаетъ о событіяхъ почти въ то самое время, какъ они происходятъ, онъ не только слышитъ о нихъ, но какъ-бы чувствуетъ ихъ. Ему кажется, что онъ видитъ ихъ, что онъ присутствуетъ при нихъ, и не имѣетъ надобности въ томъ, чтобы какой-нибудь хорошо знакомый съ ними другъ описалъ ихъ ему. Любопытно было-бы прослѣдить все, что у насъ было истреблено и замѣнено журналами. Во времена Цицерона мѣсто ихъ занимали замѣнявшія одинаковыя съ ними услуги. Они переходили письма, оказывавшія одинаковыя съ ними услуги. Они переходили изъ рукъ въ руки, если заключали въ себѣ какую-нибудь интересную для всѣхъ новость. Письма важныхъ лицъ, излагавшихъ въ нихъ свои чувства, читались, комментировались и переписывались.

---

[1]) Я старался объяснить нѣкоторые вопросы, возникшіе вслѣдствіе обнародованія писемъ Цицерона въ одномъ мемуарѣ, озаглавленномъ: *Recherches sur la manière, dont furent recueillies et publiées les lettres de Cicéron*, Paris. Durand, 1863.

Въ нихъ политикъ защищался отъ дѣлаемыхъ на него нападокъ передъ людьми, уваженіемъ которыхъ онъ дорожилъ; когда форумъ былъ нѣмъ, какъ во времена Цезаря, съ помощью писемъ старались составить себѣ нѣкотораго рода общее мнѣніе въ небольшомъ отдѣльномъ кругу. Въ настоящее время этой ролью овладѣли журналы; политическая жизнь принадлежитъ имъ; а такъ какъ они несравненно удобнѣе, быстрѣе и распространеннѣе, то они и заставили переписку утратить одинъ изъ главнѣйшихъ элементовъ ея питанія.

Правда, что у переписки остались частныя дѣла, и сначала невольно думается, что этотъ матеріалъ неистощимъ, и что, благодаря тысячѣ чувствованій и привязанностей, наполняющихъ нашу внутреннюю жизнь, переписка будетъ всегда довольно богата. Между тѣмъ я думаю, что даже такая задушевная переписка, гдѣ говорится только объ однихъ нашихъ привязанностяхъ и чувствованіяхъ, становится съ каждымъ днемъ менѣе пространною и менѣе интересною. Эти пріятныя и усердныя взаимныя сношенія, занимавшія столь важное мѣсто въ прежней жизни, стремятся почти совсѣмъ исчезнуть изъ нашей. Кажется, будто по какому-то странному случаю, самая легкость и быстрота сообщеній, которыя должны были-бы еще болѣе оживить ихъ, повредили имъ. Въ прежнее время, когда почты еще не было, или когда назначеніе ея, какъ напримѣръ у Римлянъ, состояло лишь въ томъ, чтобы развозить императорскіе указы, приходилось пользоваться удобными оказіями или отправлять письма съ рабами. Тогда написать письмо было важнымъ дѣломъ. Не хотѣлось, чтобы посланный пропутешествовалъ безполезно; письма писали подлиннѣе и пространнѣе для того, чтобы не писать ихъ слишкомъ часто; безсознательно составлялись они съ большею тщательностью, что совершенно естественно дѣлается со всѣми вещами, требующими большихъ усилій и не столь легкими, какъ другія. Даже во времена г-жи де-Севинье, когда почта, называемая тогда *les ordinaires*, отправлялась только одинъ или два раза въ недѣлю, писаніе писемъ считалось еще важнымъ дѣломъ, къ которому прилагались всевозможныя старанія. Мать, разлученная съ своею дочерью, едва успѣвала отправить къ ней письмо, какъ уже думала о томъ, которое она пошлетъ ей нѣсколько дней спустя. Въ этотъ промежутокъ времени въ умѣ ея скоплялись мысли, воспоминанія, сожалѣнія, такъ что, принимаясь за перо, „она не могла уже справиться съ этимъ потокомъ.“ Въ настоящее время, зная, что писать можно, когда угодно, уже не собираютъ матеріаловъ, какъ это дѣ-

лала г-жа де-Севинье, не пишутъ впередъ, „не стараются выпорожнить свой мѣшокъ,“ не силятся ничего не позабыть изъ опасенія, чтобы слишкомъ поздно разсказанная новость не утратила своей свѣжести, благодаря тому что запоздала. Между тѣмъ какъ въ прежнее время періодическій ходъ почты установлялъ больше послѣдовательности и правильности въ сношеніяхъ, полная возможность писать теперь, когда угодно, сдѣлала то, что люди стали рѣже переписываться. Теперь дожидаются, чтобы было что сказать другъ другу, что случается не такъ часто, какъ это обыкновенно думаютъ. Пишутъ только о томъ, что необходимо, а этого очень немного для сношеній, главная прелесть которыхъ состоитъ въ излишнемъ; а намъ грозятъ еще сократить и это немногое. Нѣтъ сомнѣнія, что почта будетъ вскорѣ замѣнена телеграфомъ, что сношенія наши будутъ совершаться съ помощью этого запыхивающагося орудія, служащаго образцомъ положительного и торопливаго общества и старающагося въ употребляемомъ имъ слогѣ ставить немного меньше, чѣмъ нужно словъ. Съ этимъ новымъ успѣхомъ пріятность интимной переписки, и безъ того уже сильно пострадавшая, изчезнетъ навсегда.

Но даже въ тѣ времена, когда было всего болѣе случаевъ писать письма, и когда ихъ писали всего лучше, это удавалось не всѣмъ въ одинаковой степени. Одни темпераменты болѣе способны къ этому труду, нежели другіе. Люди, медленно соображающіе и которымъ надо долго размышлять, прежде чѣмъ они примутся за писаніе, пишутъ докладныя записки, а не письма. Люди благоразумные пишутъ правильно и методически, но имъ не достаетъ пріятности и огня. Люди логическіе и разсудительные обыкновенно слишкомъ долго развиваютъ свои мысли; между тѣмъ надо умѣть легко переходить отъ одного предмета къ другому для того, чтобы интересъ постоянно поддерживался, и покидать ихъ прежде, нежели они будутъ истощены. Люди, исключительно проникнутые какою-нибудь идеей, сосредоточивающіеся на ней и не желающіе съ ней разстаться, дѣлаются краснорѣчивыми всякій разъ, какъ говорятъ о ней, а этого недостаточно. Для того, чтобы быть пріятнымъ во всякій часъ и во всѣхъ предметахъ, какъ того требуетъ послѣдовательная переписка, надо прежде всего имѣть живое и подвижное воображеніе, легко поддающееся мимолетнымъ впечатлѣніямъ и быстро измѣняющееся вмѣстѣ съ ними. Это—первое качество людей, хорошо пишущихъ письма; къ этому можно, если угодно, прибавить немного кокетства. Писаніе требуетъ всегда нѣкотораго усилія. Надо заниматься имъ съ охотою, для того чтобы оно удалось; надо любить нравиться

для того, чтобы желать нравиться. Въ человѣкѣ очень естественно желаніе нравиться той многочисленной публикѣ, для которой пишутся книги; но тратить свой умъ для одной только особы есть признакъ болѣе тонкаго и требовательнаго тщеславія. Со временъ Ла-Брюйера мы часто спрашивали себя, почему женщины идутъ дальше насъ въ этомъ родѣ писанія. Не потому-ли, что у нихъ больше, нежели у насъ, развито желаніе нравиться, и что онѣ обладаютъ прирожденнымъ тщеславіемъ, постоянно находящимся, такъ сказать, во всеоружіи, не пренебрегающимъ никакою побѣдою и чувствующимъ потребность тратиться рѣшительно для всѣхъ?

Я не думаю, чтобы кто-нибудь обладалъ когда либо этими качествами въ такой степени, какъ Цицеронъ. Во всей его жизни и во всѣхъ его трудахъ мы находимъ это ненасытное тщеславіе, эту живость впечатлѣній, эту способность такъ легко поддаваться и подчиняться событіямъ. Съ перваго взгляда кажется, что между его письмами и рѣчами громадная разница, и по неволѣ хочется спросить себя, какимъ образомъ одинъ и тотъ-же человѣкъ могъ такъ искусно сочинять и тѣ, и другія; но при ближайшемъ взглядѣ удивленіе проходитъ. Стараясь отъискать, въ чемъ состоятъ дѣйствительно оригинальныя качества его рѣчей, мы находимъ, что они тѣ же самыя, которыми мы восхищаемся въ его письмахъ. Его общія мѣста нѣсколько устарѣли, при нѣкоторыхъ патетическихъ его выходкахъ мы остаемся иногда холодными и часто даже находимъ слишкомъ много искусственности въ его риторикѣ; но что осталось живымъ въ его защитительныхъ рѣчахъ, такъ это его разсказы и портреты. Трудно имѣть еще большій талантъ, чѣмъ тотъ, съ какимъ онъ разсказываетъ, описываетъ и изображаетъ, какъ живыхъ, людей и событія. Если онъ такъ хорошо изображаетъ ихъ намъ, такъ это потому, что они у него передъ глазами. Когда онъ показываетъ намъ купца Херею съ „выбритыми“ бровями, и головою, пахнущею хитростью и дышащею лукавствомъ“ [1]) или претора Верреса, прогуливающагося въ носилкахъ, несомыхъ восемью человѣками, подобно Виѳинскому царю, и сладостно возлежащаго на мальтійскихъ розахъ [2]), или Ватинія, пускающагося говорить „съ выкатившимися глазами, вздувшеюся шеею, напрягшимися мускулами“ [3]), или галльскихъ свидѣтелей, проходящихъ по форуму

[1]) Pro Rosc. com., 7.
[2]) In Verrem. act sec., V, 11.
[3]) In Vatin., 2.

съ торжествующимъ видомъ и высоко поднятой головою [1]), или греческихъ, безпрестанно болтающихъ и „жестикулирующихъ плечами“ [2]), словомъ сказать, всѣхъ этихъ лицъ, которыхъ никогда не позабудешь, встрѣтивъ ихъ у него хоть одинъ разъ, его живое, могущественное воображеніе представило ихъ себѣ прежде, чѣмъ изобразило. Онъ обладаетъ въ изумительной степени способностью дѣлаться зрителемъ того, что онъ разсказываетъ. Предметы поражаютъ его, лица привлекаютъ къ себѣ или отталкиваютъ съ невѣроятною живостью, и онъ весь въ тѣхъ изображеніяхъ, которыя намъ даетъ. За то сколько страсти въ его разсказахъ! Сколько бѣшенаго увлеченія въ его нападкахъ! Съ какимъ радостнымъ упоеніемъ онъ описываетъ какую нибудь неудачу своихъ враговъ! Какъ ясно чувствуется, что онъ проникнутъ и переполненъ ею, что онъ наслаждается, тѣшится и питается ею, согласно его собственнымъ энергическимъ выраженіямъ: ***his ego rebus pascor, his delector, his perfruor!*** [3]) Почти въ точно такихъ-же словахъ выражается Сенъ-Симонъ, упоенный ненавистью и счастіемъ, во время знаменитой сцены суда, когда онъ видитъ, что герцогъ Мэнскій убитъ горемъ, и незаконнорожденные развѣнчаны. „Я же между тѣмъ, говоритъ онъ, умиралъ отъ радости, и даже боялся лишиться отъ этого чувствъ. Сердце мое, расширившееся до крайности, уже не находило себѣ больше простора... Я торжествовалъ, я мстилъ, я плавалъ въ своемъ мщеніи“. Сенъ-Симонъ пламенно желалъ власти и два раза воображалъ, будто овладѣлъ ею; „но вода удалялась отъ губъ его, какъ отъ Тантала, всякій разъ, какъ онъ уже мечталъ ея коснуться“. Я не думаю однако, чтобы слѣдовало сожалѣть о томъ. Онъ плохо исполнялъ-бы должность Кольбера или Лувуа, и самыя свойства его послужили-бы ему, быть можетъ, во вредъ. Страстный и раздражительный, онъ живо чувствуетъ малѣйшія оскорбленія и вспыхиваетъ на каждомъ шагу. Всякое мелочное событіе оживляетъ его, и вы чувствуете, что, разсказывая его, онъ вкладываетъ въ него всю душу. Такая живая впечатлительность, придавая жаръ его разсказамъ, сдѣлала изъ него неподражаемаго живописца; но, безпрестанно смущая его сужденіе, она создала-бы изъ него лишь посредственнаго политика. Это ясно доказывается примѣромъ Цицерона.

---

[1]) Pro Font., 11.
[2]) Pro Rabir. post., 13.
[3]) In Pison, 20.

И такъ, можно безошибочно сказать, что и рѣчи, и письма Цицерона отличаются одинаковыми качествами; но они яснѣе замѣтны въ его письмахъ, такъ какъ въ нихъ онъ пользуется большею свободою и откровеннѣе предается своей натурѣ. Когда онъ пишетъ кому-нибудь изъ своихъ друзей, онъ не размышляетъ такъ долго, какъ въ то время, когда обращается съ рѣчью къ народу; здѣсь онъ передаетъ свое первое впечатлѣніе и передаетъ его живо и страстно, такъ, какъ оно родилось въ немъ. Онъ не заботится объ обратоткѣ своего слога; все, что онъ пишетъ, бываетъ обыкновенно такъ свободно, легко и просто, что въ этомъ нельзя заподозрить ни подготовки, ни искусственности. Когда однажды одинъ изъ его корреспондентовъ, желая доставить ему удовольствіе, сравнилъ его слова съ молніями, ***fulmina verborum***, онъ отвѣчалъ ему: „Что же вы думаете о моихъ письмахъ? Не находите-ли вы, что я пишу вамъ такимъ же слогомъ, какъ и всѣ? Не слѣдуетъ сохранять постоянно одинаковый тонъ. Письмо не можетъ походить на защитительную или политическую рѣчь... Для него употребляются обиходныя выраженія [1])“. Еслибъ онъ и захотѣлъ составлять ихъ тщательнѣе, то не нашелъ-бы для этого досуга. Ему столько приходилось писать, чтобы всѣхъ удовлетворить! Одинъ Аттикъ получалъ отъ него иногда по три письма въ день. Потому-то онъ и писалъ ихъ, гдѣ только могъ: во время засѣданій сената, въ своемъ саду во время прогулки, на большой дорогѣ при путешествіяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ помѣчены его столовою, гдѣ онъ ихъ диктуетъ своимъ секретарямъ въ промежуткѣ двухъ перемѣнъ кушаньевъ. Если онъ пишетъ собственноручно, то заботится о нихъ нисколько не больше. „Я беру, говоритъ онъ своему брату, первое попавшееся перо и употребляю его, какъ-будто бы оно было хорошее [2])“. Вслѣдствіе того ихъ не всегда было легко разобрать. Когда на это жаловались, онъ приводилъ въ свое оправданіе разныя причины. Виноваты были посланцы его друзей, не хотѣвшіе дожидаться. „Они приходятъ, говоритъ онъ, уже готовые идти назадъ, даже не снимая своихъ дорожныхъ шляпъ, и говорятъ, будто товарищи дожидаются ихъ у дверей [3])“. Чтобы не задерживать ихъ, приходится писать на удачу все, что придетъ въ голову.

---

[1]) *Ad fam.*, IX, 21.
[2]) *Ad Quint.*, II, 15, 6.
[3]) *Ad fam.*, XV, 17.

Поблагодаримъ-же этихъ нетерпѣливыхъ друзей и торопливыхъ посланцевъ, не дававшихъ Цицерону времени составлять краснорѣчивыя посланія. Что намъ нравится въ его письмахъ, такъ это именно то, что они содержатъ въ себѣ первый порывъ чувства, что они полны непринужденности и естественности. Такъ какъ онъ не теряетъ времени чтобъ перерядиться, то и предстаетъ намъ такимъ, какъ есть. Вотъ почему братъ его сказалъ ему однажды: „Я увидѣлъ всего тебя въ твоемъ письмѣ [1])". Намъ самимъ хочется сказать ему то же самое всякій разъ, какъ мы его читаемъ. Если онъ такъ живъ, настойчивъ и оживленъ, бесѣдуя съ своими друзьями, такъ это потому, что воображеніе его легко переносится въ тѣ мѣста, гдѣ они. „Мнѣ кажется, я разговариваю съ тобой [2])", пишетъ онъ одному изъ нихъ. „Не знаю какимъ образомъ это дѣлается, пишетъ онъ другому; но мнѣ кажется, что когда я пишу тебѣ, я возлѣ тебя самъ [3])". Въ письмахъ своихъ еще больше, чѣмъ въ рѣчахъ, онъ отдается впечатлѣніямъ минуты. Пріѣдетъ-ли онъ въ какой-нибудь изъ своихъ столь любимыхъ имъ загородныхъ домовъ, онъ предается радости видѣть его снова: никогда онъ не казался ему столь прекраснымъ. Онъ посвящаетъ его портики, гимназіи, экзедры, онъ бѣжитъ къ своимъ книгамъ, стыдясь того, что покинулъ ихъ. Любовь къ одиночеству овладѣваетъ имъ до такой степени, что оно кажется ему все не довольно полнымъ. Домъ его въ Форміяхъ перестаетъ ему нравиться именно потому, что туда является слишкомъ много докучливыхъ людей. „Это—общественное гулянье, говоритъ онъ, а не вилла [4])". Онъ находитъ здѣсь скучнѣйшихъ людей на свѣтѣ, своего друга Себоза и своего друга Аррія, никакъ не желающаго вернуться въ Римъ, не смотря на всѣ просьбы Цицерона, съ которымъ онъ хочетъ оставаться и ежедневно философствовать. „Въ ту минуту, какъ я пишу тебѣ, говоритъ онъ Аттику, мнѣ доложили о прибытіи Себоза. Я еще не пересталъ плакаться на это, какъ слышу, что меня привѣтствуетъ Аррій. Развѣ это значитъ покинуть Римъ? Стоитъ-ли бѣжать однихъ, чтобы попасть въ руки другимъ? Я желаю, говоритъ онъ, цитируя прекрасный стихъ, заимствованный, быть можетъ, изъ его собственныхъ сочиненій, убѣжать въ горы своего отечества, къ колыбели своего дѣтства.

---

1) *Ad fam.*, XVI, 16.
2) *Ad Att.*, XIII, 18.
3) *Ad fam.*, XV. 16.
4) *Ad Att.*, II, 14.

In mantes patrios et ad incunabula nostra. [1])

Онъ, дѣйствительно, отправляется въ Арпинумъ и пробирается даже до дикаго Анціума, гдѣ проводитъ время въ счетѣ морскихъ волнъ. Это безвѣстное спокойствіе нравится ему до такой степени, что онъ жалѣетъ о томъ, зачѣмъ онъ лучше не дуумвиромъ въ этомъ маленькомъ городѣ, нежели консуломъ въ Римѣ. Онъ ничего больше не желаетъ, какъ чтобы къ нему пріѣхалъ другъ его Аттикъ, чтобы онъ могъ гулять съ нимъ по солнцу и бесѣдовать о философіи, „сидя на скамеечкѣ, поставленной у подножія статуи Аристотеля." Въ эту минуту онъ чувствуетъ, повидимому, полное отвращеніе къ публичной жизни; онъ не хочетъ и слышать о ней. „Я рѣшился, говоритъ онъ, не думать о ней больше.") Извѣстно впрочемъ, какъ онъ держалъ подобныя обѣщанія. Только-что вернувшись въ Римъ, онъ сильнѣе прежняго погружается въ политику; поля и удовольствія ихъ позабыты. Лишь по временамъ слегка замѣчается мимолетная грусть о болѣе спокойной жизни. „Когда-же мы станемъ жить? *quando vivetus?*" грустно говоритъ онъ посреди потока увлекающихъ его дѣлъ. [2]) Но эти робкія заявленія вскорѣ заглушаются шумомъ и движеніемъ битвы. Онъ вступаетъ въ нее и участвуетъ въ ней жарче, чѣмъ кто-либо. Онъ еще вполнѣ одушевленъ ею въ то время, какъ пишетъ Аттику. Письма его содержатъ въ себѣ всѣ эти чувствованія и сообщаютъ ихъ намъ. Кажется, что присутствуешь въ сенатѣ во время происходящихъ тамъ невообразимыхъ сценъ, когда онъ нападаетъ на Клодія то въ послѣдовательной рѣчи, то въ запальчивыхъ вопросахъ и употребляя противъ него поочередно то самыя крупныя орудія риторики, то самую тонкую насмѣшку. Онъ дѣлается еще живѣе, описывая народныя собранія и разсказывая о скандалахъ, происходящихъ во время выборовъ. „Слѣдуй за мною на Марсово поле, говоритъ онъ, козни уже въ полномъ разгарѣ, *sequere te in Campum; ardet ambitus.*" [3]) И онъ указываетъ намъ на спорящихъ кандидатовъ съ кошелькомъ въ рукѣ или на судей, постыдно продающихъ себя на форумѣ тому, кто имъ заплатитъ, *judices quos fames magis quam fama commovit.*

Такъ какъ онъ обыкновенно поддается своимъ впечатлѣніямъ и измѣняется вмѣстѣ съ ними, то и тонъ каждаго изъ его пи-

---

1) *Ad Att*, II, 15.
2) *Ad Att.*, II, 4.—2) *Ad Quint.*, III, 1, 4.
3) *Ad Att.*, IV, 15.—

семъ не походитъ на тонъ другихъ. Нѣтъ ничего безнадежнѣе тѣхъ, что онъ пишетъ изъ ссылки; они представляютъ собою нескончаемое стенаніе. Но уже на другой день по возращеніи фраза его безъ всякихъ промежуточныхъ переходовъ дѣлается величественной и торжествующей. Она полна тѣхъ любезныхъ прилагательныхъ въ превосходной степени, которыми онъ такъ щедро надѣлялъ всѣхъ служившихъ ему, *fortissimus, prudentissimus, exoptatissimus* и пр., и онъ передаетъ въ ней въ великолѣпныхъ выраженіяхъ знаки уваженія, оказываемые ему честными людьми, власть, которою онъ пользуется въ куріи, вѣсъ, такъ славно пріобрѣтенный имъ снова на форумѣ, *splendorem illum forensem, et in senatu auctoritatem et apud viros bonos gratiam* [1]). Хотя онъ обращается здѣсь только къ вѣрному Аттику, но кажется, будто слышишь эхо торжественныхъ рѣчей, только что произнесенныхъ имъ передъ сенатомъ и народомъ. Случается, что среди самаго серьёзнаго положенія онъ улыбается и шутитъ съ забавляющимъ его другомъ. Въ самый разгаръ своей борьбы съ Антоніемъ онъ пишетъ Папирію Петуто прелестное письмо, гдѣ онъ такъ уморительно убѣждаетъ его снова посѣщать хорошіе обѣды и задавать ихъ своимъ друзьямъ [2]). Онъ не бравируетъ опасностей, а просто забываетъ о нихъ. Но стоитъ ему только встрѣтить какую-нибудь испуганную личность, и онъ быстро заражается ея ужасомъ; слогъ его тотчасъ измѣнился: онъ оживляется и горячится; печаль, испугъ, волненіе, безъ всякихъ усилій доводятъ его до величайшаго краснорѣчія. Когда Цезарь грозитъ Риму и дерзостно ставитъ свои послѣднія условія сенату, сердце Цицерона возмущено, и въ письмѣ своемъ къ одному лицу онъ находитъ тѣ сильные обороты, которые были-бы у мѣста въ рѣчи, обращенной къ народу. „Какая-же наша участь? Слѣдовательно, придется уступить его безстыднымъ требованіямъ! Такъ называетъ ихъ Помпей. И въ самомъ дѣлѣ, видна-ли была когдалибо болѣе безстыдная дерзость? — Впродолженіе десяти лѣтъ вы занимаете провинцію, которой сенатъ вамъ не давалъ, и которою вы овладѣли сами съ помощью козней и насилія. Наступилъ срокъ вашей власти, назначенный впрочемъ не закономъ, а одною вашею прихотью.—Предположимъ, что онъ назначенъ закономъ.—По истеченіи его, мы назначаемъ вамъ преемника, но вы сопротивляетесь этому и говорите намъ: „Уважьте мои права!“

---

[1]) *Ad Att.* IV, 1.
[2]) *Ad fam.*, IX, 24.

А что вы сами дѣлаете съ нашими правами? Подъ какимъ предлогомъ вы держите вашу армію внѣ границъ, назначенныхъ самимъ народомъ, и вопреки сенату?—Вы должны уступить мнѣ или драться со мною.—Ну, такъ давайте драться, отвѣчаетъ Помпей; по крайней мѣрѣ у насъ есть надежда побѣдить или умереть свободными. [1])

Еслибъ я захотѣлъ найти другой примѣръ такого пріятнаго разнообразія и такихъ крутыхъ перемѣнъ въ тонѣ, я обратился-бы не къ Плинію и не къ тѣмъ, которые, подобно ему, писали свои письма для публики. Мнѣ пришлось-бы спуститься до г-жи де-Севинье. Подобно Цицерону, г-жа де-Севинье обладаетъ чрезвычайно живымъ и подвижнымъ воображеніемъ; она безъ всякихъ разсужденій отдается своимъ первымъ впечатлѣніямъ, она позволяетъ предметамъ овладѣвать ею, а испытываемое ею удовольствіе кажется ей всегда больше всѣхъ другихъ. Замѣчено, что ей нравилось вездѣ, гдѣ бы ни была она, и это не вслѣдствіе лѣности ума, привязывающагося къ какому-нибудь мѣсту жительства, для того чтобы не брать на себя труда перемѣнять его, но вслѣдствіе живости ея характера, заставлявшаго ее предаваться вполнѣ впечатлѣніямъ минуты. Парижъ не настолько овладѣваетъ ею, чтобы она не любила также деревни, и никто въ ея вѣкъ не говорилъ лучше о природѣ, какъ эта свѣтская женщина, чувствовавшая себя такъ привольно въ салонахъ и, повидимому, созданная лишь, для того чтобы нравиться въ нихъ. Съ первыми прекрасными днями она спѣшитъ въ Ливри, чтобы насладиться тамъ „торжествомъ мая мѣсяца“ и послушать „соловья, кукушку и малиновку, открывающихъ весну въ лѣсахъ.“ Но Ливри слишкомъ еще суетно; ей надо болѣе совершенную пустыню, и она весело отправляется запереться подъ своими большими деревьями въ Бретани. На этотъ разъ ея парижскія друзья думаютъ, что она умретъ со скуки, такъ какъ у нея не будетъ новостей для передачи и умныхъ людей для разговоровъ. Но она взяла съ собою коймакія серьёзныя поученія Николя; между заброшенными книгами, для которыхъ деревня служитъ послѣднимъ убѣжищемъ, такъ-же какъ и для старой мебели, она находитъ какой-нибудь романъ своей молодости; она перечитываетъ его втихомолку и удивляется тому, что онъ ей еще нравится. Она бесѣдуетъ съ своими людьми подобно тому, какъ Цицеронъ предпочиталъ общество крестьянъ обществу провинціальныхъ щеголей, и ей пріятнѣе разговаривать съ

---

[1]) *Ad Att.*, VII, 9.

своимъ садовникомъ Пилуа, „нежели со многими изъ сохранившихъ титулъ рыцарей въ Ренискомъ парламентѣ.“ Она прогуливается въ своемъ шарокатѣ по уединеннымъ аллеямъ, гдѣ покрытыя прекрасными девизами деревья какъ бы разговариваютъ одно съ другимъ; ей наконецъ становится такъ пріятно въ ея пустынѣ, что она не рѣшается больше разстаться съ нею; между тѣмъ ни одна женщина не любила Парижъ такъ, какъ она. Разъ вернувшись въ него, она вполнѣ отдается прелестямъ свѣтской жизни. Письма ея наполнены ими. Она такъ легко доступна получаемымъ ею впечатлѣніямъ, что, читая эти письма, можно почти безошибочно сказать, какую книгу она только-что прочла, при какихъ разговорахъ она присутствовала и изъ какихъ салоновъ она вернулась. Въ то время какъ она такъ мило повторяетъ своей дочери придворныя сплетни, очевидно, что она только-что переговорила съ граціозной, умной г-жею де-Куланжъ, которая разсказала ихъ ей. Когда она такъ умилительно говоритъ о Тюреннѣ, ясно, что она только что вернулась изъ Бульіонскаго отеля, гдѣ семейство князя оплакиваетъ въ его смерти свое разрушенное счастіе. Вмѣстѣ съ Николемъ она читаетъ сама себѣ наставленія и проповѣди, но впрочемъ не надолго. Стоитъ только ея сыну прійти и разсказать ей какое-нибудь любовное похожденіе, гдѣ онъ игралъ роль героя или жертвы, и она смѣло бросается въ самые скабрезные разсказы, чтобы черезъ нѣсколько времени послѣ того снова говорить: „Господинъ Николь, сжальтесь надъ нами!“ Все обращается у нея въ мораль, какъ только она навѣститъ Ла-Рошфуко; она проповѣдуетъ ее по поводу всего, видя во всемъ изображеніе жизни и человѣческаго сердца, даже въ томъ супѣ изъ ехидны, который прописанъ больной г-жѣ Ла-Файетъ. Не походитъ ли эта ехидна, продолжающая двигаться, не смотря на то, что ее разрѣзываютъ и что съ нея сдираютъ кожу, не походитъ-ли она на застарѣлыя страсти? „Чего съ ними не дѣлаютъ? Имъ говорятъ оскорбленія, грубости, жестокости, имъ оказываютъ презрѣніе, ссорятся съ ними, жалуются бѣсятся на нихъ, а онѣ продолжаютъ себѣ двигаться. Кажется, имъ не будетъ конца. Думаютъ, что если имъ вырвать сердце, дѣло будетъ кончено, и никто о нихъ больше не услышитъ. Вовсе нѣтъ, онѣ все-таки живутъ и продолжаютъ двигаться“. Эта способность ея такъ легко быть тронутою и такъ быстро воспринимать чувства посѣщаемыхъ ею людей, заставляетъ ее также откликаться и на великія событія, при которыхъ она присутствуетъ. Слогъ ея писемъ становится возвышеннымъ, когда она разсказываетъ о нихъ, и она, подобно Цицерону, сама того не думая, становится краснорѣчива. Какъ ни велико восхищеніе, возбужденное во мнѣ возвышенностью мыслей и живостью оборотовъ въ приведенномъ мною сейчасъ отрывкѣ Цицерона о Цезарѣ, но признаюсь, меня глубже трогаетъ письмо г-жи де-Севинье по поводу смерти Лувуа, и я нахожу болѣе смѣлости и блеска въ изображенномъ ею страшномъ разговорѣ между министромъ, молящимъ о прощеніи, и Богомъ, отказывающимъ ему въ немъ.

Все это—восхитительныя качества, но они ведутъ иногда за собою нѣкоторыя неудобства. Такія быстрыя впечатлѣнія бываютъ порой нѣсколько поверхностны. Увлекаясь слишкомъ живымъ воображеніемъ, не даешь себѣ времени размышлять прежде, чѣмъ говорить, и рискуешь слишкомъ часто измѣнять мнѣніе. Именно такимъ образомъ г-жа де-Севинье не разъ противорѣчила себѣ. Но такъ какъ она свѣтская женщина, противорѣчія ея не важны, и мы нисколько не ставимъ ихъ ей въ вину. Въ самомъ дѣлѣ, какое намъ дѣло до того, что она измѣнила свое сужденіе о Флешье и Маскаронѣ, и что послѣ безграничнаго восхищенія *Принцессою Клевскою*, когда она читала ее одна, она спѣшитъ отъискать въ ней тысячу недостатковъ послѣ того, какъ ее осудилъ ея кузенъ Бюсси? Но Цицеронъ — политикъ, и поэтому обязанъ быть степеннѣе. Отъ него требуется прежде всего послѣдовательность во мнѣніяхъ; а ее-то именно и препятствуетъ ему имѣть живость воображенія. Онъ никогда и не хвалился тѣмъ, что вѣренъ самому себѣ. При оцѣнкѣ событій или людей онъ иногда впродолженіи нѣсколькихъ дней, нисколько не задумываясь, переходитъ отъ одной крайности къ другой. Въ письмѣ, написанномъ въ концѣ октября, Катонъ называется превосходнымъ другомъ (*amicissimus*), и поведеніе его вполнѣ одобряется. Въ началѣ ноября онъ обвиняется за свою *постыдную недоброжелательность* въ томъ-же самомъ дѣлѣ [1]. Это происходитъ оттого, что Цицеронъ въ сужденіяхъ своихъ руководится своими впечатлѣніями, а въ такой подвижной душѣ, какъ его, впечатлѣнія быстро смѣняются и бываютъ все такъ же живы, но притомъ и очень различны.

Другая, еще бо́льшая опасность отъ необузданности воображенія, не умѣющаго управлять самимъ собою, состоитъ въ томъ, что оно способно дать самое дурное и ложное понятіе о тѣхъ, кому оно принадлежитъ. Совершенные люди бываютъ только

[1] *Ad Att.*, VII, 1 и 2.

вѣдь въ романахъ. Добро и зло до такой степени перемѣшаны у насъ въ душѣ, что рѣдко встрѣчаются отдѣльно другъ отъ друга. Самые твердые характеры имѣютъ свои слабости; въ самыя прекрасныя дѣйствія входятъ иногда не очень почтенныя причины; наши лучшія привязанности не вполнѣ чужды эгоизма; самая прочная дружба омрачается иногда разными сомнѣніями и оскорбительными подозрѣніями; легко можетъ случиться, что въ иныя минуты въ душѣ самыхъ честныхъ людей промелькнетъ чувство зависти или ревности, отъ котораго они покраснѣютъ на другой-же день. Осторожные и искусные люди тщательно скрываютъ въ себѣ подобныя чувства, недостойныя появляться на свѣтъ; но люди, подобные Цицерону, увлекаемые живостью своихъ впечатлѣній, говорятъ, и говорятъ совсѣмъ напрасно. Слово и перо даютъ болѣе силы и прочности этимъ мимолетнымъ мыслямъ. Это были не болѣе, какъ молніи; записывая, ихъ дѣлаютъ болѣе точными и явственными, причемъ онѣ пріобрѣтаютъ такую отчетливость, рельефность и важность, какой въ дѣйствительности не имѣли. Эти минутныя слабости, эти смѣшныя подозрѣнія, происходящія отъ оскорбленнаго самолюбія, эти короткія вспышки, успокоивающіяся послѣ недолгаго размышленія, эти несправедливости, совершаемыя иногда съ досады, эти приступы тщеславія, которые резсудокъ старается обыкновенно поскорѣе заглушить, будучи разъ повѣрены другу, уже не погибаютъ. Когда-нибудь любознательный комментаторъ примется изучать эти слишкомъ откровенныя изліянія и на основаніи ихъ изобразитъ писавшаго ихъ неосторожнаго человѣка въ такомъ видѣ, что испугаетъ позднее потомство. На основаніи точныхъ и неопровержимыхъ ссылокъ онъ докажетъ, что писавшій былъ дурной гражданинъ и плохой другъ, что онъ не любилъ ни своего отечества, ни своего семейства, что онъ завидовалъ честнымъ людямъ и измѣнялъ всѣмъ партіямъ. Между тѣмъ ничего подобнаго никогда не было, и здравомыслящій умъ не дастъ себя обмануть искусственнымъ подборомъ коварныхъ цитатъ. Онъ знаетъ, что не слѣдуетъ буквально понимать слова этихъ пылкихъ людей и вѣрить всему, что они говорятъ. Ихъ надо защищать противъ нихъ самихъ, отказываться выслушивать ихъ, когда они увлечены страстью, и умѣть особенно отличать ихъ дѣйствительныя и прочныя чувства отъ этихъ мимолетныхъ преувеличеній. Вотъ почему не всякій умѣетъ хорошо понимать письма: не всякій умѣетъ читать ихъ, какъ слѣдуетъ. Я не довѣряю тѣмъ ученымъ, которые, не зная ни людей, ни жизни по опыту, берутся судить о Цицеронѣ на основаніи его

переписки. Всего чаще они дурно судятъ о немъ. Они ищутъ выраженія его мыслей въ требуемыхъ обществомъ пошлыхъ вѣжливостяхъ, ни къ чему не обязывающихъ тѣхъ, кто ихъ высказываетъ, и нисколько не вводящихъ въ обманъ тѣхъ, кто ихъ принимаетъ. Они называютъ низкими компромиссами тѣ уступки, которыя люди по неволѣ должны дѣлать другъ другу, если хотятъ вмѣстѣ жить. Они считаютъ чрезвычайно важными противорѣчіями тѣ различные оттѣнки, которые придаются мнѣнію, смотря по тому, какому лицу оно высказывается. Они торжествуютъ при неосторожности нѣкоторыхъ признаній и чрезмѣрности нѣкоторыхъ похвалъ, не замѣчая умѣряющей ихъ тонкой ироніи. Для того, чтобы хорошо различать всѣ эти оттѣнки, чтобы понимать дѣйствительное значеніе вещей, чтобы правильно судить объ этихъ фразахъ, говорящихся съ полуулыбкою и не всегда значащихъ то, что въ нихъ говорится, надо имѣть больше житейской опытности, нежели сколько ее пріобрѣтается въ какомъ-нибудь германскомъ университетѣ. Чтобы вполнѣ выразить свою мысль, скажу даже: что при такой тонкой оцѣнкѣ я положился-бы скорѣе на мнѣніе свѣтскаго человѣка, нежели ученаго.

Эта переписка знакомитъ насъ не съ однимъ Цицерономъ. Она наполнена любопытными подробностями обо всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ онъ находился въ дѣловыхъ или дружескихъ сношеніяхъ. Это были самыя знаменитыя лица того времени, игравшія главныя роли въ переворотѣ, положившемъ конецъ римской республикѣ. Никто такъ не заслуживаетъ изученія, какъ они. При этомъ надо замѣтить, что одинъ недостатокъ Цицерона оказалъ значительную услугу потомству. Еслибы дѣло шло о комъ-нибудь другомъ, напримѣръ о Катонѣ, писемъ сколькихъ лицъ не оказалось бы въ этой перепискѣ! Въ ней нашлось-бы мѣсто только для однихъ добродѣтельныхъ людей, а вѣдь Богу извѣстно, что число ихъ было въ то время очень незначительно. Но, по счастію, Цицеронъ былъ гораздо сговорчивѣй и, при выборѣ друзей, не руководствовался такой строгой брезгливостью, какъ Катонъ. Какая-то врожденная привѣтливость дѣлала его доступнымъ для людей всякихъ мнѣній, а тщеславіе заставляло его всюду искать себѣ поклонниковъ. Онъ стоялъ одной ногой во всѣхъ партіяхъ; это большой недостатокъ для политика, въ чемъ его горько упрекали современные ему недоброжелатели; но для насъ этотъ недостатокъ оказался полезенъ, такъ какъ, благодаря ему, въ его перепискѣ изображены всѣ партіи. Его снисходительный нравъ сближалъ его иногда съ людьми самыхъ противу-

положныхъ съ нимъ мнѣній. Иной разъ онъ входилъ въ тѣсныя сношенія съ самыми дурными гражданами, которыхъ въ другое время клеймилъ своею бранью. У насъ еще есть письма, полученныя имъ отъ Антонія, Долабеллы, Куріона, и эти письма наполнены изъявленіями уваженія и дружбы. Восходи переписка его еще выше, мы, вѣроятно, нашли-бы въ ней письма Катилины; откровенно говоря, я сожалѣю о томъ, что ихъ нѣтъ: чтобы правильно судить о состояніи общества, такъ-же какъ о характерѣ человѣка, недостаточно изслѣдовать однѣ его здоровыя части, а надо взять и прощупать до самой глубины части нечистыя и испорченныя. Итакъ, всѣ значительные люди этой эпохи, какъ-бы они себя ни вели и къ какой-бы партіи ни принадлежали, посѣщали Цицерона. Всѣ они упоминаются въ его перепискѣ. Нѣкоторыя изъ ихъ писемъ еще существуютъ, а изъ тѣхъ, что имъ писалъ Цицеронъ, сохранилась большая часть. Тѣ интимныя подробности, которыя онъ передаетъ намъ о нихъ, и все то, что онъ говоритъ объ ихъ мнѣніяхъ, привычкахъ и характерѣ, даетъ возможность вполнѣ ознакомиться съ ихъ жизнью. Благодаря ему, всѣ эти лица, смутно очерченныя въ исторіи, принимаютъ свой самобытный образъ; онъ какъ-бы приближаетъ ихъ къ намъ, даетъ намъ знакомиться съ ними; такъ что, прочитавъ его переписку, мы можемъ сказать, что посѣтили все современное ему римское общество.

Цѣль этой книги именно та, чтобы поближе изучить нѣкоторыя изъ этихъ личностей, преимущественно тѣхъ, кто принималъ наибольшее участіе въ великихъ политическихъ событіяхъ той эпохи. Но прежде чѣмъ начать это изученіе, надо твердо принять одно правило, а именно: не слишкомъ вносить въ него наши современныя предубѣжденья. Въ нашъ вѣкъ вошло въ обычай требовать у исторіи прошедшаго времени оружія для борьбы съ настоящимъ. Успѣхъ на сторонѣ того, кто умѣетъ дѣлать колкіе намеки и остроумныя сопоставленія. Быть можетъ, римская древность потому такъ и въ модѣ, что представляетъ собою политическимъ партіямъ болѣе удобное и вдобавокъ болѣе безопасное поле битвы, гдѣ современныя страсти борются въ древнихъ нарядахъ. Если теперь безпрестанно приводятся имена Цезаря и Помпея, Катона и Брута, этимъ великимъ людямъ нечего слишкомъ гордиться такою честью. Возбуждаемое ими любопытство не вполнѣ безкорыстно, и если о нихъ говорятъ, то при этомъ почти всегда просто хотятъ отточить эпиграмму или приправить какую-нибудь лесть. Буду остерегаться подобной слабости. Мнѣ кажется, эти знаменитые покойники заслуживаютъ

чего-нибудь больше того, чтобы только служить орудіями раздѣляющихъ насъ раздоровъ, и я настолько чту ихъ память и покой, что не повлачу ихъ на арену нашихъ ежедневныхъ споровъ. Никогда не слѣдуетъ забывать, что употреблять услуги исторіи ради измѣнчивыхъ интересовъ партій значитъ оскорблять ее, и что, по прекрасному выраженію Ѳукидида, она должна оставаться произведеніемъ, созданнымъ для вѣчности.

Принявши всѣ эти предосторожности, проникнемъ теперь черезъ письма Цицерона въ римское общество той великой эпохи и начнемъ прежде всего изучать того, кто такъ любезно насъ съ нимъ знакомитъ.

Цицеронъ въ общественной и въ частной жизни.

I.

Общественная жизнь Цицерона.

Общественная жизнь Цицерона обыкновенно строго осуждается современными историками. Онъ несетъ кару за свою умѣренность. Такъ какъ эту эпоху изучаютъ теперь не иначе, какъ съ политическимъ умысломъ, то человѣкъ, подобный ему, старавшійся избѣгать всякихъ крайностей, никого вполнѣ не удовлетворяетъ. Всѣ партіи единодушно нападаютъ на него; со всѣхъ сторонъ надъ нимъ насмѣхаются или оскорбляютъ его. Фанатическіе приверженцы Брута обвиняютъ его въ робости, страстные друзья Цезаря называютъ его глупцомъ. Еще всего снисходительнѣе къ нему относятся въ Англіи и у насъ [1]). Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, уважены классическія преданія; ученые тверже держатся своихъ старинныхъ привычекъ и предметовъ восхищенія, и, среди множества переворотовъ, критика по крайней мѣрѣ осталась консервативною. Быть можетъ также, что снисхожденіе, оказываемое Цицерону въ этихъ двухъ странахъ, происходитъ вслѣдствіе ихъ привычки къ политической жизни. Живя среди дѣловой практики, среди изворотовъ партій, становишься болѣе способнымъ понимать тѣ жертвы, какихъ требуютъ

---

1) Forsyth Life of Cicero. Лондонъ, 1864. — Меривель, Hist. of the Roman under the emper., т. I и II.

иногда отъ государственнаго человѣка нужды данной минуты интересы его друзей, польза его дѣла. Напротивъ, судя объ его поступкахъ лишь на основаніи непоколебимыхъ теорій, измышленныхъ въ уединеніи и не подвергавшихся житейскому опыту, становишься слишкомъ суровымъ къ человѣку. Вотъ почему, вѣроятно, германскіе ученые ведутъ съ нимъ такую жестокую войну. За исключеніемъ гуманно относящагося къ нему г. Абекена [1]), другіе къ нему безпощадны. Особенно Друманнъ [2]) ничего не прощаетъ ему. Онъ перерылъ его сочиненія и его жизнь съ мелочностью и сообразительностью стряпчаго, старающагося найти поводы къ судебному процессу. Въ этомъ духѣ добросовѣстнаго недоброжелательства пересмотрѣлъ онъ и всю его переписку. Онъ мужественно устоялъ противъ прелести этихъ интимныхъ изліяній, заставляющихъ насъ восхищаться имъ, какъ писателемъ, и любить его, какъ человѣка, не смотря на всѣ его слабости, и, сопоставляя между собою отдѣльные отрывки изъ его писемъ и рѣчей, онъ составилъ такимъ образомъ формальный обвинительный актъ, въ которомъ ничего не пропущено и который составляетъ почти цѣлый томъ. Не мягче, хотя и менѣе пространно, говоритъ о немъ г. Моммсенъ [3]). Такъ какъ онъ смотритъ на вещи сверху, то не теряется въ подробностяхъ. Въ двухъ сжатыхъ и обильныхъ фактами страницахъ, написанныхъ, какъ только онъ одинъ умѣетъ писать, онъ ухитрился собрать больше оскорбленій для Цицерона, чѣмъ сколько ихъ во всей книгѣ Друманна. Прежде всего вы узнаете отсюда, что этотъ мнимый государственный человѣкъ былъ не болѣе, какъ близорукій эгоистъ, и что этотъ великій писатель состоитъ на половину изъ фельетониста и адвоката. Впрочемъ то же самое перо обозвало Катона Донъ-Кихотомъ и Помпея—капраломъ. Такъ какъ въ своихъ изученіяхъ прошлаго г. Моммсенъ постоянно занятъ настоящимъ, то кажется, что въ римской аристократіи онъ преслѣдуетъ прусскихъ дворянчиковъ (юнкеровъ), а въ Цезарѣ привѣтствуетъ заранѣе того популярнаго деспота, чья твердая рука одна только можетъ дать Германіи ея единство.

Что справедливаго въ этихъ жестокихъ нападкахъ? На сколько слѣдуетъ довѣрять этимъ смѣлымъ выходкамъ революціонной критики? Какъ надо судить о политическихъ поступкахъ Цицерона? Все это мы узнаемъ изучая факты.

---

[1]) Абекенъ, *Cicero in seinen Briefen*. Ганноверъ, 1835.
[2]) Друманнъ, *Geschichte Roms etc.*, т. V и VI.
[3]) Моммсенъ. Римская исторія, т. III.

I.

Три причины содѣйствуютъ обыкновенно образованію политическихъ мнѣній человѣка: его происхожденіе, его личные помыслы и его характеръ. Еслибы я говорилъ здѣсь не объ однихъ только искреннихъ убѣжденіяхъ, то охотно прибавилъ-бы сюда четвертую причину, дѣлающую еще больше обращеній, чѣмъ всѣ другія; причина эта—выгода, т. е. стремленіе находить почти невольно, что самая выгодная сторона — въ то же время и самая справедливая, и сообразовать свои чувства съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаешь или желаешь занять. Постараемся разобрать, какое вліяніе имѣли эти причины на политическія предпочтенія и на поступки Цицерона.

Съ давнихъ поръ въ Римѣ происхожденіе человѣка рѣшительно опредѣляло его мнѣнія. Въ этомъ городѣ, гдѣ такъ уважались преданія, идеи наслѣдовались отъ отцовъ вмѣстѣ съ ихъ имуществомъ и именемъ, и считалось за честь вѣрно продолжать ихъ политику; но во времена Цицерона эти обычаи начинали уже исчезать. Самыя древнія фамиліи не затруднялись нарушать свои наслѣдственныя обязательства. Въ партіи сената находимъ нѣсколько знатныхъ лицъ, прославившихся тѣмъ, что они защищали интересы народа, и самый смѣлый демагогъ той эпохи носилъ имя Клодія. Впрочемъ Цицеронъ не могъ-бы ни въ какое время найти политической указки въ своемъ происхожденіи. Онъ не принадлежалъ къ знатной семьѣ. Онъ первый изъ всѣхъ своихъ занимался общественными дѣлами, и носимое имъ имя не связывало его заранѣе ни съ какою партіей. Наконецъ, онъ даже родился не въ Римѣ. Отецъ его жилъ въ одной изъ тѣхъ маленькихъ деревенскихъ муниципій, надъ которыми такъ охотно потѣшались разные умники, потому что тамъ говорили на плохомъ латинскомъ языкѣ и были незнакомы съ хорошими манерами, хоть тѣмъ не менѣе эти муниципіи составляли славу и честь республики. Этотъ грубый, но храбрый и воздержный народъ, занимавшій бѣдные заброшеные го-

рода Кампании, Лациума, Сабины, сохранившій остатокъ древнихъ добродѣтелей [1]), благодаря привычкамъ сельской жизни, былъ дѣйствительно истый римскій народъ. Толпа, наполнявшая улицы и площади великаго города, терявшая свое время въ театрѣ, отличавшаяся въ мятежахъ и продававшая свой голосъ на Марсовомъ полѣ, была не болѣе, какъ сбродъ вольноотпущенниковъ и иностранцевъ, у котораго можно было только научиться безпорядкамъ, кознямъ и продажности. Въ муниципіяхъ жизнь была честнѣе и здоровѣе. Населявшіе ихъ граждане оставались большею частію чужды вопросамъ, волновавшимъ Римлянъ, и до нихъ почти не достигалъ шумъ общественныхъ дѣлъ. Иногда они появлялись на Марсовомъ полѣ или на форумѣ, когда надо было подавать голосъ за кого-нибудь изъ ихъ соотечественниковъ или защищать ихъ на судѣ въ качествѣ свидѣтелей; но обыкновенно они нисколько не заботились о томъ, чтобы пользоваться своими правами, и оставались у себя дома. Тѣмъ не менѣе они были преданы своей странѣ, ревниво охраняли свои привилегіи, даже когда и не пользовались ими, гордились носимымъ ими званіемъ римскихъ гражданъ и были чрезвычайно привязаны къ республиканскому правительству, давшему имъ это званіе. Республика сохранила для нихъ свое обаяніе, такъ какъ, живя вдали отъ нея, они меньше видѣли ея слабости и постоянно помнили ея прежнюю славу. Среди такого-то сельскаго населенія, отставшаго въ своихъ понятіяхъ и пріемахъ, протекло дѣтство Цицерона. Онъ научился отъ него больше любить прошлое, чѣмъ знать настоящее. Таковы были первыя впечатлѣнія и первые уроки, полученные имъ отъ мѣстъ и людей, среди которыхъ онъ провелъ свои юные годы. Впослѣдствіи онъ съ умиленіемъ говорилъ о скромномъ домѣ, построенномъ его дѣдомъ возлѣ Лириса и своею строгою простотою напоминавшемъ домъ стараго Курія [2]). Мнѣ кажется, что жившіе въ немъ должны были считать себя перенесенными за цѣлое столѣтіе назадъ, и что, постоянно сближая ихъ съ старыми воспоминаніями, этотъ домъ внушалъ имъ привычку и любовь къ старинѣ. Вотъ, чѣмъ Цицеронъ былъ, вѣроятно, обязанъ своему происхожденію, если только онъ вообще былъ ему чѣмъ нибудь обязанъ. Онъ могъ пріобрѣсти въ своемъ семействѣ уваженіе къ прошлому, любовь къ

[1]) **Pro Rosc. Amer.**, 16.

[2]) **De leg.**, II, 1.

своей странѣ и инстинктивное предпочтеніе къ республиканской справѣ; но онъ не нашелъ здѣсь ни опредѣленной традиціи, ни положительнаго обязательства вразсужденіи какой-либо партіи. Вступая въ политическую жизнь, онъ долженъ былъ самъ принять какое нибудь рѣшеніе, что чрезвычайно трудно для нерѣшительнаго характера; а для того, чтобы сдѣлать выборъ изъ столькихъ противуположныхъ мнѣній, ему пришлось съ раннихъ поръ изучать и размышлять.

Цицеронъ изложилъ результатъ своихъ размышленій и изученій въ своихъ политическихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ самое главное Р е с п у б л и к а, дошло до насъ лишь въ очень искаженномъ видѣ. Изъ того, что осталось отъ него, мы заключаемъ, что и здѣсь, какъ и во всемъ другомъ, онъ былъ усерднымъ ученикомъ Грековъ. Онъ привязанъ главнымъ образомъ къ Платону, и восхищеніе его къ нему такъ велико, что онъ часто какъ будто хочетъ увѣрить насъ, что довольствуется однимъ переводомъ его. Вообще Цицеронъ, кажется, не слишкомъ заботится о славѣ оригинальнаго писателя. Это—единственная почти вещь, гдѣ не обнаруживается его тщеславіе. По поводу этого въ его перепискѣ есть даже одно странное признаніе, которымъ очень противъ него злоупотребляли. Желая объяснить своему другу Аттику, почему ему такъ легко достаются сочиненія, онъ говоритъ: «Я доставляю только слова, въ которыхъ у меня нѣтъ недостатка [1])»; но Цицеронъ, противъ своего обыкновенія, клевещетъ здѣсь на себя самъ. Онъ вовсе не такой рабски точный переводчикъ, какъ хочетъ заставить это думать, и именно, въ его политическихъ сочиненіяхъ, разница между нимъ и Платономъ очень велика. Книги ихъ носятъ одинаковое заглавіе, но стоитъ только раскрыть ихъ, чтобы убѣдиться, что въ сущности онѣ вовсе не похожи одна на другую. Отличительное свойство такого умозрительнаго философа, какъ Платонъ, состоитъ въ томъ, чтобы стремиться во всемъ къ безусловному. Желая составить конституцію, онъ вмѣсто того, чтобы изучить сначала тѣ народы, которыми она будетъ управлять, исходитъ отъ разумнаго принципа и съ непоколебимой строгостью доводитъ его до крайнихъ послѣдствій. Такимъ образомъ онъ создаетъ одну изъ тѣхъ политическихъ системъ, гдѣ все взаимно поддерживается и сцѣпляется; по своему восхитительному единству такая система плѣняетъ

[1]) **Ad Att.**, XII, 52.

умъ изучающаго ее мудреца, подобно тому, какъ правильность прекраснаго зданія соблазняетъ любующіеся имъ взоры. Къ несчастію, подобнаго рода правительственныя системы, бывающія плодомъ уединеннаго размышленія и, такъ сказать, отлитыя съ одного раза, очень трудно приложимы на дѣлѣ. Когда хотятъ осуществить ихъ на практикѣ, со всѣхъ сторонъ являются неожиданныя препятствія. Преданія народовъ, ихъ характеръ, ихъ воспоминанія, словомъ, всѣ соціальныя силы, которыя не были сначала приняты въ разсчетъ, не хотятъ теперь подчиниться предписываемымъ имъ строгимъ законамъ. Тогда замѣчаютъ, что этихъ силъ нельзя измѣнять по своему желанію, а такъ какъ онѣ положительно отказываются уступить, то поневолѣ и приходится измѣнить эту конституцію, казавшуюся столь прекрасною, пока ее не прилагали къ дѣлу. Но и теперь представляется большое затрудненіе. Нелегко измѣнить что нибудь въ подобнаго рода сжатыхъ и логическихъ системахъ, гдѣ все такъ искусно связано между собою, что малѣйшее нарушеніе чего-либо приводитъ къ потрясенію всего остальнаго. Кромѣ того философы, по самой природѣ своей, надменны и повелительны; они не любятъ противорѣчій. Для того, чтобы избѣжать досадныхъ сопротивленій и по возможности уйти отъ требованій дѣйствительности, они подражаютъ аристофановскому Аѳинянину, который, отчаявшись найти на землѣ подходящую для себя республику, отправился искать ея въ облакахъ. И они также строятъ воздушные города, т. е. идеальныя республики, управляемыя воображаемыми законами. Они составляютъ великолѣпныя конституціи, которыхъ нельзя однако приложить въ частности ни къ одной странѣ, такъ какъ онѣ составлены для всего человѣческаго рода.

Не такъ поступаетъ Цицеронъ. Онъ хорошо знакомъ съ тою публикою, къ которой обращается, онъ знаетъ, что это холодное разсудительное племя, привыкшее прежде всего разсматривать вещи съ ихъ практической стороны, не удовлетворится всѣми этими химерами. Оттого онъ меньше увлекается мечтами объ идеальномъ и безусловномъ. Онъ не имѣетъ претензіи писать законы для всей вселенной; онъ прежде всего думаетъ о своей странѣ и о своемъ времени, и хотя съ виду начертываетъ планъ совершенной республики, т. е. такой, которая не можетъ существовать, очевидно, что взоры его обращены на конституцію, существующую на самомъ дѣлѣ. Вотъ, въ чемъ состоятъ приблизительно его политическія те-

оріи. Изъ трехъ принимаемыхъ обыкновенно формъ правленія ни одна его не удовлетворяетъ, будучи взята въ отдѣльности. Не стану говорить о неограниченномъ правленіи одного лица: Цицеронъ умеръ за то, что ему воспротивился [1]). Два остальныя, правленіе всѣхъ или нѣсколькихъ, то есть демократія и аристократія, кажутся ему также несовершенными. Трудно вполнѣ примириться съ аристократіей, когда самъ не принадлежишь къ знатной семьѣ. Римская аристократія, не смотря на высокія качества, обнаруженныя ею при завоеваніи и управленіи цѣлаго міра, подобно всѣмъ другимъ, отличалась заносчивостью и исключительностью. Неудачи, претерпѣнныя ею въ послѣднее столѣтіе, ея видимый упадокъ и предчувствіе своего близкаго конца, которое несомнѣнно было въ ней, вмѣсто того, чтобы излѣчить ее отъ гордости, сдѣлали ее еще недоступнѣе. Кажется, что предразсудки становятся упорнѣе и мелочнѣе, когда имъ остается уже недолго жить. Извѣстно, что наши эмигранты, въ виду побѣдоносной революціи, истощали свои послѣднія силы въ напрасной борьбѣ за личное первенство. Точно такъ и римская знать въ тотъ моментъ, когда власть ускользала у нея изъ рукъ, какъ будто нарочно старалась преувеличить свои недостатки и своимъ пренебреженіемъ оттолкнуть отъ себя честныхъ людей, предлагавшихъ ей свою защиту. Цицеронъ чувствовалъ къ ней влеченіе, благодаря своей любви къ хорошимъ манерамъ и къ изящнымъ удовольствіямъ; но онъ не могъ привыкнуть къ ея дерзостямъ. Вотъ почему, даже служа ей, онъ всегда сохранялъ противъ нея раздраженіе обиженнаго буржуа. Онъ зналъ, что она не прощала ему его

[1]) Было замѣчено, что въ своей *Республикѣ* Цицеронъ говоритъ съ величайшимъ уваженіемъ и даже съ какимъ-то умиленіемъ о царской власти что, конечно, очень удивительно у такого республиканца, какъ онъ; но подъ царскою властью онъ подразумѣваетъ особаго рода патріархальное и первобытное правленіе, и требуетъ столькихъ добродѣтелей отъ царя и его подданныхъ, что самъ, очевидно, не вѣритъ, чтобы подобное правленіе было легко или даже возможно. Слѣдовательно, нельзя допускать, какъ это уже было сдѣлано, будто Цицеронъ желалъ предвозвѣстить и заранѣе одобрить революцію, произведенную Цезаремъ нѣсколько лѣтъ спустя. Напротивъ, онъ въ очень яркихъ выраженіяхъ указываетъ на то, что онъ будетъ думать о Цезарѣ и его правленіи, когда нападаетъ на жадвыхъ до власти тирановъ, которые хотятъ править одни, презирая права народа. „Тиранъ можетъ быть милосердъ, прибавляетъ онъ; но что толку имѣть снисходительнаго или жестокаго господина? И при томъ, и при другомъ ты все-таки вѣдь рабъ“. (De Rep., I, 33).

происхожденія, и что его называли выскочкой (**homo novus**); въ отместку за это онъ былъ неистощимъ въ своихъ насмѣшкахъ надъ тѣми счастливыми людьми, которые избавлены отъ необходимости имѣть достоинства, которымъ нѣтъ нужды трудиться, и къ которымъ высшія республиканскія почести приходятъ во снѣ (**quibus omnia populi romani beneficia dormientibus deferuntur**) [1]).

Но если аристократія мало ему нравилась, то онъ еще меньше любилъ народное правленіе. Это—худшее изъ всѣхъ, говорилъ онъ еще прежде Корнеля, [2]) и говоря это, онъ слѣдовалъ мнѣнію большинства греческихъ философовъ, своихъ учителей. Почти всѣ они обнаруживали большое отвращеніе къ демократіи. Не потому только, что самое свойство ихъ занятій, требовавшихъ уединенія и тишины, удаляло ихъ отъ толпы, но они сами тщательно избѣгали ея, боясь заразиться отъ нея заблужденіями и предразсудками. Ихъ постоянною заботою было держать себя внѣ и выше ея. Гордость, питаемая въ нихъ этимъ самымъ разобщеніемъ, не позволяла имъ видѣть ровню себѣ въ человѣкѣ изъ народа, чуждомъ тѣхъ ученыхъ занятій, которыми они такъ гордились. Оттого, имъ претило верховенство числа, дающее такой-же вѣсъ невѣждѣ, какъ и мудрецу. Цицеронъ положительно говоритъ, что равенство, понимаемое такимъ образомъ, есть величайшее изъ всѣхъ неравенствъ, **ipsa aequitas iniquissima est**. [3]) Это былъ не единственный и даже не самый главный упрекъ, дѣлаемый демократіи греческими философами и Цицерономъ. Они находили, что она, по самой природѣ своей, безпокойна и буйственна, что она мѣшаетъ сосредоточенію мыслей, и не представляетъ собою для мудреца и ученаго тѣхъ прекрасныхъ досуговъ, которые имъ такъ необходимы для обдумыванія ихъ произведеній. Когда Цицеронъ размышлялъ о народномъ правленіи, ему представлялись только борьбы да битвы. Онъ вспоминалъ востанія плебеевъ и бурныя сцены на форумѣ. Ему слышались грозныя жалобы должниковъ и лишенныхъ имущества, смущавшія впродолженіи трехъ вѣковъ спокойствіе богачей. Возможно-ли среди подобныхъ бурь предаваться трудамъ, требующимъ

[1]) In Verr. act. sec., V, 70.
[2]) De Rep., I, 26.
[3]) De Rep., I, 34.

тишины и мира? Умственныя услады безпрестанно терпятъ отъ этого насильственнаго правленія, вырывающаго честныхъ людей изъ ихъ уединенныхъ библіотекъ и выбрасывающаго ихъ на площадь. Такая бурная и ненадежная жизнь не могла быть по душѣ столь приверженному любителю ученыхъ занятій, и если гордость вельможъ заставляла его иногда переходить къ народной партіи, то онъ не могъ долго оставаться въ ней вслѣдствіе своей ненависти къ насилію и шуму.

Какая-же форма правленія казалась ему однако самою лучшею? Въ своей Республикѣ онъ очень ясно говоритъ, что ему нравится та, которая соединяетъ въ себѣ ихъ всѣ въ правильномъ равновѣсіи. «Я желаю, говоритъ онъ, чтобы въ государствѣ была верховная царская власть, чтобы другая доля власти принадлежала первѣйшимъ гражданамъ, и чтобы нѣкоторыя вещи предоставлялись на обсужденіе и на волю народа.» [1]) При этомъ, по его мнѣнію, такое смѣшанное и умѣренное правленіе, заключающее въ себѣ добрыя свойства другихъ, не какая-нибудь воображаемая система, подобно республикѣ Платона. Она существуетъ и дѣйствуетъ; это—правленіе его страны. Такое мнѣніе подвергалось многочисленнымъ нападкамъ. Г. Моммсенъ находитъ, что оно такъ-же мало отвѣчаетъ философіи, какъ и исторіи. Неоспоримо, что при строгомъ разборѣ оно окажется болѣе патріотическимъ, нежели вѣрнымъ. Мы зашли-бы слишкомъ далеко, еслибы стали выставлять римскую конституцію за безукоризненный образецъ и закрывать глаза на ея недостатки въ тотъ моментъ, когда она погибала именно отъ нихъ. Но въ то же время надо сознаться, что, не смотря на всѣ свои несовершенства, она была одной изъ самыхъ мудрыхъ конституцій древнихъ временъ, и что ни одна изъ нихъ не дѣлала, быть можетъ, такъ много усилій для того, чтобы удовлетворить двумъ великимъ общественнымъ потребностямъ, порядку и свободѣ. Нельзя также отрицать, что ея главное достоинство состоитъ въ томъ, что она старалась соединить различныя формы правленія и согласить ихъ между собою, не смотря на ихъ кажущееся противорѣчіе. Полибій замѣтилъ это еще прежде Цицерона; это достоинство она пріобрѣла вслѣдствіе своего происхожденія и самаго способа, какъ она сложилась. Почти всѣ греческія конституціи были импровизаціей какого-нибудь одного человѣка; но конституція Рима была дѣломъ времени. То

[1]) De Rep., I, 45.

искусное равновѣсіе властей, которымъ такъ восхищался Полибій, не было созданіемъ чьей-либо предусмотрительной воли. Въ первыя времена Рима не нашлось такого законодателя, который установилъ-бы заготовь, какую долю участія въ общей комбинаціи долженъ былъ принимать каждый общественный элементъ; эти элементы создали ее себѣ сами. Возстанія плебеевъ и ожесточенная борьба трибуновъ съ патриціями, приводившія въ такой ужасъ Цицерона, именно всего болѣе способствовали къ окончательному образованію восхищавшей его конституціи. Когда эти противуположныя силы послѣ борьбы, продолжавшейся почти двѣсти лѣтъ, убѣдились въ томъ, что не могутъ уничтожить другъ друга, онѣ рѣшились соединиться, и изъ ихъ усилій къ взаимному соглашенію произошло правленіе, конечно, несовершенное, такъ какъ совершеннаго нѣтъ въ мірѣ ничего, но которое тѣмъ не менѣе было, можетъ быть, самымъ лучшимъ правленіемъ древности. Разумѣется, всѣ эти похвалы Цицерона относились не къ той римской конституціи, какая существовала въ его время. Восхищеніе его конечно шло назадъ. Онъ признавалъ, что она глубоко измѣнилась со временъ Гракховъ, но думалъ, что до этой перемѣны она была безукоризненна. Такимъ образомъ ученыя занятія и размышленія зрѣлаго возраста снова приводили его къ первымъ впечатлѣніямъ его дѣтства и укрѣпляли въ немъ любовь къ древнимъ временамъ и уваженіе къ древнимъ обычаямъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ въ жизни, всѣ его неудачи и несчастія снова обращали его въ эту сторону. Чѣмъ грустнѣе было настоящее и чѣмъ грознѣе будущее, тѣмъ чаще онъ съ сожалѣніемъ обращался къ прошлому. Если бы его спросили, въ какое время онъ желалъ-бы родиться, я думаю, онъ безъ всякаго колебанія выбралъ-бы эпоху, слѣдовавшую за Пуническими войнами, то есть, тотъ моментъ, когда Римъ, гордый своею побѣдою, спокойный за свое будущее, страшный для всего міра, въ первый разъ замѣчаетъ красоты Греціи и начинаетъ поддаваться обаянію литературы и искусства. Для Цицерона это—самое лучшее время Рима, и онъ всего охотнѣе переноситъ въ него сцену своихъ діалоговъ. Ему было-бы, конечно, очень пріятно жить среди этихъ великихъ людей, которыхъ онъ заставляетъ такъ хорошо говорить, рядомъ съ Сципіономъ, Фабіемъ и старымъ Катономъ, возлѣ Люцилія и Теренція; и изъ этой знаменитой группы то лицо, чья жизнь и роль, вѣроятно, всего сильнѣе прельщали его, и кѣмъ-бы

желалъ онъ быть, еслибъ только можно было выбирать себѣ судьбу и время жизни, былъ умный и ученый Лелій. [1]) Соединять, подобно ему, высокое политическое положеніе съ литературными занятіями, присоединить къ верховному владычеству слова нѣсколько военныхъ успѣховъ, которыми не пренебрегаютъ даже великіе хвалители мирныхъ тріумфовъ, достигнуть въ спокойное и мирное время до первыхъ должностей въ республикѣ, и послѣ такой почетной жизни долго пользоваться уважаемой старостью, вотъ, каковъ былъ идеалъ Цицерона. Но за то какую грусть и какія сожалѣнія долженъ онъ былъ испытывать, когда отъ этихъ прекрасныхъ думъ ему приходилось возвращаться къ неудачамъ дѣйствительной жизни, и когда вмѣсто того, чтобы жить внутри спокойной республики, въ дружескомъ общеніи съ Сципіонами, ему приходилось быть соперникомъ Катилины, жертвою Клодія и подданнымъ Цезаря!

Я думаю, что темпераментъ Цицерона имѣлъ еще больше вліяніе его политическія склонности, нежели его происхожденіе и помыслы. О слабостяхъ его характера нечего ужъ сказать новаго; ни кому обнаруживать ихъ составляло для нѣкоторыхъ особое удовольствіе; ихъ даже любятъ преувеличивать, и со временъ Монтэня у насъ вошло въ привычку насмѣхаться надъ ними. Слѣдовательно, мнѣ незачѣмъ повторять то, что было уже столько разъ сказано относительно его робости, шатости и нерѣшительности; вмѣстѣ со всѣми я признаю, что природа создала его скорѣе писателемъ, чѣмъ политикомъ. Но мнѣ кажется, что это признаніе не вредитъ ему такъ, какъ это думаютъ; по моему, умъ писателя бываетъ часто гораздо полнѣе, емче и обширнѣе ума политика, и именно эта самая обширность стѣсняетъ его и мѣшаетъ ему, когда онъ принимается за дѣла. Спрашиваютъ, какія качества ,надо имѣть для того, чтобы быть государственнымъ человѣкомъ; не лучше-ли было-бы поискать тѣхъ, какихъ не слѣдуетъ имѣть, и не обнаруживается-ли иногда политическая способность путемъ ограниченій и исключеній? Слишкомъ тонкій и проницательный взглядъ на вещи можетъ иногда стѣснить дѣловаго человѣка,

[1]) Въ любопытномъ письмѣ, написанномъ имъ къ Помпею послѣ его консульства (ad fam., V, 7), гдѣ онъ, повидимому, предлагаетъ ему нѣчто въ родѣ союза, онъ приписываетъ ему роль Сципіона, а самъ беретъ на себя роль Лелія.

принужденнаго рѣшаться немедленно, такъ какъ подобный взглядъ представляетъ ему множество противоположныхъ доводовъ. Слишкомъ живое воображенiе, увлекая его сразу нѣсколькими проектами, не даетъ ему прочно остановиться ни на одномъ. Упорство происходитъ часто отъ узости ума, а между тѣмъ это одна изъ величайшихъ добродѣтелей для политика. Слишкомъ требовательная совѣсть дѣлая его черезъ чуръ щекотливымъ при выборѣ союзниковъ, лишила-бы его могущественной помощи. Онъ долженъ не слишкомъ довѣрять великодушнымъ порывамъ, заставляющимъ его воздавать должное даже и врагамъ; въ ожесточенной борьбѣ, происходящей вокругъ власти, рискуешь обезоружить самъ себя и дать надъ собою верхъ другимъ, если имѣешь несчастiе быть справедливымъ и снисходительнымъ. Даже врожденная прямота ума, это первое качество государственнаго человѣка, можетъ обратиться для него въ опасность. Если онъ слишкомъ ужь чувствителенъ къ крайностямъ и несправедливостямъ своей партiи, онъ будетъ слишкомъ вяло служить ей. Для того чтобы преданность его была вполнѣ надежна, онъ долженъ не только прощать ихъ, но даже умѣть многаго не видѣть. Таковы отчасти несовершенства сердца и ума, которыми онъ покупаетъ себѣ успѣхи. Если справедливо мое мнѣнiе о томъ, что въ государственномъ управленiи политическiй человѣкъ часто выигрываетъ, благодаря своимъ недостаткамъ, и что вслѣдствiе этихъ самыхъ его качествъ происходитъ неуспѣхъ писателя, то, говоря о немъ, что онъ неспособенъ къ дѣламъ, мы какъ-бы дѣлаемъ ему этимъ комплиментъ.

Можно стало-быть допустить не слишкомъ унижая Цицерона, что сфера общественной жизни была вовсе не по немъ. Причины сдѣлавшiя изъ него неподражаемаго писателя, мѣшали ему быть хорошимъ политикомъ. Живая впечатлительность, а также тонкая и слишкомъ воспрiимчивая чувствительность, бывшiя главнымъ источникомъ его литературнаго таланта, не позволяли ему вполнѣ властвовать надъ своей волей. Происходившiя вещи слишкомъ овладѣвали имъ, а для того чтобы господствовать надъ ними, надо умѣть отъ нихъ отрѣшаться. Живое и плодовитое воображенiе, разбрасывая его сразу во всѣ стороны, дѣлало его неспособнымъ къ послѣдовательнымъ замысламъ. Онъ не умѣлъ достаточно обманывать себя на счетъ людей и вполнѣ увлекаться предпрiятiями, а вслѣдствiе того внезапно падалъ духомъ. Онъ часто хвастался тѣмъ, будто предвидѣлъ

и предсказалъ будущность. Конечно, онъ предвидѣлъ ее не потому, что былъ авгуръ, но благодаря досадной прозорливости, указывавшей ему послѣдствiя событiй, и притомъ чаще дурныя, чѣмъ хорошiя. Въ декабрскiя ноны, когда онъ уничтожилъ сообщниковъ Катилины, онъ зналъ, что подвергаетъ себя мщенiю, и предвидѣлъ свое изгнанiе; слѣдовательно, въ этотъ день, не смотря на тѣ колебанiя, въ которыхъ его упрекали, онъ имѣлъ болѣе мужества, нежели тотъ, кто въ минуту экзальтацiи не замѣтилъ-бы опасности. Самою главною причиною его приниженiя и слабости была его умѣренность; онъ былъ умѣренъ не столько по убѣжденiямъ, сколько по темпераменту, т. е. съ тѣмъ нервнымъ и раздражительнымъ нетерпѣнiемъ, которое подконецъ прибѣгаетъ даже къ насилiю, чтобы отстоять умѣренность. Во время политической борьбы трудно избѣгнуть всякихъ излишествъ. Партiи бываютъ обыкновенно несправедливы въ своихъ жалобахъ, когда побѣждены, жестоки въ своихъ отместкахъ, когда побѣдятъ, и лишь только явится возможность, онѣ безъ всякаго затрудненiя готовы позволить себѣ то, что строго осуждали въ своихъ врагахъ. Если въ это время кто-либо изъ одолѣвшей партiи замѣтитъ, что она зашла уже слишкомъ далеко, и осмѣлится это высказать, онъ непремѣнно навлечетъ на себя всеобщiй гнѣвъ. Его обвинятъ въ робости и непостоянствѣ, скажутъ, что онъ легкомысленъ и измѣнчивъ; но справедливъ-ли будетъ подобный упрекъ? Измѣнилъ-ли самъ себѣ Цицеронъ, когда послѣ защиты имъ несчастныхъ людей, которыхъ аристократiя разила при Силлѣ, онъ тридцать лѣтъ спустя защищалъ жертвы демократiи при Цезарѣ? Не былъ-ли онъ, напротивъ, въ своихъ поступкахъ гораздо послѣдовательнѣе тѣхъ, которые, послѣ горькихъ жалобъ на изгнанiе, изгнали своихъ враговъ, лишь только получили на то власть? Надо однако сознаться что если пылкое чувство справедливости дѣлаетъ честь частному лицу, то оно можетъ быть опасно для политика. Партiи не любятъ людей, отказывающихся примкнуть къ ихъ крайнимъ выходкамъ и претендующихъ на то, чтобы среди всеобщаго преувеличенiя имъ однимъ держаться должной мѣры. Къ несчастiю, Цицерону недоставало твердой рѣшимости, заставляющей человѣка принять какое-нибудь мнѣнiе разъ на всегда, и онъ переходилъ отъ одного мнѣнiя къ другому, потому-что ясно видѣлъ и хорошую, и дурную сторону ихъ всѣхъ. Надо быть очень увѣреннымъ въ самомъ себѣ, чтобы попытать обходиться безо всѣхъ другихъ. Подобная разобщенность

предполагаетъ такую отвагу и энергію, какихъ не было у Цицерона. Еслибы онъ рѣшительно примкнулъ къ какой-нибудь партіи, онъ нашелъ-бы тамъ установившіяся преданія и начала, надежныхъ друзей, прочное направленіе, и ему оставалось-бы только дать вести себя. Напротивъ того, предпринимая путь одинъ, онъ рисковалъ нажить себѣ враговъ во всѣхъ другихъ и не имѣлъ передъ собою никакого предначертаннаго пути. Стоитъ просмотрѣть главныя событія его жизни, и мы убѣдимся, что отсюда происходила доля его несчастій и ошибокъ.

II.

Все, сказанное мною о характерѣ Цицерона, объясняетъ причину его первыхъ политическихъ мнѣній. Онъ началъ показываться на форумѣ во время владычества Силлы. Аристократія была въ то время всемогуща и страннымъ образомъ злоупотребляла свою власть. Не надолго побѣжденная Маріемъ, она ужасно за то отмстила. Для гнѣва ея недостаточно было буйной и безпорядочной рѣзни. Прилагая даже къ убійству свой холодный и правильный геній, она изобрѣла проскрипціи, которыя были не что иное, какъ способъ регламентировать убой. Обезпечивъ такимъ образомъ месть свою вполнѣ, она занялась утвержденіемъ своей власти. Она отняла имущества у самыхъ богатыхъ муниципій Италіи, изгнала всадниковъ изъ судовъ, уменьшила преимущества народныхъ комицій, лишила трибуновъ права апелляціи,—словомъ, не оставила возлѣ себя ничего цѣлымъ. Уничтоживъ всякое сопротивленіе смертью своихъ враговъ и сосредоточивъ всю власть въ своихъ рукахъ, она торжественно объявила, что революція окончена, что теперь воротятся къ законному порядку «и что убійства прекратятся, начиная съ іюньскихъ календъ.» Но, не смотря на эти пышныя обѣщанія, бойня длилась еще и долго послѣ. Убійцы, покровительствуемые отпущенниками Силлы, дѣлившими съ ними прибыль, разсыпались по вечерамъ въ темныхъ и извилистыхъ улицахъ стараго города до самой подошвы Палатинскаго холма. Они убивали богатыхъ, возвращавшихся домой, и затѣмъ подъ разными предлогами заставляли присуждать себѣ ихъ имущество, причемъ жаловаться не смѣлъ никто. Таковъ былъ порядокъ, господствовавшій въ

Римѣ въ то время, когда Цицеронъ защищалъ свои первыя дѣла. Такому умѣренному человѣку, какъ онъ, ненавидѣвшему всякія крайности, подобныя насилія были, вѣроятно, отвратительны. Онъ не могъ мириться ни съ аристократической, ни съ народной тиранніей. При видѣ столькихъ злоупотребленій властью, совершаемыхъ родовитымъ сословіемъ, онъ естественно почувствовалъ потребность протянуть руку демократіи и сражался въ первый разъ въ рядахъ ея защитниковъ.

Его первые опыты отличались смѣлостью и блескомъ. Онъ дерзнулъ заговорить среди нѣмаго ужаса, поддерживаемаго воспоминаніями о проскрипціяхъ, и слова его еще громче раздавались при всеобщемъ молчаніи. Онъ пріобрѣтаетъ политическое значеніе послѣ защиты Росція. Этотъ несчастный, у котораго отняли сначала все имущество и котораго обвинили потомъ въ убійствѣ отца, не находилъ себѣ адвоката. Цицеронъ предложилъ ему себя въ защитники. Онъ былъ молодъ и неизвѣстенъ, а это два великія преимущества для того, кто рѣшается на смѣлый шагъ, такъ какъ неизвѣстность уменьшаетъ соединенныя съ нимъ опасности, молодость-же мѣшаетъ замѣчать ихъ. Ему не трудно было доказать невинность своего кліэнта, обвиняемаго безъ доказательствъ; но ему было недостаточно этого успѣха. Всѣ знали, что за этимъ обвиненіемъ скрывается одинъ изъ самыхъ могучихъ отпущенниковъ Силлы, богатый и изнѣженный Хризогонъ. Вѣроятно, онъ считалъ себя огражденнымъ отъ дерзкихъ выходокъ защиты тѣмъ страхомъ, какой внушало его имя. Цицеронъ вовлекъ его въ пренія. Въ рѣчи его замѣтны слѣды ужаса, объявшаго присутствовавшихъ, когда они услыхали это страшное имя. Обвинители были въ недоумѣніи, толпа безмолвствовала. Одинъ только молодой ораторъ не теряетъ спокойствія и самообладанія. Онъ улыбается, шутитъ и позволяетъ себѣ насмѣхаться надъ этими страшными людьми, которымъ никто не смѣлъ взглянуть въ лицо, такъ какъ при видѣ ихъ невольно вспоминались двѣ тысячи головъ всадниковъ и сенаторовъ, отрубленныхъ по ихъ приказу. Онъ не оказываетъ должнаго уваженія даже самому властителю. Прозваніе счастливца, данное ему льстецами, подаетъ оратору поводъ къ игрѣ словъ. «Есть-ли человѣкъ, настолько счастливый, говоритъ онъ, чтобы не имѣть какого-нибудь негодяя среди окружающихъ» [1])?

[1]) Pro Rosc. Amer., 8.

Негодяй этотъ не кто иной, какъ всемогущій Хризогонъ. Цицеронъ не щадитъ его. Онъ описываетъ роскошь и надменность этого выскочки. Онъ изображаетъ его, собирающимъ въ своемъ домѣ на Палатинскомъ холмѣ всѣ драгоцѣнности, похищенныя имъ у своихъ жертвъ, утомляющимъ своихъ сосѣдей шумомъ, производимымъ его пѣвцами и музыкантами, «или летающимъ по форуму съ расчесанными и лоснящимися отъ драгоцѣнныхъ маслъ волосами» [1])? Къ этимъ шуткамъ примѣшиваются болѣе серьезныя обвиненія. Названіе проскрипцій упоминается иногда въ этой рѣчи и всюду встрѣчается оставленное ими воспоминаніе и впечатлѣніе. Чувствуется, что говорящій о нихъ видѣлъ ихъ, что вся душа его еще полна ими, и что испытанный имъ отъ нихъ ужасъ, съ которымъ онъ не можетъ справиться, не позволяетъ ему молчать, какъ ни опасно говорить о нихъ. Это великодушное чувство проглядываетъ на каждомъ шагу, не смотря на осторожность, требуемую близостью гонителей. Говоря о жертвахъ, онъ осмѣливается сказать, что онѣ были гнуснымъ образомъ умерщвлены, хотя и было принято обвинять ихъ во всякаго рода преступленіяхъ. Онъ предаетъ общественной ненависти и презрѣнію бездѣльниковъ обогатившихся съ помощью этихъ убійствъ, и употребляетъ при этомъ игру словъ, вошедшую потомъ въ большую моду, называя ихъ «рѣзаками головъ и кошельковъ» [2]). Наконецъ, онъ формально требуетъ прекращенія этого порядка вещей, заставляющаго краснѣть человѣчество; «иначе, прибавляетъ онъ, лучше идти жить съ дикими звѣрьми, нежели оставаться въ Римѣ» [3]).

Цицеронъ говорилъ такъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ человѣка, предписывавшаго проскрипціи, и передъ тѣми, кто приводилъ ихъ въ исполненіе и пользовался ими. Можно себѣ вообразить, какое дѣйствіе произвели его слова! Они выражали тайныя чувства всѣхъ, они облегчали общественную совѣсть, принужденную молчать и униженную этимъ молчаніемъ. Понятно, что съ этого дня демократическая партія почувствовала самую живую симпатію къ этому краснорѣчивому юношѣ, столь мужественно протестовавшему противъ гнуснаго порядка. Это самое воспоминаніе и

---

1) Pro Rosc. Amer., 46.
2) Pro Rosc. Amer., 29.
3) Pro Rosc. Amer., 52.

сохранило за нимъ такъ прочно народную благосклонность до самаго времени его консульства. Всякій разъ, какъ ему хотѣлось какой-нибудь должности, граждане сбѣгались толпами на Марсово поле, чтобы подать за него свои голоса. Хотя въ то время были политики, гораздо крупнѣе его, но никто изъ нихъ не достигъ первыхъ должностей такъ скоро. Катонъ потерпѣлъ не одну неудачу. Для того, чтобы быть постоянно счастливыми, Помпею и Цезарю приходилось прибѣгать къ союзамъ и проискамъ. Цицеронъ почти единственный человѣкъ, чьи кандидатуры удавались съ перваго разу, и который никогда не былъ вынужденъ прибѣгать къ средствамъ, обезпечивавшимъ обыкновенно успѣхъ. Среди этихъ скандальныхъ торговъ, предоставлявшихъ почести самымъ богатымъ, и не смотря на закоренѣлыя преданія, приберегавшія ихъ для наиболѣе родовитыхъ, Цицеронъ, не имѣвшій ни знатнаго рода, ни денегъ, постоянно побѣждалъ всѣхъ остальныхъ. Онъ былъ назначенъ квесторомъ, эдиломъ; онъ получилъ городское преторство, считавшееся самымъ почетнымъ; онъ достигъ консульства, лишь только потребовалъ его и лишь только законы дозволили ему добиваться его; и ни одна изъ этихъ должностей ничего не стоила ни его чести, ни его достоянію.

Очень важно замѣтить, что когда онъ былъ назначенъ преторомъ, онъ еще не произнесъ до тѣхъ поръ ни одной политической рѣчи. До сорока-лѣтняго возраста онъ былъ просто тѣмъ, что мы называемъ адвокатомъ, и не чувствовалъ потребности быть чѣмъ-либо другимъ. Итакъ, судебное краснорѣчіе вело ко всему; нѣсколькихъ блестящихъ успѣховъ въ судѣ было достаточно для того, чтобы привести человѣка къ самымъ важнымъ должностямъ, и никто не осмѣлился потребовать у Цицерона другихъ доказательствъ его способностей къ дѣламъ въ тотъ моментъ, когда ему довѣряли главные интересы страны и облекали его высшею властью. Надо, однако, сказать, что если долгое пребываніе въ званіи адвоката было безопасно для его политической карьеры, врядъ-ли оно не повредило его таланту. Всѣ упреки, дѣлаемые, конечно, несправедливо, адвокату нашего времени, были вполнѣ заслужены адвокатомъ прежнихъ временъ. Именно о немъ можно было сказать, что онъ безразлично брался за всѣ дѣла, измѣнялъ мнѣнія при всякомъ процессѣ и считалъ для себя искусствомъ и славою находить доводы для подтвержденія всяческихъ софизмовъ. Молодой человѣкъ, обучавшійся

краснорѣчію въ древнихъ школахъ, никогда не слышалъ въ нихъ, что надобно говорить только по убѣжденію и сообразно своей совѣсти. Ему говорили, что есть разнаго рода судебныя дѣла, честныя и нечестныя (**genera causarum sunt honestum, turpe** и пр. [1]), но при этомъ не трудились прибавлять, что надо избѣгать послѣднихъ. Напротивъ ему внушали охоту заниматься ими по преимуществу, преувеличивая заслугу, состоявшую въ томъ, чтобы выиграть ихъ. Научивъ его, какъ защитить и спасти виновнаго, не колебались указывать ему и на средства замарать и обезславить честнаго человѣка. Таково было воспитаніе, получаемое у риторовъ ученикомъ, который, вышедши изъ ихъ рукъ, не терялъ случая приложить къ дѣлу ихъ правила. Такъ напримѣръ онъ никогда не грѣшилъ тѣмъ, чтобы сохранять сколько нибудь мѣры и сдержанности въ своихъ нападкахъ. Заставляя себя быть справедливымъ, онъ лишился-бы одной изъ причинъ успѣха среди этой подвижной и страстной толпы, рукоплескавшей сатирическимъ изображеніямъ и безпощаднымъ укорамъ. Онъ не заботился ни о справедливости, ни объ истинѣ. Въ школахъ учили тому, что даже по уголовнымъ дѣламъ надо выдумывать разныя пикантныя подробности ради увеселенія слушателей (**causam mendaciunculis adspergere** [2]). Цицеронъ отзывается съ большою похвалой о нѣкоторыхъ изъ этихъ пріятныхъ выдумокъ, стоившихъ, быть можетъ, чести или жизни бѣднымъ людямъ, имѣвшимъ, къ несчастію, слишкомъ остроумныхъ соперниковъ; а такъ какъ онъ самъ обладалъ въ этомъ родѣ плодовитымъ воображеніемъ, то и не упускалъ случая прибѣгать къ такому легкому средству успѣха. Наконецъ, древній адвокатъ ни къ чему такъ равнодушно не относился, какъ къ своимъ собственнымъ противорѣчіямъ. Говорятъ, будто ораторъ Антоній никогда не давалъ записывать своихъ защитительныхъ рѣчей изъ опасенія, чтобы ему не противупоставили сегодня его вчерашняго мнѣнія. Цицеронъ не затруднялся подобными вещами. Онъ всю жизнь противорѣчилъ самому себѣ, и никогда объ этомъ не безпокоился. Однажды, когда онъ слишкомъ ясно говорилъ противуположное тому, что нѣкогда самъ отстаивалъ, причемъ его попросили объяснить такую рѣзкую перемѣну, онъ совершенно

[1]) **Ad Herenn., I, 3.**
[2]) **De orat., II, 59.**

спокойно отвѣчалъ: «Ошибаются тѣ, кто думаетъ найти въ нашихъ рѣчахъ выраженіе нашего личнаго мнѣнія; это языкъ, сообразный съ дѣломъ и обстоятельствами, а не рѣчь человѣка и оратора» [1]). Вотъ по крайней мѣрѣ искреннее сознаніе; но развѣ ораторъ и человѣкъ не теряютъ вслѣдствіе того, что измѣняютъ такимъ образомъ свой языкъ по обстоятельствамъ! Они перестаютъ заботиться о введеніи порядка и единства въ свою жизнь, привыкаютъ быть неискренними въ своихъ мнѣніяхъ и говорить не по убѣжденію, тратить для лжи столько-же таланта, сколько и для истины, и считать важными только нужды настоящей минуты и успѣхъ настоящаго дѣла. Вотъ уроки, заимствованные Цицерономъ у тогдашней адвокатуры. Онъ слишкомъ долго занимался адвокатствомъ, и когда оставилъ его, чтобы въ сорокъ лѣтъ вступить на поприще политическаго краснорѣчія, то не могъ уже раздѣлаться съ дурными привычками, пріобрѣтенными имъ во время прежнихъ занятій.

Значитъ-ли это, чтобы Цицерона надо было вычеркнуть изъ списка политическихъ ораторовъ? Если это названіе дается всякому человѣку, чьи слова имѣютъ какое-нибудь вліяніе на дѣла его страны, кто увлекающимъ образомъ дѣйствуетъ на толпу и убѣдительно— на людей честныхъ, то въ немъ, мнѣ кажется, трудно отказать Цицерону. Онъ умѣлъ говорить съ народомъ и заставлять его слушать себя. Иногда онъ овладѣвалъ имъ среди самыхъ бѣшеныхъ вспышекъ. Онъ заставлялъ его принимать мнѣнія, совершенно противуположныя его вкусамъ, и даже рукоплескать этимъ мнѣніямъ. Онъ извлекалъ его, повидимому, изъ его апатіи и пробуждалъ въ немъ хоть для виду на нѣсколько мгновеній энергію и патріотизмъ. Онъ былъ не виноватъ, если его успѣхи не простирались дальше нынѣшняго дня, и если послѣ прекрасныхъ тріумфовъ краснорѣчія все-таки продолжала господствовать грубая сила. По крайней мѣрѣ онъ сдѣлалъ своимъ словомъ все, что слово было въ то время въ состояніи сдѣлать. Но я сознаюсь, что его политическому краснорѣчію недоставало именно того, чего недоставало его характеру: въ немъ не видно нигдѣ достаточной твердости, рѣшительности и практичности. Оно слишкомъ занято самимъ собою, а не разбираемыми имъ вопросами. Оно не подходитъ къ нимъ искренно и притомъ не

[1]) **Pro Cluent., 50.**

съ крупныхъ ихъ сторонъ. Оно путается въ пышныхъ фразахъ вмѣсто того, чтобы стараться говорить точнымъ и яснымъ дѣловымъ языкомъ. Разсматривая его поближе и анализируя его, мы видимъ, что въ немъ много риторики и немножко философіи. Именно отъ риторики идутъ всѣ пріятныя и острыя доказательства, всѣ тонкости обсужденія, а также вся выказная патетичность. Философія внесла въ него великія общія мѣста, талантливо развитыя, но не всегда вполнѣ подходящія къ его содержанію. Вообще въ немъ слишкомъ много искусственнаго и дѣланнаго. Сжатая и простая рѣчь была бы гораздо умѣстнѣе при обсужденіи дѣлъ, чѣмъ эти тонкости и волненія чувства; эти великія философскія изреченія можно было бы съ успѣхомъ замѣнить яснымъ и толковымъ изложеніемъ политическихъ принциповъ оратора и общихъ идей, управляющихъ его поступками. Но, къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ, Цицеронъ, всходя на трибуну, сохранилъ привычки, заимствованныя имъ у адвокатуры. Именно съ такими адвокатскими пріемами онъ нападаетъ на честный, умѣренный и мудрый аграрный законъ, предложенный трибуномъ Рулломъ. Въ четвертой Катилинаріи ему надо было разобрать одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ, какіе только могутъ быть предложены обсуждающему собранію, а именно: насколько дозволительно уклоняться отъ законности ради спасенія своего отечества? Онъ даже и не подошелъ къ нему. Больно видѣть, какъ онъ отступаетъ передъ нимъ, какъ онъ обходитъ и избѣгаетъ его, развивая мелкія причины и теряясь въ вульгарной восторженности. Очевидно, Цицеронъ не любилъ этого важнаго и серьезнаго рода краснорѣчія и не чувствовалъ себя въ немъ на полномъ просторѣ. Если кто желаетъ узнать настоящія способности его таланта, пусть тотъ прочтетъ непосредственно послѣ четвертой Катилинаріи рѣчь за Мурену, произнесенную имъ въ это же время. Это самая пріятная изо всего собранія его защитительныхъ рѣчей; читая ее, удивляешься, какимъ образомъ человѣкъ, бывшій консуломъ и осаждаемый въ то время столькими затрудненіями, находилъ возможность употреблять свой умъ на то, чтобы шутить такъ кстати и такъ мило. Это происходило оттого, что здѣсь онъ, дѣйствительно, былъ въ своей стихіи; потому, будучи консуломъ или консуляромъ, онъ все-таки какъ можно чаще возвращался къ своимъ судебнымъ занятіямъ. По его словамъ, онъ дѣлалъ это, чтобы одолжить друзей. Но мнѣ кажется, онъ скорѣе угождалъ тутъ самому себѣ, такъ какъ

всякое пріятное и заманчивое судебное дѣло давало полнѣйшій просторъ его уму и вдохновенію. Онъ не только не пропускалъ случая явиться передъ судьями, но еще старался по возможности заключать свои политическія рѣчи въ рамку обыкновенныхъ защитительныхъ рѣчей. Такъ, напримѣръ, все обращалось у него въ личные вопросы. При спорѣ объ идеяхъ онъ остается обыкновенно холоденъ. Чтобы выказать всѣ свои преимущества, ему нужно съ кѣмъ нибудь препираться. Самыя лучшія рѣчи, произнесенныя имъ на форумѣ или въ сенатѣ, были или похвалами, или укоризнами. Здѣсь у него нѣтъ соперниковъ, здѣсь, какъ самъ онъ говоритъ, краснорѣчіе его восторгается и торжествуетъ; но какъ бы ни были прекрасны похвалы или поношенія, мы уже не считаемъ ихъ за идеалъ политическаго краснорѣчія и требуемъ отъ него въ настоящее время чего-то другого. Все, что можно сказать для оправданія рѣчей Цицерона, это то, что онѣ были вполнѣ приспособлены къ своему времени, и что характеръ ихъ объясняется характеромъ обстоятельствъ, при которыхъ онѣ были произнесены. Въ то время слово не руководило уже государствомъ, какъ въ лучшія времена республики. Его замѣнили другія вліянія: при выборахъ — деньги и происки кандидатовъ; въ преніяхъ на публичной площади — тайная и страшная власть народныхъ обществъ; со временъ Силлы правительства возвышаются и низвергаются преимущественно благодаря войску. Среди всѣхъ этихъ, подавляющихъ его силъ, краснорѣчіе чувствуетъ себя немощнымъ. Можетъ ли оно сохранить прежній повелительный тонъ, надменный и рѣшительный голосъ лица, сознающаго власть свою? Надо ли ему прибѣгать къ разуму и логикѣ и стараться дѣйствительно убѣдить людей путемъ сжатаго и сильнаго обсужденія, когда ему извѣстно, что вопросы, о которыхъ оно говоритъ, рѣшаются въ другомъ мѣстѣ? Г. Моммсенъ замѣчаетъ очень зло, что въ большей части своихъ большихъ политическихъ рѣчей Цицеронъ защищаетъ уже выигранное дѣло. Когда онъ издалъ въ свѣтъ Веррины, законы Силлы о составѣ судовъ были ужь отмѣнены. Онъ хорошо зналъ, что Катилина рѣшился покинуть Римъ, когда произносилъ свою первую Катилинарію, въ которой такъ патетически убѣждалъ его удалиться. Вторая Филиппика, кажущаяся такою смѣлою при томъ предположеніи, что она была произнесена въ присутствіи всемогущаго Антонія, была выпущена въ свѣтъ только тогда, когда Антоній бѣжалъ въ Цизальпинскую Галлію. Къ чему же слу-

жили всѣ эти прекрасныя рѣчи? Онѣ нимало не вліяли на рѣшенія дѣлъ, такъ какъ эти рѣшенія были уже приняты; за то онѣ заставляли принимать ихъ—толпу, возбуждали въ ихъ пользу общественное мнѣніе, а это что нибудь да значитъ. Надо было покориться тому, что слово уже не господствуетъ надъ людьми, и что краснорѣчіе не должно больше надѣяться управлять событіями; за то оно дѣйствуетъ на нихъ теперь косвеннымъ образомъ, оно старается породить тѣ великіе переходы общественнаго мнѣнія, которые подготовляютъ или доканчиваютъ ихъ: «оно не вызываетъ голосованій и дѣлъ, оно возбуждаетъ только ощущенія [1])». Если единственною цѣлью тогдашняго краснорѣчія было такого рода нравственное вліяніе, то краснорѣчіе Цицерона могло вполнѣ достигнуть его, благодаря своей плодовитости и пышности, своему блеску и паѳосу.

Сначала онъ служилъ своимъ словомъ народной партіи; мы видѣли, что его политическіе дебюты происходили въ рядахъ именно ея; но, хотя онъ вѣрно служилъ ей впродолженіе семнадцати лѣтъ, я не думаю, чтобы онъ дѣлалъ это всегда отъ чистаго сердца. Къ демократіи отбросили его крайности аристократическаго управленія; но онъ, вѣроятно, убѣдился въ томъ, что когда демократія взяла верхъ, она была не многимъ благоразумнѣе аристократіи. Она посылала ему иногда для защиты ужасныхъ кліэнтовъ. Ему приходилось оправлять смутниковъ и бунтовщиковъ, безпрестанно нарушавшихъ общественное спокойствіе. Разъ даже онъ защищалъ или готовъ былъ защищать Катилину. Такая снисходительность, вѣроятно, дорого ему стоила, и очень возможно, что крайнія увлеченія демократіи не разъ пробуждали въ немъ мысль ее покинуть. Къ несчастію, онъ не зналъ, куда пойти, разставшись съ нею, и если плебеи оскорбляли его чувства своими буйными выходками, то и аристократія съ своею спѣсью и предразсудками тоже не привлекала его къ себѣ. Такъ

[1]) Употребляю здѣсь подлинныя выраженія г. Гаве (Havet), съ полной ясностью развившаго эту мысль въ одномъ изъ своихъ сочиненій о Цицеронѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ рѣдкихъ. По этому случаю позволяемъ себѣ выразить наше сожалѣніе о томъ, что ни г. Берже, ни онъ не сочли нужнымъ издать для публики превосходные курсы, читанные ими въ Collège de France и въ Сорбоннѣ, которыхъ предметомъ такъ часто былъ Цицеронъ. Если бы они уступили желаніямъ своихъ слушателей и убѣжденіямъ всѣхъ любителей литературы, тогда Франціи нечего было бы завидовать Германіи по этому важному вопросу.

какъ изъ числа всѣхъ существовавшихъ въ то время партій не было ни одной, которая точно выражала бы собою его мнѣнія и совершенно подходила бы къ его характеру, ему не оставалось другихъ средствъ, какъ только составить свою особенную партію, что онъ и попытался сдѣлать. Когда онъ почувствовалъ, что его блестящая рѣчь, занимаемыя имъ должности и окружавшая его популярность дѣлали изъ него значительное лицо, то, желая обезпечить за собою ближайшее будущее, занять въ республикѣ болѣе прочное и болѣе высокое положеніе, освободиться отъ требованій своихъ прежнихъ покровителей и не быть принужденнымъ протягивать руку своимъ прежнимъ соперникамъ, онъ вздумалъ создать новую партію, составленную изъ умѣренныхъ лицъ всѣхъ другихъ, и сдѣлаться ея главою. Но онъ хорошо понималъ, что не могъ вполнѣ импровизировать подобной партіи и создать ее изъ ничего. Надо же было, имѣть какъ бы ядро, вокругъ котораго стали бы располагаться чаемые имъ новобранцы. Онъ думалъ, что нашелъ его въ томъ классѣ гражданъ, къ которому онъ самъ принадлежалъ по рожденію, и который назывался всадниками.

Въ Римѣ никогда не было того, что мы называемъ среднимъ, буржуазнымъ классомъ. По мѣрѣ того, какъ мелкіе деревенскіе земледѣльцы покидали свои поля и являлись жить въ городъ, и «руки, обработывавшія нѣкогда пшеницу и виноградъ, занимались только тѣмъ, что рукоплескали въ театрѣ и циркѣ,» [1]) разстояніе между роскошной аристократіею, обладавшею въ то время почти всѣмъ общественнымъ достаткомъ, и между бѣднымъ и голоднымъ народомъ, безпрестанно пополнявшимся изъ рабовъ, дѣлалось постепенно все значительнѣе. Единственнымъ переходомъ между ними были всадники. Въ описываемую нами эпоху этимъ именемъ назывались не одни только граждане, получавшіе отъ казны лошадь (equites equo publico) и подававшіе отдѣльно голоса на выборахъ; оно давалось также всѣмъ лицамъ, имѣвшимъ всадническій цензъ, т. е. чье имущество составляло болѣе 400,000 сестерцій (80 тысячъ франковъ). Можно себѣ представить, какъ дурно обходилось благородное сословіе съ этими темными плебеями, обогатившимися благодаря случаю или бережливости; оно держало этихъ выскочекъ отъ себя поодаль и относилось къ нимъ такъ же презритель-

[1]) Варронъ, De re rust. II, 1.

но, какъ и къ бѣднякамъ изъ черни; оно упорно заграждало имъ доступъ къ общественнымъ должностямъ. Когда Цицеронъ былъ назначенъ консуломъ, прошло тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ни одинъ новичекъ, будь то всадникъ или плебей, не достигалъ консульства. Удаленные отъ политической жизни ревностью вельможъ, всадники принуждены были обратить свою дѣятельность на иное. Вмѣсто того, чтобы терять время, неудачно добиваясь кандидатуръ, они занялись наживой себѣ состоянія. Когда Римъ завоевалъ весь міръ, этою побѣдою воспользовались преимущественно всадники. Они уже составляли въ то время промышленный и просвѣщенный классъ, были уже людьми довольно состоятельными для того, чтобы затратить впередъ нѣкоторый капиталъ, и вздумали эксплуатировать въ свою пользу завоеванныя государства. Проникая повсюду, гдѣ появлялись римскія войска, они дѣлались торговцами, банкирами, откупщиками налоговъ, и собрали подъ конецъ громадныя богатства. Такъ какъ Римъ не былъ уже такимъ, какъ во времена Куріевъ и Цинциннатовъ, и диктаторовъ уже не брали больше прямо отъ плуга, то богатство придало имъ важность и значеніе. Тогда заговорили объ нихъ съ большимъ уваженіемъ. Гракхи, желавшіе пріобрѣсти въ нихъ союзниковъ для своей борьбы съ аристократіей, рѣшили выбирать судей изъ ихъ рядовъ. Цицеронъ пошелъ еще дальше; онъ попробовалъ сдѣлать изъ нихъ основаніе той большой умѣренной партіи, которую хотѣлъ создать. Онъ зналъ, что можетъ разсчитывать на ихъ преданность. Онъ принадлежалъ къ нимъ по рожденію; онъ далъ отразиться на нихъ блеску, окружавшему его имя; онъ никогда не упускалъ случая защищать ихъ интересы въ судѣ и въ сенатѣ. Конечно, онъ разсчитывалъ также, что они будутъ ему благодарны за то, что онъ хочетъ возвысить ихъ значеніе и призвать ихъ къ великой политической будущности.

Сначала всѣ эти разсчеты Цицерона, повидимому, отлично удавались; но, правду сказать, этимъ успѣхомъ они были обязаны обстоятельствамъ. Этотъ великій союзъ умѣренныхъ, которымъ онъ восхищался, какъ своимъ лучшимъ произведеніемъ, возникъ почти самъ собою подъ вліяніемъ страха. Соціальная революція казалась неизбѣжною. Подонки всѣхъ прежнихъ партій, нищіе плебеи и разорившіеся вельможи, старые солдаты Марія и проскрипторы Силлы, собрались подъ предводительствомъ отважнаго и искуснаго вождя,

обѣщавшаго имъ новый раздѣлъ общественнаго имущества. Это сборище побудило къ союзу ради самозащиты тѣхъ, кому оно угрожало. Страхъ былъ дѣйствительнѣе всѣхъ прекраснѣйшихъ рѣчей, не будь онѣ вызваны имъ же, и въ этомъ смыслѣ можно сказать, что этимъ союзомъ, на который Цицеронъ смотрѣлъ, какъ на спасеніе своей политики, онъ былъ больше обязанъ Катилинѣ, нежели самому себѣ. Итакъ, общность интересовъ хоть на время согласила между собою мнѣнія. Душою новой партіи естественно сдѣлались самые богатые и наиболѣе заинтересованные, т. е. всадники. Рядомъ съ ними стали честные плебеи, не желавшіе, чтобы дѣло шло далѣе политическихъ реформъ, и вельможи, пробужденные изъ своей апатіи опасеніемъ за привычное раздолье; они не стали-бы защищать отъ гибели республику, но не позволяли дотрогиваться до своихъ муренъ и рыбныхъ садковъ. Новая партія не долго отыскивала себѣ вождя. Помпей былъ въ Азіи; Цезарь и Крассъ тайно покровительствовали заговору. Послѣ нихъ не было имени, крупнѣе Цицерона. Этимъ объясняется единодушіе общественнаго мнѣнія, назначившаго его консуломъ. Избраніе его было почти тріумфомъ. Не стану ничего говорить объ его консульствѣ, про которое онъ напрасно слишкомъ много толковалъ самъ. Этимъ я не хочу унизить побѣды, одержанной имъ надъ Катилиною и его сообщниками. Опасность была велика; съ этимъ согласенъ даже врагъ его, Саллюстій. За заговоромъ скрывались честолюбивые политики, готовые воспользоваться обстоятельствами. Цезарь хорошо зналъ, что анархія не можетъ долго господствовать. Послѣ нѣсколькихъ грабежей и убійствъ Римъ опомнился-бы отъ своего изумленія, и честные люди, найдя хоть нѣсколько энергіи въ своемъ отчаяніи, взяли-бы наконецъ верхъ. Но очень вѣроятно, что въ такомъ случаѣ произошла-бы одна изъ реакцій, слѣдующихъ обыкновенно за великими испытаніями. Память о бѣдствіяхъ, отъ которыхъ граждане освободились съ такимъ трудомъ, внушила-бы многимъ желаніе пожертвовать свободой, подвергавшей ихъ столькимъ опасностямъ, и Цезарь былъ готовъ предложить имъ, какъ высшее цѣлебное средство, неограниченную власть. Подрѣзавъ зло въ корнѣ, настигнувъ и наказавши заговоръ прежде чѣмъ онъ вспыхнулъ, Цицеронъ отсрочилъ, быть можетъ, на пятнадцать лѣтъ натсупленіе монархическаго порядка въ Римѣ. Слѣдовательно, онъ имѣлъ право хвалиться услугами, оказанными имъ въ то время свободѣ своей отчизны, и потому надо со-

гласиться съ Сенекою, что если онъ и хвалилъ свое консульство безъ конца, за то хвалилъ его и не безъ причины [1]).

Къ несчастію, такого рода союзы не долго переживаютъ породовшія ихъ обстоятельства. Когда интересы, собранные воедино опасностью, стали успокоиваться, они опять начали между собою старую войну. Плебеи, переставшіе уже бояться, почувствовали, что въ нихъ снова загорѣлась вражда къ благородному сословію, а послѣднее стало опять завидовать богатству всадниковъ. Что же касается послѣднихъ, въ нихъ не было ничего такого, чтобы сдѣлать ихъ душою политической портіи, какъ этого желалъ Цицеронъ. Они были больше заняты своими частными дѣлими, нежели дѣлами республики. Они не отличались многочисленностью, подобно плебеямъ, и не имѣли тѣхъ важныхъ правительственныхъ преданій, которыя такъ долго сохраняли власть за благороднымъ сословіемъ. Вмѣсто всякаго правила дѣйствій, они руководились инстинктомъ, свойственнымъ всѣмъ крупнымъ богачамъ и побуждающимъ ихъ всегда предпочитать порядокъ свободѣ. Прежде всего они искали такой власти, которая могла-бы защитить ихъ, и Цезарь не имѣлъ впослѣдствіи болѣе приверженныхъ сторонниковъ, чѣмъ они. При такомъ разстройствѣ своей партіи Цицеронъ, не могшій оставаться одинъ, спросилъ себя, къ какой сторонѣ ему примкнуть. Страхъ, нагнанный на него Катилиной, и присутствіе Цезаря и Красса въ рядахъ демократіи, помѣшали ему воротиться въ нихъ, такъ что подъ-конецъ, не смотря на свое нерасположеніе, онъ все-таки примкнулъ къ знати. Начиная со времени своего консульства, онъ рѣшительно обращается въ ея сторону. Извѣстно, какъ отмстила демократія за то, что она сочла прямою измѣной. Три года спустя она заставила приговорить своего прежняго вождя, сдѣлавшагося теперь ея врагомъ, къ ссылкѣ и согласилась вернуть его лишь для того, чтобы бросить его къ ногамъ Цезаря и Помпея, союзъ которыхъ между собою сдѣлалъ ихъ владыками Рима [1]).

---

[1]) De brevit vitae, 5. Non sine causa, sed sine fine laudatus.

[2]) О ссылкѣ Цицерона и о его политикѣ по возвращеніи см. въ этой книгѣ главу о Цезарѣ и Цицеронѣ.

III.

Самымъ важнымъ кризисомъ, какой пережилъ Цицеронъ, послѣ великой борьбы, происходившей въ его консульство, былъ, конечно, кризисъ, окончившійся паденіемъ римской республики при Фарсалѣ. Извѣстно, что онъ неохотно вступился въ ужасную эту распрю, предвидя ея исходъ, и цѣлый годъ колебался между двумя партіями, прежде чѣмъ принять какое-нибудь рѣшеніе. Нечего удивляться такому продолжительному колебанію. Теперь онъ уже не былъ молодымъ безвѣстнымъ человѣкомъ, какъ въ ту пору, когда защищалъ Росція. Онъ пользовался высокимъ положеніемъ и славнымъ именемъ, которыхъ не хотѣлъ компрометировать, и человѣку очень позволительно задуматься, когда онъ отваживаетъ сразу состояніе, славу и, быть-можетъ, самую жизнь. Да и вопросъ этотъ не былъ такъ простъ, а право такъ очевидно, какъ это кажется на первый взглядъ. Луканъ, въ симпатіяхъ котораго нѣтъ ничего сомнительнаго, говорилъ же вѣдь, что неизвѣстно, на какой сторонѣ была справедливость, и эта неизвѣстность не вполнѣ разсѣялась, повидимому, и до нынѣ, такъ какъ послѣ споровъ, продолжавшихся восемнадцать вѣковъ, потомство все-таки не сумѣло прійти и къ соглашенію. Любопытно, что у насъ въ семнадцатомъ вѣкѣ, въ самый разгаръ монархическаго порядка, всѣ ученые рѣшительно высказывались противъ Цезаря. Судьи высшихъ судовъ, люди робкіе умѣренные какъ по характеру, такъ и по дѣятельности, имѣвшіе доступъ къ королю и не жалѣвшіе передъ нимъ лести, въ интимномъ кругу позволяли себѣ быть помпеянцами и даже ярыми помпеянцами. «Г. первый президентъ, говоритъ Ги-Патэнъ, такой приверженецъ Помпея, что однажды онъ сильно обрадовался, узнавши, что и я принадлежу къ этой партіи, когда я сказалъ ему, прогуливаясь въ его прекрасномъ Бавильскомъ саду, что, присутствуй я въ сенатѣ при смерти Юлія Цезаря, я нанесъ-бы ему двадцать четвертый ударъ кинжаломъ». Напротивъ того, въ наши дни, въ нашу вполнѣ демократическую эпоху, послѣ французской революціи, во имя этой самой революціи и демократіи, съ гораздо большимъ успѣхомъ поддерживали партію Цезаря и вполнѣ ясно представили выгоду, извлеченную человѣчествомъ изъ его побѣды.

Я не намѣренъ возобновлять этихъ преній, подающихъ поводъ къ пылкимъ спорамъ, которымъ не предвидится конца. Я возьму изъ нихъ лишь самое необходимое, чтобы познакомить съ политическою жизнью Цицерона. По моему мнѣнію, этотъ вопросъ можно разбирать двумя совершенно различными способами: первый изъ нихъ—нашъ, т. е. способъ людей, не заинтересованныхъ въ этихъ старыхъ распряхъ,—людей, подходящихъ къ нимъ въ качествѣ историковъ или философовъ послѣ того, какъ онѣ уже охладились отъ времени, судящихъ о нихъ не столько по причинамъ, сколько по послѣдствіямъ, и спрашивающихъ прежде всего, причинили-ли онѣ міру добро или зло; затѣмъ слѣдуетъ способъ современниковъ, оцѣнявшихъ ихъ сквозь призму своихъ страстей и предразсудковъ, сообразно съ идеями своего времени, по своимъ личнымъ къ нимъ отношеніямъ и не предвидя ихъ отдаленныхъ послѣдствій. Я стану исключительно на эту послѣднюю точку зрѣнія, хотя первая кажется мнѣ гораздо выше и многоплоднѣе; но такъ какъ мое единственное намѣреніе состоитъ въ томъ, чтобы потребовать у Цицерона отчета въ его политическихъ дѣйствіяхъ, и такъ какъ неблагоразумно было-бы хотѣть, чтобы онъ предугадывалъ будущее, я ограничусь тѣмъ, что покажу, какъ ставился въ то время вопросъ, какія причины приводились съ обѣихъ сторонъ, и какимъ образомъ умный и любящій свою страну человѣкъ всего естественнѣе могъ относиться къ этимъ причинамъ. Позабудемъ-же восемнадцать вѣковъ, отдѣляющихъ насъ отъ этихъ событій, вообразимъ себя въ Форміяхъ или въ Тускулумѣ, во время долгихъ дней, проведенныхъ тамъ Цицерономъ въ страхѣ и неизвѣстности, и представимъ себѣ, будто мы слышимъ, какъ онъ обсуждаетъ съ Аттикомъ или Куріономъ причины, представленныя ему обѣими партіями, для того чтобы привлечь его въ свои ряды.

Что сужденіе современниковъ о событіяхъ того времени было далеко не сходно съ сужденіемъ о нихъ потомства, ясно изъ того, что друзья Цезаря, желавшіе привлечь на свою сторону Цицерона, не употребляли при этомъ довода, кажущагося намъ теперь наилучшимъ. Въ настоящее время главная причина, приводимая для оправданія его побѣды, та, что по строгомъ разборѣ дѣла, окажется, что Римъ если и утратилъ нѣкоторыя изъ своихъ преимуществъ, то лишь въ пользу остального міра, къ его выгодѣ. Что за важность, что политическая свобода была отнята у нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, вдобавокъ еще не совсѣмъ хорошо ею пользовавшихся, если вмѣстѣ съ тѣмъ почти весь міръ былъ спасенъ отъ грабежа, порабощенія и раззоренья? Несомнѣнно, что провинціи и ихъ жители, съ которыми такъ сурово обходились республиканскіе проконсулы, были очень довольны тѣмъ порядкомъ, какой завелъ Цезарь. Армія его была доступна для всякихъ иностранцевъ; въ ней были Германцы, Галлы, Испанцы. Они помогли ему побѣдить и, конечно, воспользовались своею побѣдою, что было, пожалуй, и совсѣмъ помимо его желанія, возмездіемъ для побѣжденныхъ народовъ. Эти народы не заботились о томъ, чтобы возвратить свою независимость; они охладѣли къ ней послѣ своего пораженія. Честолюбіе влекло ихъ совсѣмъ не туда: они добивались позволенія стать Римлянами. До тѣхъ поръ гордая и алчная аристократія, державшая въ рукахъ своихъ власть и умѣвшая эксплуатировать родъ человѣческій ради своихъ удовольствій или своего величія, упорно отказывалась возвысить его до себя, желая, вѣроятно, сохранить за собою право распоряжаться имъ по своей прихоти. Низвергнувъ аристократію, Цезарь понизилъ преграду, замыкавшую Римъ отъ остальныхъ народовъ. Имперія сдѣлала римскимъ весь міръ; по словамъ поэта, она примирила и слила въ одно имя всѣ народы вселенной. Нѣтъ сомнѣнія, что все это—великія вещи, и что мы, сыновья побѣжденныхъ, призванныхъ Цезаремъ раздѣлить его побѣду, не должны забывать ихъ. Но думалъ-ли кто во время Цицерона, что это такъ и должно быть? Могъ-ли кто-нибудь тогда предвидѣть и указать эти отдаленныя послѣдствія? Вопросъ не представлялся въ ту пору такъ, какъ онъ представляется теперь намъ, изучающимъ его изъ-дали. Въ числѣ причинъ, которыми Цезарь объясняетъ свое предпріятіе, онъ нигдѣ не приводитъ интереса побѣжденныхъ народовъ. Сенатъ никогда и не помышлялъ быть представителемъ римской національности, угрожаемой нашествіемъ варваровъ, и мы не видимъ, чтобы провинціи подымались въ пользу того, кто пришелъ защитить ихъ; напротивъ, онѣ раздѣлились почти поровну между двумя соперниками. Если Западъ сражался за Цезаря, то почти весь Востокъ хлынулъ въ станъ Помпея. Это доказываетъ, что когда началась борьба, то послѣдствія ея были неизвѣстны даже для тѣхъ, кто долженъ былъ воспользоваться ею, и кого собственный интересъ долженъ былъ-бы сдѣлать попроницательнѣй. Впрочемъ еслибъ даже Цицеронъ и подозрѣвалъ тѣ благодѣянія, которыя міръ извлечетъ для себя изъ тріумфа Цезаря,

достаточно-ли было бы этой причины, чтобы заставить его принять рѣшеніе? Онъ не принадлежалъ вѣдь къ числу людей, любящихъ все человѣчество для того, чтоты отлынивать отъ службы родному краю. Врядъ-ли рѣшился-бы онъ пожертвовать своей свободой подъ тѣмъ предлогомъ, что эта жертва будетъ полезна для Галловъ, Британцевъ и Сарматовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не оставался равнодушнымъ къ интересамъ всего міра, но интересы Рима трогали его еще болѣе. У него былъ кроткій и гуманный характеръ; въ своихъ прекрасныхъ сочиненіяхъ онъ писалъ, что народы должны составлять одну семью, онъ заслужилъ любовь той провинціи, которою управлялъ; между тѣмъ когда Цезарь открылъ для сопровождавшихъ его иностранцевъ и городъ, и самый сенатъ, онъ изъявилъ сильное неудовольствіе и осыпалъ жесточайшими насмѣшками этихъ варваровъ. Онъ хорошо видѣлъ, что эти Испанцы и Галлы, гордо прогуливающіеся по форуму, торжествуютъ надъ Римомъ. Гордость Римлянина возмущалась въ немъ при этомъ зрѣлищѣ, и я не вижу причины осуждать его за это. Если онъ сумѣлъ угадать или хоть смутно предвидѣть въ то время подготовлявшееся всеобщее освобожденіе завоеванныхъ народовъ, онъ вѣдь понялъ также, что это освобожденіе повлечетъ за собою гибель для независимаго, самобытнаго, отдѣльнаго существованія его страны. Очень естественно, что Римлянинъ не хотѣлъ заплатить этой цѣною даже за благоденствіе вселенной.

Былъ еще другой, очень благовидный, хотя и ложный предлогъ, употреблявшійся очень часто для увлеченія нерѣшительныхъ. Имъ говорили, что республика и свобода не заинтересованы въ войнѣ, которая не что иное, какъ борьба двухъ честолюбцевъ, спорящихъ за власть. Въ этомъ утвержденіи была доля истины, способная убѣдить легкомысленные умы. Несомнѣнно, что личные вопросы занимали значительное мѣсто въ этой распрѣ. Солдаты Цезаря дрались единственно за него, а Помпей велъ за собою множество друзей и креатуръ, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе тридцати лѣтъ благоденствія и могущества. Самъ Цицеронъ нѣсколько разъ намекаетъ на то, что его старая дружба къ Помпею привела его къ нему въ лагерь. «Ему, ему одному я жертвую собою», говоритъ онъ, собираясь покинуть Италію [1]). Въ иныя минуты, кажется, онъ радъ

[1]) Ad Att., IX, 1

какъ-нибудь сузить, ограничить эту распрю, въ которой самъ готовится принять участіе; тутъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ онъ повторяетъ то, что говорили сторонники Цезаря: «Это—споръ честолюбій, **regnandi contentio est**» [1]). Но, читая его переписку той эпохи, надо очень остерегаться. Никогда онъ не былъ такъ нерѣшителенъ, какъ въ то время. Онъ ежедневно мѣняетъ мнѣніе, нападаетъ на всѣ партіи и защищаетъ ихъ всѣ, такъ что, если ловко собрать въ одно цѣлое всѣ эти слова, вырвавшіяся у него въ минуты неудовольствій и колебаній, въ письмахъ его можно найти достаточно матеріала, чтобы завести процессъ со всѣми и со всѣмъ. Между тѣмъ это не болѣе, какъ вспышки безпокойнаго и испуганнаго ума, которыми не надо пользоваться ни противъ другихъ, ни противъ него самого. Такъ напр., говоря, будто республикѣ незачѣмъ мѣшаться въ эту распрю, онъ не высказываетъ того, что дѣйствительно думаетъ. Это одинъ изъ примышленныхъ имъ предлоговъ, чтобы оправдать свою нерѣшительность въ глазахъ друзей и людей близкихъ. Такъ рѣдко случается бывать вполнѣ искреннимъ, не говорю уже съ другими, но даже и съ самимъ собой! Мы такъ искусно доказываемъ себѣ, будто имѣемъ тысячу причинъ дѣлать то, что дѣлаемъ безъ причины, изъ выгодъ или по прихоти. Но когда Цицеронъ хочетъ быть искреннимъ и ему нѣтъ надобности обманывать ни себя, ни другихъ, онъ говоритъ совсѣмъ иначе. Тогда дѣло Помпея становится у него дѣломъ справедливости и права, всѣхъ честныхъ людей и свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что Помпей оказывалъ очень плохія услуги республикѣ, прежде чѣмъ обстоятельства не принудили его защищать ее. На него нельзя было положиться вполнѣ, не льзя не опасаться его честолюбія. Въ своемъ лагерѣ онъ принималъ манеры царя и имѣлъ у себя льстецовъ и министровъ. «Это Сулла въ маломъ видѣ, говорилъ Цицеронъ, также мечтающій о проскрипціяхъ, **sullaturit, proscripturit**» [2]). Республиканская партія взяла бы себѣ другого защитника, будь она свободна выбирать; но въ тотъ моментъ, когда Цезарь собралъ свои войска, эта партія, не имѣвшая ни солдатъ, ни генераловъ, поневолѣ должна была принять помощь Помпея. Она приняла ее, какъ помощь союзника, за которымъ недовѣрчиво наблюдаютъ, зная, что послѣ побѣды онъ

[1]) Ad. Att., X, 7.
[2]) Ad Att., IX, 10.

можетъ сдѣлаться врагомъ, но что безъ него не обойдтись во время битвы. Если же съ Помпеемъ и нельзя было вполнѣ поручиться за свободу, — всѣ хорошо знали, что съ нимъ она все-же не подвергалась такимъ опасностямъ какъ съ Цезаремъ. Правда, онъ былъ честолюбивъ, но честолюбіе его распространялось больше на почести, чѣмъ на власть. Два раза онъ подходилъ съ войскомъ къ воротамъ Рима. Демократія призывала его, и ему стоило только захотѣть сдѣлаться царемъ; два раза уже онъ распускалъ свои войска и отказывался отъ консульскаго достоинства. Его сдѣлали единственнымъ консуломъ, т. е. почти диктаторомъ, а онъ черезъ полгода самъ назначилъ себѣ помощника. Всѣ эти прецеденты заставляли думать искреннихъ республиканцевъ, что послѣ побѣды онъ удовольствуется громкими титулами и пышными похвалами, и что услуги его, безопасно для всѣхъ, оплатятся пурпуромъ и лаврами. Во всякомъ случаѣ, потребуй онъ чего другого, онъ навѣрное получилъ-бы отказъ и нашелъ-бы себѣ противниковъ въ большей части лицъ, вступившихъ въ союзъ съ нимъ. Въ его лагерѣ было много людей, которые не были его друзьями, и которыхъ нельзя заподозрить въ томъ, чтобы они взялись за оружіе съ намѣреніемъ завоевать ему тронъ. Катонъ не довѣрялъ ему и постоянно боролся съ нимъ. Брутъ, у котораго онъ убилъ отца, ненавидѣлъ его. Аристократы не прощали ему того, что онъ возстановилъ трибунскую власть и соединялся противъ нихъ съ Цезаремъ. Можно-ли вѣрить тому, чтобы всѣ эти крупныя личности, опытныя въ дѣлахъ, дались въ обманъ этому политику, никогда никого не обманувшему, и чтобы они, сами того не зная, трудились для него одного? Или слѣдуетъ допустить еще менѣе вѣроятное предположеніе, будто они знали что дѣлаютъ, и добровольно покидали страну, рисковали своимъ достояніемъ и отдавали свою жизнь, ради выгодъ и честолюбія нелюбимаго ими человѣка? Нѣтъ, навѣрное, они дѣйствовали не съ этой цѣлью. Пускаясь за море, рѣшаясь, не смотря на все свое отвращеніе, начать междуусобную войну, ставя себя подъ команду военачальника, на котораго они имѣли столько причинъ сердиться, они думали, что не просто вмѣшиваются въ личную ссору, а являются устранить опасность, грозящую свободѣ и республикѣ.

«Но и въ этомъ случаѣ, говорятъ намъ, вы ошибаетесь. Васъ вводятъ въ заблужденіе названія свободы и республики. Въ лагерѣ Помпея отстаивалась не свобода, а возможность для одной касты

угнетать народъ. Хотѣли поддержать преимущества тягостной для всѣхъ и несправедливой аристократіи. Сражались, чтобы сохранить за нею право угнетать плебеевъ и подавлять міръ.» Въ этомъ отношеніи друзья свободы должны перенести на Цезаря ту симпатію, которую они оказываютъ обыкновенно Помпею, такъ какъ онъ былъ либераломъ и демократомъ, человѣкомъ плебса и преемникомъ Гракховъ и Марія. Онъ, дѣйствительно, приписывалъ себѣ эту роль съ того дня, когда ему, въ то время почти ребенку, далось успѣшно выступить противъ Силлы. Будучи преторомъ и консуломъ, онъ служилъ, повидимому, очень преданно народному дѣлу, и въ тотъ моментъ, когда онъ шелъ на покинутый сенатомъ Римъ, онъ все-таки говорилъ: «Иду освободить римскій народъ отъ угнетающей его партіи» [1]).

Есть-ли хоть что-нибудь справедливое въ его притязаніи быть защитникомъ демократіи? Что долженъ былъ думать о немъ, не скажу, патрицій, который, конечно, думалъ много дурнаго, но такой врагъ знати и такой выскочка, какъ Цицеронъ? Не смотря на гнѣвъ, возбуждаемый въ Цицеронѣ презрѣніемъ къ нему аристократіи, и на его неудовольствіе по поводу того, что ему постоянно приходится встрѣчать на пути къ своимъ кандидатурамъ когонибудь изъ тѣхъ вельможъ, къ которымъ почести приходятъ во снѣ, я нигдѣ не вижу, чтобы неудовольствіе заставляло его предполагать, будто народъ въ самомъ дѣлѣ угнетенъ [2]), и я думаю, что когда при немъ говорили, будто Цезарь берется за оружіе для того, чтобы возвратить народу свободу, онъ спрашивалъ давно-ли тотъ утратилъ ее, и какія новыя преимущества хотятъ еще прибавить къ тѣмъ, которыми онъ уже обладаетъ. Онъ напоминалъ тогда, что народъ пользуется законной организаціей, что у него есть особаго рода должностныя лица, которымъ онъ могъ жаловаться на рѣшенія другихъ, что эти должностныя лица считались неприкосновенными и священными, и что законъ давалъ имъ громадную власть своимъ вмѣшательствомъ останавливать правительственныя дѣйствія и прерывать политическую жизнь; что онъ имѣлъ свободу трибуны и слова, право избранія, которымъ онъ торговалъ для того, чтобы

[1]) De bello civ., I, 22.

[2]) Нѣсколько разъ онъ даже какъ-бы говорить, что положеніе плебеевъ въ республикѣ было, собственно говоря, лучше положенія патриціевъ (Pro Cluent., 40. Pro doma sua, 14).

жить, и наконецъ, свободный доступъ ко всѣмъ должностямъ, и ему стоило привести самого себя въ примѣръ, чтобы доказать, что человѣкъ, не имѣющій ни знатныхъ предковъ, ни богатства, можетъ достигнуть даже консульства. Правда, что подобный успѣхъ бывалъ рѣдокъ. Равенство, предписанное въ законѣ, много страдало, дѣйствительно прилагаясь къ дѣлу. Въ консульскихъ спискахъ этого времени встрѣчаются почти исключительно одни знатныя имена. Нѣкоторыя фамиліи, повидимому, окончательно овладѣли главными должностями въ государствѣ; онѣ стерегли доступъ къ нимъ и не дозволяли никому къ нимъ приблизиться. Но развѣ для того, чтобы разрушить эти препятствія, противупоставленныя нѣкоторыми искусными честолюбцами правильному развитію учрежденій, надо было уничтожить эти самыя учрежденія? Развѣ зло было такъ велико, что необходимо было прибѣгнуть къ радикальному средству въ родѣ неограниченной власти? Было-ли запрещено думать, что скорѣе излѣчитъ отъ него свобода, нежели деспотизмъ? Развѣ бывшіе не за долго передъ тѣмъ примѣры не доказали, что сильнаго потока общественнаго мнѣнія достаточно для того, чтобы уничтожить всѣ эти аристократическія сопротивленія? Законы предлагали народу средство возвратить себѣ вліяніе, если онъ этого энергически захочетъ. Обладая свободою выборовъ и трибуны, имѣя за себя вмѣшательство трибуновъ и неодолимую силу численнаго перевѣса, онъ подъконецъ необходимо долженъ былъ взять верхъ. Если онъ предоставлялъ власть другимъ, то это была его собственная вина, и онъ заслуживалъ того униженія, въ какомъ его держала знать, если самъ не усиливался изъ него выйти. Цицеронъ мало уважалъ современный ему народъ; онъ считалъ его равнодушнымъ и апатичнымъ по природѣ. «Онъ ничего не требуетъ, говорилъ онъ, ничего не желаетъ» [1]); всякій разъ, когда онъ замѣчалъ его волненія на общественной площади, онъ воображалъ, что это чудо произведено щедростью какихъ-нибудь честолюбцевъ. Слѣдовательно, онъ не могъ думать, что народу надо дать еще новыя права, когда онъ не умѣлъ пользоваться, какъ слѣдуетъ, своими старыми правами. Вотъ почему онъ не считалъ серьёзнымъ предлогъ Цезаря взяться за оружіе. Онъ никогда не соглашался видѣть въ немъ преемника Гракховъ, явившагося освободить угнетенныхъ плебеевъ; никогда эта подготовлявшаяся война не ка-

[1]) Pro Sext., 49.

залась ему продолженіемъ древней борьбы между народомъ и аристократіей, наполняющей собою римскую исторію. Дѣйствительно, это собраніе раззорившихся баръ, Долабеллъ, Антоніевъ, Куріоновъ, шедшихъ подъ предводительствомъ того, кто называлъ себя сыномъ царей и боговъ, мало заслуживало названія народной партіи, и дѣло шло не о томъ, чтобы защищать привилегіи рожденія въ такомъ станѣ, куда сошлось столько всадниковъ и плебеевъ, и гдѣ были такіе вожди, какъ Варронъ, Цицеронъ и Катонъ, т. е. два мелкихъ гражданина изъ Арпинума и Реаты и потомокъ тускулумскаго крестьянина.

Повидимому, самъ Цезарь не слишкомъ заботился о томъ, чтобы прослыть борцомъ за демократію. Внимательно читая записки его, мы не замѣчаемъ, чтобы онъ много говорилъ объ интересахъ народа. Приведенная мною сейчасъ фраза—почти единственное мѣсто, гдѣ о нихъ говорится. Во всемъ остальномъ онъ откровеннѣе. Въ началѣ междуусобной войны, излагая причины, почему онъ ее начинаетъ, онъ жалуется, что ему отказываютъ въ консульствѣ, что у него отнимаютъ его провинцію и отрываютъ его отъ его войска; при этомъ онъ ни слова не говоритъ о народѣ, о его непризнанныхъ правахъ, о его угнетенной свободѣ. А въ эту именно минуту о нихъ слѣдовало говорить, чтобы оправдать предпріятіе, осуждаемое столькими, честнѣйшими людьми. Чего онъ требовалъ въ своихъ послѣднихъ условіяхъ сенату прежде, чѣмъ идти на Римъ? Все-таки своего консульства, своей арміи, своей провинціи; онъ защищалъ свои личные интересы и договаривался о самомъ себѣ; ему даже никогда не приходило въ голову просить обезпеченья для этого народа, чьимъ защитникомъ онъ себя называлъ. Вокругъ него, въ его лагерѣ думали о народѣ не больше, чѣмъ онъ самъ. Его лучшіе друзья и храбрѣйшіе генералы не заявляли притязанія быть ни реформаторами, ни демократами. Слѣдуя за нимъ, они не думали о томъ, что идутъ возвратить свободу своимъ согражданамъ; они просто хотѣли отмстить за своего оскорбленнаго вождя и завоевать для него могущество. «Мы солдаты Цезаря», говорили они вмѣстѣ съ Куріономъ [1]). У нихъ не было другого титула, и они не знали другого названія. Когда этимъ старымъ центуріонамъ, видѣвшимъ Германію и Испанію и бравшимъ Алезію и Герговію, совѣтовали покинуть Цезаря и перейти на сто-

[1]) De bello afric., 45.

рону законовъ и республики, они не отвѣчали, что защищаютъ народъ и его права. «Чтобы мы, говорили они, покинули нашего генерала, давшаго намъ столько чиновъ, и взялись за оружіе противъ арміи, въ которой мы побѣдоносно служимъ цѣлые тридцать шесть лѣтъ! Мы этого никогда не сдѣлаемъ». Эти люди были уже не граждане, а солдаты. Послѣ тридцати шести лѣтъ побѣдъ они утратили преданія гражданской жизни и любовь къ ней; они сдѣлались равнодушны къ правамъ народа, и слава замѣнила для нихъ свободу. Цицеронъ и его друзья находили, что это обстановка не народнаго вождя, желающаго возвратить свободу своимъ согражданамъ, а честолюбца, стремящагося утвердить неограниченную власть съ помощью оружія, и они не ошибались. Это доказывается всего лучше поведеніемъ Цезаря послѣ войны. Какъ самъ онъ воспользовался своей побѣдою? Какъ онъ далъ воспользоваться ею тому народу, чьи интересы онъ претендовалъ защищать? Я не говорю о томъ, что онъ могъ сдѣлать для его благосостоянія и удовольствій, о данныхъ имъ для него роскошныхъ праздникахъ, общественныхъ пирахъ, о хлѣбѣ и маслѣ, щедро розданныхъ самобѣднѣйшимъ, о 400 сестерціяхъ (80 франкахъ), выплаченныхъ имъ каждому гражданину въ день своего тріумфа; если тогдашніе плебеи довольствовались подобными милостынями, если они соглашались жертвовать за эту цѣну своею свободой, то я прощаю Цицерона за то, что онъ не питалъ къ нимъ большого уваженія и не перешелъ на ихъ сторону; но если они требовали иного, если хотѣли болѣе полной независимости, большаго участія въ дѣлахъ своей страны, новыхъ политическихъ правъ, то вѣдь они не получили ихъ, и побѣда Цезаря, не смотря на его обѣщанія, не сдѣлала ихъ ни болѣе вліятельными, ни болѣе свободными. Цезарь унизилъ аристократію, но сдѣлалъ это въ свою пользу. Онъ отнялъ у сената исполнительную власть, но лишь для того, чтобы забрать ее въ свои руки. Онъ установилъ равенство во всѣхъ сословіяхъ, но это было равенство рабства, при которомъ всѣ были обязаны одинаковымъ послушаніемъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что послѣ того, какъ онъ заставилъ умолкнуть трибуну, лишилъ народъ права выбора и захватилъ въ свои руки всѣ общественныя власти, назначенный имъ сенатъ, истощивъ запасъ лести, торжественно присудилъ ему названіе освободителя и утвердилъ предложеніе воздвигнуть храмъ свободѣ. Если Цицерона и его друзей обвиняютъ въ томъ, что они взялись за оружіе противъ такой свободы, мнѣ кажется, не стоитъ труда защищать ихъ отъ подобнаго упрека.

Возвратимъ вещамъ ихъ настоящія имена. Цезарь старался для себя, а не для народа, и Цицеронъ, вступивъ съ нимъ въ борьбу, думалъ, что онъ защищаетъ республику, а не аристократическія привилегіи. Но стоила-ли эта республика того, чтобы ее защищали? Была-ли какая-нибудь надежда сохранить ее? Не явно ли было, что гибель ея неизбѣжна? Таково послѣднее возраженіе, дѣлаемое лицамъ, послѣдовавшимъ за партіей Помпея. Признаюсь, что на него не легко отвѣчать. То зло, отъ котораго терпѣлъ Римъ, и которое обнаруживалось въ безпорядкахъ и насиліяхъ, столь печально изображенныхъ въ письмахъ Цицерона, не принадлежало къ числу такихъ, чтобы его можно было исправить путемъ нѣсколькихъ мудрыхъ преобразованій. Оно было старо и глубоко. Оно возростало съ каждымъ днемъ, и никакой законъ не могъ ни предупредить, ни остановить его. Можно-ли было надѣяться уничтожить его посредствомъ робкихъ мѣръ предлагаемыхъ смѣльчаками? Къ чему было уменьшать привилегіи аристократіи и увеличивать права плебеевъ, какъ это хотѣли сдѣлать? Самые источники общественной жизни были сильно повреждены. Зло происходило отъ способа, какимъ набирались граждане.

Долгое время Римъ почерпалъ свою силу въ деревенскомъ населеніи. Изъ этихъ-то деревенскихъ, наиболѣе уважаемыхъ трибъ и вышли храбрые воины, завоевавшіе Италію и покорившіе Карѳагенъ; но этотъ земледѣльческій и воинственный народъ, такъ хорошо защищавшій республику, не сумѣлъ защитить самого себя отъ напора крупныхъ собственниковъ. Стѣсняемый мало по малу ихъ громадными имѣніями, гдѣ обработка земли легче, бѣдный крестьянинъ долго боролся съ нуждою и ростовщиками; наконецъ, утративъ въ этой борьбѣ всякое мужество, онъ продавалъ свое поле богатому сосѣду, покупавшему его для округленія своихъ земель. Затѣмъ онъ пытался быть кортомщикомъ, половникомъ, наймитомъ на той самой почвѣ, которою такъ долго владѣлъ; но здѣсь онъ встрѣчалъ совмѣстничество раба, труженика болѣе умѣреннаго, не торгующагося о цѣнѣ, не заключающаго условій и позволяющаго обращаться съ собою, какъ угодно [1]). Такимъ образомъ, два раза изгнанный съ своего поля, и

[1]) См. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité Валлона. т. II, гл. XI.

какъ землевладѣлецъ, и какъ кортомщикъ, не имѣя ни работы, ни средствъ къ жизни, онъ принужденъ былъ переселиться въ городъ. Между тѣмъ въ Римѣ жизнь была для него не легче. Что онъ могъ тамъ дѣлать? Промышленность была тамъ не развита, да и находилась вообще въ рукахъ людей не свободныхъ. Въ странахъ, гдѣ процвѣтаетъ рабство, трудъ цѣнится дешево; свободный человѣкъ считаетъ какъ-бы за свое преимущество и за честь умереть съ голоду, ничего не дѣлая. При этомъ каждый вельможа имѣлъ въ числѣ своихъ рабовъ всевозможныхъ ремесленниковъ, а такъ какъ ему одному не нужно было столько рабочихъ, онъ отдавалъ ихъ въ наймы тѣмъ, у кого ихъ не было, или открывалъ на углу своего дома лавочку, гдѣ они торговали въ его пользу. И здѣсь также конкурренція рабства убивала свободный трудъ. По счастію, въ эту эпоху Марій открылъ ряды войскъ для самыхъ бѣдныхъ гражданъ (**capite censi**). Эти несчастные, не находя иныхъ средствъ къ жизни, сдѣлались солдатами. На худой конецъ, они довершили завоеваніе свѣта, покорили Африку, Галлію и Востокъ, посѣтили Британію и Германію, и большинство изъ нихъ, т. е. самые храбрые и лучшіе, остались въ этихъ отдаленныхъ походахъ. Между тѣмъ пустота, образовавшаяся въ городѣ вслѣдствіе ухода столькихъ людей, уже не возвращавшихся въ него больше, плохо пополнялась. Со времени могущества Рима въ него стекались люди изо всѣхъ странъ свѣта, и ужь конечно не самые честные. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ защищаться отъ такихъ иноземныхъ вторженій; но какіе строгіе законы ни издавалъ онъ, чтобы удалить ихъ, они постоянно возвращались и скрывались въ этомъ громадномъ городѣ, лишенномъ полиціи, а разъ поселившись въ немъ, они подъ-конецъ непремѣнно получали званіе гражданъ, богатые — за деньги, а остальные — путемъ угодливости или хитрости. Другіе пріобрѣтали его еще проще, не имѣя даже надобности выпрашивать его; это были вольноотпущенные. Конечно, законъ не давалъ имъ сразу всѣхъ политическихъ правъ; но послѣ одного или двухъ поколѣній, всѣ затрудненія исчезали, и внукъ человѣка, ворочавшаго жернова и проданнаго на невольничьемъ рынкѣ, вотировалъ законы и назначалъ консуловъ, какъ настоящій Римлянинъ древняго рода. Изъ подобной смѣси вольноотпущенныхъ и иностранцевъ, составлялся въ то время такъ-называемый по привычкѣ римскій народъ, — жалкій народъ, жившій щедростью частныхъ лицъ и милостынею государства, не имѣвшій ни воспоминаній, ни преданія,

ни политическаго духа, ни даже нравственности, такъ какъ онъ былъ незнакомъ съ трудомъ, составляющимъ честь и достоинство жизни даже и въ самыхъ низкихъ слояхъ общества. При подобномъ народѣ республика была уже невозможна. Ни одно правленіе не требуетъ столько честности и политическаго смысла отъ тѣхъ, кто имъ пользуется. Чѣмъ болѣе оно даетъ преимуществъ, тѣмъ болѣе требуетъ преданности и смысла. Люди, не пользовавшіеся своими правами или торговавшіе ими, были недостойны того, чтобъ имѣть ихъ. Неограниченная власть, столько ими желанная и принятая съ восторгомъ, была какъ-бы создана для нихъ; понятно послѣ того, что историкъ, вглядываясь издалека въ событія прошлаго, и видя, какъ въ Римѣ исчезла свобода, утѣшаетъ себя той мыслью, что это было заслужено и неизбѣжно, онъ прощаетъ и даже рукоплещетъ тому человѣку, который, ниспровергая свободу, былъ не болѣе, какъ орудіемъ справедливости или необходимости.

Но, могли-ли жившіе въ то время люди, привязанные къ республиканскому правительству по преданіямъ и по воспоминаньямъ, памятовавшіе совершонныя имъ великія дѣла, обязанные ему своимъ значеніемъ, положеніемъ и извѣстностью, могли-ли они думать такъ, какъ мы, и такъ-же легко примириться съ его паденіемъ? Прежде всего это правленіе уже существовало. Съ его недостатками сжились съ весьма давняго уже времени. Отъ нихъ не такъ сильно страдали, потому-что уже привыкли къ нимъ. Теперь, напротивъ того, никто не зналъ, какова будетъ новая власть, замѣнившая собой республику. Царская власть внушала къ себѣ инстинктивное отвращеніе Римлянамъ, особенно съ тѣхъ поръ какъ они завоевали Востокъ. Подъ этимъ именемъ они нашли тамъ самое гнусное изъ правленій, полнѣйшее порабощеніе среди самой утонченной цивилизаціи, всѣ наслажденія роскоши и искусствъ, прекраснѣйшій расцвѣтъ ума, и рядомъ съ этимъ самую тяжелую и низкую тираннію, государей, привыкшихъ играть достояніемъ, честью и жизнью людей, нѣчто въ родѣ тѣхъ жестокихъ баловней, какіе встрѣчаются теперь только въ африканскихъ пустыняхъ.

Подобная картина не могла соблазнить ихъ, и каковы-бы ни были неудобства, представляемыя республикой, они спрашивали себя, стоитъ-ли ихъ мѣнять на тѣ, которыя можетъ принесть царская власть. Кромѣ того очень естественно, что паденіе республики не казалось

имъ такъ близко и неизбѣжно, какъ представляется теперь намъ. Съ государствами вѣдь то же, что и съ людьми, по кончинѣ которыхъ отыскиваются тысячи причинъ для смерти ихъ, —причинъ, никѣмъ не подозрѣваемыхъ при ихъ жизни. Пока еще дѣйствовалъ механизмъ этого стараго правленія, нельзя было видѣть, до какой степени расшаталась вся машина. По временамъ находитъ на Цицерона глубокое отчаянье. и онъ объявляетъ друзьямъ, что все погибло; но такія минуты непродолжительны, и онъ быстро ободряется. Ему кажется, что твердая рука, краснорѣчивое слово, соглашеніе добрыхъ гражданъ, могутъ еще все поправить, и что свобода легко исправитъ то, что произошло дурнаго вслѣдствіе злоупотребленія ею. Онъ никогда не видитъ, какъ велика опасность. Въ самые плохіе дни мысль его не идетъ далѣе интригановъ и честолюбцевъ, смущающихъ общественный покой; онъ вѣчно обвиняетъ Катилину, Цезаря и Клодія и думаетъ, что все будетъ спасено, если удастся побѣдить ихъ. Онъ ошибался. Катилина и Клодій были только признаки, симптомы болѣе глубокаго и уже неисцѣлимаго недуга; но слѣдуетъ-ли осуждать его за то, что онъ питалъ эту надежду, не смотря на всю ея несбыточность? Виноватъ-ли онъ въ томъ, что, по его мнѣнію, были иныя средства спасти республику, кромѣ пожертвованія ея свободой? Честный человѣкъ и хорошій гражданинъ не долженъ принимать сразу подобныхъ крайностей. Сколько-бы имъ ни говорили, что по приговору судьбы излюбленное ими правительство, которое они обѣщали защищать, должно погибнуть, они хорошо дѣлаютъ, что считаютъ его вполнѣ погибшимъ только тогда, когда оно уже низвергнуто. Пусть ихъ называютъ слѣпцами или простаками; они могутъ гордиться тѣмъ, что были не слишкомъ проницательны; есть ошибки и заблужденія, которыя гораздо лучше слишкомъ легкой покорности. Я вѣрю тому, что въ Римѣ уже не существовало дѣйствительной свободы, и оставалась только тѣнь ея, но и эта тѣнь еще что-нибудь да значила. Нельзя сердиться на тѣхъ, кто привязанъ къ ней и дѣлаетъ отчаянныя усилія для того, чтобы не дать ей погибнуть, потому-что эта тѣнь, этотъ призракъ утѣшаетъ ихъ въ утратѣ свободы и даетъ имъ хоть нѣкоторую надежду снова завоевать ее. Такъ думали всѣ честные люди, каковъ Цицеронъ, которые по зрѣломъ размышленіи, безъ всякаго увлеченія и страсти и даже пожалуй безъ всякой надежды, отправились наконецъ къ Помпею;

въ слѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ Луканъ заставляетъ сказать Катона то, что, по моему мнѣнію, выражало чувства людей, вполнѣ понимавшихъ печальное положеніе республики и тѣмъ не менѣе продолжавшихъ до самаго конца защищать ее: «Подобно тому, какъ отецъ, потерявши своего ребенка, съ любовью устроиваетъ его похороны, зажигаетъ своими руками погребальный костеръ, разстается съ нимъ съ сожалѣніемъ и какъ можно позже, такъ и я, о Римъ, не покину тебя до тѣхъ поръ, пока не подержу тебя мертвымъ въ своихъ рукахъ. Я до конца послѣдую за однимъ твоимъ именемъ, о свобода, даже тогда, когда ты будешь не болѣе, какъ обманчивою тѣнью» [1]).

V.

Фарсала не была концомъ политической карьеры Цицерона, какъ онъ это, повидимому, думалъ самъ. Событія должны были еще разъ привести его къ власти и снова поставить во главѣ республики. Его уединенная жизнь, его молчаніе въ первыя времена диктатуры Цезаря не только не повредили его репутаціи, но еще возвысили ее. Оставаясь на время не у дѣлъ, государственные люди теряютъ не такъ много, какъ они воображаютъ. Отставка, переносимая ими съ достоинствомъ, возвеличиваетъ ихъ. Достаточно того, чтобы они были не у власти, и о нихъ непремѣнно начинаютъ уже сожалѣть. Когда не добиваются ихъ мѣста, тогда меньше причинъ строго относиться къ нимъ, а такъ какъ отъ недостатковъ ихъ ужь болѣе не теряютъ, то легко объ нихъ позабываютъ и вспоминаютъ только о хорошихъ качествахъ. Это самое случилось съ Цицерономъ. Его паденіе обезоружило всѣхъ враговъ, созданныхъ его могуществомъ, и популярность его не была никогда такъ велика, какъ въ ту минуту, когда онъ добровольно удалился отъ взоровъ публики. Впослѣдствіи, когда онъ

[1]) Лук., Phars. II, 300:

Nonante revellar
Exanimem quam te complectar, Roma, tuumque
Nomen, libertas, et inanem prosequar umbram.

счелъ нужнымъ больше приблизиться къ Цезарю, онъ такъ ловко велъ себя, такъ искусно согласовалъ покорность съ независимостью и въ самыхъ похвалахъ и лести умѣлъ такъ хорошо сохранить духъ оппозиціи, что общественное мнѣніе не переставало благопріятно относиться къ нему. Притомъ самые знаменитые защитники проиграннаго дѣла, Помпей, Катонъ, Сципіонъ, Бибулъ, уже умерли. Изо всѣхъ, съ честью занимавшихъ важныя должности при прежнемъ правленіи, оставался онъ одинъ; потому на него привыкли смотрѣть, какъ на послѣдняго представителя республики. Извѣстно, что въ мартовскіе иды Брутъ и его друзья, умертвивши Цезаря, призывали Цицерона, потрясая своими окровавленными кинжалами. Такимъ образомъ они какъ-бы признавали его вождемъ своей партіи и чествовали его пролитою ими кровью.

Итакъ, не столько его собственная воля, сколько обстоятельства заставили его играть такую важную роль въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью Цезаря. Ниже [1]) я разскажу, какимъ образомъ онъ былъ доведенъ до того, чтобы начать борьбу съ Антоніемъ, въ которой онъ и погибъ. Я докажу, что онъ началъ ее не самъ и не по собственной волѣ. Онъ оставилъ Римъ и не хотѣлъ возвращаться въ него. Онъ думалъ, что прошло время законныхъ сопротивленій, что противъ ветерановъ Антонія надо выставлять хорошихъ солдатъ, а не основательные доводы, и онъ не ошибался. Убѣжденный, что его роль окончена, и что теперь начинается роль людей военныхъ, онъ отправился въ Грецію, но сильнымъ вѣтромъ былъ занесенъ въ Регіумъ. Отсюда онъ пустился въ портъ Велію, гдѣ нашелъ Брута, собиравшагося также покинуть Италію; и тогда тотъ, съ своей всегдашней нравственной щепетильностью и ненавистью ко всякому насилію, попросилъ его сдѣлать еще нѣсколько усилій, чтобы оживить народъ и въ послѣдній разъ испытать борьбу на законной почвѣ. Цицеронъ уступилъ просьбамъ своего друга и, хотя почти вовсе не надѣялся на успѣхъ, поспѣшилъ вернуться въ Римъ, чтобы дать послѣднюю битву. Во второй разъ уже «онъ являлся, какъ Амфіарай, кинуться живымъ въ пропасть».

Въ этотъ день Брутъ оказалъ ему большую услугу. Отчаянное предпріятіе, въ которое онъ его втянулъ почти противъ воли, не могло принести пользы республикѣ, но за то содѣйствовало славѣ

---

[1]) Въ главѣ о Брутѣ.

Цицерона. Это была, пожалуй, самая прекрасная минута въ его политической жизни. Прежде всего мы съ удовольствіемъ и почти съ удивленіемъ находимъ его твердымъ и рѣшительнымъ. Онъ какъ будто освободился отъ всякихъ колебаній, стѣснявшихъ обыкновенно его дѣйствія. Да признаться сказать, въ то время и нельзя было колебаться. Вопросъ никогда не ставился такъ начисто. При всякомъ новомъ движеніи событій партіи обрисовывались все яснѣе. Въ первый разъ общеизвѣстное честолюбіе Цезаря, собирая вокругъ римской аристократіи всѣхъ, кто, подобно ей, желалъ сохранить древнія учрежденія, расширило рамки этой старой партіи и видоизмѣнило ея программу. Увеличиваясь въ размѣрѣ, благодаря новымъ элементамъ, она вмѣстѣ съ именемъ измѣнила и характеръ; она сдѣлалась партіей порядка, партіей честныхъ людей, оптиматовъ. Этимъ именемъ ихъ любитъ обозначать Цицеронъ. Это названіе было еще не совсѣмъ ясно; оно опредѣлилось послѣ Фарсалы. Такъ какъ въ эту минуту намѣренія побѣдителя становятся несомнѣнными, такъ какъ онъ открыто замѣняетъ своею властью власть сената и народа, то сопротивляющаяся ему партія принимаетъ подходящее для себя имя, въ которомъ никто уже не можетъ отказать ей, и становится республиканской партіей. Итакъ, между республикой и деспотизмомъ завязывается открытая борьба. А чтобы въ этомъ еще меньше можно было сомнѣваться, деспотизмъ, по смерти Цезаря, показывается въ своей почти не замаскированной и, такъ сказать, самой грубой формѣ. Воинъ, не обладающій ни политическимъ геніемъ, ни изящными манерами, ни возвышенностью души, грубый, развратный и жестокій, силой требуетъ для себя наслѣдства великаго диктатора. Онъ не даетъ себѣ труда скрывать свои намѣренія, и ужь ни Цицеронъ, ни кто другой не можетъ больше обманываться въ нихъ. Для этой столь нерѣшительной и обыкновенно колеблющейся души было, вѣроятно, большимъ облегченіемъ такъ ясно увидѣть истину, не замѣчать болѣе тѣней между нею и своимъ умомъ, вполнѣ вѣрить правотѣ своего дѣла, и послѣ такой бездны сомнѣній и темнотъ бороться, наконецъ, при дневномъ свѣтѣ. За то мы такъ и чувствуемъ, что ему хорошо на душѣ! Онъ сдѣлался гораздо живѣе и свободнѣе прежняго. Какая пылкость въ этомъ старикѣ, и какая страстная жажда схватки! Ни одинъ изъ окружающихъ его молодыхъ людей не показываетъ столько рѣшимости, какъ онъ, и самъ онъ, навѣрное, моложе теперь, чѣмъ въ ту эпоху, когда онъ боролся съ

Катилиною или Клодіемъ. Онъ не только рѣшительно вступаетъ въ послѣднюю борьбу, но, что съ нимъ гораздо рѣже случается, не ослабѣвая доводитъ ее до конца. По странному противорѣчію, въ этомъ предпріятіи, самомъ опасномъ, въ какое онъ когда-либо пускался, которое стоило ему подъ-конецъ жизни, онъ всего лучше сопротивлялся своему обычному малодушію, своей обычной немощи силъ.

По возвращеніи въ Римъ, еще оживленный пыломъ, почерпнутымъ имъ въ Веліи въ бесѣдахъ съ Брутомъ, онъ отправился въ сенатъ и рѣшился говорить тамъ. Первая его Филиппика, по сравненію ея съ другими, кажется блѣдною и робкою; а между тѣмъ сколько мужества требовалось для того, чтобы произнести ее въ этомъ равнодушномъ городѣ, передъ испуганными сенаторами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Антонія, бѣшенаго и грознаго, разузнававшаго черезъ своихъ шпіоновъ все, что о немъ говорилось. Итакъ, Цицеронъ оканчивалъ тѣмъ, чѣмъ онъ началъ. Два раза, съ промежуткомъ въ тридцатъ пять лѣтъ, онъ протестовалъ одинъ, среди всеобщаго молчанія противъ страшной для всѣхъ власти, не терпѣвшей сопротивленія. Мужество такъ-же заразительно, какъ и страхъ. Мужество, оказанное Цицерономъ въ своей рѣчи, заставило другихъ открыть его въ себѣ самихъ. Это свободное слово изумило и затѣмъ пристыдило молчавшихъ. Цицеронъ воспользовался этими первыми, хотя еще очень робкими порывами, чтобы собрать вокругъ себя нѣсколько человѣкъ и найти защитниковъ для забытой почти республики. Но въ этомъ-то и заключалась трудность. Изъ республиканцевъ почти никого не было на лицо, самые смѣлые изъ нихъ отправились вслѣдъ за Брутомъ въ Грецію. Ничего больше не оставалось, какъ обратиться къ умѣреннымъ всѣхъ партій и ко всѣмъ, кого оскорбляли бѣшеныя выходки Антонія. Цицеронъ заклиналъ ихъ позабыть свои старыя распри и соединиться между собою. «Теперь говорилъ онъ, для всѣхъ честныхъ людей есть только одинъ корабль.» [1]) Въ этомъ узнается его всегдашняя политика. Онъ снова старается составить союзъ, какъ во времена своего консульства. Эта роль положительно нравилась ему больше всѣхъ и подходила къ нему всего больше. По гибкости своего характера и принциповъ, онъ болѣе всякаго другого былъ способенъ примирять мнѣнія, а усвоенный имъ навыкъ примыкать отчасти ко всѣмъ партіямъ,

[1]) Ad fam., XII, 25.

сдѣлалъ то, что Цицеронъ не былъ нигдѣ чужой и въ каждой изъ нихъ находилъ себѣ друзей. Потому и предпріятіе его сначала пошло, повидимому, довольно удачно. Многіе изъ военачальниковъ Цезаря готовы были слушать его, особенно тѣ, которые находили, что въ сущности они меньше теряютъ, оставаясь гражданами свободнаго государства, чѣмъ сдѣлавшись подданными Антонія; слушали его и честолюбцы низшаго разряда, подобные Гирцію и Пансѣ, не чувствовавшіе въ себѣ по смерти своего господина довольно силы для того, чтобы стремиться къ первостепеннымъ мѣстамъ, и не желавшіе въ то-же время ограничиться второстепенными. Къ несчастію, это было пока сборище вождей безъ воиновъ, и никогда не ощущалось такой потребности въ солдатахъ, какъ теперь. Антоній былъ въ Брундузіумѣ и поджидалъ тамъ легіоны, вызванные имъ изъ Македоніи. Взбѣшенный тѣмъ, что встрѣтилъ неожиданное сопротивленіе, онъ объявилъ, что отмститъ за него грабежомъ и убійствомъ; и всѣ знали, что онъ на это способенъ. Каждому казалось уже, что домъ его разграбленъ, поле раздѣлено, и семейство изгнано. Всюду господствовалъ ужасъ. Всѣ трепетали, скрывались, бѣжали. Самые неустрашимые искали повсюду, кого призвать на защиту республики. Помощи можно было ожидать только отъ Децима Брута, занимавшаго Цизальпинскую Галлію съ нѣсколькими легіонами войска, или отъ Секста Помпея, переформировавшаго въ то время войска свои въ Сициліи; но то была сомнительная, отдаленная помощь, между тѣмъ, какъ гибель была несомнѣнна и близка. Тогда, среди всеобщаго страха, племянникъ Цезаря, юный Октавій, державшійся до тѣхъ поръ въ сторонѣ, благодаря зависти Антонія и недовѣрію республиканцевъ, и съ нетерпѣніемъ выжидавшій случая сдѣлаться извѣстнымъ, подумалъ, что случай этотъ наконецъ представился. Онъ обѣжалъ окрестности Рима, призывая къ оружію поселенныхъ тамъ ветерановъ своего дяди. Его имя, дѣлаемые имъ подарки и щедро раздаваемыя обѣщанія вскорѣ привлекли къ нему солдатъ. Въ Калаціи, въ Казилинумѣ онъ собралъ ихъ въ нѣсколько дней до трехъ тысячъ. Тогда онъ обратился къ вождямъ сената, предложилъ имъ помощь своихъ ветерановъ, прося у нихъ вмѣсто всякой платы, чтобы они одобрили предпринимаемыя имъ усилія спасти ихъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи нельзя было отказаться отъ помощи, безъ которой явно грозила гибель, и самъ Цицеронъ, показавшій сначала нѣкоторое недовѣріе, далъ подконецъ

соблазнить себя этому юношѣ, который приходилъ совѣтоваться съ нимъ, льстилъ ему и называлъ его своимъ отцомъ. Когда, благодаря ему, всѣ были спасены и увидѣли, что Антоній, покинутый многими изъ своихъ легіоновъ, принужденъ оставить Римъ, гдѣ Октавій не давалъ ему свободно дѣйствовать, признательность сената была такъ-же безгранична, какъ великъ былъ его страхъ. Спаситель былъ осыпанъ почестями и похвалами. Цицеронъ превознесъ его гораздо выше его дяди; онъ называлъ его божественнымъ юношей, ниспосланнымъ самимъ небомъ для защиты отечества, и поручился за его вѣрность и патріотизмъ: неосторожныя слова, въ которыхъ жестоко укорялъ его Брутъ, и которыя вскорѣ должны были опровергнуться событіями!

Слѣдовавшіе затѣмъ факты всякому извѣстны дотого, что нѣтъ нужды ихъ разсказывать. Никогда Цицеронъ не игралъ болѣе важной политической роли, какъ въ этотъ моментъ; никогда онъ такъ не заслужилъ названія государственнаго мужа, въ которомъ отказываютъ ему враги его. Впродолженіе шести мѣсяцевъ онъ былъ главою республиканской партіи, вновь устроивавшейся по его призыву. «Я подалъ сигналъ къ этому пробужденію,» [1]) говорилъ онъ съ гордостью, и былъ правъ. Рѣчь его возбудила хоть сколько-нибудь патріотизма и энергіи въ этомъ равнодушномъ народѣ. Онъ еще разъ заставилъ его рукоплескать при великихъ именахъ отечества и свободы, которыя вскорѣ должны были навсегда умолкнуть на форумѣ. Изъ Рима этотъ пылъ распространился на сосѣднія муниципіи, и понемногу пришла въ движеніе вся Италія. Но этого для него недостаточно, и онъ отправляется еще дальше искать враговъ Антонію и защитниковъ республикѣ. Онъ пишетъ проконсуламъ провинцій и начальникамъ войскъ. Съ одного конца свѣта до другого онъ бранитъ равнодушныхъ, льститъ честолюбивымъ и привѣтствуетъ людей энергическихъ. Онъ нудитъ вѣчно колеблющагося Брута овладѣть Греціей. Онъ прославляетъ отважный поступокъ Кассія, сдѣлавшій его властелиномъ Азіи, и побуждаетъ Корнифиція изгнать изъ Африки Антоніевыхъ солдатъ; онъ одобряетъ Децима Брута стойко сопротивляться въ Моденѣ. Страстно вызываемыя имъ благопріятныя заявленія идутъ къ нему со всѣхъ сторонъ. Даже самые враги и измѣнники не смѣютъ открыто отказать ему въ сво-

1) Philipp., XIV, 7.

емъ содѣйствіи. Лепидъ и Планкъ напыщенно увѣряютъ въ своей вѣрности. Полліонъ торжественно пишетъ ему, «что клянется быть врагомъ всѣхъ тирановъ.» [1]) Отовсюда ему предлагаютъ дружбу, просятъ у него поддержки и поручаютъ себя его покровительству. Его Филиппики, которыхъ ему, по счастію, некогда передѣлывать, распространяются по всему свѣту почти въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ произноситъ, сохраняя вмѣстѣ съ живостью первой наброски слѣды перерывовъ и рукоплесканій народа. Эти страстныя импровизаціи всюду разносятъ впечатлѣніе великихъ народныхъ сценъ. Ихъ читаютъ въ провинціяхъ, ихъ поглощаютъ въ арміяхъ, и изъ самыхъ отдаленныхъ странъ до Цицерона доходятъ изъявленія вызываемаго ими восторга! «Твоя тога еще счастливѣе твоего оружія,» сказалъ ему одинъ побѣдоносный полководецъ и прибавилъ: «Въ тебѣ консуляръ превзошелъ консула.»)—«Солдаты мои къ твоимъ услугамъ,» пишетъ ему другой. [3]) Ему приписывается слава всего, что происходитъ счастливаго въ республикѣ. Его поздравляютъ со всѣми ея успѣхами и благодарятъ его за нихъ. Вечеромъ, когда въ Римѣ узнали о Моденской побѣдѣ, весь народъ явился за нимъ къ нему на домъ, съ тріумфомъ повелъ его въ Капитолій и пожелалъ услышать изъ его устъ разсказъ о битвѣ. «Этотъ день, пишетъ онъ Бруту, вознаградилъ меня за всѣ мои труды.» [4])

То было послѣднее торжество республики и Цицерона. Для коалиціонныхъ союзовъ успѣхъ бываетъ иногда гибельнѣе самой неудачи. Какъ скоро общій врагъ, ненависть къ которому соединяла ихъ въ одно, побѣжденъ, тотчасъ начинаются частныя разногласія. Октавій хотѣлъ ослабить Антонія, чтобы получить отъ него то, чего онъ желалъ, но не старался погубить его. Видя, что тотъ бѣжитъ къ Альпамъ, онъ протянулъ ему руку, и оба пошли вмѣстѣ на Римъ. Послѣ этого Цицерону оставалось только, «подражать хорошимъ гладіаторамъ и, какъ они, стараться лишь получше умереть» [5]).

Смерть его была мужественна, что бы ни говорилъ Полліонъ, ко-

1) Ad fam., X, 31.
2) Ad fam, XII, 13.
3) Ad fam., XII, 12.
4) Ad Brut., 3.
5) Philipp., III, 14.

торый, измѣнивъ ему, конечно, старался его оклеветать. Я охотнѣе вѣрю свидѣтельству Тита Ливія, не принадлежавшаго къ числу его друзей и жившаго при дворѣ Августа. «Изъ всѣхъ его несчастій, говоритъ онъ, смерть была единственнымъ, которое онъ перенесъ, какъ прилично мужу» [1]). А надо сознаться, что это не бездѣлица. Онъ могъ спастись и на минуту пытался это сдѣлать. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Грецію, гдѣ нашелъ бы Брута; но послѣ нѣсколькихъ дней плаванія при противномъ вѣтрѣ, измученный морскою болѣзнью, а еще болѣе сѣтованіями и тоскою, не имѣя силъ жить, онъ велѣлъ высадить себя въ Каіетѣ и вернулся въ свой домъ въ Форміяхъ, чтобы умереть тамъ. Онъ часто благословлялъ вѣтеръ, занесшій его въ Велію, когда онъ въ первый разъ хотѣлъ бѣжать въ Грецію. Это дало ему случай произнести свои Филиппики. Вѣтеръ, занесшій его въ Каіету, не меньше перваго содѣйствовалъ его славѣ. Мнѣ кажется, что своей смертью онъ искупилъ свои слабости при жизни. Для такого человѣка, какъ онъ, не старавшагося разыгрывать изъ себя Катона, очень много значило сохранить твердость въ эту ужасную минуту; чѣмъ робче былъ его характеръ, тѣмъ трогательнѣе кажется мнѣ его рѣшимость умереть. Потому, когда, изучая его исторію, мнѣ хочется упрекнуть его за его слабости и колебанія, я вспоминаю о его кончинѣ и вижу его такъ, какъ его прекрасно описалъ Плутархъ, «съ грязною бородою и волосами, съ усталымъ лицомъ, привычнымъ движеніемъ берущимъ себя лѣвою рукой подъ подбородокъ и пристально глядящимъ на своихъ убійцъ» [2]), послѣ чего я не смѣю быть къ нему строгимъ. Не смотря на свои недостатки, это былъ честный человѣкъ, «очень любившій свою страну», какъ это говорилъ однажды самъ Августъ въ минуту откровенности и раскаянья. Если онъ и бывалъ подъ-часъ слишкомъ нерѣшителенъ и слабъ, то все-таки защищалъ то дѣло, которое считалъ справедливымъ и законнымъ; когда же оно было на вѣкъ проиграно, онъ, почтивъ его своею смертью, оказалъ ему послѣднюю услугу, какой оно могло требовать отъ своихъ защитниковъ.

---

[1]) Apud Senec., Suas., 6.
[2]) Плут., Cic., 48

II.

Частная жизнь Цицерона.

I.

Тѣ, кто читалъ переписку Цицерона съ Аттикомъ и знаетъ, какое важное мѣсто занимаютъ въ этихъ дружескихъ сообщеніяхъ денежные вопросы, не удивятся, если я начну изученіе его частной жизни съ того, что постараюсь опредѣлить размѣръ его состоянія. Богатство составляло одну изъ величайшихъ заботъ для тогдашнихъ людей, такъ-же какъ и для теперешнихъ, чѣмъ эти двѣ эпохи, столь часто и такъ охотно сравниваемыя между собою, быть можетъ, всего больше похожи другъ на друга.

Для того чтобы съ точностью возстановить бюджетъ хозяйства Цицерона, надо бъ было имѣть подъ рукой всѣ счеты Эроса, его управляющаго. Достовѣрно извѣстно по этому предмету одно то, что отецъ оставилъ ему очень ограниченное состояніе, и что онъ его значительно пріумножилъ, хотя и нельзя точно опредѣлить, до какой суммы оно простиралось. Враги Цицерона обыкновенно преувеличивали средства его, чтобы получше оподозрить способы ихъ пріобрѣтенія, и очень можетъ быть, что если бы мы знали ихъ цифру, она показалась-бы намъ весьма значительной; но надо остерегаться цѣнить ихъ по понятіямъ нашего времени. Богатство не есть нѣчто безусловное; человѣкъ считается богатымъ или бѣднымъ, смотря по той средѣ, въ которой онъ живетъ, и легко можетъ быть, что то, что считается роскошью въ одномъ мѣстѣ, едва назовутъ довольствомъ въ другомъ. Извѣстно, что въ Римѣ богатство было

не такъ ровно распредѣлено, какъ у насъ. За сорокъ лѣтъ до консульства Цицерона трибунъ Филиппъ говорилъ, что въ этомъ громадномъ городѣ не было даже двухъ тысячъ человѣкъ, обладавшихъ родовымъ имуществомъ [1]); но зато они и обладали ужь положительно всѣмъ общественнымъ достоянiемъ. По мнѣнiю Красса, для того чтобы назваться богатымъ, надо было имѣть средства прокормить на свой счетъ цѣлую армiю, и намъ извѣстно, что онъ могъ это сдѣлать, ни мало не стѣсняя самого себя. Милонъ нашелъ способъ задолжать въ нѣсколько лѣтъ болѣе 70 миллiоновъ сестерцiй (14 милл. франк.). Цезарь, будучи еще частнымъ лицомъ, сразу затратилъ 120 миллiоновъ сестерцiй (24 милл. франк.), чтобы подарить римскому народу новый форумъ. Такiя безумныя траты предполагаютъ собою громадныя состоянiя. Очень понятно, что, сравнительно съ ними, состоянiе Цицерона, котораго едва достало для покупки дома на Палатинѣ и которое почти истощалось на украшенiя его виллы въ Тускулумѣ, сколь-бы значительнымъ оно ни представлялось намъ теперь, въ то время должно было казаться довольно обыкновеннымъ.

Какъ онъ прiобрѣлъ его? Это было-бы не безъинтересно для насъ знать, чтобы отвѣчать на дурные слухи, распускаемые его врагами. Онъ гдѣ-то говоритъ, что способами честно нажить себѣ состоянiе въ Римѣ были тогда: торговля, подряды на производство общественныхъ работъ и откупъ налоговъ [2]); но эти средства, весьма удобныя для людей, спѣшившихъ обогатиться, могли употребляться лишь тѣми, у кого не было политическаго честолюбiя; они отдаляли отъ общественныхъ почестей и, слѣдовательно, были непригодны для человѣка, стремившагося управлять своей страной. Не видно также, чтобы онъ поступалъ какъ Помпей, помѣщавшiй свои деньги въ одно значительное банковое общество и участвовавшiй въ его барышахъ; по крайней мѣрѣ въ его письмахъ не осталось никакого слѣда подобныхъ предпрiятiй. Равнымъ образомъ онъ не могъ чаять наживы и отъ своихъ прекрасныхъ сочиненiй. Въ то время было не въ обычаѣ, чтобы

[1]) De offic., II, 21. Обстоятельста эти не измѣнились и въ то время, когда Цицеронъ былъ консуломъ. Мы видимъ, что братъ его, въ письмѣ писанномъ къ нему въ то время, говоритъ, что въ Римѣ мало всадниковъ, pauci equites, т. е. мало людей, имѣющихъ свыше 80,000 франковъ.

[2]) Parad., 6. Qui honeste rem quaerunt mercaturis faciendis, operis dandis, publicis sumendis и т. д.

авторъ продавалъ ихъ книгопродавцу, или лучше сказать, книгопродавческая промышленность, какъ мы ее понимаемъ въ настоящее время, едва существовала. Обыкновенно тотъ, кто желалъ прочесть или прiобрѣсти книгу, бралъ ее у ея автора или у его друзей и отдавалъ переписать своимъ рабамъ. Если у него было переписчиковъ больше, чѣмъ нужно, онъ заставлялъ ихъ трудиться для публики и продавалъ тѣ экземпляры, которые ему были не нужны; но автору ничего не доставалось изъ получаемыхъ отъ того прибылей. Наконецъ, Цицеронъ, не могъ также обогатиться и отъ занимаемыхъ имъ общественныхъ должностей; извѣстно, что онѣ были не столько средствомъ обогащенiя, сколько поводомъ къ издержкамъ и раззоренiю,—то вслѣдствiе громадной цѣны, которую иногда приходилось за нихъ платить, то вслѣдствiе игръ и празднествъ, требуемыхъ отъ лицъ, получившихъ ихъ. Одно только управленiе провинцiями давало громадные доходы. На эти доходы и разсчитывали обыкновенно крупные честолюбцы для пополненiя убыли, причиненной ихъ состоянiю роскошью ихъ частной жизни или расточительностью общественной. Между тѣмъ Цицеронъ самъ лишилъ себя этого управленiя, уступивъ своему товарищу, Антонiю, провинцiю, которою онъ долженъ былъ по обычаю управлять послѣ своего консульства. Правду сказать, подозрѣваютъ, что онъ заключилъ съ нимъ въ то время какое-нибудь условiе, по которому выговорилъ для себя долю въ предоставляемыхъ имъ другому огромныхъ доходахъ. Если подобное условiе и было заключено, что, впрочемъ, довольно сомнительно, то мы знаемъ навѣрное, что оно не выполнялось. Антонiй грабилъ свою провинцiю, но грабилъ ее для самого себя, а Цицеронъ при этомъ ничѣмъ не пользовался. Двѣнадцать лѣтъ спустя, онъ противъ своего желанiя былъ назначенъ проконсуломъ Киликiи. Мы знаемъ, что онъ оставался тамъ только одинъ годъ, и что, не дѣлая въ краѣ ничего противузаконнаго и заботясь о счастiи имъ управляемыхъ онъ нашелъ возможность привезти оттуда 2,200,000 сестерцiй (440,000 франковъ), изъ чего легко заключить, сколько можно было получать съ провинцiй, если правитель не совѣстился грабежа. Впрочемъ, Цицеронъ и не воспользовался этими деньгами: часть ихъ онъ ссудилъ Помпею, который никогда ихъ ему не отдавалъ, остальное-же, вѣроятно, потерялъ во время междоусобной войны, такъ какъ по окончанiи ея онъ остался безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Итакъ, происхожденія его богатства надо искать не здѣсь. Живи онъ въ наше время, намъ не трудно было-бы узнать, откуда оно взялось: мы легко объяснили-бы его себѣ прекраснымъ адвокатскимъ талантомъ Цицерона. Съ такимъ талантомъ, какъ у него, онъ быстро обогатился-бы теперь въ званіи адвоката; но въ то время существовалъ законъ, запрещавшій ораторамъ получать плату или подарки отъ тѣхъ, кого они защищали (**lex Cincia, de donis et muneribus**). Хотя законъ этотъ, по словамъ Тита Ливія, былъ составленъ однимъ трибуномъ въ интересахъ народа [1]), но въ сущности это былъ аристократическій законъ. Не позволяя адвокатамъ извлекать законной выгоды изъ своего таланта, онъ устранялъ отъ адвокатуры людей, ничего не имѣвшихъ, и предоставлялъ занятіе этой профессіей, какъ привилегію, лишь богатымъ людямъ или, лучше сказать, мѣшалъ ей стать на самомъ дѣлѣ профессіей. Кажется, впрочемъ, что законъ этотъ исполнялся не слишкомъ точно. Такъ какъ онъ не могъ всего предвидѣть, то конечно и не помѣшалъ благодарности кліэнтовъ принимать разныя остроумныя формы, ускользавшія отъ его строгости. Если они твердо рѣшались отплатить тѣмъ или другимъ способомъ за оказанныя имъ услуги, то законъ врядъ-ли могъ всегда перечить имъ въ этомъ. Во времена Цицерона никто не считалъ грѣхомъ открыто нарушать его. Верресъ говорилъ своимъ друзьямъ, что онъ раздѣлилъ на три части деньги, привезенныя имъ изъ Сициліи; самая большая изъ нихъ назначалась для того, чтобы подкупить его судей, другая, чтобы заплатить его адвокатамъ, самъ онъ довольствовался одною третьею частью [2]). Цицеронъ, насмѣхавшійся по этому случаю надъ адвокатомъ Верреса, Гортензіемъ, и надъ сфинксомъ, полученнымъ послѣднимъ въ счетъ платы, очень остерегался подражать ему. Братъ его утверждаетъ, что въ то время, какъ онъ добивался консульства, онъ ничего ни съ кого не требовалъ [3]). Но сколько мы ни предполагали-бы въ немъ добросовѣстности, трудно допустить, чтобы онъ никогда не пользовался добровольными приношеніями своихъ кліэнтовъ. Правда, онъ отказался отъ подарковъ, предложенныхъ ему Сицилійцами, когда отмстилъ за нихъ

---

[1]) Hist., XXXIV, 4.

[2]) In Verrem, act. prim., 14.

[3]) De petit. cons., 5 и 19.

Верресу; быть-можетъ, ихъ неосторожно было-бы принять послѣ такого блестящаго дѣла, привлекшаго на него всеобщіе взоры и создавшаго ему столько могущественныхъ враговъ; но черезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ уже, что онъ соблазнился и принялъ подарокъ отъ своего друга, Папирія Пета, чье дѣло онъ также защищалъ [1]). Подарокъ состоялъ изъ прекрасныхъ греческихъ и латинскихъ книгъ, а Цицеронъ ничего такъ не любилъ, какъ книги. Кромѣ того мы видимъ, что когда онъ нуждался въ деньгахъ, что съ нимъ иногда случалось, онъ всего охотнѣе обращался къ богатымъ людямъ, которыхъ прежде защищалъ. Они были для него менѣе строгими и болѣе терпѣливыми заимодавцами, и очень естественно, что, помогши имъ своею рѣчью, онъ пользовался кредитомъ у нихъ. Онъ самъ говоритъ намъ, что купилъ домъ Красса на деньги своихъ пріятелей. Въ числѣ ихъ одинъ только П. Силла, котораго онъ защищалъ, далъ съ своей стороны 2 милліона сестерцій (400,000 франковъ). Когда на него напали за это въ сенатѣ, онъ отдѣлался шуткою, что доказываетъ что законъ **Cincia** не слишкомъ уважался, и что нарушавшіе его не слишкомъ опасались преслѣдованій [2]). Итакъ, очень можетъ быть, что эти вельможи, которымъ онъ спасъ честь и достояніе, что эти города или провинціи, защищенные имъ отъ алчныхъ правителей, что эти иностранные государи, интересы которыхъ онъ поддерживалъ въ сенатѣ, и особенно тѣ богатыя ростовщичьи компаніи, черезъ которыя проходили всѣ деньги, посылаемыя со всего свѣта въ Римъ, и которымъ онъ такъ усердно служилъ своимъ кредитомъ и своимъ словомъ, часто искали и иногда находили случай изъявить свою благодарность. Подобная благодарность кажется намъ въ настоящее время до такой степени естественною, что мы даже затруднились-бы защищать Цицерона въ томъ, что онъ не всегда отказывался отъ нея; будемъ однако увѣрены, что если онъ и считалъ себя иногда въ правѣ принимать ее, то дѣлалъ это обыкновенно съ гораздо большей сдержанностью и умѣренностью, чѣмъ большинство его современниковъ.

Мы знаемъ одну изъ самыхъ обыкновенныхъ и, какъ мнѣ кажется, самыхъ законныхъ формъ для изъявленія такой благодарности. Въ Римѣ былъ обычай платить по смерти посредствомъ

---

[1]) Ad. Att., I, 20.

[2]) A. Gell., XII, 12.

духовнаго завѣщанія всѣ долги признательности и любви, накопившіеся впродолженіе жизни. Это давало возможность кліэнту расплатиться съ защищавшимъ его адвокатомъ, и законъ Cincia, кажется, не мѣшалъ тому. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Въ то время отецъ семейства, имѣвшій естественныхъ наслѣдниковъ, могъ отдѣлить, какую ему было угодно, сумму отъ своего состоянія и раздать значительную часть наслѣдства своимъ родственникамъ, друзьямъ и всѣмъ, кто ему былъ пріятенъ или полезенъ. Этотъ обычай обратился въ злоупотребленіе; къ нему стали примѣшиваться мода и тщеславіе. Завѣщателю хотѣлось показать, что у него много друзей, и онъ вписывалъ въ свою духовную множество лицъ, выбирая при этомъ, конечно, самыя знаменитыя. Иногда здѣсь ставились рядомъ люди, которые нигдѣ больше не встрѣчались другъ съ другомъ и, вѣроятно, удивлялись, что встрѣтились здѣсь. Богатый пуццольскій банкиръ Клувій завѣщалъ послѣ Фарсальской битвы свое состояніе Цицерону и Цезарю [1]). Архитекторъ Киръ помѣстилъ въ число своихъ наслѣдниковъ за одинъ разъ Клодія и Цицерона, т. е. двухъ жителей Рима, ненавидѣвшихъ другъ друга какъ нельзя болѣе [2]). Этотъ архитекторъ считалъ для себя, вѣроятно, славою, имѣть друзей во всѣхъ лагеряхъ. Случалось даже, что въ духовную вносили такихъ лицъ, которыхъ никогда не видывали. Лукуллъ увеличилъ свое громадное состояніе, благодаря завѣщаніямъ, сдѣланнымъ въ его пользу незнакомыми ему людьми въ то время, какъ онъ управлялъ Азіей. Аттикъ получилъ не мало наслѣдствъ отъ людей, о которыхъ онъ никогда не слыхивалъ, и которые сами знали его только по слухамъ. Тѣмъ болѣе такой великій ораторъ, какъ Цицеронъ, обязавшій столькихъ людей и составлявшій гордость всѣхъ Римлянъ, долженъ былъ часто дѣлаться предметомъ такой посмертной благодарности. Изъ писемъ его видно, что онъ получилъ наслѣдства отъ многихъ лицъ, не игравшихъ, кажется, важной роли въ его жизни. Вообще говоря, завѣщаемыя ему суммы не слишкомъ велики. Одна изъ самыхъ крупныхъ была ему оставлена его прежнимъ учителемъ, стоикомъ Діодотомъ, котораго онъ держалъ у себя до самой его смерти [3]). Чтобы вознаградить его за такую продолжительную любовь, Діодотъ оставилъ ему всѣ свои философскія и учительскія сбереженія. Они простирались до 100,000 сестерцій (20,000 фр.). Скопъ всѣхъ этихъ небольшихъ отказовъ составилъ подъ-конецъ значительную сумму. Самъ Цицеронъ оцѣниваетъ ее слишкомъ въ 20 милліоновъ сестерцій (4 милліона франковъ [1]). Потому, мнѣ кажется несомнѣннымъ, что эти наслѣдства, вмѣстѣ съ подарками, получаемыми имъ отъ признательныхъ кліэнтовъ, были главнымъ источникомъ его богатства.

[1]) Ad. Att., XIII, 45 et seq.

[2]) Pro Mil., 18.

[3]) Ad. Att., II, 20.

Богатство это состояло изъ различнаго рода имуществъ. Во-первыхъ, у него были дома въ Римѣ. Кромѣ того, въ которомъ онъ жилъ на Палатинѣ, и полученнаго имъ отъ своего отца близъ Каренъ, у него были еще дома въ Аргилетѣ и на Авентинѣ, приносившіе ему дохода 80,000 сестерцій (16,000 фр. [2]). У него было много виллъ въ Италіи. Мы знаемъ изъ нихъ восемь очень большихъ [3]), не считая тѣхъ домиковъ (diversoria), которые вельможи покупали себѣ на большихъ дорогахъ, чтобы имъ было гдѣ отдохнуть, при переѣздѣ изъ одного имѣнія въ другое. Кромѣ того у него были деньги, которыя онъ употреблялъ различными способами, какъ это видно изъ его переписки. Мы не можемъ въ точности опредѣлить этой доли его состоянія, но, судя по привычкамъ тогдашнихъ богатыхъ людей въ Римѣ, можно достовѣрно сказать, что она равнялась стоимости его домовъ или земель. Однажды, торопя Аттика купить ему сады, которые ему хочется имѣть, онъ небрежно замѣчаетъ, что у него, вѣроятно, найдется 600,000 сестерцій (120,000 франковъ [4]).

Тутъ мы касаемся, быть можетъ, одного изъ любопытнѣйшихъ различій, отдѣляющихъ тогдашній общественный бытъ отъ нынѣшняго. Въ настоящее время только у банкировъ по профессіи можетъ происходить значительное движеніе денежныхъ суммъ. Наша аристократія дѣлала всегда видъ, будто пренебрегаетъ фи-

[1]) Philipp., II, 16.

[2]) Ad Att., XVI, 1.

[3]) Особенно его вилла въ Тускулумѣ стоила ему очень дорого. Доказательствомъ, какъ она очень высоко цѣнилась, служитъ то, что, по возвращеніи его изъ ссылки, сенатъ назначилъ 500,000 сестерцій (100,000 фр.) на починку поврежденій, какія могли произойти въ ней въ его отсутствіе, причемъ онъ нашелъ, что ему дали еще слишкомъ мало.

[4]) Ар Att, XII 25.

нансовыми вопросами. Напротивъ того, римская аристократія знала ихъ очень хорошо и занималась ими очень много. Эти громадныя состоянія предлагались къ услугамъ политическаго честолюбія. Никто не колебался рисковать частью ихъ, чтобы создать себѣ креатуръ. Кошелекъ лица, добивавшагося публичныхъ почестей, былъ открытъ для всякаго, кто могъ ему служить. Самымъ бѣднымъ онъ дарилъ, другимъ давалъ взаймы и старался завести съ ними денежныя связи, чтобы поработить ихъ своему дѣлу. Успѣхъ оставался обыкновенно за тѣмъ, кто сумѣлъ одолжить побольше народу. Цицеронъ, не столь богатый какъ большая ихъ часть, тѣмъ не менѣе подражалъ имъ. Въ его письмахъ къ Аттику почти вездѣ говорится о векселяхъ и срочныхъ ссудахъ, и изъ нихъ можно видѣть, что деньги его обращались повсюду. У него постоянныя денежныя дѣла или, какъ теперь говорится, текущіе счеты съ самыми важными лицами. Онъ то ссужаетъ Цезаря, то самъ беретъ у него взаймы. Между его многочисленными должниками находятся люди всякихъ сословій и состояній, начиная отъ Помпея и до Гермогена, который, кажется, не болѣе какъ вольноотпущенникъ. Но къ сожалѣнію, въ концѣ концовъ, у него больше заимодавцевъ, чѣмъ должниковъ. Не смотря на примѣръ и на совѣты Аттика, онъ не умѣлъ хорошо вести свои денежныя дѣла. У него безпрестанно являлись дорого стоющія прихоти. Ему, во чтобъ то ни стало, надо было имѣть статуи и картины для убранства своихъ галерей и для приданія имъ вида греческихъ гимназій. Онъ раззорялся на украшеніе своихъ загородныхъ домовъ. Великодушный не во-время, онъ даетъ иногда взаймы деньги въ такія минуты, когда самъ занимаетъ ихъ. Именно въ то время, когда у него всего больше долговъ, ему хочется купить какую-нибудь виллу. Тогда онъ не затрудняется прибѣгать ко всѣмъ римскимъ банкирамъ; онъ идетъ къ Консидію, Аксію, Вектену, Весторію; онъ попытался бы даже смягчить Цецилія, дядю его друга, Аттика, еслибъ не зналъ, что тотъ крайне несговорчивъ. Впрочемъ онъ весело переноситъ свое безденежье. Тщетно благоразумный Аттикъ говоритъ ему, что стыдно имѣть долги; такъ какъ Цецоронъ раздѣляетъ этотъ стыдъ съ весьма многими, то онъ кажется ему очень легкимъ, и онъ первый подшучиваетъ надъ нимъ. Однажды онъ говоритъ одному изъ своихъ друзей, будто у него столько долговъ, что онъ радъ былъ бы вступить въ какой-нибудь заговоръ, еслибъ только его приняли, но что, послѣ того какъ онъ наказалъ Катилину, онъ

не внушаетъ къ себѣ больше довѣрія другимъ; когда же наступаетъ 1-е число мѣсяца, т. е. день уплатъ, онъ просто запирается въ Тускулумѣ и предоставляетъ Эросу или Тирону спорить съ кредиторами.

Такія затрудненія и непріятности, наполняющія собою его переписку, почти невольно приводятъ намъ на память иныя мѣста изъ его философскихъ сочиненій, которыя кажутся довольно странными, если при этомъ вспомнить его образъ жизни, и которыя легко обратить противъ него самого. Тотъ ли это беззаботный расточитель, вѣчно готовый безъ счету тратить деньги, который восклицаетъ теперь съ трогательнымъ убѣжденіемъ: «Безсмертные боги! когда же люди поймутъ, какія сокровища заключаются въ экономіи!» [1]) Какимъ образомъ этотъ горячій поклонникъ предметовъ искусства и страстный любитель великолѣпія и роскоши, позволялъ себѣ называть безумцами тѣхъ людей, которые слишкомъ любятъ статуи и картины или строятъ себѣ великолѣпные дома? Этимъ онъ осуждаетъ самъ себя, и мнѣ не хотѣлось бы прощать его вполнѣ; но въ минуту произнесенія надъ нимъ строгаго приговора вспомнимъ, въ какую пору онъ жилъ, и подумаемъ объ его современникахъ. Я не хочу его сравнивать съ худшими изъ нихъ, потому что тогда онъ слишкомъ бы легко восторжествовалъ; но даже между тѣми, которые считаются самыми честными, онъ занимаетъ одно изъ наилучшихъ мѣстъ. Онъ не обязанъ своимъ богатствомъ ростовщичеству, подобно Бруту и его друзьямъ, онъ не пріумножилъ его путемъ скаредной скупости, въ которой упрекали Катона; онъ не ограбилъ провинцій, подобно Аппію или Кассію, онъ не согласился, подобно Гортензію, взять свою долю изъ награбленнаго. Слѣдовательно, надо признать, что, не смотря на нѣкоторые заслуженные имъ упреки, въ денежныхъ вопросахъ онъ былъ деликатнѣе и безкорыстнѣе другихъ. Въ сущности своею безпорядочностью онъ вредилъ только самому себѣ [2]), и если у него и были наклонности къ раз-

---

[1]) Ad fam. V, 6.

[2]) Невѣроятно, чтобы Цицеронъ обидѣлъ своихъ кредиторовъ, подобно Милону, который уплатилъ имъ по 4 за 100. Когда Цицеронъ покидалъ Римъ послѣ смерти Цезаря, онъ писалъ Аттику, что тѣхъ денегъ, которыя ему должны, будетъ достаточно для уплаты его долговъ, но такъ какъ въ эту минуту деньги были рѣдки, и должниковъ приходилось упрашивать, онъ приказывалъ ему, въ случаѣ нужды, продать его имѣнія и прибавлялъ

зорительному мотовству, зато онъ никогда не прибѣгалъ къ постыднымъ средствамъ наживы ради ихъ удовлетворенія. Подобная добросовѣстность дѣлаетъ ему тѣмъ болѣе чести, что она была большою рѣдкостью, и что лишь немногіе люди проходили не осквернившись сквозь то корыстолюбивое и испорченное общество, среди котораго онъ жилъ.

II.

Не меньшихъ похвалъ заслуживаетъ онъ за свою честную и добропорядочную семейную жизнь. И въ этихъ добродѣтеляхъ современники его не подавали ему примѣра.

Очень вѣроятно, что Цицеронъ строго провелъ юность [1]). Онъ рѣшительно хотѣлъ сдѣлаться великимъ ораторомъ, а это давалось не легко. Мы черезъ него же знаемъ, какъ трудно было въ то время обучиться краснорѣчію. «Чтобы достигнуть этого, говоритъ онъ, надо отречься отъ всѣхъ удовольствій, бѣгать всѣхъ забавъ, распроститься со всѣми развлеченіями, играми, пирами, чуть даже не отказаться отъ свиданія съ пріятелями [2])». Этою цѣною онъ и заплатилъ за свои успѣхи. Снѣдавшее его честолюбіе предохранило его отъ другихъ страстей и удовлетворило его. Ученіе заняло и наполнило собою его юность. Когда прошли первые года, опасность уменьшилась; пріобрѣтенный имъ навыкъ къ труду и большія дѣла, за которыя онъ брался, достаточно оберегли его отъ всякаго опаснаго увлеченія. Не любившіе его писатели тщетно старались отыскать въ его жизни слѣды какихъ нибудь безпутствъ, столь обыкновенныхъ въ его время. Самые злонамѣренные изъ нихъ, какъ напримѣръ Діонъ, [3]) трунятъ надъ нимъ по поводу одной умной женщины, по имени Цереллія, которую онъ называетъ гдѣ то своимъ задушевнымъ другомъ [4]). Она и была имъ дѣйствительно и, повидимому, имѣла на него нѣкоторое вліяніе. Его переписка съ нею

„Въ этомъ случаѣ соображайся только съ моимъ добрымъ именемъ“. (Ad Att., XVI, 2).

[1]) Ad fam., I X, 26: Me nihil istorum ne juvenem quidem movi unquam.

[2]) Pro Caelio, 19.

[3]) Dio Cass., XLVI, 18.

[4]) Ad fam., XIII, 72.

сохранилась и была потомъ издана. Она велась, говорятъ, въ довольно свободномъ тонѣ и какъ бы подтверждала собою лукавыя предположенія; надо однако замѣтить, что Цереллія была гораздо старше его, что вмѣсто того, чтобы служить причиною раздора въ его хозяйствѣ, она является мирить его съ женой, [1]), и что наконецъ дружба ихъ повидимому возникла вслѣдствіе ихъ общей любви къ философіи [2]), а подобное начало спокойно и не заставляетъ предвидѣть горестныхъ послѣдствій. Цереллія была образованная особа, бесѣда съ которой должна была очень нравиться Цицерону. Ея лѣта и воспитаніе, отличавшееся отъ воспитанія обыкновенныхъ женщинъ, позволяли ему не стѣсняться съ нею, а такъ какъ по природѣ своей онъ умѣлъ давать живой отпоръ въ разговорѣ, и разъ возбужденный острою бесѣдою, не всегда умѣлъ сдержать и обуздать свой умъ, и такъ какъ кромѣ того, изъ патріотизма и по своему собственному вкусу, онъ не ставилъ ничего выше той свободной и смѣлой веселости, образцомъ которой служилъ для него Плавтъ, очень можетъ быть, что онъ не стѣснялся писать ей шутки, «посолонѣе аттическихъ и чисто ужъ римскія» [3]). Впослѣдствіи, когда такое деревенское и республиканское обращеніе перестало быть въ модѣ, и когда подъ вліяніемъ складывавшагося въ то время двора вѣжливость утончилась и обращеніе сдѣлалось болѣе церемоннымъ, свободныя выраженія въ ихъ перепискѣ оскорбляли, вѣроятно, чьи-нибудь слишкомъ деликатныя уши и подали поводъ къ дурнымъ слухамъ. Что касается насъ, то изо всѣхъ частей потерянной нынѣ переписки Цицерона, мы, быть можетъ, всего больше сожалѣемъ о письмахъ его къ Цереллін. Они лучше всѣхъ другихъ ознакомили бы насъ съ тогдашними общественными отношеніями и свѣтскою жизнью того времени.

Полагаютъ, что ему было около тридцати лѣтъ, когда онъ женился. Это случилось въ концѣ господства Силлы и въ эпоху его первыхъ ораторскихъ успѣховъ. Жена его Теренція принадлежала къ хорошему и богатому семейству. По словамъ Плутарха, [4]) она принесла ему въ приданое 120,000 драхмъ (111,000 франковъ); кромѣ того мы видимъ, что у нея были дома въ Римѣ и лѣсъ близъ Ту-

[1]) Ad Att., XIV, 19.

[2]) Ad Att., XIII, 21.

[3]) Ad fam., IX, 15: Non attici, sed salsiores quam illi Atticorum romani veteres atque urbani sales.

[4]) Плут Cic., 8.

скулума [1]). Это было выгодною женитьбою для молодаго человѣка, у котораго при вступленіи на политическое поприще было больше таланта, нежели денегъ. Переписка Цицерона даетъ намъ не слишкомъ выгодное понятіе о Теренціи. Мы представляемъ ее себѣ хорошею, аккуратною хозяйкой, но съ ѣдкимъ и непріятнымъ характеромъ. Съ нею трудно жилось. Она плохо ладила съ своимъ зятемъ Квинтомъ и еще менѣе того съ своей невѣсткою Помпоніей, которая впрочемъ не ладила ни съ кѣмъ. Она имѣла надъ мужемъ то вліяніе, какое своенравная и упрямая женщина постоянно пріобрѣтаетъ надъ умомъ нерѣшительнымъ и равнодушнымъ. Цицеронъ долго предоставлялъ ей быть неограниченною госпожею въ его хозяйствѣ; онъ радъ былъ свалить на кого нибудь непріятныя для себя занятія. Она вліяла даже отчасти на его политическую жизнь. Она посовѣтовала ему нѣкоторыя энергическія мѣры въ эпоху его великаго консульства, а впослѣдствіи поссорила его съ Клодіемъ изъ ненависти къ Клодіи, которую подозрѣвала въ желаніи нравиться ему. Такъ какъ всякая прибыль казалась ей хорошею, ей удалось втянуть его въ нѣсколько финансовыхъ дѣлъ, которыя самъ Аттикъ, не отличавшійся большою разборчивостью, не находилъ очень честными; но здѣсь и останавливалась ея власть. Повидимому, она была чужда и равнодушна къ литературной славѣ своего мужа. Ни въ одномъ изъ прекрасныхъ произведеній Цицерона, гдѣ такъ часто встрѣчаются имена его дочери, брата и сына, не говорится объ его женѣ. Теренція не имѣла вліянія на его умъ. Онъ никогда не повѣрялъ ей своихъ задушевныхъ мыслей относительно самыхъ важныхъ жизненныхъ дѣлъ и не посвящалъ ее въ свои убѣжденія и вѣрованія. Любопытное доказательство этого мы находимъ въ его перепискѣ. Теренція была набожна, и притомъ до крайности. Она совѣтовалась съ ворожеями и вѣрила въ чудеса. Цицеронъ не позаботился излѣчить ее отъ этого недостатка. Въ одномъ мѣстѣ онъ дѣлаетъ даже странное раздѣленіе между тѣмъ, что подлежитъ его вѣдомству и ея; онъ указываетъ на нее, какъ на усердную служительницу боговъ, тогда какъ самъ онъ старается больше служить людямъ [2]). Онъ, впрочемъ не только не стѣснялъ ея набожности, но и дѣлалъ ей иногда въ

---

[1]) Ad Att., II, 4.
[2]) Ad fam., XIV, 4: Neque Dii, quos tu castissime coluisti, neque homines, quibus ego semper servivi, и пр.

этомъ отношеніи удивительныя уступки. Вотъ, что онъ писалъ ей при своемъ отъѣздѣ въ лагерь Помпея: «Я освободился наконецъ отъ своего нездоровья и отъ страданій, причинявшихъ тебѣ столько безпокойства. На другой день отъѣзда я понялъ причину ихъ. Ночью меня вырвало чистой желчью, послѣ чего я почувствовалъ облегченіе, какъ будто какой нибудь богъ явился моимъ врачемъ. Это былъ, очевидно, Аполлонъ или Эскулапъ. Прошу же тебя возблагодарить ихъ за это съ твоимъ обычнымъ благочестіемъ и усердьемъ» [1]). Подобная рѣчь кажется странною въ устахъ этого скептика, написавшаго разсужденіе О б ъ е с т е с т в ѣ б о г о в ъ; но Цицеронъ, вѣроятно, принадлежалъ къ числу такихъ людей, какъ Варронъ и многіе другіе, которые, не слишкомъ соблюдая сами религіозные обряды, находили что они недурны для женщинъ и для толпы.

До насъ дошла цѣлая книга писемъ Цицерона къ Теренціи; эта книга содержитъ въ себѣ исторію его хозяйства. Какъ только вы раскроете ее, васъ поразитъ одно, что по мѣрѣ того, какъ вы подвигаетесь впередъ, письма становятся все короче; послѣднія ужь не болѣе, какъ лишь коротенькія записочки. При томъ измѣняется не одинъ только размѣръ писемъ, но и тонъ ихъ, и изъявленія нѣжности попадаются въ нихъ все рѣже и рѣже. Изъ этого можно прежде всего заключить, что привязанность его была не изъ тѣхъ, которыя увеличиваются съ теченіемъ времени; привычка жить вмѣстѣ, занимающая столь важное мѣсто въ близкихъ связяхъ, не укрѣпила, а ослабила ихъ связь. Вмѣсто того, чтобы усилиться, она со временемъ износилась. Первыя письма отличаются необыкновенной страстностью. Между тѣмъ Цицеронъ былъ женатъ уже около двадцати лѣтъ, но онъ былъ въ то время очень несчастливъ, а кажется, что несчастіе дѣлаетъ людей болѣе нѣжными, и что семьи чувствуютъ бóльшую потребность сближенія, когда ихъ поражаютъ какія нибудь важныя огорченія. Цицеронъ былъ только что приговоренъ къ ссылкѣ. Онъ грустно удалялся изъ Рима, зная, что тамъ жгутъ его домъ, преслѣдуютъ его друзей и оскорбляютъ его семейство. Теренція вела себя очень энергично; она потерпѣла за своего мужа и потерпѣла мужественно. Узнавши, какъ съ нею поступили, Цицеронъ писалъ ей съ отчаяньемъ: «Какъ я несчастливъ! И нужно же было, чтобы

---

[1]) Ad fam., XIV, 7.

такую добродѣтельную, честную, кроткую, преданную женщину мучили такъ изъ за меня!» [1]) «Будь увѣрена, писалъ онъ ей въ другомъ мѣстѣ, что у меня нѣтъ ничего тебя дороже. Въ эту минуту мнѣ кажется, будто я вижу тебя, и я не могу воздержаться отъ слезъ!» [2]) Затѣмъ онъ прибавлялъ съ еще большимъ жаромъ: «О жизнь моя! я желалъ бы еще разъ увидѣть тебя и умереть въ твоихъ объятіяхъ!» [3]) Послѣ того переписка прекращается на шесть лѣтъ. Она возобновляется въ ту эпоху, когда Цицеронъ покинулъ Римъ и поѣхалъ управлять Киликіей, но тонъ ея значительно измѣнился. Въ единственномъ письмѣ, оставшемся намъ отъ этого момента, нѣжности замѣнены дѣлами. Рѣчь идетъ о наслѣдствѣ, явившемся весьма кстати для Цицерона, и о средствахъ извлечь изъ него наибольшую выгоду. Правда, что онъ еще называетъ Теренцію своею милѣйшей и желаннѣйшей женою, suavissima atque optatissima, но слова эти, кажется, не больше, какъ вѣжливыя выраженія. Между тѣмъ онъ изъявляетъ сильное желаніе увидѣться съ ней и проситъ ее выѣхать къ нему навстрѣчу какъ можно подалѣе. [4]) Она отправилась въ Брундузіумъ и, по счастливому случаю, прибыла въ городъ въ ту самую минуту, какъ мужъ ея вступалъ въ портъ; они встрѣтились и обнялись на форумѣ. Это была счастливая минута для Цицерона. Онъ возвращался съ титуломъ императора и съ надеждой на тріумфъ; онъ нашелъ свою семью согласною и веселой. Къ несчастію, готовилась вспыхнуть междоусобная война. Въ его отсутствіе партіи окончательно разсорились; онѣ готовы были вступить въ битву, и Цицерону уже на другой день по пріѣздѣ пришлось выбирать между ними и заявить о своемъ выборѣ.

Эта война не только повредила его политическому положенію, но и стала роковою для его семейнаго счастія. Когда переписка возобновилась послѣ Фарсалы, она сдѣлалась чрезвычайно суха. Цицеронъ возвращается въ Италію и снова высаживается въ Брундузіумѣ, но уже не торжествующій и счастливый, а побѣжденный и просто въ отчаяніи. На этотъ разъ онъ уже не желаетъ повидаться съ женою, хотя быть можетъ никогда не чувствовалъ большей

[1]) Ad fam., XIV, 1.
[2]) Ad fam., XIV, 3.
[3]) Ad fam., XIV, 4.
[4]) Ad fam., XIV, 5.

потребности въ утѣшеніи. Онъ удаляетъ ее отъ себя даже безъ особенныхъ церемоній. «Если ты пріѣдешь, говоритъ онъ ей, я не вижу, въ чемъ ты можешь быть мнѣ полезна» [1]). Отвѣтъ этотъ былъ тѣмъ жесточе, что именно тогда же онъ выписывалъ къ себѣ свою дочь и утѣшался бесѣдою съ нею. Что касается его жены, то она получаетъ отъ него только записки въ нѣсколько строкъ, и онъ прямо говоритъ, что они потому такъ коротки, что ему нечего сказать ей [2]). Въ то же время, для того чтобы ей узнать принятыя имъ рѣшенія, онъ посылаетъ ее къ Лептѣ, Требацію, Аттику и Сиккѣ, а это ясно доказываетъ, что она не пользуется больше его довѣріемъ. Единственный признакъ его участія къ ней состоитъ въ томъ, что онъ иногда проситъ ее поберечь свое здоровье; просьба нѣсколько излишняя, такъ какъ она прожила болѣе ста лѣтъ! Послѣднее письмо его къ ней совершенно напоминаетъ собой письмо къ управляющему, когда ему хотятъ дать приказъ. «Разсчитываю быть въ Тускулумѣ 7 или 8 этого мѣсяца, пишетъ онъ: позаботься все приготовить. Со мною пріѣдетъ, быть можетъ, нѣсколько человѣкъ, и мы, вѣроятно, пробудемъ тамъ нѣкоторое время. Чтобы баня была готова, и чтобы не было недостатка ни въ одной изъ вещей, необходимыхъ для жизни и здоровья» [3]). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того между супругами произошелъ разводъ, который можно ужъ было предвидѣть, судя по этому тону писемъ. Цицеронъ отослалъ отъ себя жену послѣ тридцати съ лишкомъ лѣтъ супружества, и хотя у нихъ были не только дѣти, но и внуки.

Какія причины довели его до такой печальной крайности? Вѣроятно, онѣ не всѣ намъ извѣстны. Очень можетъ быть, что непріятный характеръ Теренціи часто подавалъ поводъ къ безпрестанно повторяющимся легкимъ ссорамъ, уничтожающимъ подъ конецъ самыя прочныя привязанности. Около того времени, какъ Цицеронъ былъ возвращенъ изъ ссылки, и лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ онъ писалъ вышеприведенныя страстныя письма, онъ говоритъ Аттику: «У меня есть семейныя огорченія, о которыхъ я не могу тебѣ писать». И онъ прибавлялъ для большаго вразумленія: «Моя дочь и братъ любятъ меня по прежнему» [4]).

[1]) Ad fam., XIV, 12.
[2]) Ad fam., XIV, 17.
[3]) Ad fam., XIV. 20.
[4]) Ad Att. IV, 1.

Вѣроятно, у него была важная причина жаловаться на жену, если онъ исключалъ ее такимъ образомъ изъ списка лицъ, которыми считалъ себя любимымъ. Подозрѣваютъ также, что Теренція ревновала Цицерона за любовь, оказываемую имъ своей дочери. Эта любовь доходила до оскорблявшихъ ее крайностей и предпочтеній, а она была не такая женщина, чтобы терпѣть молча. Вѣроятно, эти раздоры еще издавна подготовили разводъ, но не они рѣшили его. На рѣшеніе подѣйствовала болѣе прозаическая и простая причина: Цицеронъ оправдываетъ его мотовствомъ и расхищеніями своей жены и неоднократно обвиняетъ ее въ томъ, что она раззоряла его изъ своихъ выгодъ. Одна изъ самыхъ любопытныхъ характеристическихъ чертъ этой эпохи та, что женщины такъ же занимались тогда денежными дѣлами и были такъ же падки на разныя спекуляціи, какъ и мущины. Деньги—ихъ первая забота. Онѣ получаютъ большіе доходы съ своихъ имѣній, помѣщаютъ въ разныя мѣста свои капиталы, даютъ и берутъ взаймы. Мы находимъ одну женщину между заимодавцами Цицерона и двухъ между его должниками. Но такъ какъ сами онѣ не всегда могли появляться въ этихъ финансовыхъ предпріятіяхъ, то прибѣгали обыкновенно къ какому-нибудь услужливому вольноотпущеннику или подозрительному дѣльцу, который наблюдалъ за ихъ интересами и самъ пользовался отъ ихъ барышей. Въ своей рѣчи за Цецину Цицеронъ, встрѣтивъ на пути личность подобнаго рода, чье ремесло состояло въ томъ, чтобы примазываться къ богатству женщинъ и составлять иногда свое собственное на ихъ счетъ, описываетъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Такихъ и не оберешься у насъ въ обыкновенной жизни. Это—льстецъ дамъ, адвокатъ вдовъ, кляузникъ по ремеслу, отъявленный любитель ссоръ, большой охотникъ до процессовъ, невѣжда и глупецъ между мущинами, искусный и ученый юрисконсультъ среди женщинъ, умѣющій привлекать къ себѣ выраженіемъ ложнаго усердія и притворной дружбы, всегда готовый на услуги, иногда пожалуй полезныя, но рѣдко добросовѣстныя.»[1]) Это былъ великолѣпный руководитель для женщинъ, мучимыхъ желаніемъ разбогатѣть; и у Теренціи былъ такой человѣкъ, ея вольноотпущенникъ Филотимъ, ловкій дѣлецъ, не отличавшійся большой добросовѣстностью; это ремесло далось ему, такъ какъ мы видимъ, что онъ былъ

¹) Pro Caecin., 5.

богатъ и самъ имѣлъ рабовъ и вольноотпущенныхъ. Въ первое время Цицеронъ часто прибѣгалъ къ его услугамъ, вѣроятно, по просьбѣ Теренціи. По его настояніямъ онъ дешево купилъ часть имуществъ Милона послѣ ссылки этого кліэнта. Дѣло было прибыльное, но не слишкомъ деликатное, и Цицеронъ, очень хорошо это понимавшій, обыкновенно краснѣлъ, говоря о немъ. Уѣзжая въ Киликію, онъ поручилъ Филотиму управленіе частью своихъ имуществъ, и не замедлилъ въ этомъ раскаяться. Филотимъ, распоряжаясь въ большомъ домѣ, занимался не столько выгодами своего господина, сколько своими собственными. Онъ удержалъ за собою прибыль, извлеченную имъ изъ милоновскихъ имѣній, и когда Цицеронъ возвратился, онъ представилъ ему счетъ, по которому тотъ оказался его должникомъ на значительную сумму. «Это изумительный воръ!»[1]) вскричалъ въ бѣшенствѣ Цицеронъ. На этотъ разъ подозрѣнія его простирались еще на одного только Филотима; но по возвращеніи своемъ изъ подъ Фарсалы онъ хорошо замѣтилъ, что соучастницей его была также Теренція. «Я нашелъ свои домашнія дѣла, говорилъ онъ одному другу, въ такомъ-же плохомъ состояніи, какъ и дѣла республики.»[2]) Нужда, испытанная имъ въ Брундузіумѣ, сдѣлала его недовѣрчивымъ. Онъ сталъ внимательнѣе просматривать свои счеты, чего обыкновенно не дѣлалъ, и безъ труда замѣтилъ, что Теренція часто его обманывала. Она сразу удержала однажды 60,000 сестерцій (12,000 фр.) изъ приданаго своей дочери.[3]) Это была крупная прибыль, но она не пренебрегала и мелкими. Однажды мужъ засталъ ее въ то время, какъ она отсчитывала для утайки 2,000 сестерцій (400 франковъ) изъ той суммы, которую онъ у нея спрашивалъ.[4]) Такое хищничество окончательно возмутило Цицерона, вѣроятно, уже давно раздражаемаго и огорченнаго. Онъ рѣшился на разводъ, но рѣшился и тутъ не безъ сердечной боли. Нельзя безнаказанно разрывать узы, которыя должны были-бы сдѣлаться тѣснѣе, если не по привязанности, такъ по привычкѣ. Въ минуту разлуки, послѣ столькихъ счастливыхъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ, и послѣ столькихъ горестей, вынесенныхъ сообща, кажется непремѣнно должны пробудиться какія-нибудь чувствитель-

¹) Ad Att., VII, 1 и 3.
²) Ad fam., IV, 14.
³) Ad Att., XI, 2.
⁴) Ad Att., XI, 24.

ныя воспоминанія. Грусть этихъ тяжелыхъ минутъ увеличивается еще оттого, что когда хотѣлось-бы сосредоточиться на своемъ горѣ и вполнѣ предаться ему, являются разные дѣльцы: надо защищать свои интересы, считаться и спорить съ этимъ людомъ. Эти споры, всегда непріятные для Цицерона, теперь заставляли его страдать болѣе, чѣмъ когда либо. Прося обязательнаго Аттика взять ихъ на себя, онъ говорилъ: «Эти раны слишкомъ свѣжи; я не могу дотронуться до нихъ безъ того, чтобы изъ нихъ не пошла кровь.» [1]) И такъ какъ Теренція продолжала кляузничать, онъ рѣшилъ покончить этотъ споръ, предоставивъ ей все, чего она требовала. «Я предпочитаю, писалъ онъ, имѣть причину жаловаться на нее, лишь бы не быть недовольнымъ самимъ собою.» [2])

Понятно, что злые языки не преминули посмѣяться надъ этимъ разводомъ. Впрочемъ это было справедливою отместкой съ ихъ стороны, и Цицеронъ самъ слишкомъ часто смѣялся надъ другими, такъ что не могъ требовать теперь пощады для себя. Къ несчастію, онъ въ скоромъ времени подалъ имъ еще новый случай для насмѣшекъ. Не смотря на свои шестьдесятъ три года, онъ вздумалъ жениться еще съизнова, и при этомъ выбралъ очень молодую дѣвушку, Публилію, которую отецъ ея умирая довѣрилъ его опекѣ. Женитьба опекуна на опекаемой бываетъ всегда какимъ-то комическимъ бракомъ, причемъ опекуну приходится обыкновенно плохо. Какимъ образомъ Цицеронъ съ своей житейской и свѣтской опытностью увлекся до такой неосторожности? Теренція, желавшая мстить ему, увѣряла всюду, будто онъ воспылалъ къ этой дѣвушкѣ безумной любовью; но секретарь его, Тиронъ, говоритъ, что онъ женился на ней лишь для того, чтобы уплатить ея деньгами долги свои; мнѣ кажется, что Тирону можно повѣрить, хотя обыкновенно въ подобнаго рода супружествахъ бѣднѣйшимъ бываетъ не тотъ, кто старше лѣтами. Какъ это можно было предвидѣть, въ семейной жизни ихъ вскорѣ возникли неудовольствія. Публилія, будучи моложе своей падчерицы, не могла съ нею поладить и, кажется, не сумѣла скрыть своей радости, когда та умерла. Цицеронъ счелъ это за непростительное преступленіе и не захотѣлъ ее больше видѣть. Странно, что эта молодая женщина, вмѣсто того

[1]) Ad Att., XII, 22.
[2]) Ad Att., XII, 21.

чтобы съ удовольствіемъ принять возвращаемую ей свободу, всячески старалась вернуться въ домъ изгонявшаго ее старика; [1]) но онъ былъ непреклоненъ. Супружество ему наконецъ надоѣло, и говорятъ, что когда Гирцій предложилъ ему руку своей сестры, онъ отказался отъ нея подъ тѣмъ предлогомъ, что неудобно заниматься разомъ и женщиной, и философіей. Отвѣтъ былъ благоразуменъ, но слѣдовало бы прійти къ нему немного раньше.

III.

Цицеронъ имѣлъ двухъ дѣтей отъ Теренціи. Старшею была его дочь, Туллія. Онъ воспиталъ ее на свой ладъ, посвящая ее въ свои ученыя занятія и внушая ей любовь къ умственному труду, который онъ самъ такъ любилъ, и о которомъ его жена, повидимому, никогда не думала. «Я нахожу въ ней, говорилъ онъ, свои черты, свои слова, свою душу;» [2]) оттого онъ нѣжно и любилъ ее. Она была еще очень молода, когда отецъ ея, въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей, не могъ удержаться, чтобъ не намекнуть на свою любовь къ ней. [3]) Это чувство любви, вѣроятно, самое глубокое изъ всѣхъ имъ испытанныхъ, составляло мученье его жизни. Трудно представить себѣ участь грустнѣе участи этой молодой женщины. Выданная тринадцати лѣтъ замужъ сначала за Пизона, а потомъ за Крассипеса и разлученная съ ними смертью и разводомъ, она въ третій разъ вступила въ бракъ въ то время, какъ отецъ ея былъ въ отсутствіи и управлялъ Киликіей. Къ ней сваталось много жениховъ даже изъ знатной молодежи, причемъ ихъ манила не одна только слава тестя, какъ это можно было бы предполагать. Цицеронъ говоритъ, будто всѣ ожидали, что онъ вернется очень богатымъ послѣ своего управленія. Женясь на его дочери, эти молодые люди думали сладить выгодное дѣло, которое дастъ имъ возможность уплатить свои долги. [4]) Въ числѣ ихъ были сынъ консула Сульпиція и Тиберій Неронъ, ставшій впослѣдствіи

[1]) Ad Att., XII, 32.
[2]) Ad Quint., I, 3.
[3]) In Verr. act. sect., I, 44.
[4]) Ad Att., VII, 4.

отцомъ Тиберія и Друза. Цицерону больше нравился последній, пріѣхавшій даже просить его согласія въ Киликію; но въ это время жена и дочь, которымъ онъ предоставилъ, уѣзжая, право выбора, рѣшились предпочесть Корнелія Долабеллу. Это былъ молодой человѣкъ изъ знатнаго семейства, другъ Куріона, Целія и Антонія, жившій до тѣхъ поръ подобно имъ, то есть, рискуя своей репутаціей и тратя свое состояніе, впрочемъ человѣкъ умный и бывшій въ большой модѣ. Этотъ мужъ былъ не по вкусу Аттику; но кажется, что Теренцію прельстило его знатное имя, да, можетъ быть, и Туллія не осталась нечувствительною къ его прекраснымъ манерамъ. Первое время послѣ брака было, кажется, счастливо. Долабелла очаровывалъ свою тещу и жену своей обязательностью и добротою. Самъ Цицеронъ, озадаченный сначала тѣмъ, что дѣло было поведено слишкомъ быстро, находилъ, что зять его чрезвычайно уменъ и милъ. «Что касается остальнаго, говорилъ онъ, надобно покориться.» [1]) Этимъ онъ намекалъ на легкомысленный и разсѣянный образъ жизни, котораго Долабелла не покидалъ и послѣ женитьбы. Онъ обѣщалъ сдѣлаться добропорядочнѣе, но плохо держалъ свое обѣщаніе, и какъ ни старался Цицеронъ смотрѣть сквозь пальцы на его безпутства, подъ-конецъ ему трудно было мириться съ его поступками. Онъ продолжалъ жить, какъ вся тогдашняя молодежь, шумя по ночамъ на улицахъ, подъ окнами женщинъ, бывшихъ въ модѣ, и кутежи его казались скандальными даже въ этомъ городѣ, привыкшемъ къ скандалу. Онъ привязался къ одной свѣтской женщинѣ, славившейся своими любовными похожденіями, къ Цециліи Метеллѣ, женѣ консуляра Лентула Сфинтера. Эта самая женщина разорила впослѣдствіи сына великаго трагическаго актера Эзопа; этотъ безумецъ, не зная что ему придумать для того, чтобы скорѣе прійти къ своей гибели, увлекся страннымъ тщеславіемъ похвастать тѣмъ, что во время обѣда, даннаго имъ своей любовницѣ, растворилъ жемчужину, стоившую милліонъ сестерцій (200,000 фр.) и проглотилъ ее. [2]) Съ такой особой, какъ Цецилія, Долабелла скоро истратилъ все свое состояніе. Затѣмъ онъ промоталъ состояніе своей жены и, не довольствуясь тѣмъ, что измѣнилъ ей

[1]) Ad Att., VII, 3.
[2]) Горацій, Sat., II, 3, 239.

и разорилъ ее, грозилъ выгнать ее вонъ, когда она дерзала жаловаться. Повидимому, Туллія очень его любила и долго сопротивлялась тѣмъ, кто совѣтовалъ ей развестись. Цицеронъ осуждаетъ въ одномъ мѣстѣ то, что онъ называетъ безумствомъ своей дочери; [1]) но послѣ новыхъ оскорбленій ей надо было наконецъ рѣшиться покинуть домъ мужа, чтобы возвратиться къ отцу. Она была беременна. Роды, при такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, свели ее въ могилу, тридцати одного года отъ рожденія, въ Тускулумѣ.

Цицеронъ не могъ утѣшиться въ ея смерти, и печаль объ ея утратѣ была, вѣроятно, величайшею горестью въ его жизни. Такъ какъ всѣмъ была извѣстна его любовь къ дочери, то къ нему присылались со всѣхъ сторонъ письма, утѣшающія обыкновенно только тѣхъ, кто мало нуждается въ утѣшеніи. Философы, гордившіеся имъ, своими увѣщаніями старались помочь ему мужественнѣе перенести эту потерю. Цезарь написалъ ему изъ Испаніи, гдѣ онъ довершалъ побѣду надъ сыновьями Помпея. Самыя значительныя лица всѣхъ партій, Брутъ, Лукцей, даже самъ Долабелла, присоединились сочувствіемъ къ его горести; но ни одно изъ этихъ писемъ не могло тронуть его такъ, какъ полученное имъ отъ одного изъ его старыхъ друзей, великаго юрисконсульта Сульпиція, управлявшаго въ то время Греціей. По счастію для насъ, письмо это сохранилось. [2]) Оно вполнѣ достойно какъ великаго ума того, кто его писалъ, такъ и того, къ кому оно было писано. Изъ него часто приводился слѣдующій отрывокъ: «Я долженъ высказать тебѣ одну мысль, утѣшившую меня однажды; быть-можетъ, она уменьшитъ и твое горе. По возвращеніи моемъ изъ Азіи, разъ, плывя изъ Эгины въ Мегару, я принялся разсматривать окружавшую меня страну. Прямо передо мною была Мегара, позади меня Эгина, направо Пирей, налѣво Коринѳъ. Въ прежнее время это были очень цвѣтущіе города, теперь это, разсыпанныя по землѣ развалины. При этомъ зрѣлищѣ я сказалъ самому себѣ: Какимъ образомъ мы, слабые смертные, осмѣливаемся жаловаться на смерть кого-нибудь изъ своихъ, которымъ природа отмѣрила столь краткую жизнь, когда мы однимъ взоромъ окидываемъ лежащіе на землѣ трупы столькихъ обширныхъ горо-

[1]) Ad Att., XI, 25.
[2]) Ad fam., IV, 5.

довъ.» Это была великая и новая мысль. Этотъ урокъ, почерпнутый изъ развалинъ, этотъ способъ истолковывать природу въ пользу моральныхъ идей, эта меланхолія, примѣшивающаяся къ созерцанію прекраснаго пейзажа, все это были чувства, мало извѣстныя языческой древности. Дѣйствительно, этотъ отрывокъ какъ-бы оживленъ христіанскимъ духомъ. Онъ какъ будто написанъ человѣкомъ, хорошо знакомымъ съ священными книгами и «уже садившимся вмѣстѣ съ пророкомъ на развалины опустошенныхъ городовъ.» Это до такой степени вѣрно, что Св. Амвросій, желая однажды написать утѣшительное письмо, взялъ за образецъ это, и оно очень естественно вышло христіанскимъ. Не менѣе прекрасенъ былъ отвѣтъ Цицерона. Въ немъ находимъ самое трогательное изображеніе его грусти и одиночества. Описавши горесть, испытанную имъ при паденіи республики, онъ прибавляетъ: «Но у меня по крайней мѣрѣ оставалась дочь. У меня было куда уйдти и гдѣ отдохнуть. Прелесть ея бесѣды заставляла меня позабывать мои заботы и огорченія; но страшная рана, нанесенная мнѣ ея потерею, раскрыла въ моемъ сердцѣ всѣ тѣ раны, которыя я считалъ зажившими. Бывало я укрывался въ своей семьѣ, чтобы позабыть о несчастіяхъ государства; можетъ-ли теперь республика предложить мнѣ какое-нибудь лѣкарство, чтобъ заставить меня позабыть мое семейное горе? Въ одно и то-же время я долженъ избѣгать и своего дома, и форума, такъ какъ домъ мой не утѣшаетъ меня больше въ горестяхъ, причиняемыхъ мнѣ республикою, республика-же не можетъ наполнить собою той пустоты, которую я нахожу у себя дома» [1]).

Грустная судьба Тулліи и печаль, причиненная ея смертью отцу, привлекаютъ насъ къ ней невольно. Видя, какъ о ней тужатъ, намъ хотѣлось-бы ближе познакомиться съ нею. Къ несчастію, въ перепискѣ Цицерона не уцѣлѣло ни одного ея письма; когда онъ восхваляетъ ея умъ, мы принуждены вѣрить ему на слово, а похвалы отца бываютъ всегда довольно подозрительны. Судя по тому, что о ней извѣстно, не трудно допустить, что она была замѣчательная женщина, **lectissima femina**, начитаннѣйшая, какъ ее называетъ въ похвалу Антоній, не любившій ея семьи [2]). Любопытно было-

---

[1]) **Ad fam.**, IV, 6.

[2]) **Ad Att.**, X, 8.

бы, однако, знать, какъ на ней отразилось воспитаніе, данное ей отцомъ. Это воспитаніе внушаетъ намъ невольную недовѣрчивость, и мы никакъ не можемъ разстаться съ опасеніемъ, не пострадала-ли отъ него Туллія. Памяти ея въ нашихъ глазахъ вредитъ отчасти самый тотъ способъ, какъ ее оплакалъ отецъ. Быть-можетъ, онъ не оказалъ ей услуги, сочинивъ на ея смерть трактатъ объ утѣшеніи, наполненный похвалами ей. Столь несчастная молодая женщина заслуживала элегіи; философское разсужденіе кажется слишкомъ тяжелымъ для ея памяти. Не испортилъ-ли ея немного отецъ, желая сдѣлать ее слишкомъ ученою? Въ то время это водилось довольно часто. Гортензій сдѣлалъ изъ своей дочери оратора, и говорятъ, будто однажды она защищала одно важное дѣло лучше любого адвоката. Я подозрѣваю, что Цицеронъ хотѣлъ сдѣлать изъ своей дочери философа, и опасаюсь, не слишкомъ-ли ему это удалось. Философія представляетъ много опасностей для женщины, и г-жа де-Севинье не могла очень похвалиться тѣмъ, что воспитала свою дочь по Декарту. Эта педантическая и сухая личность не слишкомъ располагаетъ насъ къ женщинамъ-философамъ.

Еще меньше, чѣмъ дочери Цицерона, удалась философія его сыну, Марку. Отецъ совершенно ошибся насчетъ его вкуса и склонностей, что, впрочемъ, и не удивительно, такъ какъ родительская нѣжность чаще отличается силою, чѣмъ проницательностью. Въ Маркѣ были однѣ лишь военныя наклонности, а Цицеронъ хотѣлъ изъ него сдѣлать философа и оратора; но труды его были напрасны. Эти наклонности, на-время подавленныя, снова проявлялись съ большею еще силою. Въ восемнадцать лѣтъ Маркъ жилъ подобно всѣмъ молодымъ людямъ той эпохи, такъ что приходилось дѣлать ему замѣчанія относительно его тратъ. Ему надоѣдали уроки его учителя, Діонисія, а также и риторика, которой отецъ хотѣлъ его научить. Ему желалось уѣхать съ Цезаремъ на испанскую войну. Цицеронъ его не послушался и отправилъ его въ Аѳины доканчивать свое образованіе. Тамъ ему устроили квартиру, какъ сыну вельможи. Ему дали вольноотпущенниковъ и рабовъ для того, чтобы онъ могъ появляться съ такимъ-же блескомъ, какъ молодой Бибулъ, Ацидинъ или Мессала, учившіеся вмѣстѣ съ нимъ. На ежегодные расходы ему назначили около 100,000 сестерцій (20,000 фр.), что составляло очень круглую сумму для ученика философіи; но Маркъ поѣхалъ неохотно, и пребываніе

его въ Аѳинахъ не принесло для него тѣхъ плодовъ, какіе обѣщалъ себѣ Цицеронъ. Вдали отъ отцовскихъ взоровъ онъ неудержимо предался своимъ склонностямъ. Вмѣсто того, чтобы слѣдить за курсами риторовъ и философовъ, онъ занялся хорошими обѣдами и шумными празднествами. Жизнь его была тѣмъ больше разсѣянна, что его безпутства поощрялись, повидимому, самимъ учителемъ его, риторомъ Горгіемъ. Этотъ риторъ былъ Грекъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. человѣкъ, готовый на все ради наживы. Наблюдая своего ученика, онъ замѣтилъ, что больше выиграетъ, льстя его порокамъ, нежели развивая въ немъ хорошія качества, и онъ началъ льстить его порокамъ. Въ подобной школѣ Маркъ, вмѣсто того чтобы привязаться къ Платону и Аристотелю, какъ ему совѣтовалъ отецъ, полюбилъ фалернское и хіосское вино, и эта привязанность осталась въ немъ навѣкъ. Единственная слава, которою онъ гордился впослѣдствіи, состояла въ томъ, что онъ—величайшій питухъ своего времени; онъ добивался и добился того, что перещеголялъ тріумвира Антонія, пользовавшагося въ этомъ отношеніи большою извѣстностью, и очень гордившагося ею. Такъ отмстилъ онъ на свой ладъ за отца, убитаго по приказу Антонія. Впослѣдствіи Августъ, желавшій заплатить сыну свой долгъ его отцу, сдѣлалъ Марка консуломъ, но не могъ оторвать его отъ его безпутныхъ привычекъ; единственнымъ извѣстнымъ его подвигомъ было то, что однажды, будучи пьянъ, онъ бросилъ свой стаканъ въ голову Агриппѣ. [1])

Можно себѣ представить, какую горесть ощутилъ Цицеронъ, узнавши о первыхъ безчинствахъ своего сына. Я думаю, что онъ долго даже не рѣшался имъ вѣрить, такъ какъ любилъ обманываться на счетъ своихъ дѣтей. Потому, когда Маркъ, выслушавши наставленія отъ всего своего семейства, прогналъ Горгія и обѣщалъ исправиться, отецъ его, ничего больше не желавшій, какъ быть обманутымъ, поспѣшилъ ему повѣрить. Съ этой минуты онъ то и дѣло умоляетъ Аттика не давать его сыну ни въ чемъ нуждаться, а самъ изучаетъ получаемыя отъ него письма, чтобы открыть въ нихъ хоть какой-нибудь успѣхъ. У насъ осталось одно письмо Марка относящееся именно къ тому времени, когда онъ возвратился, повидимому, къ лучшимъ привычкамъ. Оно обращено къ Тирону и

[1]) Плиній, Hist natur., XIV, 22.

полно увѣреній и раскаянья. Въ немъ онъ говорилъ, что его заблужденія такъ его уничижаютъ и такъ мучатъ, «что не только душа его ненавидитъ ихъ, но что даже уши его не могутъ больше о нихъ слышать.» Чтобы окончательно убѣдить его въ своей искренности, онъ описалъ ему свою жизнь, и трудно было-бы найдти лучше занятую. Онъ проводитъ дни, а иногда и ночи съ философомъ Кратиппомъ, который обходится съ нимъ, какъ съ сыномъ. Онъ оставляетъ его у себя обѣдать, чтобы какъ можно рѣже лишать себя его общества. Онъ такъ восхищенъ учеными бесѣдами Бруттія, что пожелалъ имѣть его поближе къ себѣ и платитъ за его столъ и содержаніе. Онъ декламируетъ по-латини и по-гречески съ самыми учеными риторами. Онъ посѣщаетъ однихъ только образованныхъ людей; онъ видается только съ учеными старцами, съ мудрымъ Эпикратомъ, съ почтеннымъ Леонидомъ, словомъ, со всѣмъ ареопагомъ, и этотъ назидательный разсказъ оканчивается такъ: «Главное старайся быть здоровымъ, чтобы намъ вволю побесѣдовать съ тобой о наукѣ и философіи.» [1]) Письмо это очень пріятно, но при чтеніи его невольно закрадываются въ голову нѣкоторыя подозрѣнія. Эти заявленія такъ преувеличены, что вамъ начинаетъ думаться, не былъ-ли у Марка какой-нибудь тайный разсчетъ дѣлать ихъ, особенно если мы вспомнимъ, что Тиронъ пользовался довѣріемъ своего господина и располагалъ всѣми его щедротами. Почемъ знать, не предшествовали-ли эти сожалѣнія и громкія обѣщанья какимъ-нибудь денежнымъ просьбамъ?

Въ извиненіе Марку надо сказать, что если онъ и огорчалъ отца своимъ безпутствомъ, зато утѣшилъ по крайней мѣрѣ его послѣднія минуты. Когда Брутъ прошелъ по Аѳинамъ, призывая къ оружію находившихся тамъ молодыхъ Римлянъ, въ Маркѣ вспыхнули его воинственныя наклонности. Онъ вспомнилъ, что еще въ семнадцать лѣтъ онъ успѣшно командовалъ кавалерійскимъ отрядомъ при Фарсалѣ, и однимъ изъ первыхъ отозвался на призывъ Брута. Изъ окружавшихъ его офицеровъ онъ былъ самымъ искуснымъ, преданнымъ и храбрымъ и часто получалъ отъ него похвалы. «Я такъ доволенъ, писалъ Брутъ Цицерону, храбростью, дѣятельностью и энергіей Марка, что мнѣ кажется, будто онъ всегда помнитъ, сыномъ какого отца онъ имѣетъ честь быть.» [2]) Понятно, какъ подоб-

[1]) Ad fam., XVI, 21.
[2]) Brut. ad Cic., II, 3.

ное заявленіе должно было осчастливить Цицерона. Подъ вліяніемъ радости при такомъ пробужденіи его сына, онъ написалъ и посвятилъ ему свое разсужденіе Объ обязанностяхъ, это, быть можетъ, лучшее свое произведеніе, бывшее послѣднимъ его прощаніемъ съ семьей и отечествомъ.

IV.

Этотъ очеркъ домашней жизни Цицерона еще не полонъ, и къ нему остается прибавить нѣсколько подробностей. Извѣстно, что римская семья состояла не изъ однихъ только свободныхъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства; но что къ ней причислялись также рабы. Въ то время слуга и господинъ находились въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ, нежели теперь, и жизнь ихъ гораздо больше смѣшивалась. И такъ, желая вполнѣ ознакомить съ Цицерономъ въ его домашней жизни, надо сказать нѣсколько словъ объ его отношеніяхъ къ рабамъ.

Въ теоріи взглядъ его на рабство не отличался вообще отъ взгляда того времени. Подобно Аристотелю, онъ принималъ это учрежденіе и находилъ его законнымъ. Провозглашая, что господа должны исполнять свои обязанности относительно рабовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ безъ затрудненія допускалъ, что ихъ надо сдерживать жестокостью, когда нѣтъ другихъ средствъ совладать съ ними; [1]) на практикѣ-же онъ обходился съ рабами очень кротко. Онъ привязывался къ нимъ до такой степени, что оплакивалъ ихъ, когда имѣлъ несчастіе терять ихъ. Это было, вѣроятно, не въ обычаѣ, такъ какъ мы видимъ, что онъ почти извиняется въ этомъ передъ своимъ другомъ, Аттикомъ. «У меня слишкомъ смущена душа, пишетъ онъ ему: я потерялъ молодаго человѣка, по имени Созиѳея, бывшаго у меня чтецомъ, и я, кажется, болѣе огорченъ чѣмъ-бы слѣдовало огорчаться смертью невольника.» [2]) Во всей его перепискѣ я нахожу только одного, противъ котораго онъ, кажется, очень разсерженъ: это нѣкто Діонисій; онъ ищетъ его въ самой глубинѣ Илдиріи и хочетъ добыть во что бы то ни стало; [1]) но Діонисій укралъ у него книги, а этого преступленія Цицеронъ ужь не прощалъ. Рабы его тоже любили его. Онъ хвалится вѣрностью, оказанною ими во время его несчастій, и намъ извѣстно, что въ послѣднюю минуту они хотѣли дать себя убить за него, еслибы онъ этому не помѣшалъ.

[1]) De offic., II, 7.
[2]) Ad Att, I, 12.

Одинъ изъ нихъ, извѣстный намъ болѣе другихъ, пользовался наилучшимъ его расположеніемъ: это Тиронъ. У него латинское имя, что заставляетъ предполагать, что онъ принадлежалъ къ числу рабовъ, родившихся въ домѣ господина (vernae) и считавшихся еще болѣе другихъ принадлежащими къ семьѣ, такъ какъ они никогда ея не покидали. Цицеронъ привязался къ нему съ раннихъ поръ и распорядился доставить ему хорошее образованіе. Быть можетъ, онъ самъ взялъ на себя трудъ докончить его воспитанье. Въ одномъ мѣстѣ онъ называетъ себя его учителемъ и любитъ придираться къ нему за его манеру писать. Онъ былъ глубоко привязанъ къ нему и подъ-конецъ рѣшительно не могъ безъ него обходиться. Роль его въ домѣ Цицерона была очень значительна, а занятія весьма разнообразны. Онъ представлялъ собою порядокъ и экономію, которыхъ нельзя было назвать обыкновенными качествами его господина. Онъ былъ довѣреннымъ лицомъ, черезъ чьи руки проходили всѣ денежныя дѣла. 1-го числа каждаго мѣсяца онъ принималъ на себя обязанность бранить запоздавшихъ должниковъ или просить отсрочки у слишкомъ требовательныхъ заимодавцевъ; онъ просматривалъ не всегда вѣрно составленные счеты управляющаго Эроса; онъ ходилъ къ обязательнымъ банкирамъ, поддерживавшимъ Цицерона въ трудныя минуты своимъ кредитомъ. Всякій разъ, какъ представлялось какое-нибудь деликатное дѣло, его поручали именно ему; такъ напримѣръ, онъ долженъ истребовать деньги отъ Долабеллы, не слишкомъ его раздражая. Его заботливость при исполненіи важныхъ дѣлъ не мѣшала поручать ему также и самыя мелкія. Его посылаютъ надсматривать за садами, понукать рабочихъ, посѣщать постройки; даже столовая входитъ въ кругъ его обязанностей; мы видимъ, что ему поручаютъ приглашать къ обѣду, что не всегда обходится безъ затрудненій, такъ какъ надо созывать только подходящихъ другъ къ другу гостей, а «Терція не хочетъ идти, если будетъ приглашенъ Публій» [2]). Но наибольшія услуги оказывалъ онъ Цицерону въ качествѣ

[1]) Ad fam., XIII, 77.
[2]) Ad fam., XVI, 22.

секретаря. Онъ писалъ почти такъ же скоро, какъ говорилъ, и одинъ только могъ читать почеркъ своего хозяина, котораго не умѣли разбирать обыкновенные переписчики. Онъ былъ для него больше, чѣмъ секретарь, онъ былъ его повѣреннымъ, даже сотрудникомъ. Авл-Геллій предполагаетъ, что онъ помогалъ ему въ писаніи сочиненій [1]), и переписка Цицерона не опровергаетъ собою этого мнѣнія. Однажды, когда Тиронъ лежалъ больной въ одномъ загородномъ домѣ, Цицеронъ описываетъ ему, какъ гостившій у него въ то время Помпей попросилъ его прочитать ему что-нибудь, и какъ онъ ему отвѣчалъ, что все въ домѣ стало нѣмо съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ нѣтъ больше Тирона. «Моя, или лучше сказать, наша литература, прибавляетъ онъ, томится въ твое отсутствіе. Возвращайся какъ можно скорѣе, чтобъ оживить нашихъ музъ» [2]). Въ это время Тиронъ былъ еще рабомъ. Онъ былъ освобожденъ довольно поздно, а именно около 700 г. Всѣ окружающіе Цицерона громко одобрили такое справедливое вознагражденіе за столько вѣрныхъ услугъ. Квинтъ, находившійся въ то время въ Галліи, нарочно написалъ своему брату, чтобы поблагодарить его за то, что тотъ доставилъ ему новаго друга. Впослѣдствіи Тиронъ купилъ небольшое поле, вѣроятно, на деньги, подаренныя ему господиномъ, и Маркъ, въ своемъ письмѣ къ нему изъ Аѳинъ, шутя посмѣивается надъ тѣми новыми наклонностями, которыя разовьются въ немъ вслѣдствіе этого новаго пріобрѣтенія. «Итакъ, ты теперь землевладѣлецъ, говоритъ онъ ему: ты принужденъ разстаться съ изящною жизнью въ городѣ и вполнѣ преобразиться въ римскаго селянина! Съ какимъ удовольствіемъ я любуюсь тобой отсюда въ этомъ новомъ видѣ! Мнѣ кажется, будто я вижу, какъ ты покупаешь сельскія орудія, бесѣдуешь съ мызникомъ, а за дессертомъ собираешь въ полу одежды сѣмена для своего сада» [3])! Но, будучи даже землedѣльцемъ и вольноотпущеннымъ, Тиронъ продолжаетъ оставаться на службѣ своего хозяина, какъ и въ то время, когда онъ былъ его рабомъ.

У него было плохое здоровье, котораго, однако, не щадили. Всѣ его любили, но подъ этимъ предлогомъ всѣ заставляли его также и работать. Всѣ какъ-бы сговаривались злоупотреблять его под-

[1]) А. Гел., VII, 3.
[2]) Ad fam., XVI, 10.
[3]) Ad fam., XVI, 21.

линно неистощимою обязательностью. Квинтъ, Аттикъ, Маркъ, требовали, чтобы онъ безпрестанно сообщалъ имъ новости о Римѣ и о Цицеронѣ. При каждомъ увеличеніи занятій его господина, Тиронъ такъ ревностно принималъ въ нихъ участіе, что подъ-конецъ заболѣвалъ. Онъ такъ усталъ за то время, какъ Цицеронъ былъ правителемъ Киликіи, что тотъ при возвращеніи своемъ вынужденъ былъ оставить его въ Патрасѣ. Онъ разставался съ нимъ очень не охотно и, чтобы доказать ему свою тоску въ разлукѣ съ нимъ, писалъ ему до трехъ разъ въ день. Обыкновенно Цицеронъ безконечно заботился объ этомъ хиломъ и драгоцѣнномъ здоровьи и самъ дѣлался его врачемъ. Однажды, оставивъ его не совсѣмъ здоровымъ въ Тускулумѣ, онъ писалъ ему: «Займись-же своимъ здоровьемъ, которымъ ты до сихъ поръ пренебрегалъ, чтобы служить мнѣ. Ты знаешь, чего оно требуетъ: хорошаго пищеваренія, отсутствія истомы, умѣренныхъ упражненій, развлеченій и свободнаго желудка. Возвращайся молодчикомъ; за это я еще больше полюблю и тебя и Тускулумъ» [1]). Когда болѣзнь была серьёзнѣе, совѣты становились длиннѣе. Все семейство собиралось писать ему, и Цицеронъ, съ перомъ въ рукѣ, говорилъ ему отъ имени своей жены и дѣтей: «Если ты любишь всѣхъ насъ и особенно меня, который тебя воспиталъ, позаботься о томъ, чтобы выздоровѣть. Я умоляю тебя не думать при этомъ о расходахъ. Я написалъ Курію, чтобы онъ давалъ тебѣ все, что ты потребуешь, и чтобъ онъ щедро платилъ врачу съ цѣлью сдѣлать его болѣе старательнымъ. Ты оказалъ мнѣ безчисленныя услуги у меня дома, на форумѣ, въ Римѣ, въ моей провинціи, въ моихъ общественныхъ и частныхъ дѣлахъ, въ моихъ ученыхъ занятіяхъ и въ писаніи мною писемъ; но ты довершишь ихъ вполнѣ, если, какъ я надѣюсь, я увижу тебя въ добромъ здоровьѣ» [2]). За такую любовь Тиронъ платилъ неутомимою преданностью. Не смотря на свое шаткое здоровье, онъ прожилъ болѣе ста лѣтъ, и можно сказать, что вся эта долгая жизнь была употреблена на службу его господину. Усердіе его не ослабѣло и тогда, какъ онъ потерялъ его, и онъ занимался имъ до своей послѣдней минуты. Онъ написалъ его исторію и выпустилъ въ свѣтъ неизданныя его сочиненія; чтобы ничего не утратить

[1]) Ad fam., XVI, 18.
[2]) Ad fam., XVI, 3 и 4,

онъ собралъ рѣшительно все, до его послѣднихъ замѣтокъ и остротъ, и сдѣлалъ изо всего этого, говорятъ, нѣсколько длинноватый сборникъ, такъ какъ восхищеніе мѣшало ему строго выбирать. Наконецъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ превосходныя изданія его рѣчей, съ которыми совѣтовались еще во времена Авла-Геллія [1]). За эти услуги Цицеронъ, такъ дорожившій своей литературною славою, былъ-бы, конечно, всего благодарнѣе своему вѣрному отпущеннику.

При изученіи отношеній Тирона къ его господину невольно приходитъ въ голову, что древнее рабство, разсматриваемое съ этой стороны, и въ домѣ такого человѣка, какъ Цицеронъ, было не такъ ужъ отвратительно. Вѣроятно, оно очень смягчилось въ эту эпоху, и очень важною причиною такого прогресса была литература. Она распространила между тѣми, кто ее любилъ, новую добродѣтель, названіе которой часто встрѣчается въ философскихъ сочиненіяхъ Цицерона, а именно гуманность, то есть образованіе ума, смягчающее душу. Благодаря ея вліянію, рабство, нетронутое въ корню, было глубоко измѣнено въ своихъ послѣдствіяхъ. Эта перемѣна произошла безъ всякаго шума. Никто не шелъ на-проломъ противъ господствовавшихъ предразсудковъ; до самаго Сенеки никто не говорилъ о правахъ раба считаться человѣкомъ, и его по прежнему исключали при построеніи великихъ теорій о братствѣ между людьми; но въ сущности никто болѣе его не воспользовался смягченіемъ нравовъ. Мы сейчасъ видѣли, какъ хорошо Цицеронъ обращался съ своими, а онъ былъ не единственнымъ же исключеніемъ. Аттикъ поступалъ подобно ему, и гуманность сдѣлалась какимъ-то долгомъ чести, которую старался проявлять всякій, принадлежавшій къ этому вѣжливому и просвѣщенному кругу. Нѣсколько лѣтъ спустя Плиній Младшій, также принадлежавшій къ нему, съ трогательною для насъ грустью говоритъ о болѣзни и смерти своихъ рабовъ. «Мнѣ небезъизвѣстно, говоритъ онъ, что многіе смотрятъ на подобнаго рода несчастія только какъ на потерю имущества, и что, думая такимъ образомъ, они воображаютъ себя великими и премудрыми людьми. Что касается меня, я не знаю, точно-ли они такъ велики и премудры, какъ воображаютъ, а знаю только, что они не люди» [2]). Таковы были чувства всего тогдашняго избраннаго общества. Итакъ,

[1]) А. Гелл., XIII, 20.

[2]) Плин., Epist., VIII, 16.

рабство значительно смягчилось къ концу римской республики и къ первымъ временамъ имперіи. Этотъ успѣхъ, приписываемый обыкновенно христіанству, былъ древнѣе его, и справедливо долженъ быть отнесенъ къ чести философіи и литературы.

Кромѣ рабовъ и вольноотпущенниковъ, составлявшихъ часть семейства богатаго Римлянина, съ нимъ были связаны, хотя и не такъ тѣсно, еще другія лица: то были кліэнты. Нѣтъ сомнѣнія, что древнее учрежденіе кліэнтства много утратило изъ своего важнаго и священнаго характера. Прошло то время, когда Катонъ говорилъ, что кліэнты должны идти въ домѣ прежде родственниковъ и людей близкихъ, и что званіе патрона слѣдуетъ непосредственно послѣ званія отца. Эти связи значительно ослабѣли [1]), а налагаемыя ими обязанности сдѣлались гораздо менѣе строгими. Соблюдалась чуть-ли не одна изъ нихъ, состоявшая въ томъ, что кліэнты считали нужнымъ являться рано утромъ привѣтствовать своего патрона. Квинтъ, въ своемъ любопытномъ письмѣ къ брату по поводу его кандидатуры на консульство, раздѣляетъ ихъ на три класса: сначала тѣ, которые довольствуются утреннимъ визитомъ; это бываютъ обыкновенно не слишкомъ горячіе друзья или просто любопытные наблюдатели, приходящіе узнать новости и даже навѣщающіе иногда всѣхъ кандидатовъ, чтобы доставить себѣ удовольствіе прочесть на ихъ лицахъ, какъ велики ихъ надежды; затѣмъ слѣдуютъ тѣ, которые сопровождаютъ своего патрона на форумъ и идутъ за нимъ въ видѣ свиты въ то время, какъ онъ пройдется два или три раза по базиликѣ для того, чтобы всѣ замѣтили, — вотъ-де важный человѣкъ; наконецъ, тѣ, которые не оставляютъ его все время, пока онъ находится внѣ дома, и которые отводятъ его домой, такъ-же какъ приходили туда за нимъ. Это—вѣрные и преданные люди, не торгующіеся о времени, которое они даютъ вамъ; благодаря ихъ испытанному усердію, кандидатъ получаетъ желаемую должность [3]).

Человѣкъ, имѣвшій счастіе принадлежать къ большому дому, получалъ по наслѣдству благоустроенную толпу кліэнтовъ. Какой-нибудь Клавдій или Корнелій, не давши себѣ даже труда обязать

[1]) Но Виргилій, всегда вѣрный древнимъ преданіямъ, помѣщаетъ въ Тартаръ патрона, обманувшаго своего кліэнта, рядомъ съ сыномъ, ударившимъ своего отца.

[2]) De petit. cons., 9.

кого-либо, былъ увѣренъ, что утромъ всегда найдетъ у себя въ сѣняхъ множество людей, связанныхъ благодарностью съ его семействомъ, и онъ производилъ эффектъ на форумѣ многочисленностью своей свиты, когда являлся туда защищать свое первое дѣло. Цицерону не выпала на долю эта благодать; но хотя онъ былъ обязанъ своими кліэнтами только самому себѣ, тѣмъ не менѣе они были очень многочисленны. Въ эту эпоху страстной борьбы, когда самые спокойные граждане подвергались ежедневно безсмысленнѣйшимъ обвиненіямъ, многіе были вынуждены прибѣгать къ его таланту ради своей защиты. Онъ охотно соглашался, такъ какъ у него не было иного средства подобрать себѣ кліэнтовъ, какъ обязавши побольше народу. Вотъ, почему, вѣроятно, онъ брался за защиту столькихъ дурныхъ дѣлъ. Онъ явился на форумѣ почти одинъ, безъ свиты обязанныхъ ему людей, внушавшихъ такое уваженіе публикѣ; слѣдовательно, ему приходилось быть не слишкомъ разборчивымъ при составленіи и увеличеніи такой свиты. Какъ ни претило его честной душѣ браться за сомнительный процессъ, гордость его не могла противиться удовольствію прибавить еще одного человѣка къ сопровождавшей его толпѣ. Въ этой толпѣ, по словамъ его брата, находились граждане всѣхъ возрастовъ, сословій и состояній. Вѣроятно, съ важными лицами мѣшался здѣсь и мелкій людъ, составляющій обыкновенно подобныя свиты. Говоря объ одномъ народномъ трибунѣ, Мемміи Гемеллѣ, бывшемъ покровителемъ Лукреція, онъ называетъ его своимъ кліэнтомъ [1]).

Не въ одномъ только Римѣ были у него кліэнты и обязанные ему люди; изъ переписки его видно, что его покровительство простиралось гораздо дальше, и что ему писали отовсюду, прося его услугъ. Въ то время Римляне были распространены по всему свѣту; завоевавши его, они занимались тогда его эксплоатаціей. Вслѣдъ за легіонами и почти что по пятамъ ихъ толпа ловкихъ и предпріимчивыхъ людей вторгалась въ завоеванныя провинціи для составленія себѣ богатства; они умѣли приспособить свое ремесло къ источникамъ и потребностямъ каждаго края. Въ Сициліи и Галліи они воздѣлывали обширныя имѣнія и спекулировали на винѣ и на хлѣбѣ; въ Азіи, гдѣ было столько богатыхъ, кругомъ задолжавшихъ городовъ, они дѣлались банкирами, то есть, своимъ ростовщичествомъ доставляли имъ вѣрное и надежное средство къ раззоренію. Вообще они мечтали вернуться въ Римъ, какъ только составятъ себѣ состояніе, а чтобы вернуться туда пораньше, старались поскорѣе наживаться. Такъ какъ они лишь временно, а не на самомъ дѣлѣ поселялись въ побѣжденныхъ странахъ и не имѣли тамъ ни привязанностей, ни корней, то и обращались съ ними безъ милосердія, конечно возбуждая къ себѣ этимъ всеобщую ненависть. Ихъ часто преслѣдовали судомъ, и они сильно нуждались въ хорошихъ защитникахъ. Вслѣдствіе того они старались найти себѣ опору въ самыхъ лучшихъ адвокатахъ, особенно въ Цицеронѣ, этомъ величайшемъ ораторѣ своего времени. Его талантъ и значеніе были далеко не лишніе, чтобы помогать имъ выпутываться изъ разныхъ непріятныхъ дѣлъ, въ которыя они попадали.

[1]) Ad fam., XIII. 19.

Для того, чтобы хорошо ознакомиться съ однимъ изъ крупныхъ римскихъ негоціантовъ, которые своимъ характеромъ и судьбою походятъ иногда на спекуляторовъ нашего времени, надо прочитать рѣчь Цицерона, написанную имъ въ защиту Рабирія Постума. Онъ разсказываетъ въ ней всю исторію своего кліэнта. Это очень занимательная исторія, и интересно вкратцѣ ознакомиться съ нею, чтобы узнать, что за народъ были эти римскіе дѣловые люди, такъ часто обращавшіеся къ его обязательному дару слова. Рабирій, сынъ богатаго и ловкаго ростовщика, обладалъ отъ рожденія духомъ предпріимчивости. Онъ не ограничился однимъ родомъ торговли, такъ какъ принадлежалъ къ числу людей, которые, по словамъ Цицерона, знаютъ всѣ пути, откуда могутъ прійти деньги, **omnes vias pecuniae norunt** [1]). Онъ занимался дѣлами разнаго рода, и всегда съ одинаковымъ успѣхомъ; многое онъ предпринималъ самъ, но часто присоединялся также къ предпріятіямъ другихъ. Онъ бралъ на откупъ общественные налоги, давалъ взаймы частнымъ лицамъ, провинціямъ и государямъ. Столь же щедрый, какъ и богатый, онъ доставлялъ возможность своимъ друзьямъ пользоваться его богатствомъ. Онъ создавалъ для нихъ должности, втягивалъ ихъ въ свои дѣла и дѣлился съ ними своими прибылями. Вслѣдствіе того онъ пользовался въ Римѣ большою популярностью. Какъ водится, его благоденствіе погубило его. Онъ ссудилъ большую сумму денегъ египетскому царю Птоломею Авлету, который вѣроятно, платилъ ему за

[1]) Ad Quint. I, 1.

это хорошіе проценты. Когда этотъ царь былъ изгнанъ своими подданными, Рабирію пришлось сдѣлать ему новыя ссуды, чтобы не потерять своихъ денегъ, находившихся въ опасности. Онъ употребилъ свое собственное состояніе и даже состояніе своихъ друзей, чтобы доставлять ему деньги на расходы; онъ заплатилъ за великолѣпіе царскаго кортежа, когда Птоломей явился въ Римъ просить поддержки у сената, и даже помогъ ему подкупить самыхъ вліятельныхъ сенаторовъ, что, вѣроятно, стоило еще дороже. Дѣло Птоломея казалось вѣрнымъ. Такъ какъ отъ благодарности царя ожидали очень многаго, то самыя важныя лица оспоривали другъ у друга честь или, лучше сказать, выгоду возстановить его на тронѣ. Лентулъ, бывшій въ то время проконсуломъ въ Киликіи, находилъ, что ему нельзя въ этомъ отказать; въ то же время Помпей, помѣстившій молодаго государя въ своемъ Альбскомъ домѣ, прочилъ его и для себя. Благодаря этому соперничеству, ничто не удалось. Противоположные интересы вредили другъ другу, а для того, чтобы не дѣлать завистниковъ, предоставивши одному человѣку воспользоваться счастливымъ случаемъ, сенатъ не далъ его никому. Говорятъ, будто Рабирій, хорошо знавшій Римлянъ, далъ тогда царю смѣлый совѣтъ обратиться къ одному изъ тѣхъ похожденцевъ, которые наполняли въ то время Римъ и за деньги не отступали ни передъ чѣмъ на свѣтѣ. Бывшій трибунъ Габиній управлялъ Сиріей. Ему было обѣщано 10,000 талантовъ (55 милліоновъ фр.), если онъ окажетъ открытое неповиновеніе сенатскому указу. Сумма была велика. Габиній согласился на сдѣлку, и войска его привели Птоломея обратно въ Александрію.

Какъ только Рабирій узналъ, что Птоломей возстановленъ на тронѣ, онъ тотчасъ явился къ нему. Для того, чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ обратномъ полученіи своего капитала, онъ согласился сдѣлаться его главнымъ управляющимъ (dioecetes) или, какъ теперь говорится, его министромъ финансовъ. Онъ облекся въ греческую мантію, къ великому скандалу строгихъ Римлянъ, и возложилъ на себя знаки своей должности. Онъ принялъ ее лишь съ тою мыслію, что никто не возвратитъ ему такъ хорошо его денегъ, какъ онъ самъ своими руками. Онъ попытался это сдѣлать и, собирая деньги, обѣщанныя Габинію, въ то же время, кажется, оставилъ часть ихъ въ уплату самому себѣ; но раззоряемые народы пожаловались, и царь, не выносившій Рабирія съ тѣхъ поръ какъ

перестадъ въ немъ нуждаться, и, вѣроятно, обрадовавшись удобному случаю отдѣлаться отъ кредитора, приказалъ заключить его въ тюрьму и даже грозилъ ему смертью. Рабирій при первомъ удобномъ случаѣ бѣжалъ изъ Египта, довольный уже тѣмъ, что покинулъ тамъ только свое богатство. У него оставался всего лишь одинъ денежный источникъ: въ то время, какъ онъ завѣдывалъ финансами царя, онъ накупилъ на свой счетъ египетскихъ товаровъ, бумаги, льна, стекла, и нагрузилъ ими нѣсколько кораблей, прибывшихъ теперь съ нѣкоторымъ блескомъ въ Пуццолы.

Слухъ объ этомъ достигъ до Рима, и такъ какъ всѣ привыкли къ удачнымъ дѣламъ Рабирія, то молва охотно преувеличила число кораблей и стоимость груза. Разсказывали даже потихоньку, будто между этими кораблями былъ одинъ небольшой, который скрывали потому, вѣроятно, что онъ былъ наполненъ золотомъ и драгоцѣнностями. Къ несчастію для Рабирія, въ этихъ разсказахъ не было ни на волосъ правды. Маленькій корабль существовалъ только въ воображеніи любителей новостей, товары, привезенные на другихъ судахъ, плохо распродались, и онъ окончательно раззорился. Несчастіе его очень поразило Римъ, и о немъ говорили цѣлый сезонъ. Друзья, которыхъ онъ такъ великодушно обязывалъ, покинули его; общественное мнѣніе, державшее до тѣхъ поръ его сторону, обратилось противъ него. Самые снисходительные называли его глупцомъ, но наиболѣе раздраженные смѣло увѣряли, будто онъ только притворяется бѣднякомъ, чтобы не отдавать кредиторамъ части своего богатства. Между тѣмъ у него положительно ничего не было, и онъ жилъ только щедротами Цезаря, одного изъ немногихъ, оставшихся ему вѣрнымъ въ несчастіи. Цицеронъ также не забывалъ его. Онъ помнилъ, что во время его ссылки Рабирій предложилъ къ его услугамъ свое состояніе и заплатилъ деньги сопровождавшимъ его людямъ. Вотъ почему, когда его хотѣли замѣшать въ процессъ Габинія, онъ поспѣшилъ взять на себя его защиту и сумѣлъ по крайней мѣрѣ спасти ему свободу и честь.

Въ этомъ очеркѣ не достаетъ одной черты. Въ своей рѣчи Цицеронъ говоритъ, что Рабирій былъ не очень свѣдущъ. Ему пришлось сдѣлать столько на своемъ вѣку, что некогда было позаботиться о своемъ образованіи; это не было, впрочемъ, обыкновеннымъ явленіемъ: извѣстно, что многіе изъ его товарищей по ремеслу, не смотря на свои вовсе не литературныя занятія, были, однако, умные и

образованные люди. Цицеронъ, рекомендуя Сульпицію одного негоціанта изъ Ѳеспій, говорилъ ему: «Онъ любитъ наши ученыя занятія» [1]). Онъ смотрѣлъ на Курія Патрасскаго, какъ на одного изъ тѣхъ, кто всѣхъ лучше сохранилъ умѣнье шутить на старый римскій ладъ. «Спѣши вернуться въ Римъ, писалъ онъ ему, чтобы не утратилось послѣднее зерно столичнаго вѣжества» [2]). Всадники, соединявшіеся въ сильныя общества и бравшіе на откупъ общественные налоги, были также люди образованные, принадлежащіе къ хорошему кругу. Цицеронъ, вышедшій изъ ихъ рядовъ, имѣлъ сношенія почти со всѣми ими; но особенно тѣсно онъ былъ, кажется, связанъ съ обществомъ, арендовавшимъ азіатскія пастбища, и онъ говоритъ, что оно поставило себя подъ его покровительство.

Это покровительство распространялось также и на людей, не бывшихъ Римлянами по рожденію. Очень понятно, что иностранцы считали большою честью да и обезпеченіемъ для себя, какимъ-бы то ни было образомъ находиться въ сношеніяхъ съ знаменитою личностью въ Римѣ. Не имѣя возможности быть его кліэнтами, они желали стать его гостепріимными хозяевами. Въ то время, когда въ странахъ, по которымъ проѣзжали, было такъ мало удобныхъ гостинницъ, отправляясь путешествовать, необходимо было запастись обязательными друзьями, готовыми принять васъ. Въ Италіи богатые люди покупали себѣ небольшіе дома для ночлега на всѣхъ дорогахъ, по которымъ они обыкновенно ѣздили; но въ другихъ мѣстахъ останавливались по дорогѣ у гостепріимныхъ знакомыхъ. Принять у себя такимъ образомъ богатаго Римлянина бывало подъ-часъ очень не легкою обязанностью. Онъ ѣхалъ всегда съ большою свитой. Цицеронъ разсказываетъ намъ, что въ глубинѣ Азіи онъ встрѣтилъ П. Ведія «съ двумя фурами, съ экипажемъ, носилками, лошадьми, многочисленными рабами, да еще кромѣ того съ обезьяной, помѣщавшейся на небольшой колесницѣ, и съ множествомъ дикихъ ословъ» [3]). Ведій былъ между тѣмъ малоизвѣстный Римлянинъ. Можно себѣ представить, какую свиту тащилъ за собою проконсулъ или преторъ, отправлявшійся на мѣсто въ назначенную ему провинцію! Однако, не смотря на то, что ихъ проѣздъ истощалъ принимавшій ихъ домъ, люди строили другъ другу козни изъ-за этой раззорительной чести,

[1]) Ad fam., XIII 22.
[2]) Ad fam., VII, 31.
[3]) Ad Att., VI, 1.

находя тысячу выгодъ упрочить за собою поддержку подобныхъ лицъ. У Цицерона были такіе хозяева во всѣхъ большихъ городахъ Греціи и Азіи, и почти всѣ они были изъ первыхъ гражданъ. Этимъ званіемъ гордились даже самые цари, какъ напримѣръ, Дейотаръ и Аріобарзанъ. Такіе значительные города, какъ Волатерры, Morelia Ателла, Спарта, Паѳосъ, безпрестанно просили его покровительства и платили за него общественными почестями. Въ числѣ его кліэнтовъ находились цѣлыя провинціи, почти цѣлыя націи, такъ напримѣръ, послѣ дѣла Верреса онъ сталъ защитникомъ и патрономъ Сициліи. Этотъ обычай пережилъ республику, и во времена Тацита знаменитые ораторы еще считали въ числѣ своихъ кліэнтовъ—провинціи и государства. То было единственное величіе, оставшееся тогда у краснорѣчія.

Мнѣ кажется, всѣ эти подробности вполнѣ знакомятъ насъ съ жизнью важной особы того времени. Если изучать только немногія лица, составляющія то, что называется семействомъ Цицерона, и смотрѣть на него только въ обществѣ жены и дѣтей, то жизнь его покажется довольно похожею на нашу. Чувства, лежащія въ основаніи человѣческой природы, не измѣнились и приводятъ почти всегда къ однимъ и тѣмъ-же послѣдствіямъ. Заботы, смущавшія семейную жизнь Цицерона, его радости и несчастія не безъизвѣстны и намъ; но какъ только выйдешь изъ этого ограниченнаго круга и снова поставишь Римлянина среди его служителей и домашнихъ, немедленно обнаруживается разница между тѣмъ обществомъ и нашимъ. Теперь жизнь сдѣлалась ровнѣе и проще. У насъ нѣтъ уже ни такихъ громадныхъ богатствъ, ни обширныхъ сношеній, ни толпы людей, связанныхъ съ нашимъ достаткомъ. Того, что мы называемъ громадными домашними издержками, едва-ли было тогда достаточно для откупщицкаго приказчика, отправлявшагося собирать общественные налоги въ какой-нибудь провинціальный городъ. Знатный вельможа и даже богатый римскій всадникъ не довольствовались такою малостью. Когда вспомнишь о толпахъ рабовъ, скученныхъ въ ихъ домахъ и на ихъ земляхъ, о вольноотпущенникахъ, составлявшихъ вокругъ нихъ какъ-бы своего рода дворъ, о множествѣ кліэнтовъ, загромождавшихъ собою тѣ улицы Рима, по которымъ они проходили, объ ихъ гостепріимцахъ (кунакахъ), разсѣянныхъ по всему свѣту, о городахъ и государствахъ, умолявшихъ объ ихъ покровительствѣ, тогда лучше объясняешь себѣ важное значеніе ихъ рѣчей, гордость

ихъ осанки, полноту ихъ краснорѣчія, ихъ важный видъ и то сознаніе своего вѣса, которое проявлялось во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и словахъ. Именно въ этомъ смыслѣ чтеніе писемъ Цицерона оказываетъ намъ большую услугу. Сообщая нынѣ хоть какое-нибудь понятіе объ этихъ великихъ, уже неизвѣстныхъ намъ существованіяхъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ даютъ возможность лучше понимать тогдашнее общество.

Аттикъ.

Изъ всѣхъ корреспондентовъ Цицерона никто не велъ съ нимъ такой продолжительной и правильной переписки, какъ Аттикъ. Ихъ сношенія продолжались безъ всякаго перерыва и разлада до самой смерти. Они переписывались при малѣйшей разлукѣ и, если было можно, по нѣскольку разъ въ день. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ коротки и служатъ лишь для того, чтобы обмѣняться быстрымъ воспоминаніемъ, другія длинны и обдуманы, когда событія становились важнѣе; они то шутливы, то серьезны, смотря по обстоятельствамъ; писались они на скорую руку, гдѣ попало и заключали въ себѣ всю жизнь обоихъ друзей. Цицеронъ удачно охарактеризовалъ ихъ, сказавши: «Это былъ разговоръ между нами.» Къ несчастію, мы слышимъ теперь лишь одного изъ бесѣдовавшихъ, и разговоръ обратился въ монологъ. Издавая письма своего друга, Аттикъ поостерегся приложить къ нимъ свои. Онъ не хотѣлъ, конечно, слишкомъ обнаруживать передъ всѣми свои чувства, и осторожность побуждала его скрывать отъ публики свои затаенныя мнѣнія и свою интимную жизнь; но какъ онъ ни желалъ скрыться, огромная переписка, которую велъ съ нимъ Цицеронъ, достаточно ознакомила насъ съ нимъ, и мы легко могли составить себѣ по ней точное понятіе о томъ лицѣ, къ кому она обращалась. Несомнѣнно, что это одна изъ самыхъ любопытныхъ личностей тогдашней важной эпохи, заслуживающая подробнаго изученія.

I.

Аттику было двадцать лѣтъ въ то время, какъ началась война между Маріемъ и Силлою. Онъ близко находился при ея первыхъ вспышкахъ и едва не сдѣлался жертвою ихъ; трибунъ Сульпицій, одинъ изъ главныхъ вождей народной партіи, его родственникъ, былъ убитъ по приказанію Силлы вмѣстѣ съ своими приверженцами и друзьями, а такъ какъ Аттикъ бывалъ у него очень часто, то и онъ также рисковалъ жизнью. Эта первая опасность рѣшительно подѣйствовала на всю его жизнь. Такъ такъ, не смотря на свои молодыя лѣта, онъ отличался твердымъ и осторожнымъ духомъ, то и не впалъ въ отчаянье, а принялся размышлять и разсуждать. Если до тѣхъ поръ у него и были какіе-нибудь проблески политическаго тщеславія или намѣреніе добиваться почестей, то онъ безъ труда отказался отъ нихъ, видя, какою цѣною онѣ иногда оплачиваются. Онъ понялъ, что такая республика, гдѣ люди насильно вырывали другъ у друга власть, погибнетъ, и погибая можетъ увлечь за собою тѣхъ, кто ей служитъ. Потому онъ положилъ себѣ держаться подальше отъ дѣлъ, и съ этихъ поръ вся его политика состояла въ томъ, чтобы создать себѣ вѣрное положеніе внѣ всякихъ партій и вдали отъ всякихъ опасностей.

Когда однажды Сійеса спросили: «Что вы дѣлали во время террора?» Онъ отвѣчалъ: «Что я дѣлалъ? Я жилъ.» Этого было уже много. Аттикъ сдѣлалъ еще гораздо больше. Онъ жилъ во время террора, продолжавшагося не нѣсколько мѣсяцевъ, а нѣсколько лѣтъ. Какъ-бы для того, чтобы испытать его осторожность и ловкость, судьба помѣстила его въ самую смутную эпоху исторіи. Онъ присутствовалъ при трехъ междоусобныхъ войнахъ, видѣлъ, какъ Римъ четыре раза захватывался различными властителями, и какъ убійства возобновлялись при всякой новой побѣдѣ. При этомъ онъ не велъ смиренной, неизвѣстной, всѣми позабытой жизни въ какомъ нибудь отдаленномъ городѣ, а жилъ у всѣхъ на виду въ Римѣ. Все способствовало къ тому, чтобы привлекать на него взоры; онъ былъ богатъ, а это служило иногда достаточной причиной для того, чтобы быть изгнаннымъ; онъ пользовался большою извѣстностью, какъ умный человѣкъ; онъ охотно посѣщалъ людей властныхъ и, благодаря только своимъ связямъ, считался знатнымъ лицомъ. Ме-

жду тѣмъ онъ сумѣлъ избѣгнуть всѣхъ опасностей, создаваемыхъ ему его положеніемъ и богатствомъ, и находилъ даже возможность пріобрѣтать все большее значеніе послѣ каждой изъ этихъ революцій, долженствовавшихъ, повидимому, погубить его. Всякая перемѣна правленія, похищавшая власть у его друзей, дѣлала его все болѣе богатымъ и лучше поставленнымъ, такъ что подъ-конецъ онъ естественнымъ образомъ являлся почти обокъ съ новымъ властителемъ. Помощью какого дивнаго искусства и какихъ замысловатыхъ комбинацій достигъ онъ того, что жилъ въ почетѣ, богатствѣ и силѣ въ такое время, когда и просто жить было уже не легко? Это была чрезвычайно трудная задача, и вотъ, какъ онъ ее разрѣшилъ.

При первыхъ убійствахъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, Аттикъ рѣшился жить съ этихъ поръ вдалекѣ отъ дѣлъ и отъ партій; но оно не такъ легко, какъ кажется и, чтобы привести это въ исполненіе, иногда бываетъ недостаточно самой твердой воли. Тщетно вы будете заявлять о своей нейтральности, свѣтъ непремѣнно отнесетъ васъ къ какому-нибудь классу, судя по имени, какое вы носите, по вашимъ семейнымъ преданіямъ, личнымъ связямъ и впервые обнаруженнымъ вами предпочтеніямъ. Аттикъ понималъ, что для того, чтобы избѣжать такого насильственнаго зачисленія въ ряды и совершенно сбить съ толку общественное мнѣніе, ему надо было покинуть Римъ и покинуть надолго. Благодаря этому добровольному изгнанію онъ надѣялся вполнѣ совладѣть съ самимъ собою и порвать связи, противъ воли соединявшія его съ прошлымъ. Но, желая скрыться отъ глазъ своихъ согражданъ, онъ вовсе не хотѣлъ, чтобъ весь міръ позабылъ о немъ. Онъ разсчитывалъ вернуться, но вернуться не какимъ-то никому неизвѣстнымъ чужакомъ; при этомъ онъ не хотѣлъ также терять выгодныхъ для него первыхъ дружескихъ связей. Вслѣдствіе того онъ выбралъ для своего мѣстопребыванія не какое-нибудь отдаленное имѣніе, не какую-нибудь извѣстную провинцію или городъ, на которыхъ никогда не останавливались взоры римскаго народа. Онъ удалился въ Аѳины, этотъ единственный городъ, сохранившій громкую извѣстность и поддерживавшій себя въ виду Рима восхищеніемъ народовъ. Здѣсь, черезъ нѣсколько удачныхъ щедростей, онъ привлекъ къ себѣ общую любовь. Онъ роздалъ хлѣба гражданамъ и ссудилъ деньгами этотъ городъ умниковъ, финансы которыхъ находились всегда въ разстроенномъ положеніи. Мало того, онъ польстилъ Аѳи-

нянамъ въ томъ, что для нихъ было всего чувствительнѣе. Изъ всѣхъ Римлянъ онъ первый рѣшился заявить о своей любви къ греческой литературѣ и искусству. До сихъ поръ между его соотечественниками была мода уважать греческихъ музъ и заниматься ими втайнѣ, но насмѣхаться надъ ними въявь. Самъ Цицеронъ, столько разъ бравировавшій этотъ глупый предразсудокъ, не смѣлъ однако показать, что ему хорошо извѣстно имя какого-нибудь великаго скульптора; но Цицеронъ былъ государственный человѣкъ, слѣдовательно, ему подобало иногда хоть на минуту заявлять гордое презрѣніе къ другимъ народамъ, составлявшее отчасти то, что называлось римскою важностью. Чтобы нравиться народу, надо было льстить этой національной слабости. Аттикъ, не разсчитывавшій ничего просить у него, былъ свободнѣе, и потому открыто посмѣвался надъ обычаями. Съ самого своего пріѣзда онъ началъ говорить и писать по гречески, явно посѣщать мастерскія ваятелей и живописцевъ, покупать статуи и картины и сочинять трактаты объ искусствахъ. Аѳиняне были столько-же восхищены, какъ и удивлены, видя, что одинъ изъ ихъ побѣдителей обнаруживаетъ одинаковый съ ними вкусъ къ самымъ дорогимъ для нихъ предметамъ и такимъ образомъ протестуетъ противъ несправедливаго презрѣнія остальныхъ. Ихъ признательность, какъ извѣстно, всегда очень шумная, преслѣдовала Аттика всяческою лестью. Въ честь его было издано множество декретовъ; ему предлагали всѣ почетныя мѣста въ городѣ; хотѣли даже воздвигать ему статуи. Аттикъ поспѣшилъ ото всего отказаться; но эффектъ былъ произведенъ, и слава его популярности не замедлила достигнуть Рима, будучи привезена туда молодыми людьми изъ знатныхъ семействъ, пріѣзжавшими доканчивать свое воспитаніе въ Греціи. Такимъ образомъ имя Аттика ничего не теряло въ его отсутствіе; люди со вкусомъ бесѣдовали объ этомъ просвѣщенномъ любителѣ искусствъ, отличавшемся даже въ Аѳинахъ, а въ это время большинство, не видя его, отвыкало причислять его къ той или другой политической партіи.

Итакъ первый шагъ былъ сдѣланъ. Оставалось сдѣлать болѣе важный другой. Аттикъ съ давнихъ поръ уже видѣлъ, что для того, чтобъ быть независимымъ, надо быть богатымъ. Въ эту эпоху эта общеизвѣстная истина была очевиднѣе, чѣмъ когда-либо. Сколько было людей, поведеніе которыхъ во время междоусобій можно было объяснить только положеніемъ ихъ денежныхъ дѣлъ. Для того, чтобы служить нелюбимому имъ Цезарю, у Куріона была только одна причина—требованія его кредиторовъ; даже самъ Цицеронъ ставитъ въ числѣ главныхъ причинъ, мѣшающихъ ему отправиться въ станъ Помпея, куда его призываютъ всѣ его симпатіи, тѣ деньги, которыя ссудилъ ему Цезарь, и которыхъ онъ не могъ возвратить. Чтобъ избѣгнуть подобнаго рода затрудненій и завоевать себѣ полную свободу, Аттикъ положилъ себѣ разбогатѣть, и разбогатѣлъ. Я нахожу нужнымъ привести здѣсь нѣкоторыя подробности для того, чтобы показать, какимъ образомъ люди обогащались въ Римѣ.

Отецъ оставилъ ему довольно умѣренное состояніе въ 2 милліона сестерцій (400,000 фр.). Покидая Римъ, Аттикъ продалъ почти всѣ свои родовыя имѣнія для того, чтобы не оставлять за собою ничего такого, что могло бы соблазнить проскрипторовъ, и купилъ земли въ Эпирѣ, этой странѣ большихъ стадъ, гдѣ земля приносила такъ много. По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ заплатилъ за нихъ не дорого. Митридатъ только-что опустошилъ Грецію, и такъ какъ въ ней было мало денегъ, все продавалось тамъ по низкимъ цѣнамъ. Находясь въ искусныхъ рукахъ, имѣніе это вскорѣ процвѣло; каждый годъ къ нему прикупались новыя земли на прошлогоднія сбереженія, такъ что Аттикъ сдѣлался наконецъ однимъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ томъ краѣ. Но можетъ ли быть, чтобы богатство его возникло исключительно вслѣдствіе хорошаго управленія полями? Ему очень хочется заставить насъ этому вѣрить, чтобы пріобрѣсти такимъ образомъ нѣкоторое сходство съ Катономъ и древними Римлянами. На бѣду, его выдалъ другъ его, Цицеронъ. Читая ихъ нескромную переписку, мы вскорѣ узнаемъ, что у Аттика было много другихъ средствъ къ обогащенію, кромѣ торговли хлѣбомъ и стадами. Этотъ искусный землевладѣлецъ былъ въ то же время ловкій торгашъ, удачно ведшій свои коммерческія дѣла. Онъ отлично умѣлъ извлекать выгоды не только изъ глупости другихъ, что обыкновенно бываетъ, но даже изъ своихъ удовольствій, и талантъ его состоялъ въ томъ, что онъ обогащался тамъ, гдѣ другіе раззорялись. Извѣстно, напримѣръ, что онъ очень любилъ хорошія книги; и въ то время, какъ теперь, это была очень цѣнная затѣя; онъ сумѣлъ сдѣлать изъ нея источникъ немалаго дохода. Онъ собралъ у себя множество искусныхъ переписчиковъ и самъ образовывалъ ихъ; давъ имъ сперва поработать на него и

удовлетворивъ такимъ образомъ своей страсти, онъ заставлялъ ихъ еще работать для другихъ, и очень дорого продавалъ публикѣ переписанныя ими книги. Такимъ образомъ онъ сдѣлался настоящимъ издателемъ Цицерона, и такъ какъ произведенія его друга очень раскупались, то вышло такъ, что эта дружба, полная пріятностей для его души оказалась вмѣстѣ съ тѣмъ очень выгодною для его кармана.[1]). Собственно говоря, въ подобной торговлѣ не было ничего предосудительнаго, и никто не мѣшалъ любителю литературы быть вмѣстѣ съ тѣмъ книгопродавцемъ; но Аттикъ занимался кромѣ того многими другими вещами, которыя, на нашъ взглядъ, должны были бы казаться ему болѣе отталкивающими. Видя, какимъ успѣхомъ пользуются повсюду гладіаторскіе бои, такъ какъ почти ни одинъ праздникъ не обходился безъ подобнаго рода великой бойни, онъ вздумалъ воспитывать гладіаторовъ въ своихъ имѣніяхъ. Онъ приказывалъ тщательно обучать ихъ искусству граціозно умирать и очень дорого отдавалъ ихъ въ наемъ желавшимъ позабавиться ими городамъ[2]). Надо сознаться, что подобное занятіе неприлично для ученаго и мудреца; но оно было прибыльно, а мудрость Аттика становилась очень сговорчивою, какъ только дѣло шло о крупномъ барышѣ. Кромѣ того онъ бывалъ при случаѣ банкиромъ и ссужалъ деньги за большіе проценты, но этого не стыдились впрочемъ даже самые знатные римскіе вельможи. Только онъ дѣлалъ это нѣсколько осторожнѣе другихъ и старался при томъ появляться какъ можно рѣже въ тѣхъ дѣлахъ, которыми занимался; вѣроятно, онъ имѣлъ въ Италіи и Греціи ловкихъ агентовъ, пускавшихъ его деньги въ оборотъ. Сношенія его простирались на весь міръ; у него были должники въ Македоніи, въ Эпирѣ, въ Эфесѣ, въ Делосѣ, вездѣ понемногу. Онъ давалъ взаймы частнымъ лицамъ, но иногда также городамъ; послѣднее онъ дѣлалъ обыкновенно втайнѣ, такъ какъ это занятіе считалось въ то время столько же постыднымъ, сколько выгоднымъ, и предававшіеся ему люди не слыли ни честными, ни слишкомъ разборчивыми. Потому Аттикъ, дорожившій своей репутаціей не меньше чѣмъ богатствомъ, старался скрыть ото всѣхъ, что онъ не пренебрегаетъ подобнаго рода выгодами. Онъ

[1]) Я старался доказать это съ большими подробностями въ одномъ мемуарѣ, помѣщенномъ въ **Revue archéologique** подъ заглавіемъ **Atticus editeur de Cicéron.**

[2]) **Ap. Att, IV, 4 и 8.**

тщательно таилъ это даже отъ своего друга, Цицерона, и мы никогда бы не узнали о томъ, еслибы у него не бывало иногда неудачъ въ этихъ рискованныхъ дѣлахъ. Хотя они приносили обыкновенно большіе барыши, но приводили также и къ опасностямъ. Послѣ двухсотлѣтняго римскаго владычества всѣ союзные и муниципальные города, особенно въ Азіи, были совершенно разорены. У всѣхъ ихъ было больше долгу, нежели доходовъ, а проконсулы вмѣстѣ съ откупщиками налоговъ такъ ловко обирали у нихъ послѣднія средства, что если кредиторы не поспѣшали во время явиться, то на ихъ долю не оставалось уже ничего. Это самое и случилось однажды съ Аттикомъ, не смотря на всю его дѣятельность. Мы видимъ, какъ Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ нему шутитъ надъ нимъ по поводу того, что онъ отправлялся осаждать Сикіонъ[1]): очевидно, что онъ осаждалъ какихъ нибудь упрямыхъ должниковъ; Аттикъ никогда не предпринималъ иныхъ походовъ. Однако этотъ именно не удался ему. Между тѣмъ какъ онъ выступилъ такимъ образомъ въ походъ противъ этого несчастнаго задолжавшаго города, сенатъ сжалился надъ нимъ и особымъ декретомъ защитилъ его отъ слишкомъ требовательныхъ заимодавцевъ, такъ что Аттикъ, отправившійся изъ Эпира завоевателемъ, съ развернутыми знаменами, прибывши къ стѣнамъ его, принужденъ былъ по словамъ Цицерона, просьбами и ласками вымозжить у Сикіонцевъ малую толику деньжонокъ (**nummulorum aliquid**)[2]). Слѣдуетъ однако думать, что обыкновенно Аттикъ удачнѣе помѣщалъ свои капиталы, а его всѣмъ извѣстная осторожность служитъ порукою въ томъ, что онъ умѣлъ выбирать болѣе благонадежныхъ должниковъ. Несомнѣнно, что всѣ эти занятія сдѣлали бы его вскорѣ очень богатымъ; но ему не пришлось даже много трудиться для этого, и въ то время какъ онъ такъ ловко наживалъ себѣ состояніе, оно явилось къ нему готовымъ совсѣмъ съ другой стороны.

У него былъ дядя, по имени Кв. Цецилій, слывшій въ Римѣ, гдѣ было такое множество ростовщиковъ, за самаго ужаснаго изъ всѣхъ; онъ ссужалъ деньги самымъ близкимъ своимъ родственникамъ въ видѣ особеннаго благоволенія за сто процентовъ въ мѣсяцъ. Это былъ жесткій, несговорчивый человѣкъ, заслужившій себѣ отъ всѣхъ та-

[1]) **Ad Att.**, I, 13.

[2]) **Ad Att.**, I, 19.

кую ненависть, что въ день его похоронъ невозможно было удержать народъ отъ оскорбленій его трупу. Одинъ Аттикъ нашелъ средство жить съ нимъ въ ладу. Цецилій помѣстилъ его въ своемъ завѣщаніи и оставилъ ему большую часть своего состоянія, а именно 10 милліоновъ сестерцій, т. е. немного больше 2 милліоновъ франковъ. Съ этихъ поръ богатство его было составлено, онъ ни отъ кого больше не зависѣлъ и могъ поступать, какъ хотѣлъ.

Но не слѣдовало ли ему опасаться, чтобы, по возвращеніи въ Римъ, принятое имъ рѣшеніе избѣгать всякихъ должностей не было истолковано въ дурную сторону? Для того, чтобы держать себя внѣ всѣхъ партій, онъ не могъ выставить приличнымъ предлогомъ равнодушіе или страхъ; нужна была болѣе честная причина, о которой можно было бы заявить во всеуслышаніе: эту причину доставила ему одна философская школа. Эпикурейцы, жертвовавшіе всѣмъ ради удобствъ жизни, говорили, что надо избѣгать общественныхъ должностей, чтобы не подвергаться соединеннымъ съ ними безпокойствамъ. «Не заниматься политикой» было ихъ любимымъ правиломъ. Аттикъ выдалъ себя за эпикурейца; съ этихъ поръ его уклоненіе отъ дѣлъ имѣло правдоподобный предлогъ, а именно, вѣрность мнѣніямъ своей секты, и если его осуждали, то осужденіе падало теперь на всю школу, что всегда облегчаетъ участь каждаго отдѣльнаго лица. Но былъ ли Аттикъ на самомъ дѣлѣ дѣйствительнымъ и полнымъ эпикурейцемъ? Объ этомъ вопросѣ спорятъ ученые, а между тѣмъ онъ легко разрѣшается, благодаря характеру самаго лица. Только мало зная его, можно предполагать, будто онъ былъ въ состояніи строго придерживаться какой-нибудь школы и быть ея вѣрнымъ ученикомъ. Онъ пожалуй изучалъ ихъ всѣ ради удовольствія, доставляемаго этимъ его любознательному уму, но онъ нисколько не намѣревался подчиняться ихъ системамъ. Въ эпикурейской морали онъ нашелъ сподручный для себя принципъ и воспользовался имъ для оправданія своего политическаго образа дѣйствій. Что касается самого Эпикура и его ученія, онъ думалъ о нихъ очень мало и былъ готовъ разстаться съ ними при первомъ удобномъ случаѣ. Это показано очень мило Цицерономъ въ одномъ мѣстѣ его Трактата о Законахъ. Въ этомъ сочиненіи онъ представилъ себя бесѣдующимъ съ Аттикомъ, на берегу Фибрена, въ очаровательномъ тѣнистомъ Арпинумѣ. Желая возвести къ богамъ происхожденіе законовъ, онъ долженъ сначала доказать, что боги занимаются людьми, — положеніе, отвергаемое эпикурейцами. Тогда онъ обращается къ своему другу и говоритъ ему: «Согласенъ-ли ты со мною, Помпоній, въ томъ, что могущество безсмертныхъ боговъ, ихъ разумъ, премудрость или, если хочешь, провидѣніе, управляютъ міромъ? Если ты съ этимъ не согласенъ, то докажи, почему. — Хорошо, отвѣчалъ Аттикъ, я готовъ это допустить, потому-что, благодаря пѣнію этихъ птицъ и журчанію этихъ ручьевъ, я не боюсь, чтобы меня подслушалъ кто-нибудь изъ моихъ сотоварищей по школѣ [1])». Вотъ ужь поистинѣ сговорчивый философъ, и школѣ не слишкомъ много пользы отъ ученика, который отступаетъ отъ нея, какъ только увѣрится что никто о томъ не узнаетъ. Въ этомъ ясно виденъ характеръ Аттика. Рѣшительно принять какое нибудь мнѣніе, значитъ обязаться защищать его и быть готовымъ за него бороться. А философскіе споры, хотя и не кровопролитные, бываютъ такъ же ожесточены, какъ и всякіе другіе; это все-таки война, а Аттикъ въ чемъ бы то ни было жаждетъ только мира, по крайней мѣрѣ для себя. Интересно разсмотрѣть, какую роль придаетъ ему Цицеронъ въ философскихъ діалогахъ, въ которые онъ его вводитъ. Онъ вообще не споритъ, а только вызываетъ на споръ. Любопытный и ненасытный, онъ постоянно спрашиваетъ и допрашиваетъ; онъ побуждаетъ къ отвѣтамъ, приводитъ къ возраженіямъ, воодушевляетъ спорящихъ, а самъ спокойно наслаждается битвою, никогда въ нее не вступая. Мы сейчасъ увидимъ, что именно такова была его роль и въ политикѣ.

Аттикъ провелъ двадцать три года вдали отъ Рима, посѣщая его только черезъ очень отдаленные промежутки времени, и оставаясь тамъ обыкновенно весьма недолго. Когда онъ наконецъ нашелъ, что благодаря продолжительному отсутствію совершенно отдѣлался отъ связей, соединявшихъ его съ политическими партіями, когда вмѣстѣ съ богатствомъ онъ пріобрѣлъ себѣ независимость, когда онъ устранилъ себя отъ всѣхъ упрековъ, какіе можно было сдѣлать его поведенію, придавши своей осторожности видъ философскаго убѣжденья, онъ рѣшился окончательно вернуться въ Римъ и продолжать вести въ немъ прерванную нѣкогда жизнь. Онъ вы-

---

[1]) **De Leg. I. 7. Онъ остается вѣренъ своей роли любителя философіи, когда дальше говоритъ (I, 21), что Антіохъ заставилъ его ступить нѣсколько шаговъ въ Академіи, deduxit in Academiam perpauculis passibus. Онъ никогда не заходилъ дальше этого.**

бралъ для своего возвращенія такую минуту, когда все было спокойно, и, какъ бы окончательно желая порвать всякія связи съ прошлымъ, явился туда подъ новымъ именемъ, которымъ его и стали отнынѣ называть. Имя Аттика, вывезенное имъ изъ Аѳинъ, какъ будто прямо говорило, что онъ будетъ жить теперь только для изученія литературы и для наслажденія искусствомъ.

Съ этихъ поръ онъ началъ проводить свое время, живя то въ Римѣ, то въ своихъ загородныхъ домахъ. Безъ всякаго шума онъ ликвидировалъ свои банковыя дѣла, изъ которыхъ иныя находились еще въ застоѣ, и устроилъ все такимъ образомъ, что бы скрыть отъ публики источники своихъ богатствъ. Онъ оставилъ за собою только свои земли въ Эпирѣ и свои дома въ Римѣ, приносившіе ему много доходовъ, въ которыхъ онъ могъ признаваться не таясь. Состояніе его продолжало увеличиваться, благодаря способу управленія имъ. Впрочемъ у него не было ни одного изъ недостатковъ, способныхъ повредить ему: онъ не любилъ ни покупокъ, ни построекъ, и не имѣлъ у воротъ Рима или на берегу моря тѣхъ роскошныхъ виллъ, содержаніе которыхъ раззоряло Цицерона. Иногда онъ еще давалъ взаймы, но, кажется, больше желая одолжить другихъ, а не ради наживы. При этомъ онъ старался выбирать надежныхъ людей и въ день срочной уплаты былъ къ нимъ безпощаденъ. По его словамъ, онъ поступалъ съ ними такимъ образомъ для ихъ-же пользы, такъ какъ, снисходя ихъ небрежности, онъ вѣдь поощрялъ-бы ихъ къ раззоренію. Если же онъ не вполнѣ надѣялся получить обратно свои деньги, онъ отказывался давать ихъ взаймы даже самымъ близкимъ роднымъ. Цицеронъ, разсказывая ему однажды, что ихъ общій племянникъ, молодой Квинтъ, приходилъ къ нему и старался тронуть его изображеніемъ своей нищеты, прибавляетъ: «Тогда я позаимствовалъ немного твоего краснорѣчія, и ничего не отвѣчалъ». Средство было хорошее, и Аттикъ, вѣроятно, уже не разъ употреблялъ его относительно своего зятя и племянника, бывшихъ всегда безъ денегъ. Самъ онъ сумѣлъ между тѣмъ устроить себѣ жизнь на широкую ногу безъ большихъ издержекъ. Въ своемъ Квиринальскомъ домѣ, болѣе обширномъ и удобномъ внутри, нежели красивомъ снаружи, и очень мало имъ ремонтируемомъ, онъ жилъ среди предметовъ искусства, набранныхъ имъ въ Греціи, и среди грамотныхъ рабовъ, которыхъ обучилъ самъ и которымъ завидовали другіе. Онъ часто собиралъ римскихъ умниковъ у себя за обѣдомъ, гдѣ

гостей подчивали, кажется, преимущественно ученостью. При этомъ онъ не тратилъ большихъ денегъ на угощеніе, если только вѣрить Корнелію Непоту, который видѣлъ его счеты и говоритъ, что онъ тратилъ на столъ не болѣе 3000 ассовъ (150 фр. въ мѣсяцъ [1]). Всегда нескромный, Цицеронъ разсказываетъ, будто на этихъ обѣдахъ подавались очень обыкновенныя овощи на очень дорогихъ блюдахъ [2]); но что за важность? вѣдь всякій считалъ себя счастливымъ бывать на этихъ отличныхъ сборищахъ, гдѣ можно было услышать бесѣду Аттика и чтеніе прекрасныхъ произведеній Цицерона, прежде чѣмъ они появятся въ свѣтъ, такъ что положительно можно сказать — все, что только было самаго избраннаго въ этотъ великій вѣкъ, считало для себя за честь посѣщать этотъ домъ на Квириналѣ.

II.

Изъ всѣхъ удачъ Аттика самою завидною была та, что онъ умѣлъ привязать къ себѣ столькихъ друзей. Онъ много объ этомъ хлопоталъ. Съ самого его пріѣзда въ Римъ мы видимъ, что онъ заботится стать со всѣми въ хорошія отношенія и пользуется всѣми средствами для того, чтобы понравиться людямъ всѣхъ партій. По своему происхожденію, богатству и способу его пріобрѣтенія онъ ближе стоялъ къ всадникамъ: эти богатые откупщики общественныхъ налоговъ были его естественными друзьями, и вскорѣ онъ пріобрѣлъ между ними большое значеніе; но онъ былъ также близокъ съ патриціями, относившимися обыкновенно съ пренебреженіемъ ко всему, что не принадлежало къ ихъ кастѣ. Онъ избралъ самый вѣрный путь для того, чтобы склонить ихъ на свою сторону, стараясь для этого льстить ихъ тщеславію. Онъ воспользовался своими историческими свѣдѣніями для составленія имъ пріятныхъ для нихъ родословій, дѣлаясь въ этомъ случаѣ соучастникомъ многихъ вопіющихъ лжей, и подкрѣпляя своею наукою самыя химерическія ихъ притязанія. Этотъ примѣръ одинъ уже показываетъ, какъ хорошо зналъ онъ свѣтъ и какъ онъ пользовался этимъ знаніемъ, желая пріоб-

[1]) Pomp. Att., 13. Всѣ предыдущія подробности извлечены изъ жизнеописанія Аттика, составленнаго К. Непотомъ.

[2]) Ad Att., VI, 1.

рѣсти чью-либо дружбу. Глядя на свойство услугъ, оказываемыхъ имъ каждому, легко угадать, какой онъ былъ глубокій наблюдатель, какъ искусно подмѣчалъ онъ слабыя стороны людей и какъ умѣлъ пользоваться ими. Онъ предложилъ Катону завѣдывать его дѣлами въ Римѣ въ его отсутствіе, и Катонъ поспѣшилъ принять его предложеніе: нельзя было пренебрегать управляющимъ такого рода человѣку, такъ много дорожившему своимъ богатствомъ. Онъ соблазнилъ тщеславнаго Помпея тѣмъ, что въ Греціи занялся выборомъ прекрасныхъ статуй для украшенія строимаго имъ театра[1]). Зная, что Цезарь недоступенъ для подобнаго рода лести и что для привлеченія его къ себѣ, ему надо оказать болѣе существенныя услуги, онъ давалъ ему взаймы денегъ [2]). Само собою разумѣется, что онъ по преимуществу сближался съ вождями партій; но не пренебрегалъ и другими, когда они могли быть полезны тѣмъ. Онъ старательно ухаживалъ за Бальбомъ и Ѳеофаномъ, повѣренными Цезаря и Помпея; иногда онъ навѣщалъ Клодія и его сестру, а также и другихъ лицъ подозрительнаго поведенія. Не имѣя ни суровой щепетильности Катона, ни глубокихъ отвращеній Цицерона, онъ уживался со всѣми; сговорчивость его была готова на все; онъ подходилъ ко всѣмъ возрастамъ и ко всѣмъ характерамъ. Корнелій Непотъ съ восхищеніемъ замѣчаетъ, что въ очень юныхъ лѣтахъ онъ очаровалъ старика Силлу, а въ глубокой старости сумѣлъ понравиться юному Бруту. Аттикъ служилъ общею связью между всѣми этими друзьями столь различныхъ характеровъ, состояній, мнѣній и лѣтъ. Онъ постоянно ходилъ отъ одного къ другому въ качествѣ посла миротворца,—стараясь ихъ сблизить и соединить, такъ какъ, по словамъ Цицерона, у него была привычка улаживать дружескія связи.[3]). Онъ разсѣивалъ подозрѣнія и предразсудки, мѣшавшіе имъ знакомиться; онъ внушалъ имъ желаніе увидаться и сблизиться между собою, и если впослѣдствіи между ними возникали несогласія, онъ становился ихъ посредникомъ и приводилъ къ объясненіямъ, которыя все опять возстановляли. Образцовымъ его дѣломъ въ этомъ родѣ было то, что ему удалось примирить Гортензія съ Цицерономъ и заставить ихъ жить между собою въ ладу, не смотря на раздѣлявшую

[1]) Ad Att., IV, 9

[2]) Ad Att., VI, 1.

[3]) Ad Att., VII, 8: soles conglutinare amicitias.

ихъ пламенную зависть. Сколько труда ему стоило, вѣроятно, успокоить эти два раздражительныя самолюбія, вѣчно готовыя къ вспышкѣ, и которыя судьба какъ-бы забавлялась возбуждать еще больше, безпрерывно противупоставляя ихъ одно другому.

Всѣ эти связи Аттика нельзя было, конечно, назвать истинно дружескими. Многихъ изъ этихъ людей онъ посѣщалъ только ради своей безопасности или обогащенія; но иные, и притомъ очень многіе, были дѣйствительно его друзьями. Говоря только о самыхъ важныхъ изъ нихъ, укажемъ на Цицерона, который никого такъ не любилъ, какъ его, и на Брута, оказывавшаго ему безграничное довѣріе и еще наканунѣ битвы при Филиппахъ писавшаго ему свои послѣднія задушевныя сообщенія. Осталось такъ много блистательныхъ доказательствъ его дружбы съ этими двумя знаменитостями, что невозможно сомнѣваться въ нихъ, и надо сказать, что онъ сумѣлъ внушить къ себѣ глубокую привязанность двумъ благороднѣйшимъ душамъ своего времени. Сначала это кажется очень удивительнымъ. Его осторожная сдержанность и громогласно принятое имъ рѣшеніе уклоняться отъ всякихъ обязательствъ, чтобы избѣгать опасностей, должны были, повидимому, удалять отъ него людей съ сердцемъ, жертвовавшихъ своимъ достаткомъ и жизнью за свои убѣжденія. Но какимъ образомъ человѣкъ, столько занятый собою и своими интересами, могъ такъ полно наслаждаться пріятностями дружбы, требующей, повидимому, прежде всего преданности и самозабвенія? Какимъ образомъ ему удалось заставить солгать моралистовъ, полагающихъ, будто эгоизмъ убиваетъ истинныя привязанности [1])?

Опять таки это одна изъ загадокъ, наполняющихъ собою жизнь Аттика, и притомъ самая неразрѣшимая. Разсматриваемый издалека, даже на основаніи похвалъ Цицерона, Аттикъ не представляется привлекательнымъ и не внушаетъ вамъ желанія избрать его себѣ въ друзья. Между тѣмъ несомнѣнно, что люди, жившіе вмѣстѣ съ нимъ, не судили о немъ такъ, какъ мы. Его любили и даже чувствовали влеченіе къ тому съ перваго взгляда. Это внушаемое имъ къ себѣ всеобщее расположеніе, это упорство людей не видѣть или прощать его недостатки, эти вызванныя имъ къ себѣ глубокія дружескія чувства, все это служитъ неотразимыми, хотя и удивляющими насъ свидѣтель-

[1]) Это слова Тацита: pessimum veri affectus venenum sua cuique utilitas.

ствами. Слѣдовательно, въ этомъ человѣкѣ было нѣчто иное, а не то, чѣмъ онъ намъ кажется, и онъ, должно быть, обладалъ необъяснимою для насъ привлекательностью, ему одному свойственною и исчезнувшею вмѣстѣ съ нимъ. Вотъ почему для насъ уже не совсѣмъ постижимо теперь то удивительное очарованіе, какое онъ производилъ съ перваго взгляда на своихъ современниковъ. Но объ этомъ можно составить себѣ нѣкоторое понятіе, и знавшіе его писатели, особенно Цицеронъ, намекаютъ на иныя изъ блестящихъ или благонадежныхъ качествъ, которыя привлекали къ нему окружавшихъ. Я перечислю эти качества, на основаніи ихъ свидѣтельствъ, и если они все-таки окажутся недостаточными для объясненія числа его друзей и глубины ихъ дружбы, тогда къ нимъ придется еще мысленно присоединить то личное очарованіе, котораго невозможно ни опредѣлить, ни отыскать въ настоящее время, такъ какъ оно безслѣдно исчезло вмѣстѣ съ нимъ.

Прежде всего онъ былъ очень уменъ, съ этимъ всѣ согласны, причемъ умъ его былъ именно такого рода, что нравился окружавшему его обществу. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ пріятныхъ и легковѣсныхъ людей, которые очаруютъ собою на минуту въ какомъ-нибудь собраніи, но не имѣютъ ни средствъ, ни запаса для того, чтобы продолжать дальше дружескую связь. Онъ обладалъ большимъ образованіемъ и основательными свѣдѣніями, хоть и не былъ ученымъ въ точномъ смыслѣ слова, да это названіе и не считается особенной рекомендаціей въ свѣтскомъ обществѣ. Цицеронъ находилъ, что люди, подобные Варрону, могущіе считаться кладезями знанія, не всегда бываютъ занимательны, и разсказываетъ при этомъ, что когда тотъ посѣщалъ его въ Тускулумѣ, то онъ не думалъ рвать его плаща, чтобы удержать его [1]). Не будучи настоящимъ ученымъ, Аттикъ однако по немногу занимался всѣмъ, искусствами, поэзіей, грамматикой, философіей и исторіей. Обо всѣхъ этихъ предметахъ у него были правильныя, подъ-часъ своеобразныя понятія; онъ могъ безъ особой невыгоды для себя бесѣдовать съ учеными и былъ всегда въ состояніи сообщить другимъ какую-нибудь любопытную, неизвѣстную для нихъ подробность. Паскаль назвалъ-бы его добропорядочнымъ человѣкомъ; онъ оказывался во всемъ умнымъ и просвѣщеннымъ любителемъ. А вѣдь, по многимъ причинамъ, зна-

[1]) Ad Att., XIII, 33.

нія, пріобрѣтаемыя любителемъ, лучше всего у мѣста въ свѣтскомъ обществѣ. Во первыхъ, такъ какъ онъ изучаетъ не по принципамъ, онъ интересуется преимущественно куріозами; онъ знаетъ особенно пикантныя и новыя подробности, которыя всего любопытнѣе для свѣтскихъ людей. Кромѣ того самая многосложность занимающихъ его предметовъ не позволяетъ ему проходить каждый изъ нихъ до конца; прихоть постоянно увлекаетъ его дальше, прежде чѣмъ онъ успѣетъ углубиться во что-нибудь. Изъ этого выходитъ обыкновенно, что онъ знаетъ много вещей, но въ тѣхъ именно предѣлахъ, въ какихъ свѣтскіе люди любятъ знать ихъ. Наконецъ любителю свойственно еще дѣлать все со страстью, даже то, что онъ дѣлаетъ на одинъ мигъ. Такъ какъ къ ученымъ занятіямъ его привлекаетъ совершенно личное желаніе, и онъ отдается имъ лишь до тѣхъ поръ, пока они его интересуютъ, то рѣчь его становится живѣе при ихъ изложеніи, тонъ его вольнѣе и оригинальнѣе и, слѣдовательно, пріятнѣе, чѣмъ у записныхъ школьныхъ ученыхъ, работающихъ по ремеслу. Таково понятіе, которое надо себѣ составить о научныхъ знаніяхъ Аттика. Они были обширны до того, что разговоръ съ нимъ отнюдь не могъ сдѣлаться однообразнымъ, вмѣстѣ съ тѣмъ они не были настолько глубоки, чтобы онъ рисковалъ и наскучить другому; наконецъ онъ былъ очень живъ, такъ какъ дѣлая что-либо со страстью, очень естественно говорить объ этомъ съ интересомъ. Вотъ, что придавало столько прелести его разговору, и чѣмъ онъ очаровывалъ самые неподатливые и наименѣе предрасположенные умы. Онъ былъ еще очень молодъ, когда старый Силла, не имѣвшій причинъ любить его, повстрѣчался съ нимъ въ Аѳинахъ. Ему такъ понравилось слушать, какъ онъ читаетъ греческіе и латинскіе стихи и бесѣдуетъ о литературѣ, что онъ не покидалъ его и хотѣлъ во чтобъ то ни стало увезти его съ собою въ Римъ. Много времени спустя, Августъ испыталъ на себѣ то же очарованіе; онъ просто заслушивался бесѣдъ Аттика, и если не могъ самъ пойти къ нему, то писалъ ему ежедневно только для того, чтобы получить отъ него отвѣтъ и не прерывать такимъ образомъ продолжительныхъ разговоровъ съ нимъ, которыми онъ былъ восхищенъ.

Итакъ, можно себѣ представить, что этотъ остроумный человѣкъ привлекалъ къ себѣ съ перваго раза людей своимъ пріятнымъ разговоромъ. По мѣрѣ того, какъ его больше узнавали, въ немъ открывали еще другія, болѣе основательныя качества, привязывав-

шія къ нему тѣхъ, кто былъ завлеченъ его умомъ. Прежде всего съ нимъ было вполнѣ безопасно разговаривать. Хотя онъ былъ связанъ съ людьми совершенно различныхъ мнѣній и зналъ черезъ нихъ тайны всѣхъ партій, его никогда не укоряли въ томъ, чтобы онъ измѣнилъ кому-нибудь. Мы не видимъ также, чтобы онъ подалъ кому-нибудь изъ своихъ друзей серьёзный поводъ удалиться отъ него, и чтобы какая-нибудь его дружеская связь порвалась иначе, чѣмъ вслѣдствіе смерти. Такое безопасное знакомство было въ то же время и очень легко. Не было человѣка снисходительнѣе и уживчивѣе его. Онъ остерегался обременять другихъ своими требованіями или отталкивать ихъ отъ себя рѣзкостью. Въ его дружбѣ нечего было опасаться тѣхъ бурь, которыя смущали такъ часто дружбу Цицерона съ Брутомъ. Это была скорѣе одна изъ спокойныхъ, безмятежныхъ привязанностей, съ каждымъ днемъ укрѣпляющихся все больше и больше, благодаря своей правильной непрерывности. Вотъ, что болѣе всего должно была очаровывать въ немъ людей политическихъ, оглушенныхъ и утомленныхъ той шумной дѣятельностью, въ которой истощалась ихъ жизнь. Вырвавшись изъ вихря дѣлъ, они рады были найти въ нѣсколькихъ шагахъ отъ форума этотъ спокойный Квиринальскій домъ, куда не доходили внѣшнія ссоры, и побесѣдовать хоть минуту съ этимъ умнымъ человѣкомъ, отличавшимся такимъ ровнымъ характеромъ, принимавшимъ ихъ всегда съ одинаковою улыбкою, и на дружбу котораго можно было такъ спокойно положиться.

Но ничто, вѣроятно, не доставило ему столько друзей, какъ его обязательность. Она была неистощима и притомъ врядъ-ли имѣла корыстныя цѣли, такъ какъ, въ противность общему обычаю, онъ давалъ отъ себя много и не требовалъ ничего. Это было также одною изъ причинъ, отчего его дружескія связи были такъ прочны, потому что именно этотъ обмѣнъ взаимныхъ услугъ, котораго люди считаютъ себя въ правѣ требовать, эти невольно дѣлаемыя сравненія между тѣмъ, что было дано и получено обратно, подъ конецъ колеблютъ обыкновенно самыя прочныя привязанности. Аттикъ, знавшій это очень хорошо, устроился такъ, чтобы ни въ комъ не нуждаться. Онъ былъ богатъ, не велъ ни съ кѣмъ тяжбъ, не добивался никакихъ должностей, такъ что еслибы какой-нибудь другъ рѣшился отплатить ему за полученныя отъ него одолженія, то не могъ-бы

отыскать для этого случая [1]). Человѣкъ оставался ему обязаннымъ, и долгъ этотъ постоянно увеличивался, такъ какъ Аттикъ никогда не переставалъ приносить пользу. Мы легко можемъ оцѣнить размѣры этой обязательности, взглянуть на нее поближе и увидѣть ее, такъ сказать, въ самомъ дѣйствіи, если только наскоро припомнимъ всякаго рода услуги, оказанныя имъ Цицерону въ теченіе ихъ многолѣтняго дружества. Цицеронъ очень нуждался въ такомъ другѣ, какъ Аттикъ. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ умныхъ людей, которые ничего не смыслятъ въ денежныхъ разсчетахъ; когда ему представляли его счетныя книги, онъ, вѣроятно, охотно сказалъ-бы вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Плиніемъ Младшимъ, что онъ привыкъ къ другой литературѣ: aliis sum chartis, aliis litteris initiatus. Аттикъ сдѣлался управляющимъ его дѣлами; мы знаемъ, какой у него былъ на это талантъ. Онъ отдавалъ въ аренду имѣнія Цицерона по очень дорогой цѣнѣ, спасалъ, что только могъ, изъ его доходовъ и платилъ самые настоятельные его долги. Когда онъ открывалъ еще новые, то позволялъ себѣ бранить своего друга, спѣшившаго обыкновенно очень смиренно отвѣтить ему, что онъ будетъ аккуратнѣе на будущее время. Аттикъ, вовсе этому не вѣрившій, ревностно принимался обыкновенно за пополненіе дефицита. Онъ отправлялся къ богачу Бальбу или къ другимъ крупнымъ римскимъ банкирамъ, съ которыми у него были дѣловыя сношенія. Если тогда были неблагопріятныя для кредита времена, онъ не задумывался почерпать средства изъ своего собственнаго кошелька. Тѣмъ, кто его знаетъ, подобная щедрость должна казаться заслуживающею уваженія. Когда Цицеронъ собирался купить какую-нибудь землю, Аттикъ начиналъ сердиться; но если другъ его не сдавался, онъ спѣшилъ поскорѣе осмотрѣть ее и поторговаться объ ея цѣнѣ. Если дѣло шло о постройкѣ тамъ изящной виллы, Аттикъ присылалъ своего архитектора, исправлялъ планы и наблюдалъ за работами. Построивши домъ, надо было украсить его. Аттикъ выписывалъ изъ Греціи статуи. Онъ отличался умѣньемъ выбирать ихъ, и Цицеронъ расточаетъ ему безсчетныя похвалы за добытыя имъ для него Герматены изъ пентелійскаго мрамора. По-

[1]) Надо впрочемъ замѣтить, что въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ Цицерона къ Аттику (XVI, 16) находятся доказательства того, что Цицеронъ дѣятельно хлопоталъ, стараясь спасти часть Аттикова имущества, подвергавшуюся по смерти Цезаря опасности.

нятно, что на виллѣ Цицерона никогда не забывали о библіотекѣ; и книги для нея шли также отъ Аттика. Онъ торговалъ ими и отбиралъ самыя лучшія изъ нихъ своему другу. Купивъ книги, надо было разставить ихъ по мѣстамъ; Аттикъ тотчасъ-же отправлялъ своего библіотекаря Тиранніона съ его работниками: они красили полки, подклеивали оторвавшіеся листы папируса, прилѣпляли названія къ свиткамъ и располагали все въ такомъ прекрасномъ порядкѣ, что Цицеронъ писалъ съ восторгомъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ Тиранніонъ уставилъ мои книги, домъ мой, словно какъ бы одушевился» [1]).

Но Аттикъ не ограничивался этими, такъ сказать, чисто внѣшними услугами; онъ проникалъ въ самый домъ, зналъ всѣ его секреты. Цицеронъ ничего отъ него не скрывалъ и безъ утайки посвящалъ его во всѣ свои семейныя скорби. Онъ разсказывалъ ему о выходкахъ своего брата и о безумствахъ своего племянника; онъ совѣщался съ нимъ объ огорченіяхъ, причиняемыхъ ему женою и сыномъ. Когда Туллія достигаетъ возраста невѣсты, Аттикъ ищетъ ей мужа. Онъ предложилъ ей сына богатаго и добропорядочнаго всадника. «Воротись, благоразумно замѣчалъ онъ Цицерону, воротись къ своему прежнему стаду». Къ несчастію, его не послушались. Богатому финансисту предпочли разорившагося вельможу, который промоталъ приданое Тулліи и принудилъ ее покинуть его. Когда Туллія умерла, быть можетъ, отъ огорченія, Аттикъ отправился навѣстить оставленнаго ею у кормилицы ребенка и позаботился о томъ, чтобы онъ не терпѣлъ ни въ чемъ нужды. Въ это самое время Цицеронъ надѣлалъ ему большихъ хлопотъ съ своими двумя разводами. Отославъ отъ себя свою первую жену Теренцію, онъ просилъ Аттика побудить ее написать духовную въ его пользу. Ему-же онъ далъ непріятное порученіе не пускать къ нему его второй ы, Публиліи, когда та насильно хотѣла вернуться въ домъ своего мужа, не желавшаго больше держать ее у себя.

Все это, конечно, очень важныя услуги; но онъ оказывалъ еще другія, болѣе деликатныя и драгоцѣнныя. Ему Цицеронъ довѣрялъ то, что ему было всего дороже въ мірѣ, свою литературную славу. Онъ передавалъ ему свои сочиненія, какъ только они были написаны, исправлялъ ихъ по его совѣтамъ и ожидалъ его рѣшенія

---

1) Ad Att., IV, 8.

для того, чтобы выпустить ихъ въ свѣтъ. Потому-то онъ и обходился съ нимъ, какъ съ другомъ, съ которымъ держишь себя совершенно свободно и открываешься ему вполнѣ. Хотя онъ очень дорожилъ тѣмъ, чтобы къ краснорѣчію его относились серьезно, но когда онъ былъ увѣренъ, что никто его не услышитъ, кромѣ Аттика, онъ готовъ былъ посмѣяться надъ самимъ собою и надъ своими сочиненіями. Онъ безъ церемоній посвящалъ его во всѣ тайны своего ремесла и указывалъ ему на способъ составленія тѣхъ мѣстъ, которымъ всего болѣе рукоплескали. «На этотъ разъ, говорилъ онъ ему шутя, я употребилъ весь ящикъ съ духами Исократа и даже всѣ коробочки его учениковъ» [1]). Нѣтъ ничего любопытнѣе того, какъ онъ разсказывалъ ему однажды свой величайшій успѣхъ на трибунѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы прославить великое консульство, а извѣстно, что насчетъ этого предмета онъ былъ прямо неистощимъ. Въ этотъ день у него былъ поводъ говорить блистательнѣе, чѣмъ когда-либо: Помпей находился на лицо, а Помпей имѣлъ слабость завидовать славѣ Цицерона. Случай взбѣсить его былъ слишкомъ удобенъ, и Цицеронъ, конечно, не пропустилъ его. «Когда пришла моя очередь говорить, пишетъ онъ Аттику, Боже мой, какъ я тутъ расходился! Съ какимъ удовольствіемъ я началъ въ присутствіи Помпея, который еще не слыхалъ, какъ я хвалю свое консульство, осыпать его похвалами! Если я когда-либо призывалъ себѣ на помощь періоды, энтимемы, метафоры и прочія риторическія фигуры, такъ это именно тутъ. Я ужь не говорилъ, а просто кричалъ, такъ какъ дѣло шло о моихъ обыкновенныхъ общихъ мѣстахъ, о мудрости сената, объ усердіи всадниковъ, о союзѣ всей Италіи, о задушенныхъ остаткахъ заговора, о возстановленномъ изобиліи и мирѣ и пр. Ты знаешь, что за музыка у меня выходитъ, когда я говорю объ этихъ вещахъ. Въ этотъ день она была такъ хороша, что мнѣ нечего и говорить дальше; вѣроятно, ты слышалъ ее изъ Аѳинъ» [2]). Нельзя веселѣе этого насмѣхаться надъ самимъ собою. За такую довѣрчивость Аттикъ отплачивалъ тѣмъ, что всячески старался объ успѣхахъ произведеній своего друга. Такъ какъ онъ видѣлъ ихъ появленіе на свѣтъ и занимался ими прежде, чѣмъ они дѣлались извѣстными публикѣ, онъ считалъ себя какъ-бы отцомъ ихъ. Онъ брался

---

1) Ad Att., II, 1.

2) Ad Att., I, 14.

обыкновенно выпустить ихъ въ свѣтъ и доставить имъ полный успѣхъ. Цицеронъ говоритъ, что онъ умѣлъ отлично это дѣлать, и это насъ нисколько не удивляетъ. Способъ, всего чаще употребляемый имъ для этого, состоялъ въ томъ, что онъ приказывалъ своимъ лучшимъ чтецамъ читать самые прекрасные отрывки изъ этихъ сочиненій собравшимся у него за столомъ умникамъ. Цицеронъ, зная всегдашнюю умѣренность его обѣдовъ, проситъ его отступать отъ нея немного въ подобныхъ случаяхъ: «Позаботься при этомъ, пишетъ онъ ему, получше уподчивать своихъ гостей, потому-что если они на тебя разсердятся, то непремѣнно обрушатся ужь на меня» [1]).

Очень естественно, что Цицеронъ былъ ему безконечно благодаренъ за всѣ этѣ услуги; но мы неправильно судили-бы о немъ, предположивъ, что онъ привязался къ нему только изъ-за тѣхъ выгодъ, которыя отъ него получалъ. Онъ любилъ его дѣйствительно, и всѣ его письма полны изъявленій самой искренней привязанности. Онъ, былъ счастливъ только съ нимъ, онъ никогда не скучалъ въ его обществѣ и, едва только разставшись съ нимъ, уже снова пламенно желалъ его увидѣть: «Пусть я умру, писалъ онъ ему, если не только мой домъ въ Тускулумѣ, гдѣ мнѣ такъ хорошо живется, но даже Счастливые Острова понравятся мнѣ безъ тебя!» [2]) Какъ ни пріятно ему было получать отовсюда похвалы, почести и ласки и быть окружену угодниками и поклонниками, но среди этой толпы и шума онъ постоянно съ сожалѣніемъ обращался къ своему отсутствующему другу. «Со всѣми этими людьми, говоритъ онъ ему, я чувствую себя гораздо болѣе одинокимъ, чѣмъ если бы находился съ тобою» [3]). И въ самомъ дѣлѣ, все это — политическіе друзья, мѣняющіеся вмѣстѣ съ событіями, пріобрѣтаемые вами благодаря общности интересовъ и отнимаемые у васъ соперничествомъ самолюбій; съ ними Цицеронъ принужденъ быть скрытнымъ и осторожнымъ, что вѣдь истинное мученіе для такой открытой души. Напротивъ того, Аттику онъ можетъ все говорить и довѣряться ему безъ всякаго стѣсненія. Вотъ почему всякій разъ, какъ ему сдѣлается хоть сколько нибудь скучно, онъ уже требуетъ его присутствія. «Я тебя жажду, пишетъ онъ ему, ты мнѣ нуженъ, я тебя жду. Тысяча вещей безпокоятъ

[1]) **Ad Att., XVI, 3.**
[2]) **Ad Att., XII, 3.**
[3]) **Ad Att., XII, 51.**

и огорчаютъ меня, но мнѣ станетъ легче отъ одной только прогулки съ тобою» [1]). Мы никогда-бы не кончили, если бы вздумали припоминать всѣ прелестныя слова, наполняющія его переписку и вытекающія у него прямо изъ сердца. Они не оставляютъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно чувствъ Цицерона; они доказываютъ, что онъ смотрѣлъ на Аттика не только, какъ на одного изъ тѣхъ надежныхъ и серьёзныхъ друзей, на чью поддержку можно всегда разсчитывать, но, что гораздо удивительнѣе, какъ на деликатную и нѣжную душу. «Ты принимаешь участіе, пишетъ онъ ему, во всякомъ чужомъ горѣ» [2]).

Эти слова далеко не подходятъ къ тому понятію, какое мы составили себѣ о немъ, между тѣмъ невозможно не вѣрить такому положительному свидѣтельству. Можно-ли считать сомнительною его привязанность къ друзьямъ, когда мы видимъ, что всѣ его друзья удовлетворялись ею? Имѣемъ-ли мы право быть требовательнѣе ихъ самихъ, и не было-ли-бы обидою для такихъ людей, какъ Брутъ и Цицеронъ, еслибы мы стали предполагать о нихъ, что они такъ долго обманывались, сами того не замѣчая? Но съ другой стороны, какимъ образомъ объяснить то явленіе, что потомство, судящее только на основаніи документовъ, оставленныхъ ему друзьями Аттика, извлекаетъ изъ этихъ самыхъ документовъ мнѣніе, совершенно противорѣчащее мнѣнію о немъ этихъ друзей? Очевидно, что, судя о людяхъ, потомство и современники становятся на различныя точки зрѣнія. Мы видѣли, что Аттикъ, принявшій за правило не вмѣшиваться въ общественныя дѣла, не считалъ себя обязаннымъ раздѣлять тѣ опасности, которымъ могли подвергаться его друзья за то, что занимались ими. Онъ вполнѣ предоставлялъ имъ сопряженныя съ этимъ почести и опасности. Нѣжный, обязательный и преданный въ обыкновенной жизни, лишь только наступалъ какой нибудь важный политическій переломъ, компрометировавшій ихъ, онъ отодвигался въ сторону, предоставляя имъ подвергать себя опасности однимъ. Между тѣмъ, если разсматривать факты на извѣстномъ разстояніи и быть отдѣленнымъ отъ нихъ нѣсколькими вѣками, подобно намъ, тогда видны вѣдь только самыя важныя событія, особенно же политическіе перевороты, т. е. именно тѣ обстоятельства, въ кото-

[1]) **Ad Att., I, 18.**
[2]) **Ad Att., XII, 14.**

рыхъ дружба Аттика затмѣвалась. Вотъ, почему мы относимся къ ней съ такою строгостью. Но современники цѣнятъ вещи иначе. Эти великіе переломы, въ концѣ концовъ, не больше, какъ рѣдкія и мимолетныя исключенія; конечно, они сильно поражаютъ современниковъ, но на нихъ еще сильнѣе дѣйствуютъ тѣ тысячи мелкихъ случаевъ, которыхъ не замѣчаетъ потомство, но которыхъ непрерывная череда именно и составляетъ обиходъ жизни. О дружбѣ человѣка судятъ гораздо чаще по ежеминутнымъ мелкимъ услугамъ, дѣйствующимъ именно своей разнообразностью, нежели по какой-нибудь важной услугѣ, оказанной въ одинъ изъ этихъ крупныхъ и рѣдкихъ случаевъ. Вотъ, почему ихъ понятіе объ Аттикѣ было такъ отлично отъ нашего.

Но что не подлежитъ никакому сомнѣнію и составляетъ одну изъ самыхъ характерныхъ чертъ этой личности, это ея потребность нажить себѣ побольше друзей и ея старанія привлекать ихъ и удерживать. Можно пожалуй и не допускать, что потребность эта происходила у него вслѣдствіе великодушной и симпатической натуры, изъ того, что Цицеронъ такъ прелестно называетъ «стремленіемъ души, жаждущей любить;» но, предполагая даже, что онъ заботился лишь о томъ, чтобы наполнить и занять свою жизнь, нельзя же не признать, что такого рода наполненіе ея было признакомъ не дюжинной натуры. Этотъ утонченный эпикуреецъ, этотъ мастеръ въ искусствѣ жить, зналъ, «что жизнь больше не жизнь, если нельзя успокоиться на расположеніи друга» [1]). Онъ отказался отъ волненій политической борьбы, отъ торжества краснорѣчія, отъ радостей удовлетвореннаго самолюбія; но за то онъ хотѣлъ насладиться всѣми прелестями внутренней жизни. Чѣмъ больше онъ замыкался въ ней и уходилъ въ нее, тѣмъ требовательнѣе и деликатнѣе онъ становился насчетъ доставляемыхъ ею радостей; такъ какъ онъ не оставилъ себѣ никакихъ другихъ, онъ хотѣлъ извѣдать ихъ вполнѣ, наслаждаться ими и жить. Ему нужны были друзья, и въ числѣ ихъ — величайшіе умы и благороднѣйшія души его времени. Его дѣятельность, никуда больше не употребляемая, была устремлена на то, чтобы извлекать всѣ пріятности, доставляемыя обществомъ, которое Бюссюэтъ называетъ величайшимъ благомъ человѣческой жизни. Счастливый

[1]) Cui potest esse vita vitalis, ut ait Ennius, qui non in amici mutua benevolentia conquiescat? (Цицер., De amicit., 6).

Аттикъ пользовался этимъ благомъ даже больше, чѣмъ желалъ, и дружба щедро вознаградила его за всѣ труды, имъ для нея понесенные. Это была единственная его страсть, и онъ могъ вполнѣ удовлетворить ей, причемъ дружба, украсивъ его жизнь, еще прославила его имя.

III.

Итакъ, частная жизнь благопріятна для Аттика. Онъ менѣе счастливъ, когда изучаешь его образъ дѣйствій въ общественныхъ дѣлахъ. Въ этомъ отношеніи для него не щадили упрековъ, и не легко тутъ защищать его.

Но мы отнеслись-бы къ нему не слишкомъ неблагопріятно, если бы стали судить его поступки исключительно по нашимъ современнымъ понятіямъ. Въ настоящее время общественное мнѣніе далеко не такъ строго къ лицамъ, открыто заявляющимъ о своемъ намѣреніи устраняться отъ политики. Теперь развелось столько людей, стремящихся управлять своей страною, и сдѣлалось такъ трудно выбирать ихъ изъ этой толпы, что поневолѣ чувствуешь благодарность къ тѣмъ, кто не имѣетъ этой претензіи. Ихъ не только не осуждаютъ, но еще называютъ умѣренными и благоразумными людьми; подобныя исключенія поощряются для того, чтобы хоть немного расчистить эту загроможденную дорогу. Въ Римѣ думали иначе, и не трудно найти причины этой разницы. То, что можно назвать политическимъ тѣломъ, было тамъ очень не велико. Кромѣ рабовъ, которые не шли въ счетъ, и народа, довольствовавшагося тѣмъ, что онъ подавалъ или, лучше сказать, продавалъ свои голоса на выборахъ, и пользовавшагося важной привилегіей веселиться на счетъ кандидатовъ и кормиться отъ общественной казны, было нѣсколько семействъ древняго происхожденія или прославившихся въ позднѣйшее время, которые подѣляли между собой всѣ должности. Эта родовая и денежная аристократія была не слишкомъ многочисленна, и изъ нея едва можно было набрать достаточно сановниковъ для управленія всѣмъ міромъ. Вотъ, почему требовалось настоятельно, чтобы всѣ были на лицо, и почему уклоненіе отъ службы считалось какимъ-то отступничествомъ. Среди нашей демократіи вещи происходятъ уже

иначе. Такъ какъ всѣ должности открыты для всѣхъ и, благодаря разливу просвѣщенія, во всѣхъ классахъ могутъ явиться люди, достойные занять ихъ, то нечего опасаться, чтобы отсутствіе нѣсколькихъ спокойныхъ умовъ, любящихъ миръ и тишину, произвело чувствительную и прискорбную пустоту въ тѣсныхъ рядахъ лицъ, устремляющихся со всѣхъ сторонъ для захвата власти. Кромѣ того въ настоящее время мы думаемъ, что кромѣ общественной жизни есть еще тысяча другихъ способовъ служить своей странѣ. Знатные Римляне не знали иного; на торговлю они смотрѣли, какъ на не совсѣмъ чистое средство, [1]) употребляемое частными лицами для своего обогащенія, и не видѣли того, что отъ нея выигрываетъ государство; литература казалась имъ пріятнымъ, но пустымъ времяпрепровожденіемъ, и они не понимали ея общественнаго значенья. Изъ этого выходило то, что у нихъ для человѣка извѣстнаго класса не представлялось иного способа честно примѣнить свою дѣятельность и быть полезнымъ своей странѣ, какъ только исполняя общественныя должности. [2]) Дѣлать что-либо другое значило для нихъ ничего не дѣлать; они называли праздными самыхъ трудолюбивыхъ ученыхъ, и имъ не приходило въ голову, чтобы внѣ государственной службы существовало что нибудь достойное занять собою время гражданина. Такъ думали всѣ старые Римляне, и они были бы озадачены и удивлены, если-бы кто-нибудь, подобно Аттику, присвоилъ себѣ право не служить своей странѣ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей. Вѣроятно, Катонъ, который никогда не отдыхалъ и который въ восемьдесятъ лѣтъ смѣло покинулъ свою виллу въ Тускулумѣ и явился для обвиненія Сервія Гальбы, палача Лузитанцевъ, нашелъ-бы, что оставаться въ своемъ Квиринальскомъ домѣ или Эпирскомъ имѣніи, посреди своихъ книгъ и статуй, между тѣмъ какъ судьба Рима рѣшалась на форумѣ или при Фарсалѣ, значитъ совершать такое-же преступленіе, какъ не выходить изъ своей палатки въ день битвы.

Итакъ, систематическое уклоненіе Аттика отъ службы было не римскою идеей; онъ заимствовалъ ее у Грековъ. Понятно, что въ этихъ маленькихъ, трудноуправляемыхъ республикахъ Греціи, гдѣ покой былъ

---

1) Т. Лив., XXI. 63: Quaestus omnibus patribus indicorus visas.

2) То же самое говоритъ Сципіонъ въ своей Республикѣ (I, 22). Quum mihi sit unum opus hoc a parentibus majoribusque meis relictum, procuratio atque administratio rei publicae и пр.

просто неизвѣстенъ, и гдѣ безпрерывно и безъ причины непосредственно переходили отъ самой жестокой тиранніи къ самой необузданной вольности, спокойные и трудолюбивые люди утомились подъ конецъ всѣми этими безплодными волненіями. Потому они перестали желать должностей, которыя можно было получить, только льстя толпѣ, и сохранить, повинуясь ей. Притомъ-же, какую цѣну могла имѣть эта столь трудно достигаемая и такъ рѣдко сохраняемая власть, когда ею приходилось дѣлиться съ самыми темными демагогами, и стоило-ли въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много хлопотать для того, чтобы стать преемникомъ или сослуживцемъ Клеона? Между тѣмъ какъ усталость и отвращеніе отклоняли честныхъ людей отъ этой мелкой борьбы, философія, все болѣе и болѣе изучаемая съ каждымъ днемъ, внушала своимъ послѣдователямъ нѣкотораго рода гордость, приводившую ихъ къ тому-же результату. Люди, посвящавшіе свое время размышленіямъ о Богѣ и вселенной и старавшіеся постигнуть законы, управляющіе міромъ, не удостоивали спускаться съ этихъ высотъ, чтобы управлять государствами въ нѣсколько квадратныхъ миль величиною. Вотъ почему въ школахъ постоянно спорили о томъ, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ заниматься общественными дѣлами, долженъ-ли мудрецъ добиваться почестей, и какая жизнь лучше: созерцательная или дѣятельная. Нѣкоторые философы робко отдавали предпочтеніе дѣятельной жизни, большинство поддерживало противное мнѣніе, и, на основаніи этихъ преній, многіе сочли себя въ правѣ создать себѣ особеннаго рода праздную, изящную жизнь и проводить ее въ роскошныхъ помѣщеніяхъ, среди литературы и искусствъ, гдѣ они вели счастливое существованіе въ то самое время, какъ Греція погибала.

Аттикъ послѣдовалъ ихъ примѣру. Внося съ собою въ Римъ этотъ греческій обычай, онъ громогласно заявилъ о принятомъ имъ рѣшеніи не вмѣшиваться въ политическія распри. Онъ началъ съ того, что искусно держался въ сторонѣ впродолженіе споровъ, не перестававшихъ волновать Римъ, начиная съ консульства Цицерона до послѣднихъ междоусобій. Въ самый разгаръ борьбы онъ посѣщалъ всѣ партіи, пріобрѣталъ себѣ друзей со всѣхъ сторонъ и въ этихъ разнохарактерныхъ дружескихъ связяхъ находилъ новый предлогъ для того, чтобы оставаться безучастнымъ. Когда Цезарь перешелъ Рубиконъ, Аттику было болѣе шестидесяти лѣтъ, — возрастъ, когда у Римлянъ оканчивалась обязательная военная служба. Это была

новая причина оставаться въ покоѣ, и онъ не преминулъ воспользоваться ею. «Я уже въ отставкѣ, [1])» отвѣчалъ онъ тѣмъ, кто хотѣлъ завербовать его на службу. Точно такъ же и съ такимъ-же успѣхомъ онъ велъ себя по смерти Цезаря; но тогда онъ еще больше обманулъ общественное мнѣніе. Всѣ знали, что онъ въ такой дружбѣ съ Брутомъ, что на этотъ разъ не затруднится высказаться. Самъ Цицеронъ, такъ хорошо его знавшій, разсчитывалъ на это; но Аттикъ не измѣнилъ себѣ и воспользовался однимъ важнымъ случаемъ, чтобы заявить публикѣ, что не хочетъ быть втянутымъ въ дѣло противъ своего желанія. Въ то время какъ Брутъ набиралъ армію въ Греціи, нѣкоторымъ всадникамъ, его друзьямъ, пришла мысль открыть подписку между римскими богачами, чтобы доставить ему средства прокормить своихъ солдатъ. Прежде всего обратились къ Аттику, имя котораго хотѣли поставить во главѣ подписнаго листа. Аттикъ наотрѣзъ отказалъ подписаться. Онъ отвѣчалъ, что весь достатокъ его въ распоряженіи Брута, если онъ ему понадобится и если тотъ попроситъ помощи, какъ другъ; но въ то же время онъ объявилъ, что не присоединится ни къ какой политической манифестаціи, и, благодаря его отказу, подписка не состоялась. Тогда же, вѣрный своему обычаю угождать всѣмъ мнѣніямъ, онъ ласково принималъ жену Антонія, Фульвію, и начальника ея рабочихъ, Волюмнія, и, увѣренный въ томъ, что у него есть друзья повсюду, безъ особеннаго страха ожидалъ исхода борьбы.

Страннѣе всего то, что этотъ человѣкъ, такъ упорно сохранявшій нейтралитетъ, не былъ при томъ и равнодушнымъ человѣкомъ. Его біографъ хвалитъ его за то, что онъ держался всегда самой лучшей партіи, [2]) и это правда; только онъ поставилъ себѣ за правило не служить своей партіи и довольствовался тѣмъ, что желалъ ей успѣха, при чемъ желанія его были самыя горячія. Повѣритъ-ли кто-нибудь, что у него были политическія страсти, съ чрезвычайною живостью проявляемыя имъ въ пріятельскомъ кругу. Онъ до такой степени ненавидѣлъ Цезаря, что едва-ли не осуждалъ Брута за то, что тотъ позволилъ схоронить его. [3]) Вѣроятно, вмѣстѣ съ самыми разъяренными онъ желалъ, чтобы тѣло его было

---

[1]) Крон. Непотъ, Attic., 7. Usus es aetatis vacatione.
[2]) Непотъ, Attic.. 6.
[3]) Ad Att., XIV, 10.

брошено въ Тибръ. Такимъ образомъ онъ позволялъ себѣ имѣть предпочтенія и показывать ихъ своимъ сокровеннѣйшимъ друзьямъ. Осторожность его появлялась тогда, когда надо было дѣйствовать. Аттикъ никогда не рѣшался вступать въ борьбу, но если онъ не раздѣлялъ ея опасностей, то по крайней мѣрѣ испытывалъ на себѣ всѣ ея тревоги. Смѣшно видѣть, какъ онъ воспламеняется и оживляется, какъ будто онъ былъ настоящій боецъ: онъ принимаетъ участіе во всѣхъ успѣхахъ и неудачахъ, привѣтствуетъ людей энергическихъ, заклинаетъ равнодушныхъ и даже бранитъ тѣхъ, кто падаетъ духомъ; онъ позволяетъ себѣ совѣты и укоризны всѣмъ, дѣйствовавшимъ, по его мнѣнію, слишкомъ мягко,—онъ, самъ никогда не дѣйствовавшій. Любопытно послушать его упреки Цицерону, когда тотъ не рѣшается слѣдовать за Помпеемъ; онъ принимаетъ самый патетическій тонъ, напоминаетъ ему его дѣйствія и рѣчи, заклинаетъ его во имя его славы и, чтобы заставить его рѣшиться, ссылается на его собственныя сочиненія. [1]) Подобныя вспышки смѣлости, которыми онъ увлекается изъ-за другихъ, приводили иногда къ довольно комическимъ случаямъ. Въ тотъ моментъ, когда Помпей заперся въ Брундузіумѣ, Аттикъ, движимый глубочайшею горестью, хотѣлъ, чтобы была предпринята какая-нибудь попытка для его спасенія и дошелъ до того, что началъ просить Цицерона сдѣлать передъ отъѣздомъ что-нибудь необыкновенное. «Нужно только знамя, говорилъ онъ, и всѣ соберутся вокругъ него.» [2]) Добрый Цицеронъ чувствовалъ себя до крайности возбужденнымъ такими пылкими увѣщаніями своего друга, и бывали минуты, когда онъ готовъ былъ проявить свою смѣлость и искалъ только случая сдѣлать что-нибудь рѣшительное. Подобный случай представился, и вотъ его разсказъ о томъ, какъ онъ воспользовался имъ. «Когда я пріѣхалъ въ свой Помпейскій домъ, твой другъ Нинній пришелъ сказать мнѣ, что центуріоны находившихся тамъ трехъ когортъ желаютъ повидаться со мною на слѣдующій день и хотятъ сдать мнѣ городъ. Знаешь, что я сдѣлалъ? Я уѣхалъ до свѣта, чтобы не видать ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое три когорты? Да еслибы ихъ было и больше, что бы я съ ними подѣлалъ?» [3]) Такъ можетъ говорить только благоразумный человѣкъ, хорошо себя знающій. Чтожь

---

[1]) Ad Att., VIII, 2.
[2]) Ad Att., X, 15.
[3]) Ad Att., X, 16.

касается Аттика, мы невольно задаемъ себѣ вопросъ, точно-ли онъ былъ искрененъ въ усердіи, выказываемомъ имъ къ дѣлу, когда онъ такъ упорно отрекается служить ему. Эти великія страсти, столь осторожно хранимыя про себя и никогда не выходящія наружу, поневолѣ кажутся подозрительными. Быть можетъ, онъ просто хотѣлъ оживить немного оставленную имъ за собою роль зрителя, принимая до извѣстной степени участіе въ волненіяхъ борьбы. Эпикурейскій мудрецъ остается на ясныхъ высотахъ, спокойно наслаждаясь оттуда зрѣлищемъ бурь и человѣческихъ схватокъ; но онъ наслаждается ими слишкомъ издалека, и испытываемое имъ удовольствіе убываетъ съ разстояніемъ. Аттикъ болѣе искусенъ и лучше умѣетъ доставлять себѣ удовольствіе: онъ сходитъ въ самую середину битвы, смотритъ на нее вблизи и даже соединяется съ нею, будучи увѣренъ, что можетъ всегда во время удалиться.

Единственное, что ему было трудно, это — заставить всѣхъ признать его нейтралитетъ. Затрудненіе увеличивалось еще оттого, что поступки его оскорбляли преимущественно тѣхъ людей, чьимъ мнѣніемъ онъ всего больше дорожилъ. Республиканская партія, которую онъ предпочиталъ и въ которой у него было наиболѣе друзей, вѣроятно, далеко не такъ охотно прощала его, какъ партія Цезаря. Еще въ древности, а тѣмъ болѣе въ наши дни, очень восхваляли слова Цезаря, сказанныя имъ въ началѣ междоусобной войны: «Кто не противъ меня, тотъ за меня,» и очень осуждали совершенно противуположныя слова Помпея: «Кто не за меня, тотъ противъ меня.» Между тѣмъ при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, и эта похвала, и это осужденіе оказываются одинаково неразумными. Каждый изъ этихъ двухъ соперниковъ, выражаясь такимъ образомъ, исполнялъ свою роль, и слова ихъ были слѣдствіемъ того положенія, въ какомъ они находились. Какъ-бы мы ни судили о Цезарѣ, но онъ нарушилъ установленный порядокъ, и былъ, конечно, очень благодаренъ тѣмъ, кто ему въ этомъ не мѣшалъ. Могъ-ли онъ разумнымъ образомъ требовать чего-нибудь еще? Дѣйствительно вѣдь тотъ, кто не мѣшалъ, служилъ ему. Но законный установленный порядокъ считаетъ себя въ правѣ обращаться за обороною ко всѣмъ и считать своимъ врагомъ всякаго, не откликающагося на его призывъ, такъ какъ вообще признано, что если кто не подаетъ помощи, видя открытое нападеніе на законъ, дѣлается соучастникомъ тѣхъ, кто его нарушаетъ. Потому было очень естественно, что Це-

зарь, по своемъ прибытіи въ Римъ, хорошо принялъ Аттика и всѣхъ кто не пошелъ подъ Фарсалу, а въ лагерѣ Помпея противъ нихъ существовало страшное раздраженіе. Аттикъ не слишкомъ смутился этимъ гнѣвомъ; онъ предоставлялъ говорить, что угодно, легкомысленной и пылкой молодежи, не могшей утѣшиться, зачѣмъ она покинула Римъ, и грозившей выместить это на тѣхъ, кто тамъ остался. Что ему было за дѣло до этихъ угрозъ? Онъ былъ увѣренъ, что сохранилъ за собою уваженіе двухъ наиболѣе значительныхъ и уважаемыхъ людей этой партіи, и могъ противупоставить ихъ свидѣтельство выходкамъ всѣхъ остальныхъ. Цицеронъ и Брутъ, не смотря на пылкость своихъ убѣжденій, никогда не сердились на него за его образъ дѣйствій и, кажется даже, одобряли его за то, что онъ не вмѣшивался въ политическія дѣла. «Я знаю честность и благородство твоихъ чувствъ, сказалъ Цицеронъ Аттику, когда тотъ вздумалъ однажды защищаться; между нами только та разница, что мы неодинаково устроили свою жизнь. Не знаю, какое тщеславіе заставило меня желать почестей, между тѣмъ какъ отнюдь не предосудительныя причины побудили тебя избрать честный досугъ.» [1]) Съ другой стороны Брутъ писалъ ему подъ конецъ жизни: «Я очень остерегаюсь осуждать тебя, Аттикъ; твои лѣта, семейное положеніе и характеръ, все заставляетъ тебя любить спокойствіе [2]).»

Подобная снисходительность со стороны Брута и Цицерона тѣмъ удивительнѣе, что они не могли не знать, какъ сильно такой примѣръ можетъ повредить защищаемому ими дѣлу. Республика гибла не отъ одной только смѣлости враговъ, но и отъ равнодушія своихъ приверженцевъ. Печальное зрѣлище, представляемое ею впродолженіе пятидесяти лѣтъ, открытая продажа должностей, скандальныя насилія, происходившія на форумѣ при обсужденіи всякаго новаго закона, битвы, обагрявшія кровью Марсово поле при всякихъ новыхъ выборахъ, цѣлыя арміи гладіаторовъ, которыми приходилось окружать себя ради защиты, постыдныя безпутства и низкія интриги, въ которыхъ растрачивались послѣднія силы Рима, окончательно обезотважили всѣхъ честныхъ людей. Они удалялись отъ об-

---

[1]) Ad. Att., I, 17. См. также De off., I, 21 и особенно I. 26. Послѣднее мѣсто содержитъ въ себѣ очевидно намекъ на Аттика.

[2]) Epist—Brut., I, 21

щественной жизни; власть перестала прельщать ихъ съ тѣхъ поръ какъ ее приходилось оспоривать у буйныхъ смѣльчаковъ. Надо было имѣть неустрашимость Катона, чтобы вернуться на форумъ послѣ того, какъ его встрѣтили тамъ градомъ камней, и онъ ушелъ оттуда съ разорванною тогой и окровавленною головой. Такимъ образомъ чѣмъ больше предпринимали смѣльчаки, тѣмъ болѣе уступали имъ робкіе, и уже со времени перваго тріумвирата и консульства Бибула стало очевидно, что апатія честныхъ людей предоставитъ республику великимъ честолюбцамъ, стремившимся овладѣть ею. Цицеронъ понималъ это вполнѣ и не щадилъ въ своихъ письмахъ горькихъ насмѣшекъ противъ богатыхъ лѣнивцевъ, влюбленныхъ въ свои рыбные садки и утѣшавшихъ себя той мыслью, что при предвидимой ими гибели они спасутъ по крайней мѣрѣ своихъ муренъ. Во введеніи въ свою Республику онъ съ изумительной энергіей нападаетъ на тѣхъ, кто, самъ упавши духомъ, старается лишить мужества другихъ и утверждаетъ, будто человѣкъ въ правѣ не служить своей родинѣ и наживать себѣ богатство внѣ ея. «Не станемъ слушать, говорилъ онъ подъ конецъ, этого призыва къ отступленію, раздающагося въ нашихъ ушахъ и какъ-бы желающаго вернуть всѣхъ, кто ушелъ впередъ по дорогѣ».[1]) Бруту также была извѣстна эта болѣзнь, отъ которой умирала республика, и онъ неоднократно жаловался на слабость и упадокъ духа Римлянъ. «Повѣрь мнѣ писалъ онъ, мы слишкомъ ужь боимся изгнанія, смерти и бѣдности .»[2]) Эти прекрасныя слова онъ пишетъ къ тому же Аттику и при этомъ вовсе и не помышляетъ прилагать ихъ къ нему. Какимъ-же страннымъ очарованіемъ обладалъ этотъ человѣкъ, какую власть имѣла его дружба для того, чтобы эти два великіе гражданина измѣняли себѣ такимъ образомъ для него и громогласно прощали ему то, что осуждали во всѣхъ прочихъ?

Чѣмъ больше мы думаемъ, тѣмъ меньше намъ представляется причинъ, которыми онъ могъ-бы оправдать свое поведеніе. Принадлежи онъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые, погрузившись въ свои историческія или философскія изслѣдованія, живутъ только прошлымъ или будущимъ и въ сущности не могутъ считаться современниками людей, живущихъ съ ними въ одно время, тогда еще можно было-бы понять, что онъ не принимаетъ участія въ ихъ борьбѣ, потому что далекъ отъ страстей ихъ; но мы знаемъ, напротивъ того, что онъ очень любилъ всѣ эти мелкія волненія и темныя политическія интриги своего времени. Онъ считалъ очень важнымъ знать ихъ и отлично умѣлъ ихъ разбирать; это было однимъ изъ обычныхъ яствъ для его любознательнаго ума, и Цицеронъ все охотнѣе обращался къ нему за подобнаго рода свѣдѣніями. Онъ также не принадлежалъ и къ числу кроткихъ и робкихъ душъ, созданныхъ для размышленія и одиночества и не обрѣтающихъ въ себѣ самихъ тѣхъ пружинъ, которыя, необходимы для дѣятельной жизни. Напротивъ того, этотъ бойкій дѣлецъ, съ своимъ яснымъ и положительнымъ умомъ, былъ-бы превосходнымъ государственнымъ человѣкомъ. Чтобы быть полезнымъ своей странѣ, ему пришлось-бы только удѣлить для нея немного той дѣятельности и ума, которые онъ употребилъ для своего обогащенія, и Цицеронъ справедливо находилъ въ немъ политическій темпераментъ. Наконецъ, онъ не оставилъ за собой даже того печальнаго притязанія, будто онъ не примыкаетъ ни къ какой партіи, потому что равнодушенъ ко всѣмъ имъ, и, будто не имѣя никакого твердаго мнѣнія, не знаетъ, къ какой сторонѣ ему пристать. Въ своихъ письмахъ къ Цицерону и Бруту онъ сто разъ говорилъ противное и сто разъ восхищалъ ихъ пылкостью своего республиканскаго усердія. Тѣмъ не менѣе онъ остался спокойнымъ, когда представился случай послужить этому правительству, которому онъ былъ такъ преданъ на словахъ. Вмѣсто того, чтобы сдѣлать хоть что-нибудь для замедленія его упадка, онъ хлопоталъ лишь о томъ, какъ бы не быть самому раздавленнымъ подъ его обломками. Но если онъ не пытался защитить его, отдалъ-ли онъ ему по крайней мѣрѣ послѣдній долгъ, пожалѣвъ хоть для виду о его гибели? Заявилъ ли онъ хоть чѣмъ нибудь, что если и не показался среди битвы, то все же принялъ участіе въ пораженіи? Заготовилъ ли онъ себѣ на старость, и подъ новой властью, которую долженъ былъ надъ собой признать, одно изъ тѣхъ достойныхъ и печальныхъ отшельничествъ, которыя вынужденъ бываетъ уважить самъ побѣдитель? Нѣтъ, и это, признаться, всего болѣе претитъ намъ въ его жизни, и мы съ досадою смотримъ на то, какъ онъ поспѣшилъ приладиться къ новому порядку. На другой день послѣ того, какъ онъ былъ изганнъ самъ, мы видимъ, что онъ дѣлается другомъ своихъ гонителей. Онъ рас-

[1]) De Rep., 1, 2.

[2]) Epist. Brut., 1, 17.

точаетъ передъ ними всѣ обольщенія своего ума, усердно посѣщаетъ ихъ и присутствуетъ на всѣхъ ихъ праздникахъ. Какъ мы ни привыкли къ той готовности, съ какою онъ принималъ всякое восторжествовавшее правительство, трудно себѣ представить, какимъ образомъ другъ Брута и повѣренный Цицерона, могъ такъ скоро сойтись съ Антоніемъ и Октавіемъ. Самые снисходительные люди найдутъ, вѣроятно, что дружба съ такими знаменитыми людьми налагала на него обязательства, которыхъ онъ не выполнилъ, и что давать въ преемники имъ именно ихъ палачей, значило измѣнять памяти этихъ людей, удостоившихъ его своей привязанностью.

Если мы не намѣрены оказывать ему такой поблажки, какъ Цицеронъ и Брутъ, мы тѣмъ болѣе не станемъ раздѣлять наивнаго энтузіазма, внушаемаго имъ къ себѣ Корнелію Непоту. Этотъ снисходительный біографъ во всей жизни этого героя пораженъ только тѣмъ, что тотъ удачно избѣгалъ большихъ опасностей. Онъ не можетъ придти въ себя отъ изумленія, видя, какъ со времени Силлы и до Августа тотъ уклонялся отъ междоусобицъ, пережилъ множество проскрипцій и искусно сумѣлъ оберечь себя тамъ, гдѣ столь многіе погибли вконецъ. «Если осыпаютъ похвалами кормчаго, спасающаго свой корабль отъ утесовъ и бурь, говоритъ онъ, не слѣдуетъ-ли также считать восхитительною осторожность человѣка, сумѣвшаго спасти себя среди жестокихъ бурь политическихъ» [1])? Восхищеніе тутъ излишне. Мы сохранимъ наше собственное для людей съ высокою душою, согласовавшихъ свои дѣйствія съ своими убѣжденіями и сумѣвшихъ умереть ради защиты своихъ мнѣній. Ихъ неудачи не вредятъ нашему уваженію къ нимъ, и что бы ни говорилъ другъ Аттика, но нѣкоторыя удачныя плаванія приносятъ меньше чести, нежели иныя крушенія. Единственная похвала, которую онъ вполнѣ заслужилъ, и которую такъ любезно произноситъ его біографъ, состоитъ въ томъ, что онъ былъ самымъ ловкимъ человѣкомъ своего времени; но мы хорошо знаемъ, что есть похвалы и получше этой.

---

[1]) Attic., 10.

Целій.

Римская молодежь во времена Цезаря.

Въ изучаемой нами исторіи нѣтъ, быть можетъ, личности любопытнѣе Целія. Жизнь его представляетъ для насъ особенный интересъ. Онъ не былъ, подобно Бруту, блестящимъ исключеніемъ среди своихъ современниковъ; напротивъ того, онъ вполнѣ принадлежитъ своему времени; онъ жилъ такъ, какъ всѣ жили вокругъ него. Вся тогдашняя молодежь, Куріоны, Долабеллы, похожи на него. Подобно ему, всѣ они испорчены съ раннихъ лѣтъ, не думаютъ о своемъ достоинствѣ, разматываютъ свое состояніе и страстно отдаются легкомысленнымъ удовольствіямъ; всѣ они при первой возможности съ безпокойнымъ честолюбіемъ бросаются въ общественную жизнь, стремясь удовлетворить своимъ громаднымъ потребностямъ, не ощущая при этомъ никакихъ внутреннихъ угрызеній и не имѣя никакихъ вѣрованій. Слѣдовательно, его исторія есть исторія всѣхъ другихъ и, изучая ее, мы имѣемъ преимущество сразу ознакомиться съ тѣмъ поколѣніемъ, къ которому принадлежалъ Целій. Такое изученіе будетъ для насъ не трудно, благодаря Цицерону. Не смотря на разницу въ поступкахъ и принципахъ, Цицеронъ чувствовалъ всегда какое-то странное влеченіе къ Целію; онъ любилъ бесѣдовать съ этимъ умнымъ человѣкомъ, надо всѣмъ насмѣхавшимся, и чувствовалъ себя съ нимъ развязнѣе, нежели съ такими людьми, какъ Катонъ или Брутъ, которые пугали его суровостью. Онъ защищалъ его на судѣ, когда одна любимая имъ прежде женщина старалась погубить его, и это была самая милая изъ всѣхъ оставшихся послѣ него защитительныхъ рѣчей. Впослѣдствіи, когда онъ былъ принужденъ ѣхать

въ Киликію, онъ выбралъ его своимъ политическимъ корреспондентомъ. По счастію, письма Целія дошли до насъ вмѣстѣ съ письмами Цицерона, и во всемъ этомъ сборникѣ нѣтъ болѣе остроумныхъ и любопытныхъ. Соберемъ всѣ разсѣянныя въ нихъ подробности; соединяя ихъ, попробуемъ возсоздать исторію Целія и, съ помощью ея, составить себѣ понятіе о томъ, какова была тогдашняя римская молодежь. Съ нею небезъинтересно ознакомиться, такъ какъ она играла важную роль, и Цезарь пользовался ею всего больше для того переворота, который онъ задумалъ.

I.

Целій происходилъ не изъ знаменитой фамиліи. Онъ былъ сынъ римскаго всадника изъ Пуццолъ, занимавшагося торговлею и пріобрѣтшаго большое состояніе въ Африкѣ. Отецъ его, заботившійся всю жизнь только о томъ, чтобы разбогатѣть, былъ гораздо честолюбивѣе для своего сына, нежели самъ для себя, какъ это иногда бываетъ; ему хотѣлось, чтобы онъ сдѣлался политическимъ человѣкомъ и, видя, что почестей достигаютъ только путемъ краснорѣчія, онъ рано отвелъ его къ Цицерону съ тѣмъ, чтобы тотъ сдѣлалъ изъ него, если можно, великаго оратора.

Въ то время еще не было обычая запирать молодыхъ людей въ школы риторовъ и довольствоваться тѣмъ, чтобы упражнять ихъ на вымышленныхъ дѣлахъ. Какъ только они надѣвали свою мужескую тогу, т. е. около шестнадцати лѣтъ, ихъ спѣшили отвести къ какому-нибудь именитому государственному человѣку, котораго они уже и не покидали. Допущенные въ его интимную жизнь, они слушали его бесѣды съ друзьями и споры съ противниками; они видѣли, какъ онъ приготовляется въ тиши къ великимъ словеснымъ битвамъ, сопровождали его въ базилики и на форумъ, слушали, какъ онъ защищаетъ судебныя дѣла и говоритъ къ собравшемуся народу, и когда становились способными сами говорить, то начинали это возлѣ него и подъ его патронатомъ. Тацитъ очень сожалѣетъ объ этомъ мужественномъ воспитаніи, которое, прямо ставя

молодаго человѣка въ условія истины, вмѣсто того чтобы задерживать его среди фикцій риторики, внушало ему любовь къ естественному и подлинному краснорѣчію и укрѣпляло его, сразу бросая его въ настоящій бой и, какъ онъ выражается, обучая его войнѣ на самомъ полѣ битвы, **pugnare in praelio discebant**[1]). Но воспитаніе это представляло вмѣстѣ съ тѣмъ и большія опасности. Оно слишкомъ рано научало его такимъ вещамъ, которыхъ лучше бываетъ подольше не знать, знакомила его съ зрѣлищемъ соблазновъ и подкуповъ, представляемыхъ сплошь и рядомъ общественной жизнью, приводило къ преждевременной зрѣлости и слишкомъ рано воспламеняло въ немъ честолюбіе. Этотъ молодой шестнадцатилѣтній юноша, живя въ такой близости съ беззастѣнчивыми старыми государственными людьми, открывавшими передъ нимъ наголо самые гнусные поступки партій, не долженъ-ли былъ утратить отчасти великодушіе и деликатность, свойственныя его возрасту? Не слѣдовало-ли опасаться, что такое гибельное общество заставитъ его наконецъ полюбить интригу, преклоняться передъ успѣхомъ, безумно жаждать власти и спѣшить скорѣе взобраться на высоту всѣми средствами, а такъ какъ худшія изъ нихъ бываютъ обыкновенно самыя короткія, то предпочесть именно эти?

Это самое и случилось съ Целіемъ. Впродолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ, честныхъ и трудолюбивыхъ, онъ не разставался съ Цицерономъ; но замѣтивъ подъ-конецъ, что молодой человѣкъ, желавшій подобно ему составить себѣ политическую карьеру, больше выиграетъ съ тѣми, кто хочетъ низвергнуть правительство, нежели съ тѣмъ, кто пытается сохранить его, онъ покинулъ Цицерона и примкнулъ къ Катилинѣ. Такой поворотъ былъ рѣзокъ, но Целій никогда не заботился о томъ, чтобы избѣгать крутыхъ перемѣнъ. Понятно, что съ этихъ поръ жизнь его приняла другое направленіе; онъ сдѣлался задорнымъ и дерзкимъ смутникомъ, устрашавшимъ другихъ своими язвительными рѣчами на форумѣ и неистовыми выходками на Марсовомъ полѣ. Однажды, при выборѣ верховнаго жреца, онъ ударилъ сенатора. Когда его назначили квесторомъ, всѣ обвиняли его въ подкупѣ выборныхъ голосовъ. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы волновать комиціи въ Римѣ, онъ произвелъ невѣдомо зачѣмъ, еще народное волненіе въ Неаполѣ. Въ то же время онъ не переставалъ забо-

---

[1]) De Orat., 34.

титься о своихъ удовольствіяхъ. Безпутства шумной молодежи, къ которой онъ принадлежалъ, безпрестанно смущали общественное спокойствіе. Разсказывали, что улицы становятся небезопасными, когда эти господа возвращались ночью съ своихъ ужиновъ, и что, по примѣру молодыхъ вѣтренниковъ, описанныхъ Плавтомъ и Теренціемъ, онѣ преслѣдовали честныхъ женщинъ, попадавшихся имъ на дорогѣ. Всѣ эти безумства стоили немалыхъ расходовъ, и хотя отецъ Целія былъ богатъ, онъ не всегда былъ расположенъ платить за него. Очень вѣроятно, что въ такія минуты честный Пуццольскій негоціантъ раскаивался въ своемъ честолюбіи относительно сына и находилъ, что желаніе сдѣлать изъ него политическаго человѣка обходилось ужь слишкомъ дорого. Съ другой стороны характеръ Целія не позволялъ ему спокойно выслушивать наставленія; онъ покинулъ родительскій домъ и, подъ предлогомъ находиться поближе къ форуму и его дѣламъ, нанялъ себѣ за 10,000 сестерцій (2,000 фр.) квартиру на Палатинѣ, въ домѣ знаменитаго трибуна Аппія Клодія. Это было важнымъ событіемъ въ его жизни, потому-что здѣсь онъ познакомился съ Клодіей.

Если вѣрить свидѣтельству одного только Цицерона, то можно составить себѣ самое отвратительное понятіе о Клодіи; но Цицеронъ слишкомъ страстный свидѣтель для того, чтобы быть вполнѣ вѣрнымъ, и его бѣшеная ненависть къ брату дѣлаетъ его подозрительнымъ въ нашихъ глазахъ, когда онъ судитъ о сестрѣ. Впрочемъ онъ отчасти измѣняетъ самому себѣ, говоря, что она сохранила сношенія съ очень честными людьми, что было-бы очень удивительно, еслибъ только она въ самомъ дѣлѣ совершила всѣ тѣ преступленія, въ которыхъ онъ ее обвиняетъ. Очень трудно допустить, чтобы высокопоставленныя лица республики, дорожившія своей репутаціей, продолжали часто видаться съ нею, вѣрь они тому, будто она отравила своего мужа и была любовницей своихъ братьевъ. Впрочемъ Цицеронъ придумалъ это не самъ; это былъ общій слухъ, который онъ лишь повторялъ охотно. Многія лица въ Римѣ вѣрили ему, враги Клодіи старались распространять его, и на этотъ случай были сочинены очень злые стихи, писавшіеся на стѣнахъ повсюду. И такъ, Клодія пользовалась очень плохою репутаціей, при чемъ надо сознаться, что, не смотря на нѣкоторыя преувеличенія, она отчасти заслуживала ея. Ничѣмъ не доказано, чтобы она умертвила своего мужа, какъ ее въ этомъ обвиняли; обвиненія въ отравѣ были въ то

время очень распространены и легко принимались на вѣру, но она дѣлала его очень несчастнымъ при жизни и была, повидимому, не слишкомъ огорчена его кончиною. Предположеніе Цицерона, будто она была въ любовной связи съ братьями также сомнительно, но къ несчастію слишкомъ достовѣрно то, что любовниковъ у нея было очень много. Въ извиненіе ей можно привести одно, что такой образъ жизни былъ тогда вещью очень обыкновенною. Никогда подобнаго рода скандалы не бывали такъ часты между знатными римлянками, какъ именно въ то время. Но вѣдь римское общество переживало тогда кризисъ, съ причинами котораго, восходящими очень далеко, любопытно будетъ познакомиться. Надо сказать объ нихъ нѣсколько словъ для того, чтобы можно было дать себѣ отчетъ въ сильномъ поврежденіи общественныхъ нравовъ.

Въ странѣ, гдѣ семейство уважалось такъ, какъ въ Римѣ, женщины необходимо должны были пользоваться важнымъ значеніемъ. Невозможно, чтобы онѣ не старались распространять за предѣлы своего дома то громадное вліяніе, какимъ онѣ пользовались внутри его, и чтобы почетное мѣсто, занимаемое ими въ частной жизни, не соблазнило ихъ когда-нибудь овладѣть жизнью общественной. Старые Римляне, такъ ревниво оберегавшіе свою власть, предчувствовали эту опасность и не упустили ничего изъ виду, чтобы оградить себя отъ нея. Извѣстно, какимъ образомъ, хоть только напоказъ, относились они обыкновенно къ женщинамъ: не было такихъ злобныхъ выдумокъ, которыхъ-бы они не распускали на ихъ счетъ, они нападали на нихъ въ театрахъ и даже осмѣивали ихъ въ своихъ политическихъ рѣчахъ; [1]) не слѣдуетъ однако ошибаться насчетъ смысла этихъ насмѣшекъ и слишкомъ сожалѣть о тѣхъ, на кого онѣ обращены. На нихъ нападаютъ такъ жестоко потому, что боятся ихъ, и всѣ эти насмѣшки скорѣе надобно считать предосто-

---

[1]) Во времена Гракховъ цензоръ Метеллъ въ одной рѣчи, гдѣ онъ рѣзко нападаетъ на холостяковъ, выражается слѣдующимъ образомъ: „Граждане, если бы можно было жить безъ женщинъ, мы всѣ обошлись-бы безъ этой обузы (omnes ea molestia careremus); но природѣ было угодно устроить такимъ образомъ, что обойтись безъ нихъ такъ-же трудно, какъ непріятно съ ними жить; пожертвуемъ-же пріятностями кратковременной жизни для республики, которая должна существовать всегда.“ Этотъ способъ поощрять людей къ женитьбѣ былъ, повидимому, очень дѣйствителенъ, потому-что въ тотъ моментъ, когда женились всего рѣже, Августъ счелъ нужнымъ перечитать народу эту рѣчь стараго Метелла.

рожностями, нежели оскорбленіями. Эти суровые солдаты и грубые мужики, живя возлѣ женщинъ, увидѣли, какой у нихъ свободный и предпріимчивый умъ, и во сколькихъ отношеніяхъ онѣ выше ихъ; вотъ почему они такъ и стараются ограничить ихъ дѣятельность однимъ хозяйствомъ; но и этого еще недостаточно для ихъ успокоенія: въ самомъ хозяйствѣ ихъ надо покорить и обуздать. Для вида думаютъ и говорятъ, будто это слабыя и неугомонныя созданія (indomita animalia), неспособныя управлять сами собою, и потому спѣшатъ устроить надъ ними управленіе. Подъ этимъ предлогомъ ихъ держатъ въ вѣчной опекѣ; онѣ постоянно находятся во власти либо отца, либо брата, либо мужа; онѣ не могутъ ни продавать, ни покупать, ни торговать, словомъ, не дѣлать ничего безъ чьего-либо совѣта; дѣйствуя такимъ образомъ, мущины говорятъ, что они имъ покровительствуютъ, въ сущности-же они просто ограждаютъ себя отъ нихъ. Величайшій врагъ женщинъ, Катонъ, прямо сознается въ этомъ въ минуту откровенности. «Вспомните, заставляетъ его говорить Титъ Ливій по поводу закона Oppia, сколько правилъ было постановлено нашими предками для того, чтобы подчинить женъ мужьямъ. Какъ онѣ ни связаны, вамъ все-таки трудно справляться съ ними. Чтожь будетъ, если вы дадите имъ свободу и позволите имъ пользоваться одинаковыми съ вами правами? Думаете-ли вы, что вамъ можно будетъ тогда управлять ими? Въ тотъ день, какъ онѣ сравняются съ вами, онѣ станутъ выше васъ» [1]). Этотъ день наступилъ именно въ разбираемую нами эпоху. Среди общаго ослабленія древнихъ обычаевъ, законы о женщинахъ такъ-же мало исполнялись, какъ и всѣ другіе. Цицеронъ говоритъ, что нѣкоторые любезники-юрисконсульты доставляли имъ остроумныя средства не исполнять ихъ, дѣлая въ то же время видъ, что онѣ ихъ нисколько не нарушаютъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ привыкали видѣть, что онѣ занимаютъ болѣе значительное мѣсто въ обществѣ, и знать что онѣ имѣютъ не малое вліяніе на управленіе республикой. Почти всѣ тогдашніе политическіе люди управлялись своими женами или любовницами. Вотъ почему надо считать безчисленныя любовныя похожденія Цезаря, такъ-же какъ впослѣдствіи похожденія Августа, за глубокую хитрость: можно полагать,

[1]) Pro Muraen. 12.
[2]) Т.-Лив. XXXIV, 3 с.

что онъ старался нравиться женщинамъ только для того, чтобы руководить ихъ мужьями.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе отмѣны старинныхъ законовъ и измѣненія древнихъ правилъ, женщины сдѣлались свободными. При этомъ надо вообще замѣтить, что, добившись обратно свободы, человѣкъ непремѣнно прежде всего злоупотребитъ ею. Нельзя спокойно наслаждаться правами, которыхъ былъ долгое время лишенъ, и въ первыя минуты послѣ возврата ихъ нападаетъ какое-то опьяненіе, сдерживать которое очень трудно. Это самое и случилось тогда въ римскомъ обществѣ, такъ что всѣ безпутные поступки, замѣчаемые въ поведеніи тогдашнихъ женщинъ, объясняются отчасти прелестью новой свободы и упоеніемъ ею. Тѣ изъ нихъ, которыя, подобно женѣ Цицерона, Теренціи, любятъ деньги, спѣша воспользоваться возвращеннымъ имъ правомъ располагать своимъ состояніемъ, изъ-за сомнительныхъ выгодъ вступаютъ въ компанію съ вольноотпущенниками и дѣльцами, безъ стыда обкрадываютъ своихъ мужей и бросаются въ спекуляціи и торговлю, внося въ нихъ вмѣстѣ съ неслыханнымъ инстинктомъ хищничества свойственную имъ наклонность къ ничтожнымъ сбереженіямъ и къ мелочной экономіи. Другія, предпочитающія удовольствія всякому богатству, предаются имъ съ неудержнымъ пыломъ. Менѣе смѣлыя пользуются легкостью развода для того, чтобы переходить отъ одной любви къ другой подъ прикрытіемъ закона. Другія не берутъ на себя даже этихъ хлопотъ и безъ стыда открыто щеголяютъ развратомъ.

Клодія принадлежала къ числу послѣднихъ; но, не смотря на всѣ свои пороки, которые она и не заботилась скрывать, нельзя не признать за нею нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ. Она не была жадна до денегъ; кошелекъ ея былъ открытъ для ея друзей, и Целій не стыдился изъ него черпать. Она любила умныхъ людей и привлекала ихъ къ себѣ въ домъ. Одно время она старалась убѣдить Цицерона, котораго талантомъ она много восхищалась, чтобы тотъ отказался отъ своей глупой Теренціи и женился на ней; но Теренція, узнавъ объ этомъ, сумѣла смертельно перессорить ихъ между собою. Одинъ старый схоліастъ говоритъ, что Клодія танцовала лучше, чѣмъ это прилично честной женщинѣ [1]). Она любила не одно только это искусство, и изъ одного мѣста въ сочиненіяхъ Цицерона считали возможнымъ заключить, что она писала та

[1]) Схол., Боб., p. Sext. изд. Ор., с. 304. [2]) Швабъ, Quaest Catull., сг 77.

Заниматься литературою, сближаться съ умными людьми, любить изящныя и избранныя удовольствія, все это само по себѣ не составляетъ ничего предосудительнаго; напротивъ, у насъ каждая свѣтская женщина или старается дѣйствительно пріобрѣсти эти качества, или хоть притворяется, будто имѣетъ ихъ. Въ Римѣ думали иначе, и такъ какъ однѣ только куртизанки пользовались привилегіей вести изящную и свободную жизнь, то всякая женщина, старавшаяся пріобрѣсти ихъ таланты, рисковала быть смѣшанною съ ними и подвергнуться столь же строгому общественному осужденію; но Клодія не заботилась объ общественномъ мнѣніи. Въ свою частную жизнь и сердечныя привязанности она вносила то же увлеченіе и ту же пылкость, какія братъ ея вносилъ въ общественную жизнь. Готовая на всѣ крайности, ни мало не стыдясь сознаваться въ нихъ, любя и ненавидя до бѣшенства, неспособная владѣть собою и врагъ всякаго стѣсненія, она осталась вѣрна той знатной и гордой фамиліи, къ которой принадлежала, и въ самыхъ ея порокахъ порода ея была видна.

Въ странѣ, гдѣ всячески выказывали уваженіе къ древнимъ обычаямъ, въ этой классической странѣ декорума (и самое слово, и то, что оно означаетъ собою—чисто римскаго происхожденія), Клодія съ особеннымъ удовольствіемъ нарушала общепринятые законы; выходила изъ дому съ своими друзьями, позволяла ихъ сопровождать себя въ общественные сады и на Аппіеву дорогу, построенную ея прадѣдомъ. Она смѣло подходила къ знакомымъ; вмѣсто того, чтобы робко опускать глаза, какъ это требовалось отъ благовоспитанной матроны, она позволяла себѣ разговаривать съ ними (Цицеронъ сообщаетъ даже, что иногда она съ ними цѣловалась) и приглашала ихъ къ себѣ на обѣдъ. Степенные, положительные, строгіе люди возмущались этимъ; но молодежь, не видѣвшая ничего дурного въ подобной смѣлости, приходила въ восторгъ и отправлялась на обѣды Клодіи [1]).

Въ это время Целій считался въ Римѣ однимъ изъ модныхъ молодыхъ людей. Онъ уже очень славился, какъ ораторъ; всѣ боялись насмѣшливой живости его рѣчей. Онъ отличался безумной храбростью и былъ всегда готовъ затѣять самое рискованное предпріятіе. Деньги онъ тратилъ безъ счета и таскалъ за собою цѣлую свиту друзей и кліэнтовъ. Немногіе умѣли такъ хорошо танцовать, какъ онъ [1]), никто не превосходилъ его въ умѣньи одѣваться со вкусомъ, и въ Римѣ вездѣ толковали о красотѣ и ширинѣ пурпурной полосы, окаймлявшей его тогу. Всѣ эти качества и серьёзныя, и пустыя, были именно такого свойства, чтобы плѣнить Клодію. Сосѣдство помогло имъ сойтись поближе, и вскорѣ она сдѣлалась любовницею Целія.

[1]) Всѣ эти и слѣдующія подробности взяты изъ Pro Caelio Цицерона.

Не смотря на свою сдержанность, Цицеронъ даетъ намъ угадывать жизнь, какую они вели въ то время. Онъ говоритъ полусловами о блестящихъ праздникахъ, задаваемыхъ Клодіей своему любовнику и римской молодежи въ своихъ садахъ на берегу Тибра но главнымъ театромъ ея любви были, повидимому, Байи. Уже за нѣсколько времени передъ тѣмъ Байи сдѣлались обыкновеннымъ сборнымъ мѣстомъ для людей элегантнаго круга Рима и Италіи. Поводомъ или предлогомъ для этихъ сборищъ служили находящіеся тамъ въ изобиліи горячіе ключи. Вмѣстѣ съ нѣсколькими больными, пріѣзжавшими сюда лѣчиться, наплывала цѣлая толпа здоровыхъ, являвшихся чтобъ весело пожить. Пріѣздъ начинался съ апрѣля, и въ продолженіе прекраснаго времени года здѣсь завязывалась тысяча легкихъ интригъ, слухъ о которыхъ достигалъ Рима. Люди степенные тщательно избѣгали показываться въ этомъ вихрѣ, и впослѣдствіи Клодій вмѣнилъ Цицерону чуть не въ преступленіе даже то, что онъ только проѣхалъ черезъ Байи. Но Целій и Клодія не думали скрываться и безъ всякаго затрудненія предавались удовольствіямъ, какія только можно найти въ этомъ краю, который Горацій называетъ самымъ прекраснымъ въ мірѣ. Весь Римъ говорилъ объ ихъ поѣздкахъ по берегу, о блескѣ и шумѣ ихъ пировъ и объ ихъ прогулкахъ по морю въ лодкахъ съ пѣвцами и музыкантами. Вотъ все, что намъ сообщаетъ Цицеронъ или, лучше сказать, что онъ даетъ намъ понять, такъ какъ, противъ своего обычая и къ величайшему нашему сожалѣнію, онъ старался на этотъ разъ скрытничать, чтобы не скомпрометировать Целія, своего друга. По счастію, мы можемъ знать объ этомъ больше и глубже проникнуть въ это общество, столь привлекательное для нашего любопытства; намъ стоитъ только обратиться за этимъ къ тому, кто вмѣстѣ съ Лукреціемъ былъ величайшимъ поэтомъ своего времени, а именно къ Катуллу. Катуллъ жилъ среди этихъ столь достойныхъ

[2]) Макр., Sat., II, 10.

изученія лицъ и имѣлъ съ ними сношенія, позволившія ему хорошо описать ихъ. Всѣ знаютъ Лесбію, которую онъ обезсмертилъ своими стихами, но не всѣмъ извѣстно, что Лесбія вовсе не была одною изъ тѣхъ фикцій, которыя изобрѣтаются иногда элегическими поэтами. Овидій говоритъ, что за этимъ именемъ скрывалась римская дама и притомъ, вѣроятно, очень знатная, такъ какъ онъ не хочетъ называть ее, а по тому, какъ онъ о ней говоритъ, очевидно, что всѣ знали ее въ это время [1]). Апулей, жившій гораздо позже, былъ не такъ скроменъ: онъ сообщаетъ намъ, что Лесбія была не кто иная, какъ именно Клодія [2]). Слѣдовательно, Катуллъ былъ любовникомъ Клодіи и соперникомъ Целія; и онъ также посѣщалъ этотъ домъ на Палатинѣ и прекрасные сады возлѣ Тибра, и стихи его окончательно знакомятъ насъ съ этимъ обществомъ, однимъ изъ героевъ котораго онъ былъ самъ.

Я говорилъ сейчасъ, что Клодія не любила денегъ съ жадностью, свойственною легкимъ женщинамъ того времени, да и всѣхъ вообще временъ. Это вполнѣ доказывается исторіей Катулла. Этотъ молодой провинціалъ изъ Веронны происходилъ отъ почтеннаго, но не слишкомъ богатаго семейства, и послѣ недолгой разсѣянной и пріятной жизни въ Римѣ у него наконецъ ничего не осталось. Вскорѣ его небольшое имѣньице очутилось подъ закладомъ у нѣсколькихъ лицъ. «Теперь, говоритъ онъ весело, оно уже не подвергается больше ни жестокому сѣверному вѣтру, ни буйному австеру: вокругъ него, со всѣхъ сторонъ бушуетъ цѣлый ураганъ долговъ. О, какой ужасный и зачумленный вѣтеръ!» [3]) Изъ того, какъ онъ описываетъ иныхъ своихъ друзей, которые были еще бѣднѣе его и еще болѣе обременены долгами, видно, что онъ не могъ на нихъ разсчитывать, и что его «полный пауками» кошелекъ не долженъ былъ ожидать отъ нихъ большой помощи. Стало-быть, не богатство и не родовитость могла Клодія полюбить въ Катуллѣ, а только его умъ и талантъ. Что его прельстило въ ней, и что онъ полюбилъ такъ страстно, такъ это ея изящество и грація. Качества эти не составляютъ обыкновенно принадлежности

[1]) Овид. Trist., II, 427.

[2]) Апулей, De Mag., 10. Одинъ нѣмецкій ученый г. Швабъ, въ изданной имъ книгѣ о Катуллѣ (Quaest. Catull., 1862), по моему мнѣнію, несомнѣнно доказалъ истину этихъ словъ Апулея.

[3]) Catull. Carm., 26.

женщинъ, живущихъ подобно Клодіи; въ ней-же, какъ ни низко она упала, все еще видна была патриціанка. Катуллъ говоритъ это въ своей эпиграммѣ, гдѣ онъ сравниваетъ Лесбію съ одной знаменитой красавицей того времени:

«Квинтія прекрасна для многихъ. Я нахожу ее высокой, бѣлолицей и стройною; вотъ ея достоинства, и я признаю ихъ всѣ. Но чтобы соединеніе ихъ составляло красоту, я это отрицаю. Въ ней нѣтъ ничего граціознаго, и въ этомъ обширномъ тѣлѣ нѣтъ ни крошки ума и пріятности. Кто дѣйствительно красивъ, такъ это Лесбія, она просто красивѣе всѣхъ; и она дотого завладѣла всею граціей, что ничего ужь не оставила прочимъ» [1]).

Женщина, подобная Клодіи, такъ рѣшительно любившая умныхъ людей, охотно должна была посѣщать то общество, среди котораго жилъ Катуллъ. Изъ того, что онъ разсказываетъ намъ о немъ, видно, что въ Римѣ не было болѣе умнаго и пріятнаго сборища. Оно состояло изъ писателей и политиковъ, изъ поэтовъ и вельможъ, разнившихся положеніемъ и достаткомъ, но одинаково любившихъ литературу и удовольствія. Здѣсь находились Корнифицій, Квинтилій Варъ, Гельвій Цинна, прославившійся въ то время своими стихами, Азиній Полліонъ, бывшій тогда еще не болѣе какъ подающимъ большія надежды, ребенкомъ; но всѣхъ замѣчательнѣе былъ тамъ Лициній Кальвъ, въ одно и то же время государственный человѣкъ и поэтъ, одна изъ оригинальнѣйшихъ личностей той эпохи, который въ двадцать одинъ годъ напалъ съ такою силою и съ такимъ талантомъ на Ватинія, что тотъ, совершенно пораженный, обратился къ своимъ судьямъ и сказалъ: «Если мой врагъ—великій ораторъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что я виноватъ!» Къ этой группѣ надо отнести также Целія, по своему уму и наклонностямъ вполнѣ достойнаго принадлежать ей; а выше всѣхъ надо поставить Цицерона, покровителя всей этой умной молодежи, гордившейся его геніемъ и славою и привѣтствовавшей въ немъ, по выраженію Катулла, краснорѣчивѣйшаго изъ сыновъ Ромула.

Въ этихъ собраніяхъ умныхъ людей, изъ которыхъ многіе были политиками, политика конечно не изгонялась: все было проникнуто крайне республиканскимъ духомъ, и отсюда выходили самыя жесто-

[1]) Catull. Carm., 86.

кія эпиграммы противъ Цезаря. Извѣстно, въ какомъ тонѣ написаны Катулловы; Кальвъ сочинилъ еще другія, которыя не дошли до насъ и были, говорятъ, гораздо жесточе. Понятно, что литература занимала тугъ по крайней мѣрѣ столько-же мѣста какъ и политика. При случаѣ смѣялись конечно надъ плохими писателями и даже, въ примѣръ другимъ, торжественно сожигали поэмы Волузія. Иногда, подъ конецъ обѣда, когда головы были разгорячены виномъ и смѣхомъ, присутствующіе дѣлали другъ другу поэтическіе вызовы, таблички переходили изъ рукъ въ руки, и каждый старался писать на нихъ самые лукавые стихи. Но болѣе всего другого ихъ занимало просто веселье. Всѣ эти поэты и политики были молоды и влюблены, и сколько-бы имъ ни доставляло удовольствія насмѣхаться надъ Волузіемъ или терзать Цезаря, они предпочитали всему воспѣвать свою любовь. Отсюда и произошла ихъ слава. Въ латинской элегической поэзіи ничто не можетъ сравниться съ прелестными короткими стихотвореніями Катулла къ Лесбіи. Проперцій примѣшиваетъ слишкомъ много миѳологіи къ своимъ вздохамъ; Овидій не болѣе, какъ остроумный развратникъ; только одинъ Катуллъ умѣетъ проникать въ душу. Зато только онъ одинъ и былъ уязвленъ искренней и глубокой любовью. До тѣхъ поръ онъ велъ разсѣянную и безпутную жизнь, и сердце его утомилось отъ мимолетныхъ связей; но въ тотъ день, когда онъ встрѣтился съ Лесбіей, онъ узналъ истинную страсть. Чтобы мы ни думали о Клодіи, но любовь Катулла возвышаетъ ее, и для нея, конечно, всего лучше, когда на нее смотрятъ сквозь призму этой восхитительной поэзіи. Праздники, даваемые ею римской молодежи и о которыхъ къ сожалѣнію, у насъ такъ мало подробностей, оживляются стихами Катулла и мы какъ будто видимъ ихъ передъ собою; вѣдь свои лучшія произведенія онъ писалъ именно въ честь этихъ прелестныхъ собраній и этихъ свободныхъ роскошныхъ пировъ. Вѣроятно здѣсь, на тѣнистыхъ берегахъ Тибра было имъ пропѣто прекрасное подражаніе самой пылкой одѣ Сафо, написанное имъ для Лесбіи. Быть можетъ, именно на Байскомъ прибрежіи, въ виду Неаполя и Капреи, подъ великолѣпнымъ этимъ небомъ, среди обольщеній этой волшебной страны, были прочитаны въ первый разъ слѣдующіе стихи, полные такой граціи и достойные того восхитительнаго пейзажа, среди котораго мнѣ отрадно помѣстить ихъ:

«Будемъ жить и любить, моя Лесбія, и посмѣемся вмѣстѣ надъ всѣми

укорами строгихъ стариковъ. Солнце умираетъ съ тѣмъ, чтобы ожить; когда-же погаснетъ кратковременный свѣтъ нашей жизни, тогда наступитъ вѣчная ночь, которую надо всю проспать безъ просыпа. Дай мнѣ тысячу поцѣлуевъ, потомъ сто, затѣмъ тысячу, послѣ еще сто, наконецъ еще тысячу и сто новыхъ. А тамъ, поцѣловавшись нѣсколько тысячъ разъ, мы нарочно спутаемъ счетъ для того, чтобы не знать его и не оставить ревнивцамъ предлога завидовать намъ, сообщивъ имъ, сколько поцѣлуевъ мы дали другъ другу.» [1])

Любопытенъ былъ тотъ моментъ исторіи римскаго общества, когда происходили эти изящныя собранія, въ которыхъ говорилось обо всемъ, гдѣ смѣшивались между собою люди различныхъ классовъ, гдѣ писатели помѣщались рядомъ съ политиками, и гдѣ присутствующіе позволяли себѣ открыто любить искусства и считать умъ великой силою. Выражаясь вполнѣ по современному, можно сказать, что въ это время начиналась жизнь свѣта. У древнихъ Римлянъ не было ничего подобнаго. Они жили либо на форумѣ, либо внутри своихъ домовъ. Они мало были знакомы съ этимъ посредникомъ между толпою и семьею, который зовется свѣтомъ, то-есть, съ этими деликатными и избранными сборищами, многочисленными, но не смутными, гдѣ чувствуешь себя свободнѣе, чѣмъ среди незнакомцевъ на публичной площади, и нѣсколько болѣе стѣсненнымъ, чѣмъ въ своемъ семействѣ. Чтобы дойти до этого, надо было Риму напередъ цивилизоваться, и литературѣ занять въ немъ подобающее мѣсто; а это совершилось только въ послѣдній вѣкъ республики. Но и тутъ не надо ничего преувеличивать. Этотъ возникающій въ то время свѣтъ является подъ-часъ вѣдь очень грубымъ. Катуллъ сообщаетъ намъ, что на этихъ пріятныхъ обѣдахъ, гдѣ читались такіе прекрасные стихи, нѣкоторые гости крали иногда салфетки. [2]) Да и рѣчи за столомъ бывали порою слишкомъ смѣлы, судя по нѣкоторымъ эпиграммамъ самого великаго поэта. Клодія, собиравшая у себя умныхъ людей, позволяла себѣ иногда странныя выходки. Она не довольствовалась изящными увеселеньями, которыхъ ищетъ обыкновенно свѣтская женщина, и впадала иногда въ крайности, заставлявшія краснѣть ея старыхъ друзей. А сами они, эти герои моды, расхваливаемые повсюду за свой хорошій вкусъ, говорящіе съ та-

[1]) Cat. Carm., 5.

[2]) Cat. Carm., 12.

кой пріятностью и сочиняющіе такіе нѣжные стихи, ведутъ себя нисколько не лучше ея и развѣ немногимъ лишь деликатнѣе. Имъ приходилось дѣлать себѣ много упрековъ во время своей связи съ Клодіей; когда же эта связь кончилась, они впали въ непростительную ошибку, ни мало не уваживъ прошлаго и не оказавши той деликатности, какою человѣкъ всегда обязанъ относительно женщины, которую онъ нѣкогда любилъ. Катуллъ растерзалъ въ самыхъ грубыхъ эпиграммахъ ту самую, которая внушила ему прежде его лучшіе стихи. Целій, намекая на сумму, платимую обыкновенно самымъ низкимъ куртизанкамъ, назвалъ ее при всѣхъ на форумѣ женщиною въ четверть аса (**quadrantaria**), и это жестокое прозвище сохранилось за нею навсегда. Какъ видите, этому обществу предстояло еще много улучшеній; но оно совершитъ ихъ быстро, благодаря долженствующей вскорѣ начаться монархіи. Съ Августомъ все измѣняется. При новой формѣ правленія, эти остатки грубости, напоминавшіе собою старую республику, исчезаютъ; всѣ до такой степени исправляются и становятся такъ требовательны, что наиболѣе деликатные смѣются уже надъ Кальвомъ и Катулломъ и называютъ Плавта варваромъ. Люди полируются, утончаются и въ то же время вялѣютъ. Въ любовной литературѣ распространяется какой-то придворный духъ, и перемѣна эта происходитъ такъ быстро, что нужно не болѣе четверти вѣка для того, чтобы упасть отъ Катулла до Овидія.

Любовь Клодіи и Катулла окончилась очень печально. Клодія не думала хранить вѣрность и вполнѣ оправдывала своего возлюбленнаго, когда тотъ писалъ ей: «Обѣты женщины надо довѣрять вѣтру или записывать на текучей водѣ» [1]). Катуллъ, зная, что его обманываютъ, сердился самъ на себя за то, что это терпитъ. Онъ читалъ себѣ наставленія, бранилъ себя, и—не исправлялся. Какъ онъ ни силился придать себѣ мужества, любовь все-таки брала верхъ. Послѣ горестной борьбы, раздиравшей его сердце, онъ возвращался покорный и грустный къ ногамъ той, которую не могъ подъ-часъ не презирать, но которую все еще любилъ. «Я люблю и ненавижу, говорилъ онъ; вы спросите, какъ можетъ это быть: я и самъ не знаю; но я хорошо чувствую, что оно такъ есть, и душа моя испытываетъ отъ того

at. Carm., 70.

муки» [1]). Столько страданій и покорности нимало не трогали Клодію. Она все глубже утопала въ темныя любовныя связи, и бѣдный поэтъ, утратившій всякую надежду, долженъ былъ наконецъ удалиться отъ нея навсегда. Разрывъ Клодіи съ Целіемъ былъ гораздо трагичнѣе. Развязкою ихъ любви былъ уголовный процессъ. На этотъ разъ первымъ соскучился Целій. Клодія, привыкшая, какъ мы видѣли, начинать разрывъ сама, не ожидала подобной развязки. Оскорбленная тѣмъ, что ее покинули, она договорилась съ врагами Целія, которыхъ было не мало, и стала обвинять его въ разныхъ преступленіяхъ, главнымъ же образомъ въ томъ, будто онъ хотѣлъ отравить ее. Таково было печальное послѣдствіе прелестныхъ праздниковъ въ Байяхъ! Процессъ вышелъ, вѣроятно, очень занимателенъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ этотъ день на форумѣ не было недостатка въ любопытныхъ. Целій появился тутъ въ сопровожденіи лицъ, бывшихъ его покровителями, друзьями и наставниками,—богача Красса и Цицерона. Они раздѣлили между собою защиту, и Цицеронъ взялъ на себя спеціально то, что касалось Клодіи. Хотя въ началѣ своей рѣчи онъ заявляетъ, «что онъ отнюдь не врагъ женщинъ, особенно-же такой женщины, которая была подругой всѣхъ мущинъ», однакожъ онъ, разумѣется, не упустилъ такого удобнаго случая, чтобы отмстить этому семейству за все сдѣланное ему зло. Въ этотъ день Клодія поплатилась за всѣхъ своихъ. Съ своей стороны и Цицеронъ никогда не былъ такъ остроуменъ и живъ; судьи, вѣроятно, много посмѣялись, а Целій былъ оправданъ.

Въ своей рѣчи Цицеронъ далъ торжественный обѣтъ за своего кліэнта, что тотъ измѣнитъ свое поведеніе. И дѣйствительно, ужъ ему давно пора было исправиться, молодость его длилась слишкомъ долго. Въ это время ему было двадцать восемь лѣтъ, и онъ долженъ былъ подумать объ эдильствѣ или трибунствѣ, если только хотѣлъ играть политическую роль, которой такъ желалъ для него отецъ. Неизвѣстно, строго-ли онъ выполнилъ впослѣдствіи всѣ обѣщанія, данныя за него Цицерономъ; быть можетъ, онъ избѣгалъ съ этихъ поръ вмѣшиваться въ слишкомъ крупные скандалы, а неудачная любовь къ Клодіи исцѣлила его отъ шумныхъ похожденій; но чтобы онъ сдѣлался человѣкомъ строгихъ нравовъ и когда-нибудь жилъ на подобіе древнимъ Римлянамъ, этому очень трудно

[1]) Cat. Carm., 85.

повѣрить. Мы видимъ, что нѣсколько лѣтъ спустя, когда онъ былъ уже эдиломъ и участвовалъ въ самыхъ серьёзныхъ дѣлахъ, онъ находилъ время узнавать и разсказывать всѣ любовныя исторіи, происходившія въ Римѣ. Вотъ, что писалъ онъ Цицерону, бывшему въ то время проконсуломъ въ Киликіи:

«Новаго ничего нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ приключеній, которыя ты, вѣроятно, будешь радъ узнать. Паула Валерія, сестра Тріарія, безо всякой причины развелась съ своимъ мужемъ въ тотъ самый день, когда тотъ долженъ былъ пріѣхать изъ своей провинціи; она выходитъ замужъ за Децима Брута. Подозрѣвалъ-ли ты когда-нибудь, что это такъ будетъ? Со времени твоего отъѣзда случилось у насъ бездна невѣроятныхъ подобнаго рода вещей. Сервій Оцелла не могъ-бы никого увѣрить въ томъ, что онъ пользуется успѣхомъ между женщинами, если-бы въ теченіе трехъ дней его не ловили два раза на дѣлѣ. Ты спросишь, гдѣ? Тамъ, гдѣ-бы я этого, признаться сказать, не желалъ; [1]) предоставляю тебѣ узнать кой-что и отъ другихъ. Мнѣ нравится, что побѣдоносный проконсулъ пойдетъ разспрашивать у всѣхъ, съ какой женщиной застали такого-то мущину» [2]).

Очевидно, что тотъ, кто написалъ это милое письмо, никогда такъ основательно не исправлялся, какъ увѣряетъ въ этомъ Цицеронъ, и мнѣ кажется, что въ этомъ остроумномъ человѣкѣ, такъ пріятно разсказывающемъ легкія похожденія, виденъ тотъ самый молодой вѣтренникъ, что шумѣлъ по ночамъ на улицахъ Рима, и былъ нѣкогда любовникомъ Клодіи. Итакъ, хотя съ этихъ поръ его частная жизнь ускользаетъ отъ насъ, можно утверждать довольно смѣло, что онъ никогда не отказывался вполнѣ отъ развлеченій юности и, будучи уже должностнымъ лицомъ и политикомъ, до конца жизни продолжалъ перемѣшивать удовольствія съ дѣлами.

---

¹) Вѣроятно, съ какой нибудь женщиной, любимой Целіемъ. Цицеронъ отвѣчая на это письмо, говоритъ ему, что слухъ объ его подвигахъ достигъ до Таврскихъ горъ. Многіе думаютъ, что рѣчь идетъ здѣсь о любовныхъ подвигахъ.

²) Ad fam., VIII, 7.

II.

Но Целій не былъ только героемъ любовныхъ приключеній, онъ не довольствовался одной суетной славою быть образцомъ изящныхъ манеръ для римской молодежи. У него были и болѣе серьёзныя качества. Благодаря Цицерону, онъ сдѣлался вскорѣ великимъ ораторомъ. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ онъ ускользнулъ изъ подъ его честной опеки, онъ блестящимъ образомъ дебютировалъ въ одномъ дѣлѣ, гдѣ ему пришлось бороться съ самимъ Цицерономъ, и на этотъ разъ ученикъ побѣдилъ учителя. Послѣ этого успѣха слава его постоянно возростала. На форумѣ были другіе ораторы, еще болѣе восхищавшіе людей со вкусомъ, которые признавали за ними болѣе совершенный талантъ; но никого такъ не боялись, какъ его, за бойкость его нападокъ и язвительную горечь насмѣшекъ. Онъ искусно умѣлъ схватывать потѣшную сторону своихъ противниковъ и сочинять на ихъ счетъ въ нѣсколькихъ словахъ жестокіе ироническіе разсказы, которыхъ нельзя было позабыть. До насъ дошелъ одинъ изъ нихъ, приводимый Квинтиліаномъ, какъ образецъ такого рода, и хорошо знакомящій насъ съ талантомъ этого страшнаго насмѣшника. Дѣло идетъ здѣсь о томъ самомъ Антоніи, который былъ товарищемъ Цицерона во время его консульства и который, вопреки похваламъ, расточаемымъ ему въ Катилинаріяхъ, былъ не болѣе, какъ посредственный интриганъ и грубый развратникъ. Ограбивъ, по тогдашнему обычаю, управляемую имъ Македонію, онъ напалъ на нѣсколько сосѣднихъ народцевъ, чтобы заслужить титулъ тріумфатора. Онъ разсчитывалъ на легкій успѣхъ, но такъ какъ онъ занимался больше своими удовольствіями, нежели войною, то и былъ постыдно разбитъ. Целій, напавшій на него по его возвращеніи, разсказываетъ или, лучше сказать, придумываетъ въ своей защитительной рѣчи, одну оргію, во время которой мертвецки-пьяный полководецъ былъ врасплохъ застигнутъ врагомъ.

«Обыкновенные его офицеры, женщины, наполняли пиршественную залу, распростертыя на ложахъ или валяясь тамъ и сямъ на полу. Узнавши о прибытіи врага, онѣ, полумертвыя отъ страха, стараются разбудить Антонія; онѣ громко зовутъ его по имени, поднимаютъ его за шею. Однѣ шепчутъ ему на ухо ласковыя словца, другія обходятся съ нимъ грубѣе и даже бьютъ его; онъ-же, узна-

вая ихъ голоса и прикосновенія, по привычкѣ протягиваетъ руки, схватываетъ и хочетъ обнять первую попавшуюся. Онъ не можетъ ни спать, потому-что слишкомъ громко кричатъ, чтобъ разбудить его, ни проснуться, потому-что онъ черезъ чуръ пьянъ. Наконецъ, видя, что онъ не въ состояніи стряхнуть съ себя этихъ просонковъ, его уносятъ на рукахъ его центуріоны и любовницы» [1]).

Обладая такимъ ѣдкимъ и колкимъ краснорѣчіемъ, очень естественно имѣть задорный характеръ; потому Целію ничто такъ не было по душѣ, какъ личная борьба. Онъ любилъ споры и искалъ ихъ, зная навѣрное, что останется въ нихъ побѣдителемъ и что никто не сумѣетъ устоять противъ его жестокихъ нападокъ. Онъ желалъ, чтобы ему противорѣчили, такъ какъ противорѣчіе оживляло его и придавало ему силы. Сенека разсказываетъ, что разъ одинъ изъ его кліэнтовъ, человѣкъ миролюбиваго нрава и уже потерпѣвшій, вѣроятно, отъ его рѣзкостей, сидя съ нимъ за обѣдомъ довольствовался тѣмъ, что дѣлалъ ему легкія возраженія; Целій разсердился за то, что не за что на него сердиться. «Осмѣлься-же наконецъ противорѣчить мнѣ, сказалъ онъ ему съ гнѣвомъ, для того чтобы насъ было двое здѣсь, а не одинъ я.» [2]). Талантъ Целія, такой, какимъ я его сейчасъ описалъ, отлично подходилъ къ тому времени, когда онъ жилъ, чѣмъ окончательно объясняется та извѣстность, которою онъ пользовался, и важное значеніе, пріобрѣтенное имъ у современниковъ. Этотъ рьяный спорщикъ, этотъ безпощадный насмѣшникъ, этотъ жестокій обвинитель, былъ-бы не совсѣмъ у мѣста въ болѣе правильныя времена; но среди революціи онъ становился драгоцѣннымъ помощникомъ, котораго всѣ партіи оспоривали одна у другой. Кромѣ того Целій былъ на столько-же государственный человѣкъ, насколько и ораторъ. Этой похвалы его удостоиваетъ всего чаще Цицеронъ. «Я не знаю ни одного человѣка, говоритъ онъ, который былъ-бы лучшимъ политикомъ, нежели ты» [3]). Онъ отлично зналъ людей и имѣлъ ясный взглядъ на всякія положенія; онъ быстро рѣшался, — качество, которое Цицеронъ очень цѣнилъ въ другихъ, такъ какъ самъ всего больше въ немъ нуждался; рѣшась на что-нибудь, онъ принимался за дѣло съ той силой и

[1]) Квинт., Inst., or. IV, 2.
[2]) De ira, III, 8.
[3]) Ad fam., II 8.

пылкостью, которыми пріобрѣлъ себѣ любовь толпы. Въ такую эпоху, когда власть доставалась тому, кто дерзалъ захватывать ее, смѣлость Целія обѣщала ему, повидимому, блестящую политическую будущность.

Но въ то же время у него были большіе недостатки, происходившіе порой именно вслѣдствіе его достоинствъ. Онъ хорошо зналъ людей, что составляетъ, конечно, важное преимущество; но, изучая ихъ, онъ обращалъ главнымъ образомъ вниманіе на ихъ дурныя стороны. Поворачивая ихъ со всѣхъ сторонъ, онъ наконецъ, благодаря своей страшной проницательности, обнаруживалъ какую-нибудь ихъ слабость. И такъ строгъ онъ былъ не къ однимъ только своимъ противникамъ. Самые лучшіе друзья не избѣгали его слишкомъ ясно видящаго анализа. Изъ его переписки съ друзьями видно, что онъ хорошо зналъ ихъ недостатки, и онъ не стѣснялся высказывать это напрямикъ. Долабелла, его товарищъ по удовольствіямъ, былъ посредственный говорунъ, «не умѣвшій сохранять секретовъ даже въ такихъ случаяхъ, когда его нескромность могла-бы погубить его.» [1]) Куріонъ, его всегдашній сообщникъ въ политическихъ интригахъ, «пустѣйшій таранта, мѣняющійся при малѣйшемъ вѣтрѣ и неумѣющій сдѣлать ничего разумнаго;» [2]) между тѣмъ Куріонъ и Долабелла въ то самое время, когда онъ относился къ нимъ такимъ образомъ, имѣли на него на столько вліянія, чтобы увлечь его въ партію Цезаря. Онъ не лучше выражается и о самомъ Цезарѣ, хотя и намѣренъ перейти на его сторону. Этотъ сынъ Венеры, какъ онъ его называетъ, кажется ему не болѣе, «какъ эгоистомъ, посмѣвающимся надъ интересами республики и заботящимся только о своихъ собственныхъ [3]);» при этомъ онъ нисколько не затрудняется признать, что въ его лагерѣ, куда онъ между прочимъ ѣдетъ самъ, «находятся одни только безчестные люди, которые либо боятся за свое прошлое, либо питаютъ преступныя надежды на будущее.» [4]) Очень естественно, что при такомъ настроеніи ума и такой рѣшительной склонности всѣхъ строго осуждать, Целій никому не довѣрялъ вполнѣ, и никто не отваживался вполнѣ на него разсчитывать. Для того, чтобы быть полезнымъ

[1]) Ad fam., VIII, 6.
[2]) Ad fam., VIII, 4.
[3]) Ad fam., VIII, 5. Смыслъ этой фразы измѣненъ у Орелли
[4]) Ad fam., VIII, 14.

дѣлу, надо отдаться ему совершенно. А возможно-ли это для человѣка, если онъ не ослѣпляетъ себя немного на счетъ его и не слишкомъ ясно высматриваетъ его дурныя стороны? Эти смѣлые и проницательные люди, исключительно думающіе о томъ, чтобы не быть обманутыми, и всегда ясно видящіе недостатки ближнихъ, никогда не бываютъ пламенными друзьями и полезными союзниками. Не внушая къ себѣ довѣренности той партіи, которой они хотятъ служить—не внушая именно потому, что служатъ ей слишкомъ осторожно, они не на столько способны къ энтузіазму, чтобы составить партію самимъ и не имѣютъ той степени страсти, которая побуждаетъ предпринимать что нибудь великое. Вотъ почему не будучи въ состояніи сдѣлаться ни вождями, ни простыми воинами, и не умѣя ни привязаться къ другимъ, ни привязать ихъ къ себѣ они подъконецъ остаются одни одинёшеньки.

Прибавимъ къ этому, что Целій, не обольщавшійся на счетъ людей, не предпочиталъ кажется и никакихъ мнѣній. Онъ никогда не заботился о томъ, чтобы прослыть за человѣка съ принципами или держаться порядка и послѣдовательности въ своей политической жизни. Въ ней, какъ и въ частномъ своемъ быту, онъ пробавлялся изворотами. Случай, интересъ, дружба, составляли ему случайное убѣжденіе, которому онъ вовсе и не думалъ долго оставаться вѣрнымъ. Онъ перешелъ отъ Цицерона къ Катилинѣ, когда Катилина показался ему сильнѣе; онъ вернулся къ Цицерону, когда тотъ остался побѣдителемъ. Онъ былъ другомъ Клодія до тѣхъ поръ, пока былъ любовникомъ Клодіи; онъ покинулъ брата въ то самое время, какъ бросилъ сестру, и круто повернулъ къ партіи Милона. Нѣсколько разъ безъ совѣсти и безъ малѣйшаго затрудненія переходилъ отъ сената къ народу и отъ народа къ сенату. Въ сущности онъ мало заботился о дѣлѣ, которому служилъ, и ему не стоило большихъ усилій бросать его. Въ тотъ моментъ, когда онъ, повидимому, всего больше старался для него, онъ говорилъ о немъ такимъ тономъ, что можно было подумать, будто это совершенно постороннее для него дѣло. Даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ, когда рѣчь шла объ участи республики, онъ какъ-будто и не предполагаетъ чтобы это касалось его, какъ будто вовсе не интересуется ея спасеніемъ или гибелью. «Это дѣло ваше, богатыхъ стариковъ,» говоритъ онъ. [1]) А ему какой тутъ интересъ? Такъ какъ

[1]) Ad fam., VIII, 13.

онъ постоянно раззоренъ, то ему и терять нечего. Вслѣдствіе того онъ равнодушенъ ко всякой формѣ правленія, и только изъ любопытства принимаетъ участіе въ происходящихъ борьбахъ, хотя играетъ въ нихъ очень дѣятельную роль. Если онъ такъ страстно бросается въ волненія общественной жизни, то это потому, что здѣсь можно ближе видѣть событія и людей, остроумно разсуждать о нихъ и находить множество занимательныхъ зрѣлищъ. Съ замѣчательной прозорливостью предрекая Цицерону близкія междоусобія и соединенныя съ ними несчастья, онъ прибавляетъ: «Не подвергайся при этомъ нѣкоторымъ опасностямъ ты самъ, я сказалъ-бы, что судьба готовитъ тебѣ великое и любопытное зрѣлище.» [1]) Жестокое слово, за которое Целій страшно поплатился впослѣдствіи, такъ какъ нельзя безопасно играть въ кровавыя этѣ игры, и часто, думая быть только зрителемъ, становишься жертвой ихъ.

Когда междоусобіе, предсказанное имъ такимъ образомъ Цицерону, готовилось уже вспыхнуть, Целій былъ только-что назначенъ эдиломъ и всего больше заботился въ это время о томъ, чтобы добыть изъ Киликіи пантеръ для игръ, которыя онъ намѣревался дать народу. Въ этотъ моментъ, перебывавши понемногу во всѣхъ партіяхъ, онъ, повидимому, принялъ сторону сената, т. е. говоря о сенаторахъ, величалъ ихъ «наши друзья» и старался почаще называть ихъ «добрыми гражданами;» это не мѣшало ему, конечно, по обыкновенію, видѣть всѣ ошибки добрыхъ гражданъ и горько насмѣхаться надъ своими друзьями, какъ только представлялся для этого случай. Цицеронъ находилъ его холоднымъ и нерѣшительнымъ; ему хотѣлось большаго участія отъ него въ дѣлѣ. Въ минуту своего отъѣзда въ Киликію, онъ не переставалъ расхваливать ему высокія качества Помпея. «Повѣрь мнѣ, говорилъ онъ ему, отдайся этому великому человѣку, онъ охотно приметъ тебя.» [2]) Но Целій очень остерегался это дѣлать. Онъ зналъ Помпея и не разъ остроумно его описывалъ; онъ имъ вовсе не восхищался и не любилъ его. Понятно, что если онъ держался отъ него въ сторонѣ во времена его наибольшаго могущества, то тѣмъ менѣе бросился бы въ его объятія теперь, когда этому могуществу грозила опасность. По мѣрѣ того, какъ предвидѣнный имъ

[1]) Ad fam., VIII, 14.
[2]) Ad fam., II, 8.

кризисъ приближался, онъ все заботливѣе старался быть на сторожѣ и поджидалъ событія.

Надо впрочемъ сказать, что въ этотъ моментъ колебались и самые честные люди. Подобная нерѣшительность, кажется, никого въ то время особенно не удивлявшая, была строго осуждена въ наши дни. Между тѣмъ она очень понятна. Вопросы не представляются глазамъ современниковъ съ такою ясностью, какъ глазамъ потомства. Когда обозрѣваешь ихъ издали умомъ, свободнымъ отъ заботъ, когда при этомъ вмѣстѣ съ началами видишь и послѣдствія, такъ что по причинамъ можешь судить о результатахъ, тогда нѣтъ ничего легче, какъ принять окончательное рѣшеніе; иное дѣло, когда живешь среди совершающихся событій и стоишь къ нимъ дотого близко, что не можешь видѣть ихъ сполна, когда умъ предубѣжденъ заранѣе вслѣдствіе прежнихъ обязательствъ или же личныхъ предпочтеній, и когда отъ принятаго рѣшенія зависятъ благополучіе и достатокъ человѣка. Тогда уже невозможенъ такой твердый взглядъ. Замѣшательство увеличивалось еще въ то время анархіей, въ которой находились старыя партіи римской республики. Правду сказать, въ это время были уже не партіи, а скорѣе заговоры. Въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ боролись уже не за общіе вопросы, а только изъ-за интереса лицъ. Такъ какъ мнѣнія не были подчинены по-прежнему строгому порядку, то робкіе умы, чувствовавшіе потребность привязаться къ древнимъ преданіямъ, чтобы руководствоваться хоть ими, бродили на удачу и часто мѣняли взгляды. Подобныя перемѣны, случавшіяся даже съ почтенными и уважаемыми лицами, смущали не слишкомъ твердые умы и затемняли собою право. Цезарь, знавшій эту нерѣшительность, и надѣявшійся воспользоваться ею, дѣлалъ все возможное, чтобы увеличить число ея причинъ. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ готовился нарушить конституцію своей страны, онъ чрезвычайно ловко показывалъ видъ, будто уважаетъ ее больше всякаго другого. Одинъ компетентный судья въ этомъ дѣлѣ, отлично знакомый съ римскими законами, послѣ зрѣлаго обсужденія объявилъ, что законность была на сторонѣ Цезаря, и что жалобы его на порухи права имѣли полное основаніе. [1]) Въ то время онъ очень остерегался обнаруживать всѣ свои намѣренія и говорить такъ откровенно, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, сдѣлавшись властелиномъ. То онъ представлялся преемникомъ Гракховъ и защитникомъ народныхъ правъ; то, ради всеобщаго успокоенія, начиналъ говорить, будто республика не замѣшана въ этомъ дѣлѣ, и сводилъ весь споръ къ борьбѣ за вліяніе между двумя могущественными соискателями. Набирая легіоны въ городахъ верхней Италіи, онъ только и толковалъ, что о своемъ желаніи сохранить общественное спокойствіе; по мѣрѣ того какъ противники его становились бурнѣе, онъ дѣлался умѣреннѣе, и онъ никогда не предлагалъ такихъ удобопріемлемыхъ условій, какъ съ тѣхъ поръ, когда вполнѣ убѣдился, что сенатъ не станетъ слушать ихъ. Напротивъ, съ другой стороны, въ томъ лагерѣ, гдѣ должны были находиться умѣренные и благоразумные, только и замѣчались, что запальчивость и неловкость. Тамъ считали общественнымъ врагомъ всякаго, кто обнаруживалъ хоть малѣйшее отвращеніе къ междоусобію; здѣсь только и говорили, что о ссылкахъ и конфискаціяхъ, и примѣръ Силлы былъ у всѣхъ на языкѣ. Такимъ образомъ, по какому-то странному противорѣчію случилось такъ, что именно въ томъ лагерѣ, гдѣ толковали о защитѣ свободы,—требовали всего настоятельнѣе исключительныхъ мѣръ, и между тѣмъ, какъ человѣкъ, всего ожидавшій отъ войны и имѣвшій на готовѣ войско, предлагалъ миръ,—тѣ, у кого не было ни одного вооруженнаго солдата, поспѣшили отказать въ немъ. Такимъ образомъ роли съ обѣихъ сторонъ измѣнились, и каждый говорилъ и дѣйствовалъ, повидимому, несогласно съ своими интересами и принципами. Удивительно-ли, что среди подобнаго мрака и при столькихъ причинахъ къ колебаніямъ, честные люди, подобные Сульпицію и Цицерону, преданные своей странѣ, но болѣе способные служить ей въ мирныя времена, чѣмъ во время бурныхъ переломовъ, не приняли сразу окончательнаго рѣшенія?

Целій также колебался, но по причинамъ, не вполнѣ одинаковымъ съ тѣми, по которымъ колебались Цицеронъ и Сульпицій. Между тѣмъ, какъ тѣ со страхомъ спрашивали себя, гдѣ право, Целій искалъ только, гдѣ сила. Онъ самъ сознавался въ этомъ съ странной откровенностью. «Во время внутреннихъ раздоровъ, писалъ онъ Цицерону, до тѣхъ поръ, пока люди борются законными средствами, не прибѣгая къ оружію, надо примыкать къ самой честной партіи; но когда дѣло доходитъ до войны, тогда надо становиться на сто-

---

[1]) См. превосходный мемуаръ г. Т. Моммсена подъ заглавіемъ: Die Rechtsfrage zwischen Caesar und dem Senat. Бреславль, 1857.

рону тѣхъ, кто сильнѣе, и считать за лучшую партію ту, которая надежнѣе» [1]). Съ той минуты, какъ онъ довольствовался сравненіемъ силъ двоихъ противниковъ, выборъ для него становился легче; для того чтобы рѣшиться, стоило только открыть глаза. Съ одной стороны представлялись одиннадцать легіоновъ, поддерживаемыхъ испытанными вспомогательными войсками, и состоящіе подъ командою величайшаго военачальника въ республикѣ; они были расположены эшелонами на границахъ и готовы были при первомъ знакѣ начать военныя дѣйствія [2]); съ другой стороны было ничтожное число и даже полный недостатокъ опытнаго войска, за то множество молодыхъ людей знатныхъ фамилій, не умѣвшихъ ни начальствовать, ни повиноваться, и много великихъ именъ, приносящихъ партіи больше почета, нежели пользы; съ одной стороны вполнѣ военный порядокъ и лагерная дисциплина, съ другой же — ссоры, споры, злоба, соперничество за вліяніе, различіе въ мнѣніяхъ, словомъ, всѣ привычки и неудобства общественной площади, перенесенныя въ лагерь. Таковы бываютъ всегдашнія затрудненія партіи, претендующей защищать свободу, потому что трудно заставить молчать людей, бьющихся за сохраненіе права говорить, и всякая власть вскорѣ становится подозрительною, если люди берутся за оружіе, чтобы сопротивляться злоупотребленіямъ власти. Но главною причиной разницы между двумя партіями былъ характеръ ихъ вождей. Цезарь казался всѣмъ, даже величайшимъ своимъ врагамъ, какимъ-то чудомъ дѣятельности и предусмотрительности. Что касается Помпея, всѣ видѣли, что онъ даетъ только промахи, ошибки, и поведеніе его было также невозможно объяснить тогда, какъ и теперь. Война не удивила его; онъ говорилъ Цицерону, что предвидѣлъ ее давно [3]). Мало того, что онъ предвидѣлъ, но онъ кажется, желалъ ея; вѣдь предложенія Цезаря были отвергнуты по его совѣту, а большинство сената ничего не дѣлало, не спросивши сначала его мнѣнія. Итакъ, онъ еще издали завидѣлъ приближеніе кризиса и,

---

[1]) **Ad fam., VIII, 14.**

[2]) **Изъ окончанія восьмой книги De bello gallico мы видимъ, что Цезарь имѣлъ восемь легіоновъ въ Галліи, одинъ въ Галліи Цизальпинской и два, которые онъ далъ Помпею. При первомъ случаѣ, грозившемъ войною, онъ приказалъ легіонамъ, находившимся въ Галліи, приблизиться къ границамъ. Послѣ взятія Корфиніума онъ имѣлъ при себѣ три изъ своихъ прежнихъ легіоновъ.**

[3]) **Ad Att., VII, 4.**

впродолженіе долгой дипломатической войны, предшествовавшей настоящимъ враждебнымъ дѣйствіямъ, имѣлъ достаточно времени для приготовленья. Вотъ, почему всѣ были увѣрены, что онъ готовъ, хотя въ сущности этого вовсе не было. Когда онъ съ своимъ обыкновеннымъ хвастовствомъ говорилъ, что стоитъ ему лишь топнуть ногою, и легіоны появятся изъ-подъ земли, всѣ думали, что онъ говорилъ о тайныхъ наборахъ, о неизвѣстныхъ никому союзахъ, которые должны были въ послѣднюю минуту доставить ему войска. Увѣренность его придавала мужество самымъ боязливымъ. Дѣйствительно, трудно себѣ представить такое странное самоувѣренное спокойствіе среди столь дѣйствительной опасности въ человѣкѣ, завоевывавшемъ царства и ведшемъ громадныя дѣла.

Откуда могла взяться у Помпея такая увѣренность? Или онъ не имѣлъ точныхъ данныхъ о силахъ своего соперника? Дѣйствительно ли онъ думалъ, какъ говорилъ, что войска его недовольны, генералы его невѣрны, и что никто не послѣдуетъ за нимъ на войну, которою онъ хочетъ идти противъ своего родного края? или онъ разсчитывалъ на счастіе своихъ первыхъ годовъ, на обаяніе своего имени, на счастливую случайность, давшую ему столько побѣдъ? Достовѣрно то, что въ тотъ моментъ, когда ветераны Алезіи и Герговіи собирались въ Равеннѣ и приближались къ Рубикону, неосторожный Помпей выказывалъ величайшее презрѣніе къ военачальнику и его войскамъ, **vehementer contemnebat hunc hominem** [1])! Но такая хвастливость была непродолжительна; она исчезла мгновенно, какъ только сдѣлалось извѣстно, что Цезарь рѣшительно идетъ на Римъ, и тотъ самый человѣкъ, котораго Цицеронъ показывалъ намъ сейчасъ презирающимъ своего соперника и предвѣщающимъ его погибель, нѣсколько дней спустя, по описанію того-же Цицерона, бѣжалъ въ ужасѣ въ самую глубь Апуліи, не смѣя нигдѣ ни останавливаться, ни утвердиться. У насъ есть письмо, написанное въ то время Помпеемъ консуламъ и Домицію, старавшемуся по крайней мѣрѣ оказать сопротивленіе въ Корфиніумѣ: «Знайте, говоритъ онъ, что я нахожусь въ великомъ безпокойствѣ (**scitote me esse in summa sollicitudine**» [2]). Какая разница съ его недавними дерзкими словами! Вотъ ужь под-

---

[1]) **Ad Att., VII, 8.**

[2]) **Ad Att., VIII, 12.**

линно слогъ человѣка, который, пробудившись внезапно отъ преувеличенныхъ надеждъ, рѣзко переходитъ изъ одной крайности въ другую. Онъ ничего не приготовилъ, потому что былъ слишкомъ увѣренъ за успѣхъ; теперь онъ ничего не смѣетъ предпринять, потому что слишкомъ увѣренъ въ пораженіи. Онъ больше никому не вѣритъ и ни на каго не надѣется; всякое сопротивленіе кажется ему безполезнымъ; онъ не разсчитываетъ даже на пробужденіе патріотическаго духа, и ему не приходитъ въ голову обратиться съ серьёзнымъ воззваніемъ къ республиканской молодежи италійскихъ муниципій. При каждомъ шагѣ впередъ его врага, онъ отступаетъ все дальше и дальше. Самый Брундузіумъ съ своими крѣпкими стѣнами не внушаетъ ему больше увѣренности; онъ помышляетъ о томъ, чтобы покинуть Италію и думаетъ, что будетъ въ безопасности лишь тогда, когда между нимъ и Цезаремъ ляжетъ раздѣляющее ихъ море.

Целій не ждалъ такъ долго чтобъ высказаться. Еще прежде, чѣмъ началась борьба, онъ легко могъ сообразить, на чьей сторонѣ сила, и за кѣмъ останется побѣда. Онъ смѣло повернулся тогда въ сторону врага и сталъ въ первый рядъ друзей Цезаря. Онъ высказался вполнѣ, поддерживая съ своей обычной энергіей предложеніе Калидія, требовавшаго, чтобы Помпей былъ отосланъ въ свою испанскую провинцію. Когда надежда на миролюбивое рѣшеніе дѣла совершенно исчезла, онъ покинулъ Римъ съ своими друзьями, Куріономъ и Долабеллою, и отправился къ Цезарю въ Равенну. Онъ слѣдовалъ за нимъ во время его торжественнаго шествія черезъ Италію; онъ видѣлъ, какъ Цезарь простилъ Домиція сдавшагося въ Корфиніумѣ, какъ онъ преслѣдовалъ Помпея и тѣсно заперъ его въ Брундузіумѣ. Въ одинъ изъ моментовъ упоенія этими быстрыми успѣхами, онъ писалъ Цицерону: «Видалъ-ли ты когда-нибудь человѣка, глупѣе твоего Помпея, который ввергаетъ насъ въ страшныя безпокойства, а затѣмъ ведетъ себя такимъ жалкимъ образомъ? За то читалъ-ли ты или слыхалъ-ли что-либо такое, что превосходило-бы пылкость Цезаря въ дѣйствіи или его умѣренность въ побѣдѣ? Что ты думаешь о нашихъ солдатахъ, которые въ самое суровое время зимы, несмотря на затрудненія, представляемыя дикою, замерзшею страною, окончили войну, въ видѣ простой прогулки» [1]).

[1]) Ad fam., VIII, 15

Разъ впутавшись въ дѣло, Целій только о томъ и думалъ, какъ-бы увлечь за собою Цицерона. Онъ зналъ, что не можетъ сдѣлать ничего пріятнѣе для Цезаря. Не смотря на одержанную имъ побѣду, Цезарь нисколько не обольщавшійся относительно тѣхъ, кто ему служитъ, хорошо понималъ, что ему недостаетъ нѣсколькихъ честныхъ людей, чтобы придать лучшій видъ своей партіи. Великаго имени Цицерона достаточно было для того, чтобы исправить дурное впечатлѣніе, производимое его окружающими. Къ несчастію, Цицеронъ съ большимъ трудомъ рѣшался на что-нибудь. Все время отъ перехода черезъ Рубиконъ до взятія Брундузіума онъ ежедневно мѣнялъ взгляды. Съ обѣихъ сторонъ одинаково желали привязать его къ себѣ, и оба вождя обращались къ нему съ просьбами, хотя и различнымъ образомъ. Вѣчно неловкій Помпей писалъ ему короткія, повелительныя письма: «Ступай, какъ можно скорѣе, по Аппіевой дорогѣ, приходи ко мнѣ въ Луцерію, въ Брундузій, ты будешь тамъ въ безопасности» [1]). Странный языкъ со стороны побѣжденнаго, старающагося говорить тономъ господина! Цезарь былъ гораздо искуснѣе его: «Пріѣзжай, писалъ онъ ему, помочь мнѣ своими совѣтами, своимъ именемъ, своею славою» [2]). Такое вниманіе, такая предупредительность со стороны побѣдоноснаго военачальника, смиренно просившаго тамъ, гдѣ онъ могъ приказывать, не могли не дѣйствовать на Цицерона. Въ то же время, чтобы еще вѣрнѣе склонить его на свою сторону, Цезарь просилъ писать ему самыхъ дорогихъ друзей, Оппія, Бальба, Требація, особенно Целія, такъ хорошо умѣвшаго убѣждать его. На него нападали вдругъ со всѣхъ сторонъ: раздували въ немъ старое неудовольствіе противъ Помпея, приводили его въ умиленіе описаніемъ несчастій, грозившихъ его семейству, воспламеняли его тщеславіе, указывая ему на честь примирить партіи и умиротворить республику.

Столько нападеній должны были наконецъ поколебать его слабую душу. Въ послѣднюю минуту онъ рѣшился, повидимому, остаться въ Италіи, въ какомъ нибудь уединенномъ загородномъ домѣ или въ какомъ-нибудь нейтральномъ городѣ, живя въ сторонѣ отъ дѣлъ, не примыкая ни къ чьей партіи, но проповѣдуя всѣмъ умѣренность и миръ. Онъ уже началъ писать прекрасное разсужденіе о согласіи

[1]) Ad Att., VIII, 11.
[2]) Ad Att., IX, 6.

между гражданами; онъ хотѣлъ докончить его тутъ на досугѣ, причемъ, имѣя хорошее мнѣніе о своемъ краснорѣчіи, надѣялся, что заставитъ этимъ сочиненіемъ самыхъ упрямыхъ выронить оружіе изъ рукъ. Конечно, это была химера; но не слѣдуетъ забывать, что Катонъ, котораго уже ни въ чемъ нельзя заподозрить, сожалѣлъ о томъ, что Цицеронъ слишкомъ скоро отказался отъ этого. Онъ осуждалъ его за пріѣздъ въ Фарсалу, гдѣ присутствіе его не принесло большой пользы сражающимся, между тѣмъ какъ, оставаясь нейтральнымъ, онъ могъ сохранить свое вліяніе на обоихъ соперниковъ и служить между ними посредникомъ. Но одинъ день разрушилъ всѣ эти прекрасныя намѣренія. Когда Помпей покинулъ Брундузіумъ, не считая себя тамъ въ безопасности, и пустился въ Грецію, Цезарь, разсчитывавшій на эту новость для удержки Цицерона, поспѣшилъ передать ее ему. Это самое и заставило его измѣнить взглядъ. Онъ не принадлежалъ къ числу такихъ людей, какъ Целій, повертывающихся вмѣстѣ съ счастіемъ и переходящихъ на сторону успѣха. Напротивъ, увидѣвъ Помпея въ несчастіи, онъ почувствовалъ стремленіе къ нему. «Я никогда не желалъ раздѣлять его благополучія, пишетъ онъ, но какъ бы хотѣлось мнѣ раздѣлить его напасть»![1]) Когда онъ узналъ, что республиканская армія ушла, а съ нею вмѣстѣ почти всѣ его прежніе политическіе друзья; когда онъ почувствовалъ, что на этой италійской землѣ не было больше ни судей, ни консуловъ, ни сената, его охватила глубокая горесть; ему казалось, что вокругъ него образовалась пустота, и что, по его выраженію, самое солнце исчезло изъ міра. Многіе поздравляли его тогда за его осторожность, но самъ онъ укорялъ себя въ ней, какъ въ преступленіи. Онъ горько жаловался на свою слабость, на свои лѣта, на свою любовь къ покою и миру. У него была только одна мысль — какъ можно скорѣе уѣхать. «Я не въ состояніи переносить своего горя, говорилъ онъ; мои книги, ученыя занятія, моя философія, ни къ чему мнѣ не служатъ. Я похожъ теперь на птицу, собирающуюся въ отлетъ, и все посматриваю въ ту сторону, гдѣ море»[2]).

Съ тѣхъ поръ рѣшеніе его было принято. Целій тщетно старался удержать его въ послѣднюю минуту трогательнымъ письмомъ, въ

[1]) Ad Att., IX, 12.
[2]) Ad Att., IX, 10.

которомъ онъ указывалъ ему на гибель его состоянія и на испорченную будущность его сына. Цицеронъ, хотя и глубоко тронутый, удовольствовался тѣмъ, что отвѣчалъ съ необычайной для него твердостью: «Я очень счастливъ, видя, какъ ты заботишься о моемъ сынѣ; но если республика устоитъ, онъ будетъ всегда довольно богатъ именемъ своего отца; если-же она должна погибнуть, то онъ подвергнется общей участи всѣхъ гражданъ»[1]). И вскорѣ потомъ онъ переѣхалъ море, чтобы отправиться въ станъ Помпея. Онъ дѣлалъ это не потому, чтобы разсчитывалъ на успѣхъ; присоединяясь къ партіи, всѣ слабости которой были ему извѣстны, онъ зналъ, что рискуетъ добровольно раздѣлить напасть. «Подобно Амфіараю, говоритъ онъ, я бросился живымъ въ пропасть»[2]). Онъ считалъ долгомъ принести эту жертву своему отечеству, и она была тѣмъ важнѣе, что онъ при этомъ ничѣмъ не обольщался и ни на что не надѣялся.

Между тѣмъ какъ Цицеронъ отправлялся такимъ образомъ къ Помпею, Целій сопровождалъ Цезаря въ Испанію. Всякія сношенія между ними становились съ этихъ поръ невозможными, вслѣдствіе чего и переписка ихъ, чрезвычайно дѣятельная до той минуты, здѣсь вдругъ прекращается. Осталось впрочемъ одно письмо, послѣднее изъ написанныхъ ими, составляющее странную противоположность съ предъидущими. Целій писалъ его Цицерону лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ упомянутыхъ сейчасъ событій, но уже при совершенно различныхъ обстоятельствахъ. Хотя оно дошло до насъ въ очень изувѣченномъ видѣ, и хотя смыслъ заключающихся въ немъ фразъ не легко было возстановить, очевидно, что оно написано въ порывѣ сильнаго раздраженія. Этотъ усердный сторонникъ Цезаря, старавшійся привлекать къ нему другихъ, внезапно сдѣлался жесточайшимъ его врагомъ; дѣло, еще недавно такъ горячо имъ защищаемое, онъ называетъ теперь не иначе, какъ отвратительнымъ, и находитъ, что лучше умереть, нежели продолжать его»[3]). Что-жь такое произошло въ этотъ промежутокъ времени? Какія причины привели Целія къ подобной перемѣнѣ, и чѣмъ это кончилось? Все это надо разсказать, такъ какъ этотъ разсказъ

[1]) Ad fam., II 16.
[2]) Ad fam., VI, 6.
[3]) Ad fam., VIII, 17.

пролетъ хоть сколько-нибудь свѣта на политику диктатора, а главное, хорошо ознакомитъ насъ съ окружавшими его.

III.

Въ своемъ разсужденіи О дружбѣ Цицеронъ утверждаетъ, что у тирана не можетъ быть друзей [1]). Говоря это, онъ имѣлъ въ виду Цезаря, и взятый имъ примѣръ какъ бы дѣйствительно подтверждаетъ слова его. У господина нѣтъ недостатка въ прихвостняхъ, и Цезарь, хорошо имъ платившій, имѣлъ ихъ болѣе, нежели кто-либо; но намъ рѣшительно неизвѣстно, чтобы у него были искренніе и преданные друзья. Быть можетъ, они были между его мало извѣстными слугами, о которыхъ не сохранилось памяти въ исторіи [2]), но изъ тѣхъ, кому онъ далъ первыя мѣста и кого призвалъ раздѣлить съ нимъ судьбу, ни одинъ не остался ему вѣренъ. Щедрость его создала только неблагодарныхъ, милосердіе его никого не обезоружило, и ему измѣнили именно тѣ, кто больше всего пользовался его милостями. Если можно было назвать кого-нибудь дѣйствительно его друзьями, такъ это его солдатъ, ветерановъ, оставшихся отъ великой Галльской войны; то были его центуріоны, которыхъ онъ зналъ всѣхъ по имени, и которые такъ храбро давали себя убивать на его глазахъ. Таковъ напримѣръ былъ Сцева, щитъ котораго былъ пробитъ при Дирраxіумѣ двумя стами тридцатью стрѣлами [3]), или этотъ Крастинъ, говорившій утромъ въ день Фарсальской битвы: «Сегодня вечеромъ ты поблагодаришь меня мертваго или живаго» [4]). Эти служили ему

[1]) Было-бы несправедливо пройти молчаніемъ имя Матція, отъ котораго осталось такое прекрасное письмо по поводу смерти Цезаря (Ad fam., XI 28). Этотъ былъ дѣйствительнымъ его другомъ но при этомъ надо замѣтить, что Цезарь отъискалъ его не среди тѣхъ, кого онъ дѣлалъ преторами или консулами и за кого такъ часто платилъ долги. Матцій никогда не занималъ никакой важной политической должности, и еслибъ не переписка Цицерона, имя его никогда бы не дошло до насъ.

[2]) De bell., civ., III, 53.

[3]) De amic, 15.

[4]) De bell. civ., III, 91.

вѣрно, онъ зналъ ихъ и разсчитывалъ на нихъ; но ему было хорошо извѣстно, что онъ не можетъ положиться на своихъ полководцевъ. Не смотря на то, что послѣ побѣды онъ щедро осыпалъ ихъ деньгами и почестями, они всѣ были недовольны. Нѣкоторые изъ нихъ, самые честные, сокрушались о томъ, что загубили республику и проливали свою кровь для установленія неограниченной власти. Большинству такія душевныя мученія были неизвѣстны, но всѣ находили, что имъ мало заплачено за ихъ службу. Какъ ни велика была щедрость Цезаря,—она не могла удовлетворить ихъ. Имъ предоставили республику, они были преторами и консулами, управляли самыми богатыми провинціями, и между тѣмъ не переставали жаловаться. Все служило имъ предлогомъ для ропота. Антонію присудили по его просьбѣ за ничтожную цѣну домъ Помпея; когда къ нему пришли за деньгами, онъ разсердился и заплатилъ только бранью. Вѣроятно, онъ нашелъ въ этотъ день, что ему не оказываютъ должнаго уваженія, и назвалъ Цезаря неблагодарнымъ. Нерѣдко случается видѣть, что военные люди, столь храбрые въ виду врага и достойные восхищенія въ день битвы, становятся въ обыденной жизни мелкими честолюбцами, полными низкой ревности и ненасытной корысти. Они начинали съ ропота и жалобъ и почти всѣ оканчивали измѣною. Въ числѣ лицъ, убившихъ Цезаря, находились, быть можетъ, его лучшіе генералы, Сульпицій Гальба, побѣдитель Нантуатовъ, Базилъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ его конниковъ, Децимъ Брутъ и Требоній, геройски осаждавшіе нѣкогда Марсель. Не участвовавшіе въ заговорѣ противъ него вели себя однако не лучше въ этотъ день. Когда вы читаете у Плутарха описаніе смерти Цезаря, у васъ сердце сжимается при видѣ того, что никто не пытался даже защитить его. Заговорщиковъ было всего около шестидесяти, а сенаторовъ налицо восемьсотъ. Большинство ихъ служило въ его войскѣ; всѣ они были обязаны ему честью засѣдать въ Куріи,—честью, которой они были недостойны. и эти презрѣнные, получившіе отъ него свои богатства и должности, вымаливавшіе его покровительства и жившіе его милостями, смотрѣли на его убой, не говоря ни слова. Во все время этой ужасной борьбы, между тѣмъ «какъ онъ, подобно звѣрю, осажденному со всѣхъ сторонъ охотниками, отбивался отъ направленныхъ противъ него мечей», они оставались неподвижно на своихъ мѣстахъ и проявили свое мужество однимъ лишь тѣмъ, что убѣжали опрометью, когда

Брутъ пытался заговорить возлѣ окровавленнаго трупа. Цицеронъ вспомнилъ эту сцену, которой онъ былъ свидѣтелемъ, когда впослѣдствіи писалъ: «Въ тотъ день, когда падаютъ притѣснители своего отечества, ясно видишь, что у нихъ не было друзей»[1]). Если уже генералы Цезаря, имѣвшіе столько причинъ оставаться ему вѣрными, тѣмъ не менѣе измѣняли ему, могъ-ли онъ разсчитывать на тѣхъ сомнительныхъ, набранныхъ имъ на форумѣ союзниковъ, которые прежде, чѣмъ служить ему, служили всевозможнымъ партіямъ и дѣламъ? Для исполненія своихъ плановъ онъ нуждался въ людяхъ политическихъ, ему надо было имѣть ихъ какъ можно больше для того, чтобы новое правленіе не казалось вполнѣ военнымъ. Вслѣдствіе того онъ былъ не особенно разборчивъ и бралъ, кого попало. Всего больше являлось къ нему безчестныхъ людей изо всѣхъ партій. Онъ хорошо принималъ ихъ, хотя не уважалъ, и потомъ всюду таскалъ ихъ за собою. Цицеронъ очень испугался, когда Цезарь посѣтилъ его вмѣстѣ съ ними въ Форміяхъ: «Нѣтъ такого негодяя въ Италіи, говоритъ онъ, который не былъ-бы съ нимъ»[2]); даже обыкновенно столь осторожный, Аттикъ не могъ удержаться, чтобы не назвать эту свиту адскою толпой [3]). Какъ ни обыкновенно то явленіе, что подобные перевороты начинаются обыкновенно людьми, которымъ нечего терять, тѣмъ не менѣе странно, что Цезарь не могъ найти себѣ союзниковъ сколько нибудь повиднѣе. Наиболѣе противоположные ему люди не могли однако не признать, что изъ того что онъ хотѣлъ разрушить, не все заслуживало сохраненія. Затѣваемая имъ революція имѣла серьёзныя причины, потому ей очень естественно было имѣть искреннихъ сторонниковъ. Какимъ-же образомъ случилось такъ, что между людьми, помогшими ему измѣнить государственный порядокъ, на который многіе жаловались, и отъ котораго всѣ терпѣли, лишь немногіе дѣйствуютъ, кажется, по убѣжденію, и почти всѣ, напротивъ, чисто наемные заговорщики, неискренно работающіе для нелюбимаго ими человѣка и для дѣла, которое они считаютъ дурнымъ?

Быть-можетъ, составъ партіи Цезаря можно объяснить тѣми средствами, которыя онъ обыкновенно употреблялъ при ея наборѣ. Мы не видимъ, чтобы, желая привлечь кого-нибудь къ своему дѣлу, онъ

---

1) De amic., 15.
2) Ad Att., IX, 19.
3) Ad Att., IX, 18.

терялъ время на указываніе ему недостатковъ прежняго правленія и достоинствъ того, которое онъ хотѣлъ учредить на его мѣсто. Онъ употреблялъ болѣе простые и надежные доводы, — онъ платилъ. Ясно, что онъ хорошо зналъ своихъ современниковъ, и нисколько не ошибался, думая, что въ обществѣ, вполнѣ преданномъ роскоши и удовольствіямъ, ослабѣвшія вѣрованія были замѣнены одними только интересами. Итакъ, онъ, безъ дальнѣйшихъ колебаній, организовалъ обширную систему подкупа. Средства для этого доставила ему Галлія. Онъ ограбилъ ее такъ-же энергично, какъ и покорилъ, «завладѣвая, по словамъ Светонія, всѣмъ, что находилъ въ храмахъ боговъ, и беря приступомъ города не столько для того, чтобы наказать ихъ, сколько затѣмъ, чтобы имѣть предлогъ ободрать»[1]). На эти деньги онъ и набиралъ себѣ приверженцевъ. Являвшіеся къ нему никогда не уходили отъ него съ пустыми руками. Онъ не пренебрегалъ даже тѣмъ, чтобы дѣлать подарки рабамъ и вольноотпущеннымъ, если тѣ имѣли какое-нибудь вліяніе на своихъ господъ. Когда его не было въ Римѣ, ловкій Испанецъ Бальбъ и банкиръ Оппій, завѣдывавшіе тамъ его дѣлами, раздавали отъ его имени подаянія: они втайнѣ помогали стѣсненнымъ въ деньгахъ сенаторамъ, и дѣлались кассирами молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, истощившихъ родительскіе доходы. Они ссужали безъ процентовъ, но извѣстно было всѣмъ, какими услугами придется со временемъ разсчитаться. Такимъ образомъ они подкупили Куріона, потребовавшаго при этомъ очень крупную сумму: у него было долга больше чѣмъ на 60 милліоновъ сестерцій (12 милліоновъ франковъ). Целій и Долабелла, которыхъ дѣла были не лучше, вѣроятно, пріобрѣтены тѣмъ-же способомъ. Никогда подкупъ не шелъ такимъ широкимъ путемъ и не выставлялъ себя на-показъ такъ безстыдно. Цезарь возвращался почти каждую зиму въ Цизальпинскую Галлію съ сокровищами, награбленными имъ у Галловъ. Торгъ открывался, и вельможи являлись къ нему одинъ за другимъ, дожидаясь своей очереди. Однажды въ Луккѣ ихъ явилось сразу такое множество, что въ залѣ было насчитано двѣсти сенаторовъ, а у входа сто двадцать ликторовъ.

Обыкновенно, вѣрность людей подкупленныхъ длится не много

---

1) Светоній, Caes, 54.

долѣе того, пока они истратятъ данныя имъ деньги; а въ ихъ рукахъ деньги не держатся, и съ того самаго дня, какъ устанешь поблажать ихъ расточительности, надо уже не довѣрять имъ. Кромѣ того существовала еще другая причина, почему политическіе друзья Цезаря должны были рано или поздно оказаться недовольными. Они выросли среди бурь республики; они рано бросились въ эту дѣятельную и шумную жизнь, и полюбили ее. Никто такъ не пользовался и не злоупотреблялъ свободой рѣчи, какъ они; ей они были обязаны своимъ вліяніемъ, властью и славою. По какой-то странной непослѣдовательности, эти люди, изо всѣхъ силъ хлопотавшіе объ утвержденіи неограниченнаго правленія, принадлежали къ числу тѣхъ, которые менѣе всѣхъ другихъ могли обойтись безъ борьбы на публичной площади, безъ дѣловыхъ волненій, безъ потрясеній трибуны, словомъ, безо всего того, что существуетъ лишь при свободномъ правленіи. Вѣроятно, деспотическая власть никому не показалась вскорѣ такъ тяжела, какъ тѣмъ, которые не умѣли выносить даже легкаго и справедливаго ига закона. Вотъ почему они скоро замѣтили свою ошибку. Они поняли, что, помогая господину конфисковать свободу другихъ, они предоставили ему и свою собственную. Въ то-же время они легко могли видѣть, что установленный ими самими новый порядокъ не можетъ имъ возвратить того, что давалъ бы старый. Дѣйствительно, что значили всѣ эти чины и почести, которыми ихъ собирались наградить, когда въ сущности вся власть находилась въ рукахъ одного человѣка? Правда, что еще были преторы и консулы; но можно-ли было сравнить эти должностныя лица, зависящія отъ одного, подчиненныя его прихотямъ, подавленныя его властью, затемненныя и какъ-бы затертыя его славою, съ тѣми, что существовали во времена республики? Отсюда неизбѣжно должны были рождаться промахи, сожалѣнія и часто даже измѣны. Вотъ, какимъ образомъ союзники, набранные Цезаремъ въ различныхъ политическихъ партіяхъ, бывши ему сначала очень полезны, подъ-конецъ надѣлали большихъ хлопотъ. Ни одинъ изъ этихъ безпокойныхъ и буйныхъ умовъ, не сдерживаемыхъ ни природою, ни навыкомъ, не согласился охотно подчиниться дисциплинѣ и не рѣшился повиноваться отъ всей души. Какъ только они были не прямо на глазахъ у господина, и тотъ не сдерживалъ ихъ своей могучею рукой, прежніе инстинкты брали верхъ надъ ними; при первомъ удобномъ случаѣ они становились, какъ, прежде,

мятежниками, и въ этомъ городѣ, умиротворенномъ неограниченною властью, при каждой отлучкѣ Цезаря, смуты начинались вновь. Такъ Целій, Долабелла и Антоній нарушали общественное спокойствіе, которое они между тѣмъ обязаны были поддерживать. Куріонъ, вождь молодежи, присоединившейся къ новому правительству, умеръ такъ скоро, что не успѣлъ стать недовольнымъ; но, судя по тому легкому и развязному тону, съ какимъ онъ говорилъ уже про Цезаря въ интимномъ кругу, и по тому еще, что онъ не обманывался на его счетъ, можно полагать, что онъ поступилъ-бы какъ другіе [1]).

Теперь легко можно понять, какія были у Целія причины жалобъ и почему этотъ тщеславный человѣкъ, не удовлетворенный почестями древней республики, почувствовалъ себя подъ-конецъ не по душѣ при новомъ государственномъ порядкѣ. Теперь объясняется и странное письмо, написанное имъ Цицерону, и то, что онъ объявлялъ войну Цезарю и его партіи. Неудовольствіе рано закралось въ его душу. Съ самаго начала междоусобной войны, когда его поздравляли съ успѣхами людей его партіи, онъ грустно отвѣчалъ: «Что мнѣ за дѣло до славы, которая не доходитъ до меня» [2]). Очевидно, онъ и тогда уже началъ понимать, что въ новомъ правительствѣ есть мѣсто только для одного человѣка, и что ему одному и будетъ принадлежать съ этихъ поръ и слава и власть. Цезарь взялъ его съ собою въ испанскій походъ и при этомъ не далъ ему, кажется, случая отличиться. По возвращеніи въ Римъ онъ былъ назначенъ преторомъ, но не городскимъ, что считалось болѣе почетною должностью, и ему предпочли Требонія. Это предпочтеніе, которое онъ вмѣнилъ въ обиду для себя, жестоко его разсердило. Онъ рѣшился мстить и выжидалъ только случая. Ему показалось, что случай этотъ представился, когда Цезарь со всѣми своими войсками двинулся въ Ѳессалію для преслѣдованія Помпея. Онъ вообразилъ себѣ, что въ отсутствіе диктатора и его солдатъ, среди всеобщаго волненія въ Италіи, гдѣ ходили въ то время тысячи противорѣчивыхъ слуховъ о результатахъ борьбы, ему можно будетъ предпринять что-нибудь рѣшительное. Минута была выбрана удачно, но еще удачнѣе былъ выбранъ тотъ вопросъ, на основаніи котораго Целій отважился

---

[1]) Ad Att., X, 4.
[2]) Ad fam., VIII, 15.

начать борьбу. Ничто не приноситъ столько чести его политическому искусству, какъ то, что онъ такъ ясно подмѣтилъ слабыя стороны торжествующей партіи и съ перваго взгляда сообразилъ, какое положеніе всего лучше занять для того, чтобы напасть на нее успѣшно.

Хотя Цезарь уже властвовалъ надъ Римомъ и Италіей, и можно было предвидѣть, что республиканская армія его не остановитъ, но ему предстояло еще одолѣть много трудностей. Целій это хорошо зналъ; ему было не безъизвѣстно, что во время политической борьбы успѣхъ бываетъ часто не больше, какъ очень опаснымъ испытаніемъ. Побѣдивъ врага, надо сдерживать своихъ людей, что бываетъ иногда еще труднѣе побѣды. Приходится перечить алчнымъ честолюбіямъ, которыя до тѣхъ поръ терпѣлись и какъ-бы даже поощрялись, пока минута для удовлетворенія ихъ казалась еще отдаленною; главнымъ же образомъ приходится защищаться отъ преувеличенныхъ надеждъ, которыя побѣда пробуждаетъ въ побѣдителяхъ, но не бываетъ въ состояніи осуществить. Обыкновенно пока человѣкъ еще не достигъ наибольшей силы и набираетъ себѣ сторонниковъ, онъ не жалѣетъ обѣщаній; но, разъ достигнувши власти, трудно выполнить всѣ принятыя на себя обязательства, и тогда эти прекрасныя программы оппозиціи, которыя принимались и распространялись, становятся вскорѣ большимъ затрудненіемъ. Цезарь былъ признаннымъ вождемъ демократической партіи; отсюда онъ почерпалъ свою силу. Всѣ помнили, какъ при своемъ вступленіи въ Италію онъ сказалъ, что идетъ возвратить свободу республикѣ, порабощенной горстью аристократовъ. При этомъ демократическая партія, довѣреннымъ лицомъ которой онъ себя выставлялъ, имѣла уже совершенно готовую программу. Она была теперь не совсѣмъ Гракховскою. Послѣ цѣлаго вѣка кровавой часто борьбы ненависть ожесточилась, и безумное сопротивленіе аристократіи сдѣлало народъ требовательнѣе прежняго. Каждый изъ вождей, предлагавшихъ ему со временъ Кайя Гракха свое руководительство, чтобы вѣрнѣе привлечь его на свою сторону, заявлялъ для него какое-нибудь новое требованіе. Такъ Клодій намѣревался установить безграничное право ассоціацій и управлять республикою съ помощью тайныхъ обществъ, не иначе. Катилина обѣщалъ конфискацію и грабежъ, вслѣдствіе чего оставилъ по себѣ хорошую память въ народѣ. Цицеронъ разсказываетъ о похоронныхъ пирахъ, данныхъ

въ его честь, и о цвѣтахъ, покрывавшихъ его могилу[1]). Явившійся въ качествѣ ихъ преемника Цезарь не могъ вполнѣ отдѣлаться отъ ихъ наслѣдства; онъ принужденъ былъ обѣщать, что докончитъ ихъ дѣло и исполнитъ желанія демократіи. Въ этотъ моментъ она, повидимому, не слишкомъ заботилась о политическихъ реформахъ; ей просто хотѣлось соціальной революціи. Кормиться, ничего не дѣлая, на счетъ государства путемъ весьма частыхъ даровыхъ раздачъ; присвоить себѣ наилучшія земли союзниковъ, отправляя колоніи въ самые богатые итальянскіе города; достичь нѣкоторымъ образомъ раздѣла имуществъ подъ предлогомъ отнять у аристократіи присвоенныя ею общественныя маетности, таковъ былъ обыкновенный идеалъ плебеевъ; но чего они требовали всего настойчивѣе, что сдѣлалось лозунгомъ всей партіи, такъ это упраздненіе долговъ, или, какъ тогда выражались, уничтоженіе кредиторскихъ счетовъ (**tabulae novae**), то есть допущенное властью нарушеніе общественнаго довѣрія и узаконеніе всеобщаго банкротства. Какъ ни насильственна была эта программа, Цезарь, повидимому, принялъ ее провозглашая себя вождемъ демократіи. Пока борьба была сомнительной, онъ остерегался отъ всякихъ оговорокъ на этотъ счетъ, чтобы не ослаблять своей партіи раздорами; потому всѣ думали, что, побѣдивъ, онъ немедленно приступитъ къ выполненію программы.

Но Цезарь явился не для того только, чтобы разрушить одно правительство; онъ хотѣлъ и создать другое; онъ ужь конечно зналъ, что на грабежѣ и банкротствѣ нельзя основать ничего прочнаго. Воспользовавшись безъ всякихъ угрызеній совѣсти демократическою программой, чтобы ниспровергнуть республику, онъ понялъ, что для него начинается новая роль. Въ тотъ день, когда онъ овладѣлъ Римомъ, инстинктъ его, какъ государственнаго человѣка, и интересъ, какъ верховнаго главы, обратили его въ консерватора. Протягивая руку умѣреннымъ людямъ прежнихъ партій, онъ нисколько не стѣснялся часто возвращаться къ старозавѣтнымъ преданіямъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло Цезаря, разсматриваемое въ своемъ цѣломъ, было далеко не дѣломъ революціонера. Нѣкоторые изъ его законовъ хвалилъ и Цицеронъ послѣ мартовскихъ идъ; это одно уже доказываетъ, что они не согласовались съ же-

---

[1]) **Pro Flacco**, 38.

ланіями и надеждами демократіи. Онъ отправилъ восемьдесятъ тысячъ бѣдныхъ гражданъ въ колоніи, но за море,—въ Африку и Грецію. Нечего было и думать о совершенномъ уничтоженіи подачекъ, дѣлаемыхъ государствомъ римскому народу, за то онъ немного сократилъ ихъ. Вмѣсто трехсотъ двадцати тысячъ гражданъ пользовавшихся ими при республикѣ, онъ допустилъ только полтараста тысячъ; онъ приказалъ, чтобы число это не увеличивалось, и чтобы преторъ ежегодно замѣщалъ новыми лицами тѣхъ изъ привилегированныхъ нищихъ, которые въ теченіе года умерли. Ничего не измѣняя въ запретительной системѣ, господствовавшей при республикѣ, онъ установилъ ввозныя пошлины на иностранные товары. Онъ издалъ законъ противъ роскоши, гораздо строже всѣхъ прежнихъ, съ подробнымъ указаніемъ, какъ надо одѣваться и что ѣсть, и требовалъ его исполненія съ тиранническою строгостью. Рынки охранялись по военному, для того чтобы на нихъ не продавалось ничего такого, что законъ запрещалъ покупать, причемъ солдатамъ дозволялось проникать въ самые дома и отбирать прямо со столовъ запрещенные съѣстные припасы. Подобныя мѣры, стѣснявшія торговлю и промышленность и слѣдовательно вредившія интересамъ народа, были заимствованы Цезаремъ у преданій аристократическихъ правительствъ. Слѣдовательно, онѣ не могли быть популярными; но что было еще непопулярнѣе, это—ограниченіе имъ права сборищъ. Это право, которымъ демократія дорожила больше, чѣмъ всякимъ другимъ, уважалось до послѣднихъ временъ республики, и трибунъ Клодій искусно пользовался имъ для того, чтобы стращать сенатъ и давать террору господствовать на форумѣ. Подъ предлогомъ почитанія боговъ-ларовъ каждаго перекрестка, образовались ассоціаціи отдѣльныхъ кварталовъ (**collegia compitalicia**), куда вступали бѣдные граждане и рабы. Религіозныя въ началѣ, эти общества сдѣлались вскорѣ политическими. Въ эпоху Клодія они составляли нѣчто въ родѣ правильнаго войска демократіи и, при происходившихъ въ Римѣ смутахъ, играли такую-же роль, какъ наши секціи 93 года. Рядомъ съ этими постоянными ассоціаціями и по ихъ образцу возникали еще временныя всякій разъ, какъ готовилось какое-нибудь крупное избраніе. Людей набирали по кварталамъ, раздѣляли ихъ по декуріямъ и центуріямъ, ставили надъ ними вождей, которые вели ихъ голосовать по военному, а такъ какъ народъ подавалъ обыкновенно свой голосъ не даромъ, то впередъ

назначали важное лицо, называемое **sequester**'омъ, которому и вручалась сумма, обѣщанная кандидатомъ; кромѣ того назначались раздатчики (**divisores**), обязанные, по окончаніи выбора, распредѣлять деньги между членами каждаго отряда. Вотъ, какъ происходила въ Римѣ въ концѣ республики всеобщая подача голосовъ, и какимъ образомъ это племя, по природѣ своей склонное къ уряду, къ дисциплинѣ, достигло до того, что уряжало полную безрядицу. Цезарь нѣкогда часто пользовавшійся этими тайными ассоціаціями, съ помощью ихъ управлявшій выборами и господствовавшій надъ толками форума, не пожелалъ ихъ больше терпѣть, какъ только пересталъ въ нихъ нуждаться. Онъ думалъ, что законное правительство не долго просуществуетъ, если рядомъ съ нимъ будетъ дѣйствовать тайное. Потому онъ и не остановился передъ строгими мѣрами для того, чтобы избавиться отъ этого организованнаго безпорядка. Къ великому скандалу своихъ друзей онъ сразу уничтожилъ всѣ политическія общества, дозволивъ существовать лишь самымъ древнимъ изъ нихъ, не представлявшимъ никакой опасности.

То были крутыя мѣры, долженствовавшія многихъ оскорбить; но онъ и прибѣгнулъ къ нимъ уже впослѣдствіи, послѣ Мунды и Тапса, когда власть его уже никѣмъ не оспоривалась, и самъ онъ чувствовалъ себя на столько сильнымъ, чтобы сопротивляться своей прежней союзницѣ, демократіи. Отъѣзжая подъ Фарсалу, онъ еще долженъ былъ щадить очень многое; осторожность предписывала ему не раздражать своихъ друзей, пока у него оставалось еще столько враговъ. Кромѣ того, нельзя было откладывать въ даль нѣкоторыхъ вопросовъ, слишкомъ горячо принятыхъ демократіей, требовавшей ихъ немедленнаго разрѣшенія. Главнѣйшимъ изъ нихъ было уничтоженіе долговъ. Цезарь занялся имъ немедленно по возвратѣ своемъ изъ Испаніи; но и здѣсь еще, не смотря на трудность своего положенія, онъ не былъ на столько радикаленъ, какъ это о немъ думали. Поставленный между своими консерваторскими инстинктами и требованіями своей партіи, онъ прибѣгнулъ къ среднему исходу, и вмѣсто того, чтобы совершенно упразднить долги, удовольствовался тѣмъ, что уменьшилъ ихъ. Прежде всего онъ приказалъ, чтобы всѣ суммы, уплаченныя до тѣхъ поръ въ видѣ процентовъ, были вычтены изъ капитала; затѣмъ, чтобы еще болѣе облегчить уплату уменьшенной такимъ образомъ суммы, онъ приказалъ подвергнуть оцѣнкѣ черезъ посредниковъ имущества должниковъ, и опре

дѣлять при этомъ не тогдашнюю ихъ цѣнность, а ту, какую они имѣли до междоусобной войны; кредиторы-же обязывались принимать ихъ въ уплату по этой оцѣнкѣ. Светоній говоритъ, будто этимъ способомъ сумма долговъ была уменьшена слишкомъ на четверть. Конечно, и подобныя мѣры еще кажутся намъ очень революціонными. Мы не понимаемъ такого вмѣшательства власти, чтобы безо всякой причины отнимать у частныхъ лицъ долю ихъ достоянія, и ничто не кажется намъ болѣе несправедливымъ, какъ то, что самъ законъ уничтожаетъ отданные подъ его охрану договоры; но въ то время это произвело другое впечатлѣніе. Кредиторы, опасавшіеся, что имъ ничего не оставятъ, считали большимъ счастіемъ, что не все потеряли; чтожь касается должниковъ, разсчитывавшихъ на полное освобожденіе, они горько жаловались, что ихъ заставили хоть что нибудь уплатить. Отсюда разочарованіе и ропотъ. «Въ эту минуту, писалъ Целій, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ ростовщиковъ, всѣ склонились здѣсь на сторону Помпея.» [1])

Для такого скрытаго врага, какъ Целій, минута чтобы начать рѣшительныя дѣйствія была самая благопріятная. Онъ поспѣшилъ уловить ее и воспользоваться тѣмъ неудовольствіемъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Тактика его была смѣла. Принять на себя роль крайняго демократа или, какъ теперь говорятъ, соціалиста, очень нежеланную для Цезаря, составить изо всѣхъ недовольныхъ болѣе радикальную партію и объявить себя ея вождемъ, таковъ былъ придуманный имъ планъ. Между тѣмъ, какъ посредники, назначенные для оцѣнки имущества должниковъ выполняли по мѣрѣ силъ возложенное на нихъ деликатное порученіе, а городской преторъ Требоній разбиралъ споры, возникавшіе по поводу оцѣнки, Целій приказалъ поставить свое курульное кресло возлѣ судилища Требонія и, самовольно принявъ на себя обязанность обсуждать рѣшенія своего товарища и старшины, объявилъ, что будетъ поддерживать всѣ жалобы противъ послѣдняго; или Требоній всѣхъ удовлетворилъ, или скорѣе изъ страха къ Цезарю, — только никто не дерзнулъ жаловаться. Эта первая неудача не обезотважила Целія; напротивъ того, онъ думалъ, что чѣмъ труднѣе становится положеніе, тѣмъ смѣлѣе надо дѣйствовать, и не смотря на сопротивленіе консула Сервилія и всѣхъ другихъ должностныхъ лицъ, издалъ два очень смѣлые закона: по одному

[1]) Ad fam, VIII, 17.

изъ нихъ всѣ жильцы освобождались отъ платы за квартиру, а по другому совершенно уничтожались всѣ долги. На этотъ разъ народъ, повидимому, охотно пошелъ на помощь тому, кто такъ рѣшительно становился на его сторону: начались волненія; полилась, какъ прежде, кровь на форумѣ; Требоній былъ окруженъ разъяренною толпой, сброшенъ съ своего судейскаго мѣста и спасся только чудомъ. Целій торжествовалъ и думалъ, вѣроятно, что начинается новая революція; но, по странному совпаденію, онъ сдѣлался жертвою той самой ошибки, которая погубила впослѣдствіи Брута. Въ двухъ совершенно различныхъ дѣлахъ эти два совсѣмъ разные человѣка ошибались одинаковымъ образомъ: оба они слишкомъ понадѣялись на римскій народъ. Одинъ изъ нихъ возвращалъ ему свободу, считая его способнымъ желать ее и защищать, другой призывалъ его къ оружію, обѣщая пріобщить его къ достатку богачей; но народъ не послушалъ ни того ни другого, чувствуя въ себѣ такъ-же мало склонности къ дурнымъ страстямъ, какъ и къ благороднымъ инстинктамъ. Роль его была кончена, онъ самъ это сознавалъ: въ тотъ день, когда, онъ отдался въ руки неограниченной власти, онъ какъ-бы совсѣмъ утратилъ память прошлаго. Съ этихъ поръ онъ постоянно отказывается отъ всякой политическаго почина, и ничто не въ состояніи вырвать его изъ апатіи. Онъ равнодушно относится и къ этимъ столь пламенно желаемымъ правамъ, добытымъ съ такими усиліями, къ раздорамъ зависти, тщательно поддерживаемымъ народными вождями, къ трибунату и къ аграрнымъ законамъ. Это уже тотъ самый народъ имперіи, который былъ такъ мастерски обрисованъ Тацитомъ, презрѣннѣйшій изъ всѣхъ народовъ, готовый поблажать всякимъ успѣхамъ, жестокій ко всякимъ неудачамъ, привѣтствующій одинаковыми рукоплесканіями всякаго, кто торжествуетъ, и единственная роль котораго во всѣхъ переворотахъ состоитъ въ томъ, чтобы по окончаніи борьбы идти въ свитѣ побѣдителя.

Подобный народъ не могъ ни для кого служить серьёзною опорой, и Целій напрасно на него разсчитывалъ. Если онъ по старой привычкѣ и расчувствовался однажды при великихъ обѣщаніяхъ, волновавшихъ его столько разъ во времена свободы, то ощущеніе это было мимолетное, и достаточно было нѣсколькихъ всадниковъ, случайно проѣзжавшихъ черезъ Римъ, чтобы привести все въ прежній порядокъ. Консулъ Сервилій получилъ отъ сената знаменитую формулу, прекращавшую на время всѣ законныя власти и сосредо-

точивавшую державство въ однѣхъ рукахъ. Съ помощью проходившихъ въ то время войскъ, онъ запретилъ Целію отправлять свою должность, а когда тотъ сталъ сопротивляться, приказалъ разбить его курульное кресло [1]) и стащилъ его съ трибуны, откуда онъ не хотѣлъ сойдти. На этотъ разъ народъ оставался спокойнымъ и никто не отозвался на голосъ Целія, старавшагося пробудить въ этихъ угаснувшихъ душахъ прежнія страсти. Целій вернулся домой съ бѣшенствомъ въ душѣ. Послѣ такого публичнаго безчестія онъ не могъ болѣе оставаться въ Римѣ. Вслѣдствіе того онъ поспѣшилъ бѣжать его, говоря всѣмъ, что онъ еще объяснится съ Цезаремъ; въ сущности-же у него были совсѣмъ иныя намѣренія. Видя, что Римъ покидаетъ его, Целій хотѣлъ попытаться произвесть возстание въ Италіи и возобновить междоусобную войну. То было смѣлое предпріятіе, а между тѣмъ онъ не отчаявался въ томъ, что ему удастся, лишь бы запастись поддержкою неустрашимаго человѣка. Въ то время жилъ въ Италіи старинный заговорщикъ Милонъ, наведшій страхъ своими жестокостями во время анархіи послѣ консульства Цицерона. Осужденный впослѣдствіи за убійство на казнь, онъ убѣжалъ въ Марсель. Цезарь, призывая обратно всѣхъ изгнанниковъ, не упомянулъ о Милонѣ, боясь его неисправимой смѣлости; но, по приглашенію Целія, онъ вернулся въ тихомолку и ожидалъ грядущихъ событій. Целій отправился къ нему, и они написали вдвоемъ настоятельныя письма въ италійскія муниципіи, обѣщая имъ Богъ знаетъ что и убѣждая ихъ взяться за оружіе. Муниципіи остались спокойны. Целій и Милонъ вынуждены были наконецъ прибѣгнуть къ послѣднему остававшемуся у нихъ средству. Покинутые свободными гражданами Рима и Италіи, они обратились къ рабскому населенію, открывая тюрьмы рабовъ и призывая къ себѣ апулійскихъ пастуховъ и гладіаторовъ общественныхъ игръ. Набравъ такими средствами нѣсколько сторонниковъ, они разстались, чтобы отдѣльно попытать счастія; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха. Милонъ, дерзнувшій напасть на значительный городъ, защищаемый

---

[1]) Одна очень любопытная подробность, сохранившаяся у Квинтиліана, показываетъ намъ, что Целій, даже среди важныхъ дѣлъ, гдѣ онъ рисковалъ своею жизнью, продолжалъ сохранять легкость характера и насмѣшливость. Когда курульное кресло его было разбито, онъ заказалъ другое изъ кожанныхъ ремней и принесъ его къ консулу. Всѣ присутствующіе расхохотались: дѣло въ томъ, что Сервилій былъ, говорятъ, въ молодости, наказанъ однажды ременными плетьми.

преторомъ съ цѣлымъ легіономъ, былъ убитъ камнемъ. Целій, послѣ тщетныхъ попытокъ побудить Неаполь и Кампанію высказаться за него, принужденъ былъ отступить къ Туріуму. Здѣсь онъ повстрѣчалъ испанскихъ и галльскихъ всадниковъ, посланныхъ сюда изъ Рима, и когда приблизился къ нимъ для переговоровъ, чтобъ пообѣщать имъ денегъ, если они послѣдуютъ за нимъ, они его умертвили.

Такимъ образомъ погибъ въ тридцать четыре года этотъ неустрашимый молодой человѣкъ, разсчитывавшій поколебать счастіе Цезаря. Никогда столь обширные замыслы не имѣли такого жалкаго окончанія. Оказавши невѣроятную храбрость и составляя проекты, становившіеся все смѣлѣе и смѣлѣе по мѣрѣ ихъ неудачъ, попытавшись поочередно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ взбунтовать жителей Рима, Италіи, и рабовъ, онъ умеръ самымъ безвѣстнымъ образомъ отъ руки нѣсколькихъ варваровъ, которыхъ хотѣлъ соблазнить на измѣну своему долгу, и смерть его, случившаяся въ тотъ моментъ, когда всѣ взоры были устремлены на Фарсалу, прошла почти незамѣченной. Кто осмѣлится однакоже сказать, что какъ ни грустна была подобная кончина, она не была вполнѣ заслужена? Развѣ въ концѣ концовъ было несправедливо, что человѣкъ, существовавшій одними только приключеніями, и погибъ, какъ искатель приключеній? Онъ не былъ вполнѣ политическимъ человѣкомъ, какъ это думаетъ о немъ Цицеронъ; для того, чтобы быть имъ, ему недоставало убѣжденія и готовности служить ему. Непостоянство его чувствъ, непослѣдовательность поступковъ и какой-то скептицизмъ, высказываемый имъ относительно всякихъ мнѣній, также немало повредили его таланту и характеру. Если бы онъ умѣлъ ввести болѣе единства въ свою жизнь и издавна примкнулъ къ какой-нибудь честной партіи, тогда его хорошія качества, найдя себѣ достойное приложеніе, достигли-бы своего совершенства. Конечно, онъ могъ-бы пасть, но умереть въ Фарсалѣ или Филиппахъ было все-таки честью, незабываемою потомствомъ. Напротивъ, такъ какъ онъ часто мѣнялъ свои мнѣнія, сообразно своимъ интересамъ и прихотямъ, такъ какъ онъ служилъ поочередно самымъ противуположнымъ партіямъ, не вѣря въ справедливость ни одной изъ нихъ, то онъ былъ всегда не болѣе, какъ посредственный ораторъ и случайный политикъ, и умеръ наконецъ на большой дорогѣ, какъ самый обыкновенный злодѣй. Однако, не смотря на всѣ его ошибки, исторіи какъ-то жаль дурно относиться къ нему. Древніе писатели говорятъ о немъ не иначе, какъ съ тай-

ною благосклонностью. Блескъ, окружавшій его молодость, пріятности его ума, какое-то изящество, сохраняемое имъ даже при самомъ печальномъ развратѣ, какая-то смѣлая искренность, не дозволявшая ему искать уважительныхъ предлоговъ для неуважительныхъ вещей, ясный взглядъ на состояніе политической жизни, глубокое знаніе людей, необычайная находчивость, энергическая рѣшимость, удивительная отвага въ предпріятіяхъ, гдѣ онъ рисковалъ жизнью,—столько блестящихъ качествъ въ соединеніи со столькими крупными недостатками обезоружили самыхъ неподкупныхъ судей. Даже благоразумный Квинтиліанъ, такъ мало способный понимать эту увлекающуюся натуру, не рѣшился однако строго отнестись къ нему. Похваливши прелесть его ума и язвительность его краснорѣчія, онъ довольствуется тѣмъ, что прибавляетъ въ видѣ нравоученія: «Это былъ человѣкъ, заслуживавшій того, чтобы лучше вести себя и жить подольше. **dignus vir cui mens melior et vita longior contigisset**» [1]).

Въ моментъ смерти Целія та изящная молодежь, для которой онъ служилъ образцомъ, и съ которой мы ознакомились, благодаря стихамъ Катулла и письмамъ Цицерона, уже отчасти исчезла. Изъ молодыхъ людей, блиставшихъ на праздникахъ въ Байяхъ и вызывавшихъ себѣ рукоплесканія на форумѣ, не оставалось почти ни одного. Катуллъ умеръ первый и въ то самое время, когда его талантъ, созрѣвшій съ лѣтами, становился болѣе серьезнымъ и возвышеннымъ. Вскорѣ послѣдовалъ за нимъ другъ его Кальвъ, умершій въ тридцать пять лѣтъ, вѣроятно, вслѣдствіе утомленія общественной жизнью. Куріонъ былъ убитъ солдатами Помпея, какъ Целій—солдатами Цезаря. Долабелла пережилъ ихъ, но не надолго, послѣ чего также погибъ трагическою смертью. То было революціонное поколѣніе, пожинаемое революціей, такъ какъ справедливы знаменитыя слова, что во всѣ времена и во всѣхъ странахъ она пожираетъ дѣтей своихъ.

---

[1]) Inst. orat., X, 1.

Цезарь и Цицеронъ.

I.

Цицеронъ и станъ Цезаря въ Галліи.

Цицеронъ не ошибался, сказавъ однажды Цезарю: «Послѣ насъ много будетъ о тебѣ споровъ, такъ-же какъ ихъ было много и между нами» [1]). И дѣйствительно, нѣтъ ни одного историческаго лица, о которомъ спорили-бы съ такимъ ожесточеніемъ даже въ наше время. Никто не возбуждалъ къ себѣ ни столько сочувствія, ни столько гнѣва, и надо сознаться, что онъ вполнѣ заслуживалъ и того, и другого. Нельзя ни восхищаться имъ, ни осуждать его безъ нѣкоторыхъ оговорокъ, и онъ всегда привлекаетъ къ себѣ одною стороною тѣхъ, кого отталкиваетъ отъ себя другою. Даже ненавидящіе его люди, которые не могутъ простить ему произведенной имъ политической революціи, вспоминая объ его побѣдахъ или читая его сочиненія, начинаютъ чувствовать къ нему тайное расположенье.

Чѣмъ сложнѣе и чѣмъ больше подлежитъ спору эта личность, тѣмъ важнѣе для насъ, если мы хотимъ получить о ней вѣрное понятіе, вопрошать на счетъ ея тѣхъ, кто могъ ее знать. Хотя Цицерона почти впродолженіе всей его жизни отдѣляли отъ Цезаря важныя неудовольствія, тѣмъ не менѣе ему пришлось два раза находиться съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ: во время Галльской войны онъ былъ его

---

[1]) Pro Marcello, 9.

политическимъ союзникомъ и усерднымъ корреспондентомъ; послѣ Фарсалы онъ сдѣлался его другомъ и посредникомъ между побѣдителемъ и тѣми, кого присудилъ онъ къ ссылкѣ. Посмотримъ, что онъ говоритъ о немъ въ эти два момента его жизни, когда онъ видѣлъ его всего ближе, и выберемъ изъ его корреспонденціи, такъ хорошо знакомящей насъ съ важными лицами той эпохи, находящіяся въ ней свѣдѣнія о томъ, кто былъ выше всѣхъ.

I.

Прежде всего надо напомнить, какія событія вынудили Цицерона покинуть аристократическую партію, къ которой онъ примкнулъ со времени своего консульства, чтобы служить потомъ успѣхамъ тріумвировъ, и какимъ образомъ отважный другъ Гортензія и Катона сдѣлался угодникомъ Помпея к Цезаря. Эта эпоха его жизни отнюдь не можетъ назваться прекрасною, и самые рѣшительные его поклонники скрываютъ ее, сколько могутъ. А между тѣмъ небезъинтересно и даже не безполезно остановиться на ней хоть на одинъ мигъ.

Когда Цицеронъ воротился изъ ссылки, къ которой былъ приговоренъ по проискамъ Клодія послѣ своего консульства, возвращеніе его было настоящимъ торжествомъ. Брундузій, гдѣ онъ высадился, отпраздновалъ его пріѣздъ общественными праздниками. Всѣ граждане муниципій, окаймлявшихъ Аппіевъ путь, ожидали его на дорогѣ, а со всѣхъ сосѣднихъ фермъ приходили отцы семействъ съ женами и дѣтьми, чтобы посмотрѣть, какъ онъ проѣдетъ. Въ Римѣ онъ былъ принятъ громадною толпой, скучившеюся на общественныхъ площадяхъ и размѣстившейся по ступенямъ храмовъ. «Казалось, говорилъ онъ, что весь городъ сорвался съ своихъ основъ, чтобы прійти благодарить своего избавителя.» [1]) У своего брата, куда онъ отправился жить, онъ нашелъ самыхъ важныхъ лицъ изъ сената, ожидавшихъ его тамъ, и кромѣ того поздравительные адресы отъ всѣхъ народныхъ обществъ города. Очень можетъ быть, что изъ лицъ, подписавшихъ

[1]) In Pis; 22

эти адресы, нѣкоторыя такъ же поспѣшно голосовали въ прошломъ году законъ объ его ссылкѣ, и что многіе изъ радовавшихся его возврату, радовались точно такъ же его изгнанію; но вѣдь у народа бываютъ иногда эти странныя и великодушныя увлеченья. Случается, что вслѣдствіе внезапнаго порыва онъ сразу отдѣлывается отъ злобы, недовѣрія и узкаго духа партій и въ тотъ моментъ, когда страсти, повидимому, всего сильнѣе и раздоры всего рьянѣе, онъ внезапно сливается воедино, чтобы воздать должный почетъ великому таланту или великому характеру, который, неизвѣстно какимъ образомъ, побѣдилъ его вдругъ. Обыкновенно, эти порывы благодарности и восхищенія вскорѣ оканчиваются; но если они продлились хоть одинъ день,—они служатъ уже безсмертной почестью для того, кто былъ ихъ предметомъ, и оставляемаго ими по себѣ блеска бываетъ достаточно, чтобы озарить цѣлую жизнь. Вотъ почему надо извинить Цицерона, что онъ такъ часто и съ такимъ увлеченіемъ говоритъ объ этомъ прекрасномъ днѣ. Небольшая гордость въ этомъ случаѣ была вполнѣ законна и естественна. Могла-ли эта душа, столь чуткая къ народнымъ ободреніямъ, устоять противъ упоеній торжественнаго возврата? «Мнѣ кажется, говорилъ онъ, что я не просто возвращаюсь изъ ссылки, но что я подымаюсь на небо.» [1]).

Вскорѣ однако ему пришлось спуститься на землю. Что бы онъ ни думалъ въ первую минуту, но онъ не замедлилъ убѣдиться, что этотъ городъ, принимавшій его такъ торжественно, нисколько однако не измѣнился, и что онъ находитъ его въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ покинулъ. Уже три года царила въ немъ анархія, и притомъ такая, что, не смотря на всѣ примѣры, оставленные намъ нашими революціями, мы едва можемъ вообразить ее себѣ. Съ тѣхъ поръ какъ тріумвиры, желая овладѣть республикой, разнуздали демагогію, она сдѣлалась полною госпожею. Смѣлый трибунъ, перебѣжчикъ изъ аристократіи, носившій лучшее имя въ Римѣ, Клодій, взялся руководить ею и по возможности урядить ее. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ онъ оказалъ много таланта и смѣлости, и оно настолько удалось ему, что онъ сдѣлался ужасомъ для честныхъ людей. Когда мы говоримъ о римской демагогіи, не слѣдуетъ забывать, что она была гораздо страшнѣе нашей и набиралась изъ болѣе

[1]) Pro Dom, 28.

опасныхъ элементовъ. Какъ ни справедливъ бываетъ страхъ, внушаемый намъ толпою, выходящей въ день мятежа изъ низшихъ слоевъ нашихъ мануфактурныхъ городовъ, вспомнимъ, что въ Римѣ эти слои опускались несравненно глубже. Еще ниже праздношатающихся иностранцевъ и рабочихъ безъ хлѣба, служащихъ обыкновенно орудіями революцій, стояла цѣлая толпа вольноотпущенныхъ, деморализованныхъ рабствомъ, и которымъ свобода дала только больше возможности дѣлать зло; здѣсь были гладіаторы, обученные битвамъ съ людьми и звѣрями, игравшіе смертью другихъ и своею собственною; но всѣхъ многочисленнѣе и всѣхъ хуже были здѣсь бѣглые рабы, которые, обокравъ и зарѣзавъ кого нибудь у себя дома и существуя грабежемъ во все время пути, собирались со всей Италіи искать себѣ пріюта и затеряться во мракѣ народныхъ кварталовъ Рима; то была отвратительная и ужасная толпа безъ семьи, безъ отечества, и которой, разъ поставленой общественнымъ мнѣніемъ внѣ законовъ и внѣ общества, нечего было ни терять, ни щадить. И между подобными-то людьми Клодій набиралъ себѣ шайки. Этотъ наборъ происходилъ среди бѣлаго дня на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ въ Римѣ, возлѣ Аврелiанскихъ ступеней. Послѣ того новыхъ солдатъ распредѣляли по декуріямъ и центуріямъ подъ команду энергическихъ начальниковъ. Они собирались по кварталамъ въ тайныя общества, гдѣ узнавали свой лозунгъ, а ихъ центральное мѣсто и арсеналъ находились въ храмѣ Кастора. Въ назначенный день, когда требовалась народная манифестація, трибуны приказывали запереть лавки; тогда ремесленники, выброшенные на улицу, и вся армія тайныхъ обществъ направлялись вмѣстѣ къ форуму. Тамъ они встрѣчали не тѣхъ честныхъ людей, которые, чувствуя себя слабѣе, оставались дома, но гладіаторовъ и пастуховъ, которыхъ сенатъ вызывалъ ради своей защиты изъ дикихъ странъ Пиценума или изъ Галліи, и тутъ начиналась битва. «Представьте себѣ Лондонъ, говоритъ г. Моммсенъ, съ рабскимъ населеніемъ Новаго Орлеана, съ полиціей Константинополя, съ промышленностью современнаго Рима, и припомните политическое положеніе Парижа въ 1848 году— вы будете имѣть нѣкоторое понятіе о республиканскомъ Римѣ въ послѣднія минуты его существованія».

Не было ни одного закона, который-бы еще уважался, ни одного гражданина, ни одного должностнаго лица, которые были-бы безопасны отъ насилій. Сегодня уничтожали знаки консульскаго достоинства, завтра оставляли замертво на мѣстѣ трибуна. Самъ сенатъ, увлеченный примѣромъ, утратилъ наконецъ то качество, которое Римлянинъ теряетъ обыкновенно послѣ всего, а именно, свою важность. Въ этомъ собраніи царей, какъ назвалъ его одинъ Грекъ, спорили съ возмутительною грубостью. Цицеронъ никого не удивлялъ, величая своихъ противниковъ кличками поросенка, дерьма, тухлятины. Пренія становились иногда до такой степени живы, что шумъ ихъ доходилъ до взволнованной толпы, наполнявшей сосѣдніе портики куріи. Тогда и она вступалась въ дѣло и притомъ съ такою силою, что испуганные сенаторы спѣшили убѣжать. [1]) Понятно, что на форумѣ дѣло было еще хуже. Цицеронъ разсказываетъ, что, уставши браниться, тамъ начинали плевать другъ другу въ лицо. [2]) Желая говорить къ народу, надо было брать трибуну приступомъ, причемъ рисковали жизнью, силясь на ней устоять. Трибуны нашли новый способъ для достиженія единогласія при голосованіи предлагаемыхъ ими законовъ: колотить и прогонять всѣхъ, кто осмѣлится съ ними не согласиться. Но нигдѣ борьба не была такъ жестока, какъ на Марсовомъ полѣ въ день выборовъ. Приходилось жалѣть о томъ времени, когда избиратели открыто торговали голосами. Теперь ужъ не хлопотали больше о покупкѣ себѣ общественныхъ должностей, а находили болѣе удобнымъ брать ихъ силою. Каждая партія отправлялась еще до-свѣту на Марсово поле. Схватки случались по ведшимъ туда дорогамъ. Спѣшили придти прежде своихъ противниковъ, а если тѣ были уже на мѣстѣ, на нихъ нападали и прогоняли ихъ прочь; очень естественно, что должности оставались за тѣмъ, кто овладѣвалъ мѣстомъ. Среди всѣхъ этихъ вооруженныхъ шаекъ никто не былъ въ безопасности. Приходилось укрѣпляться въ собственномъ домѣ, чтобы не быть застигнутымъ врасплохъ. Выходить можно было только въ сопровожденіи толпы гладіаторовъ и рабовъ. Чтобы пройти изъ одного квартала въ другой, брали столько предосторожностей, какъ-будто для перехода пустынною страной, и на поворотѣ улицы встрѣчались съ такимъ-же страхомъ, какъ гдѣ нибудь въ лѣсномъ захолустьѣ. Посреди Рима происходили настоящія сраженія и правильныя осады. Самымъ обыкновеннымъ дѣломъ было въ то время поджечь домъ своихъ враговъ, рискуя

[1]) **Ad Quint.**, II, 1.

[2]) **Ad Quint.**, II, 3.

при этомъ истребленіемъ цѣлаго квартала, и подъ-конецъ не проходило ни однихъ выборовъ и ни одного народнаго собранія безъ кровопролитій. «Тибръ, говоритъ Цицеронъ, описывая одну изъ подобныхъ битвъ, былъ покрытъ тѣлами гражданъ, они переполняли собою общественные стоки, и приходилось губками подтирать кровь, стекавшую съ форума». [1]).

Вотъ, въ какихъ темныхъ судорогахъ погибала римская республика, и какіе постыдные безпорядки истощали ея послѣднія силы. Цицеронъ хорошо зналъ эту кровавую анархію и предстоявшія ему въ ней опасности. Потому, прежде чѣмъ вернуться въ Римъ, онъ порѣшилъ быть на столько осторожнымъ, чтобы не подвергать себя необходимости снова его покинуть. Онъ не принадлежалъ къ числу людей, которыхъ несчастія дѣлаютъ твердыми, и которые находятъ своего рода удовольствіе въ борьбѣ съ неудачами. Ссылка обезотважила его. Во время своего продолжительнаго и скучнаго пребыванія въ Ѳессаліи онъ грустно обсудилъ свое прошлое. Онъ упрекнулъ себя, какъ за преступленіе, за свои попытки на мужество и независимость, за смѣлость борьбы съ сильными людьми и за ту ошибку, что слишкомъ тѣсно примкнулъ къ партіи, по его мнѣнію, лучшей и явно оказавшейся слабѣйшею. Онъ возвращался съ твердымъ намѣреніемъ не вступать, по возможности, ни въ какія обязательства, обезоружить враговъ своей угодливостью и бережно относиться ко всѣмъ. Таково было его поведеніе по пріѣздѣ, и первыя рѣчи его были образцовыми политическими произведеніями. Очевидно, что онъ еще склоненъ въ пользу аристократіи, весьма дѣятельно хлопотавшей о его возвратѣ; за то, въ похвалу ей, онъ и умѣетъ найдти прекрасныя патріотическія и благодарственныя выраженія; но онъ уже начинаетъ льстить Цезарю, и называетъ Помпея «самымъ добродѣтельнымъ, мудрымъ и великимъ человѣкомъ своего вѣка и всѣхъ вѣковъ». [2]) Въ то-же время онъ самъ говоритъ намъ, что остерегался являться въ сенатъ, когда тамъ предстояло обсуждать слишкомъ жгучіе вопросы, и что онъ всякій разъ спѣшилъ покинуть форумъ, когда пренія на немъ становились слишкомъ живы. «Не надо больше сильныхъ средствъ, отвѣчалъ онъ тѣмъ, кто старался его подвигнуть на какое-нибудь видное дѣло; я хочу лѣчиться діэтой». [3]).

[1]) Pro Sext., 35. [2]) Ad pop. pro red., 7.
[3]) Ad Att., IV, 3. Ego diaeta curari incipio, chirurgiae taedet.

Вскорѣ однако онъ замѣтилъ, что этой ловкой самобережи мало для устраненія отъ него всякой опасности. Между тѣмъ какъ онъ перестроивалъ свой домъ на Палатинѣ, разрушенный послѣ его отъѣзда, шайки Клодія бросились на рабочихъ, разогнали ихъ и, сдѣлавшись посмѣлѣе послѣ этого успѣха, подожгли домъ его брата, Квинта, находившійся по сосѣдству. Нѣсколько дней спустя, прогуливаясь по Священному пути, онъ услыхалъ вдругъ сильный шумъ и, обернувшись назадъ, увидѣлъ поднятыя палки и обнаженные мечи. Оказалось, что на него нападали тѣ-же самые люди. Онъ едва успѣлъ спастись въ сѣняхъ одного дружескаго дома, между тѣмъ какъ рабы его храбро дрались передъ дверью, чтобы дать ему время убѣжать. Катонъ не смутился-бы отъ подобныхъ насилій, но Цицеронъ былъ, вѣроятно, очень напуганъ ими: они главнымъ образомъ убѣдили его въ томъ, что система искусной осторожности была недостаточна для полной его охраны. Дѣйствительно, ни одна партія не стала-бы, вѣроятно, подвергать себя риску для его защиты до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ ограничиваться относительно ея однѣми любезностями, а такъ какъ онъ не могъ оставаться безпомощнымъ и одинокимъ среди всѣхъ этихъ вооруженныхъ партій, то для того, чтобы найти себѣ нужную поддержку, онъ рѣшился сблизиться съ которою нибудь изъ нихъ.

Но которую же именно слѣдовало ему выбрать? Этотъ важный вопросъ ставилъ въ неизбѣжную борьбу его интересы и симпатіи. Всѣ его предпочтенія были, очевидно, на сторонѣ аристократіи. Онъ тѣсно сблизился съ нею во времена своего консульства и съ тѣхъ поръ открыто служилъ ей: для нея онъ только что пренебрегъ гнѣвъ народа и попалъ въ изгнаніе. Но это самое изгнаніе доказало ему, что болѣе честная партія была въ то-же время и менѣе надежною. Въ послѣднюю минуту сенаторы не нашли дѣйствительнѣйшаго средства для его спасенія, какъ издавать безполезные указы, надѣть на себя траурныя одежды и броситься всѣмъ вмѣстѣ въ ноги консуловъ. По мнѣнію Цицерона, этого было недостаточно. Видя, какъ его плохо защищаютъ, онъ невольно подумалъ, что люди, не желавшіе принять болѣе рѣшительнаго участія въ его дѣлахъ, были въ сущности довольны его неудачею, и онъ, быть можетъ, не ошибался. Римская аристократія, не смотря на все, что онъ для нея сдѣлалъ, не могла забыть того, что онъ — новый человѣкъ. Всѣ эти Клавдіи, Корнеліи, Манліи, смотрѣли всегда съ нѣкоторымъ

неудовольствіемъ на этого ничтожнаго гражданина изъ Арпинума, сдѣлавшагося съ ними равнымъ, благодаря народному избранію. Быть можетъ, ему и простили-бы его счастіе, еслибы онъ самъ несъ его поскромнѣе; но намъ извѣстна его суетность: она была только смѣшна, а между тѣмъ аристократія, которую она оскорбляла, находила ее преступною. Ей была невыносима та законная гордость, съ какою онъ безпрестанно повторялъ, что онъ не болѣе, какъ выскочка. Ей казалось страннымъ, что когда на него нападали съ дерзостями, онъ отвѣчалъ насмѣшкой, и еще недавно она была скандализована тѣмъ, что онъ до такой степени забылся, что купилъ себѣ виллу Катула въ Тускулумѣ и поселился на Палатинѣ въ домѣ Красса. Проницательный умъ Цицерона отлично понималъ всѣ эти чувства аристократіи и даже преувеличивалъ ихъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся изъ ссылки, у него были еще другія причины недовольства противъ нея. Она очень заботилась о томъ, чтобы вернуть его, но не предвидѣла, съ какимъ блескомъ произойдетъ это возвращеніе и была, повидимому, недовольна этимъ. «Люди, обрѣзавшіе мнѣ крылья, говоритъ Цицеронъ, недовольны тѣмъ, что они снова отростаютъ.[1])» Съ этихъ поръ его добрые друзья въ сенатѣ не стали больше ничего дѣлать для него. Онъ нашелъ состояніе свое очень разстроеннымъ, домъ свой на Палатинѣ сожженнымъ, свои виллы въ Тускулумѣ и Форміяхъ разграбленными и разрушенными, а его между тѣмъ едва согласились вознаградить за потери. Но еще больше сердило его то, что никто, очевидно, не думалъ раздѣлять его гнѣва противъ Клодія. При его бѣшеныхъ вспышкахъ всѣ оставались холодны и нѣмы. Нѣкоторые даже, самые ловкіе, старались говорить объ этомъ хвастливомъ трибунѣ не иначе, какъ съ уваженіемъ, и не стыдились протягивать ему публично руку. Откуда могла явиться у нихъ такая пощада къ человѣку, который самъ такъ мало ихъ щадилъ? Дѣло въ томъ, что они надѣялись воспользоваться имъ и втайнѣ питали мысль призвать демагогію на помощь находившимся въ опасности аристократамъ. Такой союзъ, хотя и менѣе обыкновенный, чѣмъ союзъ домагогіи съ деспотизмомъ, не былъ однако невозможенъ, и еслибы удалось привязать къ себѣ Клодія, тогда шайки его дали-бы возможность сенату держать въ страхѣ тріумвировъ. Цицеронъ, замѣчавшій эту политику,

[1]) **Ad Att.**, IV, 2.

боялся стать жертвою ея; тогда онъ горько сожалѣлъ объ услугахъ, оказанныхъ имъ сенату и стоившихъ ему очень дорого. Вспоминая тѣ опасности, которымъ онъ подвергался, силясь защитить его, упорную и неудачную борьбу, веденную имъ впродолженіи четырехъ лѣтъ, гибель своего политическаго значенія и разстройство денежныхъ дѣлъ, онъ грустно говорилъ: «Теперь я хорошо вижу, что былъ просто напросто глупецъ, **scio me asinum germanum fuisse.**» [1])

Итакъ, ему ничего больше не оставалось, какъ обратиться къ тріумвирамъ. Это совѣтовали ему его другъ, мудрый Аттикъ, и братъ его Квинтъ, сдѣлавшійся противъ обыкновенія очень осторожнымъ послѣ того, какъ у него сожгли домъ; онъ самъ подумывалъ прибѣгнуть къ этому средству всякій разъ, какъ претерпѣвалъ какую нибудь новую опасность. Тѣмъ не менѣе Цицерону все-таки было трудно рѣшиться. До сихъ поръ тріумвиры были его жесточайшими врагами. Не говоря уже о Крассѣ, въ которомъ онъ ненавидѣлъ сообщника Катилины, онъ очень хорошо зналъ, что Клодія выпустилъ противъ него Цезарь, и не могъ позабыть, что Помпей, поклявшійся защищать его, самымъ низкимъ образомъ предоставилъ его мести своихъ двухъ друзей; но онъ не могъ выбирать своихъ связей и, не смѣя больше довѣряться аристократической партіи, принужденъ былъ поставить себя подъ покровительство другихъ. Итакъ, ему пришлось покориться. Онъ уполномочилъ своего брата обязаться за него передъ Цезаремъ и Помпеемъ, и принялся угождать ихъ честолюбію. Первымъ дѣломъ его по возвращеніи было попросить для Помпея одну изъ тѣхъ необыкновенныхъ должностей, до которыхъ тотъ былъ такъ жаденъ: онъ побудилъ возложить на него на шесть лѣтъ заботу о продовольствіи Рима, и по этому случаю его облекли почти неограниченною властью. Нѣсколько времени спустя, не смотря на то что общественная казна была истощена, онъ убѣдилъ выдать Цезарю денегъ для уплаты жалованья его легіонамъ и дозволить ему имѣть у себя подъ командой десять помощниковъ. Когда аристократія, понимавшая, съ какою цѣлью онъ завоевывалъ Галлію, хотѣла помѣшать ему въ этомъ, тогда тотъже Цицеронъ сталъ просить и добился того, что ему дозволили продолжать свое дѣло. Такимъ образомъ прежній врагъ тріумвировъ

[1]) **Ad Att.**, IV, 5.

сдѣлался ихъ обыкновеннымъ защитникомъ передъ сенатомъ. Поддержка, которую онъ согласился имъ дать, была для нихъ не безполезна. Его великое имя и убѣдительная рѣчь привлекали къ нему умѣренныхъ людей изъ всѣхъ партій, всѣхъ, у кого были шаткое мнѣніе и нерѣшительныя убѣжденья, преимущественно-же тѣхъ, кто, утомившись слишкомъ бурной свободою, искалъ повсюду твердой умиротворяющей руки; всѣ эти люди, вмѣстѣ съ личными друзьями Цезаря и Помпея, съ наемными креатурами богатаго Красса и всякаго рода честолюбцами, предвидѣвшими наступленіе монархическаго порядка и желавшими изъ первыхъ привѣтствовать его, составляли въ сенатѣ нѣкотораго рода большинство, ораторомъ и вождемъ котораго былъ Цицеронъ, и которое оказывало тріумвирамъ важную услугу тѣмъ, что давало законную санкцію ихъ власти, захваченной ими путемъ насилія и удерживаемой беззаконно.

Наконецъ-то Цицеронъ добился покоя. Враги боялись его, Клодій не дерзалъ больше нападать на него, ему завидовали въ томъ, что онъ такъ близко сошелся съ новыми властителями; между тѣмъ этотъ искусный образъ дѣйствій, доставлявшій ему благодарность тріумвировъ и поздравленія отъ Аттика, нерѣдко тяготилъ его. Хоть онъ и говорилъ, «что жизнь его обрѣла прежній блескъ,» тѣмъ не менѣе ему совѣстно было служить людямъ, чье честолюбіе было ему извѣстно, и которыхъ онъ считалъ опасными для свободы своей страны. Среди всяческихъ стараній угодить имъ, онъ чувствовалъ иногда внезапные приступы патріотизма, заставлявшіе его краснѣть. Его дружеская переписка носитъ на себѣ повсюду слѣды происходящихъ съ нимъ перемѣнъ. Однажды онъ писалъ Аттику легкомысленнымъ и рѣшительнымъ тономъ: «Отбросимъ въ сторону честь, справедливость и прекрасныя правила!... Если тѣ, кто ничего не можетъ, не хотятъ меня любить, попробуемъ заставить любить себя тѣми, кто все можетъ.» [1]) Но ему становилось совѣстно уже на другой день и онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать своему другу: «Есть-ли что-нибудь грустнѣе нашей жизни, особенно моей? Если я говорю согласно своимъ убѣжденіямъ, меня считаютъ безумцемъ; если я дѣйствую ради своихъ интересовъ, меня обвиняютъ въ рабскихъ наклонностяхъ; если я молчу, говорятъ, будто я трушу.» [2]) Даже въ его публичныхъ рѣчахъ, не смотря

[1]) **Ad Att.**, IV, 5.
[2]) **Ad Att.**, VI, 6.

на принятую имъ на себя осторожность, пробивается его тайное недовольство. Мнѣ кажется, что это особенно замѣтно въ томъ невообразимо горькомъ и рѣзкомъ тонѣ, который такъ свойственъ ему въ это время. Никогда, быть можетъ, онъ такъ страстно не бранился. А подобные порывы негодованія противъ другихъ происходятъ часто отъ досады на самого себя. Что дѣлало въ этотъ моментъ краснорѣчіе его столь горькимъ, такъ это—чувство внутренняго недовольства, которое испытываешь всякій разъ, какъ находишься на дурномъ пути и не имѣешь духа его покинуть. Прежнимъ своимъ друзьямъ онъ не прощалъ ихъ насмѣшекъ, а новымъ—ихъ требованій, упрекалъ себя въ тайнѣ за свою низкую уступчивость, сердился и на себя самого, и на другихъ, а тутъ Ватинію или Пизону приходилось расплачиваться за всѣхъ. Въ такомъ состояніи духа онъ не могъ быть ни для кого надежнымъ другомъ. Случалось, что онъ внезапно опрокидывался на своихъ новыхъ союзниковъ и наносилъ имъ удары, тѣмъ болѣе непріятные, что они были совершенно неожиданны. Иногда онъ доставлялъ себѣ удовольствіе нападать на ихъ лучшихъ друзей, чтобы доказать и другимъ, и себѣ, что онъ еще не совсѣмъ утратилъ свободу. Въ одной рѣчи, защищая интересы Цезаря, онъ ко всеобщему удивленію принялся превозносить Бибула, котораго Цезарь ненавидѣлъ. Однажды даже онъ былъ, повидимому, вполнѣ готовъ вернуться къ тѣмъ оставленнымъ имъ лицамъ, которыхъ онъ называлъ нѣкогда честными людьми. Случай казался ему удобнымъ для того, чтобы торжественно порвать связи съ новой партіей. Дружба между тріумвирами очень охладѣла. Помпей былъ недоволенъ успѣхами Галльской войны, грозившей изгладить въ памяти людей его прежнія побѣды. Слыша, какъ тотъ безцеремонно выражается о своемъ сопернике, Цицеронъ рѣшилъ, что можетъ теперь безопасно поублажить свою раздраженную совѣсть, и вздумалъ блистательнымъ образомъ заслужить себѣ прощеніе отъ старыхъ друзей. Воспользовавшись затрудненіями, возникшими при исполненіи аграрнаго закона Цезаря, онъ торжественно заявилъ, что въ майскія иды будетъ говорить о продажѣ земель въ Кампаніи, которыя, въ силу этого закона, назначалось раздѣлить между народомъ. Это заявленіе его произвело чрезвычайное дѣйствіе. Союзники тріумвировъ были столько-же скандализованы, сколько изумлены, а аристократическая партія поспѣшила съ радостнымъ восторгомъ принять возвращавшагося къ

ней краснорѣчиваго перебѣжчика; но черезъ нѣсколько дней все обратилось противъ него. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ рѣшался на свой отважный поступокъ, тріумвиры возобновляли въ Луккѣ союзъ, уже считавшійся всѣми разрушеннымъ, и среди цѣлаго придворнаго штата льстецовъ дѣлили между собою міръ. Итакъ, Цицерону снова пришлось очутиться безпомощнымъ и одинокимъ передъ разъяреннымъ и всемогущимъ врагомъ, еще грозившимъ предоставить его мести Клодія. Аттикъ бранился, Квинтъ, обязавшійся за своего брата, грубо жаловался на то, что его заставляютъ нарушить слово; Помпей, втайнѣ способствовавшій измѣнѣ, дѣлалъ видъ, будто сердится всѣхъ болѣе. Бѣдный Цицеронъ, осажденный со всѣхъ сторонъ и испугавшійся при видѣ возбужденной имъ бури неудовольствій, поспѣшилъ покориться и обѣщалъ все, чего отъ него требовали. Такимъ образомъ эта попытка къ независимости сдѣлала рабство его еще тяжеле.

Начиная съ этой минуты онъ, повидимому, съ большей рѣшимостью принялъ свое новое положеніе, чувствуя, что уже не можетъ измѣнить его. Онъ пустился осыпать все болѣе и болѣе преувеличенными похвалами тщеславнаго Помпея, которому ихъ было всегда мало. Онъ согласился сдѣлаться вмѣстѣ съ Оппіемъ и Бальбомъ управляющимъ дѣлами Цезаря и наблюдать за постройкою воздвигаемыхъ имъ памятниковъ.

Онъ пошелъ дальше того и, по просьбѣ своихъ могущественныхъ покровителей, рѣшился протянуть руку тѣмъ людямъ, которыхъ считалъ своими величайшими врагами. Для человѣка, умѣвшаго такъ сильно ненавидѣть, это было не малою жертвою; но разъ вступивъ такъ рѣшительно въ эту партію, онъ долженъ былъ принимать ея друзей, точно такъ-же, какъ и отстаивать ея замыслы. Сначала его примирили съ Крассомъ. Это было крупное дѣло, кончившееся не въ одинъ день, потому-что когда прежнюю ненависть между ними считали уже погасшею,—она вдругъ вспыхнула въ одномъ сенатскомъ спорѣ, и Цицеронъ такъ недружелюбно отнесся къ своему новому союзнику, что даже удивился самъ. «Я считалъ уже ненависть свою истощенною, сказалъ онъ наивно, и не думалъ, чтобы ея еще оставалось сколько нибудь въ моемъ сердцѣ.» [1]) Затѣмъ его попросили взять на себя защиту Ватинія; онъ довольно охотно согласился, хотя въ предъидущемъ году разражался противъ него бѣшеною бранью. Римскіе адвокаты уже достаточно попривыкли къ такимъ рѣзкимъ переходамъ, примѣры которыхъ не разъ и прежде давалъ Цицеронъ. Когда Габиній вернулся изъ Египта, возстановивъ тамъ на престолѣ царя Птоломея, вопреки формальному запрещенію сената, Цицеронъ, не могшій его терпѣть, нашелъ, что теперь будетъ очень удобно погубить его, и приготовлялся къ нападенію; но Помпей настойчиво упрашивалъ его взять на себя его защиту. Онъ не дерзнулъ сопротивляться, измѣнилъ роль и рѣшился говорить за ненавистнаго ему человѣка, защищая его въ дѣлѣ, которое самъ находилъ дурнымъ. Онъ имѣлъ по крайней мѣрѣ утѣшеніе проиграть свой процессъ и, хотя онъ обыкновенно очень дорожилъ успѣхомъ, быть можетъ, эта неудача не огорчила его.

[1]) Ad fam., I, 9.

Но онъ хорошо понималъ, что его угодливость и покорность и всѣ эти вынужденныя, явныя отреченія отъ самого себя возстановятъ противъ него наконецъ общественное мнѣніе. Вотъ почему онъ рѣшился написать въ это время своему другу Лентулу, одному изъ аристократическихъ вождей, очень важное письмо, вѣроятно предназначенное имъ для распространенія, въ которомъ онъ объяснялъ свои поступки. [1]) Въ этомъ письмѣ, разсказавъ факты на свой ладъ и достаточно разбранивъ тѣхъ, чью партію онъ покидалъ, что служитъ очень удобнымъ и общераспространеннымъ способомъ для того, чтобы предупреждать ихъ жалобы и сдѣлать ихъ отвѣтственными за то зло, которое имъ будетъ сдѣлано, онъ рѣшается вдругъ, со странной откровенностью, представить какую-то апологію политической измѣнчивости. Доводы, излагаемые имъ въ ея оправданіе, не всегда очень хороши, но, вѣрно, лучшихъ и не было, такъ какъ ими не перестаютъ пользоваться и донынѣ. На основаніи словъ Платона, сказавшаго гдѣ-то, «что какъ съ отцомъ, такъ и съ отечествомъ не слѣдуетъ обращаться насильственнымъ образомъ,» Цицеронъ принимаетъ за правило, что политикъ не долженъ упорно желать того, чего не хотятъ его сограждане, ни терять времени на безполезную оппозицію. Обстоятельства измѣняются, надо измѣняться вмѣстѣ съ ними, приспособляясь къ дующему вѣтру, чтобы не разбиться о подводную скалу. Да и точно-ли это значитъ измѣняться? Развѣ нельзя въ сущности желать одного и того же и служить

[1]) Ad fam., I, 9.

странѣ подъ различными знаменами? Можно-ли назвать непостояннымъ того, кто защищаетъ, судя по обстоятельствамъ, повидимому, противуположныя мнѣнія, если къ одной и той-же цѣли ведутъ различные пути, и развѣ всѣ не знаютъ, что «надо часто измѣнять направленіе парусовъ, желая дойти до пристани?» Все это не болѣе, какъ общія правила, придумываемыя изобрѣтательнымъ политикомъ для прикрытія своей слабости, и нѣтъ ни какой нужды обсуждать ихъ. Мы можемъ всего лучше защитить Цицерона, напомнивъ, въ какое время онъ жилъ и какъ мало онъ подходилъ къ этому времени. Этотъ изящный литераторъ, этотъ остроумный артистъ, этотъ поклонникъ мирныхъ искусствъ, по прихоти судьбы, былъ брошенъ въ одну изъ самыхъ бурныхъ и тревожныхъ историческихъ эпохъ. Что могъ сдѣлать среди кровавыхъ распрей, гдѣ господствовала грубая сила, человѣкъ досуга и науки, не имѣвшій иного орудія, кромѣ дара слова и постоянно мечтавшій объ удовольствіяхъ тоги и о мирныхъ лаврахъ краснорѣчія? Надо было имѣть болѣе мужественную душу, чѣмъ его, чтобы сопротивляться такимъ нападеніямъ. События, бывшія сильнѣе его, безпрестанно перепутывали его планы и играли его колеблющейся волей. При своемъ вступленіи въ политическую жизнь онъ принялъ за свой девизъ спокойствіе и честь, **otium cum dignitate**; но эти двѣ вещи не легко соединить между собою во времена революціи, и почти всегда бываетъ такъ, что утрачиваютъ одну, если черезъ-чуръ ужь хотятъ сохранить другую. Люди рѣшительные, зная это, дѣлаютъ прежде всего выборъ между этѣми двумя вещами и, судя по тому, похожъ-ли человѣкъ на Катона или на Аттика, онъ сразу выбираетъ либо спокойствіе, либо честь. Люди нерѣшительные, подобные Цицерону, переходятъ отъ одного къ другому, смотря по обстоятельствамъ, и разомъ вредятъ имъ обоимъ. Мы дошли въ исторіи его жизни до той тяжелой минуты, когда спокойствію приноситъ онъ въ жертву честь; не будемъ къ нему слишкомъ строги и вспомнимъ, что впослѣдствіи онъ пожертвовалъ не только спокойствіемъ, но и самою жизнью, чтобы спасти свою честь.

II.

Однимъ изъ результатовъ новой политики Цицерона было то, что онъ хорошо узналъ Цезаря. Это не значитъ однако, чтобы до тѣхъ поръ они были чужды другъ для друга. Ихъ одинаковая любовь къ литературѣ и общность ученыхъ занятій соединили ихъ въ молодости, и изъ этихъ юношескихъ, никогда не забывающихся отношеній у нихъ осталась взаимная симпатія и расположеніе. Но такъ какъ впослѣдствіи они пристали къ противуположнымъ партіямъ, то событія не замедлили разлучить ихъ. На форумѣ и въ сенатѣ они завели привычку держаться всегда противуположнаго мнѣнія, причемъ дружба ихъ естественнымъ образомъ должна была пострадать отъ горячихъ споровъ. Впрочемъ Цицеронъ говоритъ, что даже во времена наибольшаго раздраженія ихъ другъ противъ друга, Цезарь никогда не могъ ненавидѣть его. [1])

Политика разъединила ихъ и она-же ихъ сблизила. Когда Цицеронъ перешелъ на сторону тріумвировъ, дружескія отношенія ихъ возобновились; но на этотъ разъ положеніе ихъ было различно, и связь ихъ не могла носить прежняго характера. Бывшій школьный товарищъ Цицерона сдѣлался теперь его покровителемъ. Теперь ихъ соединяло не взаимное влеченіе и не общія ученыя занятія, а интересъ и необходимость; новая связь ихъ образовалась какъ-бы вслѣдствіе взаимнаго уговора, по которому одинъ изъ нихъ предоставлялъ свой талантъ и немного своей чести за то, чтобы другой обезпечивалъ ему покой. Надо сознаться, что подобныя обстоятельства не слишкомъ благопріятны для начала искренней дружбы. Между тѣмъ, читая задушевную переписку Цицерона, гдѣ онъ говоритъ отъ искренняго сердца, мы ясно видимъ, что онъ находилъ много прелести въ этихъ сношеніяхъ съ Цезаремъ, которыя представлялъ себѣ сперва столь трудными. Вѣроятно, они казались ему такими по сравненію съ тѣми сношеніями, которыя ему приходилось поддерживать въ то же самое время съ Помпеемъ. Цезарь былъ по крайней мѣрѣ всегда любезенъ и вѣжливъ. Не смотря на то, что у него были самыя серьёзныя дѣла на рукахъ, онъ находилъ время думать о своихъ друзьяхъ и шутить съ ними. Не смотря на всю

[1]) In Pis., 32.

свою славу побѣдителя, онъ допускалъ, чтобы ему писали «фамильярно и безъ низости.» [1]) Самъ онъ отвѣчалъ любезными письмами, «полными вѣжливости, предупредительности и пріятности» [2]), такъ что они восхищали Цицерона. Напротивъ того, Помпей какъ-будто находилъ удовольствіе оскорблять его своимъ высокомѣріемъ. Этотъ надутый гордецъ, испорченный поклоненіями восточныхъ народовъ, принимавшій на себя видъ тріумфатора даже когда онъ ѣхалъ изъ своего альбанскаго дома въ Римъ, держался всегда повелительнаго и надменнаго тона, который всѣхъ отъ него отталкивалъ. Но что не нравилось еще сильнѣе его дерзости, такъ это его скрытность. Онъ какъ будто чувствовалъ отвращеніе сообщать свои намѣренія другимъ; онъ скрывалъ ихъ даже отъ самыхъ преданныхъ своихъ друзей, которымъ нужно было знать ихъ для того, чтобы поддерживать. Цицеронъ не разъ жаловался на то, что никогда нельзя знать, чего онъ хочетъ; ему случалось даже совершенно ошибаться насчетъ его дѣйствительныхъ намѣреній и возбуждать его гнѣвъ желаніемъ услужить ему. Вѣроятно, большинство людей считало подобную скрытность за глубочайшую политику; но болѣе проницательные изъ нихъ легко открывали ея причину. Если онъ никому не высказывалъ своего мнѣнія, такъ это потому, что чаще всего у него его не было, и, какъ это обыкновенно водится, молчаніе служило ему только для прикрытія пустоты. Онъ шелъ на удачу, не имѣя ни твердыхъ началъ, ни установленной системы, и никогда не заглядывалъ впередъ дальше наличныхъ обстоятельствъ. Событія всегда изумляли его, и онъ вполнѣ доказалъ, что онъ такъ-же неспособенъ управлять ими, какъ и предвидѣть ихъ. Самое честолюбіе, бывшее въ немъ преобладающею страстью, не имѣло точныхъ видовъ и опредѣленныхъ притязаній. Какія-бы почетныя должности ему ни предлагали для удовлетворенія этой страсти, очевидно — ей хотѣлось чего-то другого; оно было ясно безъ его словъ, такъ какъ онъ скрывалъ это довольно неловко. Его обычною тактикою было показывать свое пресыщеніе, и ему хотѣлось, чтобы его насильно заставляли принимать то, чего онъ въ сущности всего больше желалъ. Понятно, что никто не обманывался этой слишкомъ часто повторяемой комедіей.

[1]) Ad Quint., II, 12.
[2]) Ad Quint., II, 15.

Въ концѣ концовъ, такъ какъ онъ поочередно нападалъ на каждую партію и вскорѣ потомъ защищалъ ее и, добиваясь, повидимому, почти царской власти, не старался между тѣмъ разрушить республику въ ту пору, когда могъ это сдѣлать, то въ настоящее время совершенно невозможно угадать его намѣренія, и даже трудно сказать, были ли у него какіе нибудь опредѣленные планы.

Иное дѣло Цезарь. Тотъ по крайней мѣрѣ отдавалъ себѣ отчетъ въ своемъ честолюбіи и очень хорошо зналъ, что онъ хочетъ дѣлать. Планы его были твердо опредѣлены еще прежде, чѣмъ онъ вступилъ въ общественную жизнь; [1]) онъ еще въ молодости вознамѣрился стать властелиномъ. Эта мысль явилась у него при видѣ тогдашнихъ переворотовъ; сознаніе личной его цѣнности и посредственности его враговъ придало ему силы взяться за ея осуществленіе; при этомъ какая-то предразсудочная вѣра въ свою судьбу, довольно часто встрѣчаемая у людей, затѣвающихъ важныя предпріятія, побуждала его не сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Вотъ почему онъ рѣшительными шагами шелъ къ своей цѣли, не обнаруживая поспѣшной пылкости для ея достиженія, но никогда и не теряя ея изъ виду. Не всякій можетъ ясно сознавать, чего онъ хочетъ, особенно въ такія смутныя эпохи, когда добро и зло перемѣшиваются между собою, а между тѣмъ торжество принадлежитъ лишь тѣмъ, кто обладаетъ этой способностью. Что главнымъ образомъ дало превосходство Цезарю, такъ это именно то, что, находясь среди нерѣшительныхъ политиковъ, имѣвшихъ неопредѣленные замыслы, шаткія убѣжденія и лишь одни потуги честолюбія, онъ одинъ только обладалъ честолюбіемъ обдуманнымъ и имѣлъ опредѣленную цѣль. Всѣ приближавшіеся къ нему испытывали надъ собою превосходство этой могучей и спокойной воли, ясно озиравшей свои замыслы, сознававшей свои силы и увѣренной въ побѣдѣ. Цицеронъ испыталъ это подобно другимъ, не смотря на свои предубѣжденія. Видя въ немъ столько послѣдовательности и силы, онъ не могъ не сдѣлать нелестнаго сравненія съ нерѣшительностью и шаткостью своего прежняго друга. «Я раздѣляю твое мнѣніе насчетъ Помпея, писалъ онъ съ недо-

[1]) Таково по крайней мѣрѣ мнѣніе всѣхъ историковъ древности. Въ отрывкѣ письма Цицерона къ К. Аксію, приводимомъ Светоніемъ, мы читаемъ слѣдующее (Caes., 9): Caesar in consulatu confirmavit regnum de quo aedilis cogitabat.

молвкой своему брату: или лучше сказать, ты моего мнѣнія, такъ какъ я уже съ давнихъ поръ не перестаю воспѣвать Цезаря.»[1]) И дѣйствительно, стоило только поближе подойти къ этому геніальному человѣку, чтобы вполнѣ убѣдиться въ пустотѣ того воображаемаго великаго человѣка, котораго легкіе успѣхи и напыщенный важный видъ дѣлали такъ долго предметомъ восхищенія для безумныхъ.

Не слѣдуетъ однако, полагать, что Цезарь принадлежалъ къ числу тѣхъ упрямцевъ, которые прутъ наперекоръ событіямъ и никогда не соглашаются измѣнить что-либо въ разъ задуманномъ ими планѣ. Напротивъ, никто лучше его не умѣлъ уступать необходимости. Цѣль его оставалась прежнею, но онъ не колебался въ случаѣ надобности прибѣгать къ самымъ различнымъ средствамъ для ея достиженія. Одна изъ такихъ важныхъ перемѣнъ въ его политикѣ произошла именно въ описываемую нами эпоху. Г. Моммсенъ очень хорошо сказалъ, что Цезарь отличается отъ Александра и Наполеона, съ которыми его обыкновенно сравниваютъ, тѣмъ, что въ началѣ онъ былъ больше государственнымъ человѣкомъ, нежели полководцемъ. Онъ не вышелъ, подобно имъ, изъ лагеря, а только что успѣлъ пройти черезъ него, какъ уже случайно и почти невольно сдѣлался побѣдителемъ. Вся его юность прошла въ Римѣ, среди волненій политической жизни, и онъ отправился въ Галлію уже въ той порѣ, когда Александръ умеръ, а Наполеонъ былъ побѣжденъ. Очевидно, что онъ намѣревался достигнуть власти безъ помощи оружія; онъ разсчитывалъ доконать республику путемъ внутренней медленной революціи и по возможности придавая законный видъ этому беззаконному дѣлу. Онъ видѣлъ, что народная партія больше любила общественныя реформы, нежели политическую свободу, и справедливо полагалъ, что она будетъ не противъ демократической монархіи. Умножая волненія, дѣлаясь тайнымъ сообщникомъ Катилины и Клодія, онъ утомлялъ робкихъ республиканцевъ слишкомъ буйной свободою и подготовлялъ ихъ къ тому, чтобы они охотно пожертвовали ею ради спокойствія. Онъ надѣялся, что такимъ образомъ республика, потрясаемая ежедневными волненіями, истощавшими и утомлявшими самыхъ безстрашныхъ ея защитниковъ, падетъ наконецъ безъ всякаго насилія и шума. Но, къ нашему величайшему изумленію, въ тотъ моментъ, когда этотъ столь

[1]) Ad Quint., II, 13.

искусно задуманный планъ былъ уже, какъ будто, близокъ къ осуществленію, мы видимъ, что Цезарь внезапно отказывается отъ него. Послѣ консульства, во время котораго онъ правилъ совершенно одинъ, принуждая своего соправителя къ бездѣйствію, а сенатъ къ молчанію, онъ вдругъ удаляется изъ Рима на цѣлыя десять лѣтъ и пускается на завоеваніе неизвѣстнаго края.

Какая причина побудила его къ этой неожиданной перемѣнѣ? Желалось-бы думать, что онъ почувствовалъ отвращеніе къ той жизни, полной низкихъ интригъ, которую онъ велъ въ Римѣ, и что ему захотѣлось подкрѣпиться болѣе достойными его трудами; но гораздо вѣроятнѣе, что убѣдившись въ неизбѣжномъ паденіи республики, онъ понялъ необходимость для себя запастись арміей и военной славою, чтобы быть въ состояніи справиться съ Помпеемъ. Итакъ, онъ рѣшился ѣхать въ Галлію не по увлеченію или страсти, но строго обдумавъ и заранѣе разсчитавши все дѣло. Когда онъ принялъ это важное рѣшеніе, такъ много способствовавшее его величію, ему было сорокъ четыре года [1]). Паскаль находитъ, что было слишкомъ поздно начинать въ эти лѣта, и что онъ былъ слишкомъ старъ для того, чтобы тѣшиться завоеваніемъ міра. Но кажется, напротивъ, однимъ изъ самыхъ чудныхъ усилій этой энергической воли, что въ тотъ возрастъ, когда безповоротно устанавливаются привычки, и человѣкъ окончательно вступаетъ на тотъ путь, по которому будетъ ужь идти до конца, онъ вдругъ началъ новую жизнь, и бросивъ ремесло народнаго агитатора, которымъ занимался цѣлые двадцать пять лѣтъ, принялся управлять провинціями и руководить арміями. Правда, это зрѣлище кажется намъ болѣе удивительнымъ, нежели казалось тогда. Въ наше время нѣтъ вовсе обыкновенія дѣлаться внезапно администраторомъ или полководцемъ въ пятьдесятъ лѣтъ, такъ какъ это требуетъ по нашему особаго призванія и продолжительнаго изученья; но исторія доказываетъ намъ, что въ Римѣ это было иначе. Развѣ не видали только что передъ этимъ, какъ сластолюбивый Лукуллъ, отправясь командовать азіатской арміей, обучился по дорогѣ военному искусству и, прибывъ на мѣсто, разбилъ Митридата? Что касается администраціи, то богатый Римлянинъ научался ей у себя дома. Тѣ

[1]) Или 42, если принимать, что онъ родился въ 654 году. См. любопытную замѣтку объ этомъ въ Жизнеописаніи Цезаря, кн. II, гл. 1.

громадныя имѣнія и тѣ полчища рабовъ, которыми онъ владѣлъ, привычка распоряжаться огромнымъ богатствомъ, которое нерѣдко превышало богатство нѣсколькихъ государствъ нашихъ дней, освоивали его впередъ съ искусствомъ управленія. Такимъ образомъ и Цезарь, успѣвшій научиться управленію провинціями и арміями только впродолженіе того года, когда онъ былъ преторомъ въ Испаніи, не имѣлъ нужды больше этому учиться для того, чтобы завоевать Гельветовъ и организовать покоренные края, и чтобы сразу явиться превосходнымъ полководцемъ и геніальнымъ администраторомъ.

Именно въ ту эпоху снова начались его дружескія связи съ Цицерономъ, продолжавшіяся до окончанія Галльскихъ войнъ. Цицерону часто случалось писать къ нему рекомендаціи людей, желавшихъ служить подъ его начальствомъ. Въ это время гордостью молодежи было отправляться въ станъ Цезаря. Кромѣ желанія принимать участіе въ великихъ дѣлахъ подъ рукою такого полководца, всѣ въ-тайнѣ надѣялись обогатиться въ этихъ отдаленныхъ странахъ. Мы знаемъ, какую прелесть имѣетъ обыкновенно для человѣка неизвѣстное, и какъ легко придаютъ послѣднему всѣ желанныя красы. Въ то время Галлія была для людскаго воображенія тѣмъ же, чѣмъ Америка стала для него въ XVI вѣкѣ. Всѣ думали, что въ этихъ, никѣмъ непосѣщенныхъ дотолѣ, странахъ можно было найти цѣлыя груды сокровищъ, и всякій, желавшій составить себѣ состояніе, отправлялся къ Цезарю, чтобы получить свою долю добычи. Нельзя сказать, чтобы такое стремленіе не нравилось ему; оно свидѣтельствовало о важномъ значеніи его побѣдъ и служило его цѣлямъ. Потому онъ охотно приглашалъ другихъ слѣдовать за нимъ. Онъ весело писалъ Цицерону, просившему у него мѣста для какого-то неизвѣстнаго Римлянина: «Ты рекомендовалъ мнѣ М. Оффія; хочешь, я сдѣлаю его царемъ Галліи, если только онъ не предпочтетъ быть помощникомъ Лепты. Посылай мнѣ кого угодно, съ тѣмъ чтобы я его обогатилъ» [1]). Именно въ это время у Цицерона было два человѣка, которыхъ онъ очень любилъ, и которымъ очень надо было разжиться: Требацій Теста и братъ его, Квинтъ. Онъ воспользовался удобнымъ случаемъ и отправилъ ихъ обоихъ къ Цезарю.

Требацій былъ очень талантливый человѣкъ, пламенно любившій науку: онъ привязался къ Цицерону и не разставался съ нимъ. Для того, чтобы пріѣхать въ Римъ, онъ рано покинулъ свой бѣдный городокъ Улубры, построенный среди Понтинскихъ болотъ,—пустынныя Улубры, **vacuae Ulubrae**, жителей которыхъ называли улубрскими лягушками. Онъ изучилъ право и, сдѣлавшись въ немъ очень сильнымъ, вѣроятно, оказывалъ много услугъ Цицерону, который кажется, никогда, не зналъ хорошо юриспруденціи и находилъ болѣе удобнымъ смѣяться надъ нею, нежели изучать ее. Къ несчастію, такъ какъ судебные совѣты были тогда даровые, юрисконсульты не богатѣли въ Римѣ, и Требацій былъ очень бѣденъ, несмотря на свои обширныя знанія. Цицеронъ, любившій его безъ всякаго эгоизма, согласился лишить себя его пріятнаго и полезнаго общества и отправилъ его къ Цезарю съ однимъ изъ тѣхъ прелестныхъ рекомендательныхъ писемъ, которыя онъ умѣлъ такъ хорошо писать и въ которыя вкладывалъ столько ума и граціи. «Я прошу у тебя для него, говорилъ онъ, не начальствованія надъ легіономъ и не мѣста правителя. Я ничего не назначаю. Подари его своей дружбою и если вы захочешь потомъ сдѣлать что-нибудь для его славы и богатства, я не буду и противъ этого. Словомъ, передаю тебѣ его сполна, изъ рукъ въ руки, какъ говорится, и надѣюсь, что ему будетъ хорошо въ твоихъ вѣрныхъ и побѣдоносныхъ рукахъ» [1]). Цезарь поблагодарилъ Цицерона за этотъ, конечно, очень цѣнный для него подарокъ, «такъ какъ, замѣтилъ онъ остроумно, изъ окружающей меня толпы ни одинъ человѣкъ не сумѣлъ бы подать мнѣ прошенія» [2]). Требацій очень неохотно уѣхалъ изъ Рима; Цицеронъ говоритъ, что его просто пришлось вытолкнуть за дверь [3]). Первый видъ Галліи, столь мало походившей на теперешнюю Францію, не могъ, конечно, развеселить его. Онъ проѣхалъ черезъ дикіе края, между плохо покоренными и грозными еще народами и, глядя на варварство, сжимавшее ему сердце, постоянно думалъ объ удовольствіяхъ оставленнаго имъ изящнаго города. Письма его были до того отчаянны, что Цицеронъ, забывая, что онъ самъ испытывалъ такую-же тоску во время ссылки, кротко укорялъ его за то, что называлъ его глупостями. Когда онъ прибылъ въ лагерь,

[1]) Ad fam., VII, 5.

[1]) Ad fam., VII, 5.

[2]) Ad Quint., II, 15.

[3]) Ad fam., VII, 6: nisi te extrusissemus.

неудовольствіе его удвоилось. Требацій былъ не воинъ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, очень боялся Нервійцевъ и Атребатовъ. Онъ прибылъ въ ту самую пору, когда Цезарь собирался въ британскій походъ, и неизвѣстно, подъ какимъ предлогомъ, отказался сопровождать его: быть-можетъ, подобно Думнориксу, онъ увѣрилъ его, что боится моря; но, и оставаясь въ Галліи, онъ подвергался опасностямъ и скукѣ. Зимою на квартирахъ не было никакихъ удобствъ; всѣ страдали отъ холода и отъ дождя подъ этимъ суровымъ небомъ. Лѣтомъ надо было приниматься за военныя дѣйствія, и страхи опять начинались. Требацій все жаловался. Неудовольствіе его усиливалось еще вслѣдствіе того, что онъ не тотчасъ нашелъ тѣ выгоды, которыхъ ожидалъ. Онъ поѣхалъ неохотно и желалъ вернуться какъ можно скорѣе. Цицеронъ говоритъ, что онъ смотрѣлъ на рекомендательное письмо, которое онъ далъ ему къ Цезарю, какъ на вексель, оплачиваемый по предъявленіи [1]). Онъ думалъ, что ему стоитъ только представиться для того, чтобы тотчасъ получить деньги и улепетнуть назадъ. Впрочемъ, онъ пріѣхалъ въ Галлію не для однѣхъ только денегъ; онъ думалъ пріобрѣсти тамъ значеніе и важное положенье. Онъ хотѣлъ приблизиться къ Цезарю и заставить его оцѣнить себя. «Ты все-таки предпочелъ-бы, писалъ ему Цицеронъ, чтобы съ тобой совѣтовались, нежели чтобы тебя осыпали золотомъ» [2]). Между тѣмъ Цезарь былъ такъ занятъ, что доступъ къ нему оказывался очень труднымъ, да онъ сначала и не обратилъ особеннаго вниманія на ученаго юрисконсульта, пріѣхавшаго изъ Рима. Онъ довольствовался тѣмъ, что предложилъ ему чинъ и преимущества военнаго трибуна, конечно, безъ обязательства исполнять его должность. Требацій не считалъ этого достаточной цѣной за свое продолжительное путешествіе и за опасности своего пребыванія здѣсь, и помышлялъ о возвратѣ. Цицерону стоило большаго труда удержать его отъ необдуманнаго шага. Мнѣ кажется, во всей его перепискѣ нѣтъ болѣе милыхъ и острыхъ писемъ, какъ тѣ, въ которыхъ онъ упрашиваетъ Требація остаться. Съ этимъ малоизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ такъ горячо любилъ, Цицеронъ держалъ себя совершенно свободно. Онъ смѣялся безъ всякаго стѣсненія, что дѣлалъ далеко не при всѣхъ, а тутъ дѣлалъ это

[1]) **Ad fam., VII, 17.**
[2]) **Ad fam., VII, 13.**

тѣмъ охотнѣе, что зналъ, какъ тотъ скучаетъ, и хотѣлъ его утѣшить. Мнѣ кажется, что его старанія развеселить несчастнаго друга сообщаютъ какую-то трогательность его шуткамъ, и что сердце придаетъ здѣсь еще большую прелесть уму. Иногда онъ мягко смѣется надъ нимъ, чтобы заставить его улыбнуться, и шутитъ надъ Требаціемъ именно въ такихъ вещахъ, въ которыхъ тотъ охотно позволялъ насмѣхаться надъ собою. Такъ напримѣръ, онъ проситъ его однажды прислать ему подробное описаніе похода. «Въ разсказахъ о битвахъ, говоритъ онъ, я всего больше вѣрю самымъ трусливымъ [1])», вѣроятно, потому, что, находясь вдали отъ битвы, они лучше могутъ наблюдать ее въ цѣломъ. Въ другой разъ, выразивъ нѣкоторый страхъ по поводу того, что тотъ окруженъ столькими опасностями, онъ прибавляетъ: «По счастію, я знаю твою осторожность; ты гораздо смѣлѣе, вызывая другихъ къ суду, чѣмъ задирая непріятеля, и мнѣ помнится, что хоть ты и отличный пловецъ, но тѣмъ не менѣе не пустился въ Британію, боясь искупаться въ Океанѣ» [2]). Чтобы сдѣлать его терпѣливѣе, онъ пугаетъ его злыми насмѣшниками. Если онъ вернется, развѣ Лаберій не помѣститъ его въ какую-нибудь изъ своихъ мимъ? А какую жалкую фигуру въ комедіи изображалъ-бы изъ себя пугливый юрисконсультъ, путешествующій вслѣдъ за арміей и упражняющійся въ своемъ искусствѣ среди варваровъ; но для того, чтобы зажать ротъ злымъ насмѣшникамъ, ему стоитъ только нажить себѣ состояніе. Пусть онъ вернется позже, но вернется съ деньгами: такъ обѣщалъ Бальбъ; а вѣдь Бальбъ банкиръ; онъ говоритъ не въ духѣ стоиковъ, утверждающихъ, что человѣкъ достаточно богатъ, если онъ можетъ наслаждаться зрѣлищемъ земли и неба; онъ говоритъ, какъ Римлянинъ, и хочетъ этимъ сказать, что онъ вернется съ хорошимъ запасомъ золотыхъ, **more romano bene nummatum**. Требацій остался, и хорошо сдѣлалъ. Цезарь не замедлилъ его примѣтить и охотно подружился съ нимъ. Онъ самъ попривыкъ къ лагерной жизни и сдѣлался вскорѣ менѣе труслив̃ъ, чѣмъ при своемъ пріѣздѣ. Очень вѣроятно, что, по предсказанію Бальба, онъ вернулся богатымъ, потому что если отправлявшіеся въ Галлію и не находили въ ней всѣхъ тѣхъ сокровищъ, какихъ ожидали, за то щедрость Цезаря

[1]) **Ad fam., VII, 18.**
[2]) **Ad fam., VII, 10.**

была неистощимымъ рудникомъ, обогащавшимъ всѣхъ его друзей. Впослѣдствіи Требацій пережилъ трудныя времена, сохранивъ репутацію честнаго человѣка; въ этомъ отдаютъ ему справедливость всѣ партіи, хотя у нихъ и нѣтъ привычки быть справедливыми. Ему выпало рѣдкое счастіе избѣгнуть всѣхъ опасностей, посреди междоусобій, и онъ жилъ еще во времена Горація, который посвятилъ ему одну изъ самыхъ прелестныхъ своихъ сатиръ. Изъ нея мы видимъ, что въ то время это былъ любезный и снисходительный старикъ, охотно смѣявшійся и любившій общество молодежи. Вѣроятно, онъ разсказывалъ ей о той великой эпохѣ, которой онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей, о Галльской войнѣ, происходившей у него на глазахъ, о Цезарѣ и его офицерахъ, съ которыми онъ былъ знакомъ лично. Благодаря преимуществу своихъ лѣтъ, онъ могъ говорить о Лукреціи Виргилію, о Цицеронѣ Титу Ливію, о Катуллѣ Проперцію, и составлялъ собою какъ-бы переходъ и живую связь. между двумя знаменитѣйшими эпохами латинской литературы.

Другое лицо, посланное Цицерономъ къ Цезарю, былъ его братъ, Квинтъ. Такъ какъ онъ занимаетъ очень важное мѣсто въ его жизни и игралъ довольно значительную роль въ Галльской войнѣ, я думаю, что не лишнее будетъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Хотя онъ слушалъ тѣ же лекціи, что и его братъ, и тѣхъ-же самыхъ учителей, но онъ никогда не чувствовалъ склонности къ краснорѣчію и всегда отказывался говорить при публикѣ. «Совершенно достаточно, говорилъ онъ, одного оратора въ семьѣ и даже въ городѣ»[1]). Онъ былъ тяжелаго и измѣнчиваго характера и безъ причины предавался безумному гнѣву. Обладая съ виду большой энергіей, онъ быстро падалъ духомъ, и хотя постоянно старался выказывать изъ себя господина, тѣмъ не менѣе имъ управляли всѣ окружающіе. Эти недостатки, заставлявшіе въ тайнѣ вздыхать Цицерона, хотя онъ и старался оправдывать ихъ, мѣшали Квинту имѣть успѣхъ въ жизни общественной и отравляли его частную жизнь.

Его рано женили на Помпоніи, сестрѣ Аттика. Этотъ бракъ, задуманный двумя друзьями съ цѣлью скрѣпить между ними связь, едва ея не разрушилъ. У обоихъ супруговъ оказались слишкомъ

[1]) De orat., II, 3

выдающіеся характеры; оба они были неукротимы и вспыльчивы и никакъ не могли жить въ ладу между собою. Ихъ семейная жизнь была окончательно разстроена той безграничной властью, которую забралъ надъ своимъ господиномъ рабъ Стацій. По этому поводу намъ легко было бы показать изъ писемъ Цицерона, какимъ вліяніемъ пользовался иногда рабъ въ семействахъ древности; оно было даже больше, нежели предполагаютъ. Теперь, когда слуга нашъ свободенъ, ему, кажется, естественно было-бы занять болѣе важное мѣсто въ нашихъ домахъ. Между тѣмъ вышло совсѣмъ противное, и онъ, по мѣрѣ увеличенія своего достоинства, утрачивалъ свое вліянье. Сдѣлавшись независимымъ, онъ заставляетъ своего господина считаться съ нимъ. Они живутъ вмѣстѣ, связанные контрактомъ, который, налагая на каждаго изъ нихъ обязательства, кажется стѣснительнымъ для нихъ обоихъ. Такъ какъ этотъ непрочный контрактъ можетъ быть ежеминутно нарушенъ, и эти союзники на одинъ день рискуютъ стать затѣмъ вполнѣ равнодушными другъ къ другу или даже врагами, между ними уже не можетъ быть ни искренности, ни довѣрчивости, и во все время, пока случай заставляетъ ихъ жить вмѣстѣ, они только и дѣлаютъ, что защищаются другъ отъ друга и одинъ за другимъ наблюдаютъ. Совсѣмъ иное было въ древности, когда процвѣтало рабство. Тогда люди соединялись не на одну минуту, а на всю жизнь; оттого они старались узнать другъ друга и взаимно приспособиться. Заслужить расположеніе господина было цѣлою будущностью для раба, и онъ всячески старался достичь этого. Такъ какъ ему не приходилось защищать никакого положенія и не охранять никакого достоинства, то онъ предавался ему вполнѣ. Онъ безъ всякихъ затрудненій льстилъ и служилъ самымъ дурнымъ страстямъ его и подъ-конецъ становился ему необходимымъ. Разъ сдѣлавшись близкимъ человѣкомъ, благодаря ежеминутной угодливости и тѣмъ секретнымъ услугамъ, которыхъ у него не стыдились требовать, а онъ никогда не отказывался исполнять, онъ становился въ семьѣ господиномъ, такъ что можно справедливо сказать, какъ-бы ни страннымъ это предотавлялось съ перваго взгляда, что слуга никогда не былъ такъ близокъ отъ того, чтобы стать хозяиномъ, какъ въ то время, когда онъ былъ рабомъ. Это самое случилось со Стаціемъ. Отлично узнавши недостатки Квинта, онъ такъ хорошо вкрался въ его довѣренность, что подчинилъ себѣ весь домъ.

Сопротивлялась одна только Помпонія, и непріятности, испытываемыя ею по этому случаю въ домашней жизни, сдѣлали ее еще нестерпимѣе. Она безпрестанно шпиговала мужа обидными словами; она отказывалась являться на званныхъ его обѣдахъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она чужая въ домѣ, а если являлась на нихъ, то дѣлала своихъ гостей свидѣтелями самыхъ непріятныхъ сценъ. Вѣроятно, въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда она была своенравнѣе и упрямѣе, чѣмъ когда-либо, Квинтъ сочинилъ слѣдующія двѣ эпиграммы, единственный дошедшій до насъ образчикъ его поэтическаго дарованія:

«Довѣряй свой корабль вѣтрамъ, но не предавай души своей женщинѣ. Слова женщины менѣе надежны, чѣмъ прихоти волнъ.»

«Нѣтъ женщины, которая была-бы добра; а если случайно и найдется такая, то я отнюдь не пойму, какими судьбами дурная вещь могла сдѣлаться на минуту хорошею».

Эти двѣ эпиграммы не слишкомъ любезны, но надо ихъ простить несчастному мужу ѣдкой Помпоніи.

Политическая жизнь Квинта была такъ же неудачна, какъ его семейная жизнь. Занимаемыми имъ важными должностями онъ былъ обязанъ великому имени своего брата, больше чѣмъ своимъ личнымъ качествамъ, и не дѣлалъ ничего для того, чтобы стать ихъ достойнымъ. Послѣ того какъ онъ былъ эдиломъ и преторомъ, его назначили правителемъ Азіи. Для такого характера, какъ у него, было тяжелымъ испытаніемъ получить безграничную власть. У него закружилась отъ нея голова; его ни чѣмъ не сдерживаемыя теперь неистовства не имѣли больше предѣловъ; подобно восточному деспоту, онъ только и толковалъ о томъ, чтобы жечь и вѣшать. Больше всего ему хотѣлось заслужить славу великаго судьи. Однажды ему пришлось въ нижней части своей провинціи зашить въ мѣшокъ и бросить въ воду двухъ отцеубійцъ; проѣзжая другую часть ея, онъ пожелалъ задать здѣсь то же зрѣлище, чтобы никому не было завидно. И вотъ онъ старался схватить нѣкоего Зевксиса, очень важное лицо, обвиненное нѣкогда въ убійствѣ матери, но по суду оправданное. Къ пріѣзду правителя, Зевксисъ, уже предупрежденный объ его намѣреніяхъ, спасся бѣгствомъ, и Квинтъ, въ отчаяньи отъ того, что упустилъ изъ рукъ матереубійцу, писалъ ему нѣжнѣйшія письма, убѣждая его вернуться назадъ. Но обыкновенно онъ былъ не такъ скрытенъ и говорилъ откровеннѣе. Онъ приказалъ одному изъ своихъ помощниковъ схватить и сжечь живыми нѣкоего Лицинія и его сына за лихоимство. Онъ писалъ одному римскому всаднику, по имени Каціену, «что онъ вполнѣ надѣется задушить его какъ-нибудь въ дыму при рукоплесканіяхъ провинціи». [1]) Правда, что когда его укоряли за эти бѣшеныя письма, онъ отвѣчалъ, что писалъ ихъ ради шутки, просто чтобъ посмѣяться. Странный способъ шутить, обличающій истинно варварскую натуру! Между тѣмъ у Квинта былъ просвѣщенный умъ, онъ читалъ Платона и Ксенофонта, превосходно говорилъ по-гречески и даже писалъ трагедіи въ свободные часы. Итакъ, съ виду это былъ вполнѣ образованный и цивилизованный человѣкъ, но только съ виду. У самыхъ благовоспитанныхъ Римлянъ цивилизація нерѣдко бывала только поверхностная, и подъ изящной внѣшностью въ нихъ таилась грубая и дикая душа этой безжалостной расы солдатъ.

Квинтъ вернулся изъ своей провинціи съ довольно плохою славой; но гораздо удивительнѣе то, что онъ тамъ не разбогатѣлъ. Вѣроятно, онъ не такъ сильно взяточничалъ, какъ его товарищи, и не сумѣлъ привезти довольно денегъ, чтобы исправить убыль, нанесенную имъ своему состоянію; оно значительно пошатнулось вслѣдствіе его расточительности, такъ какъ, подобно своему брату, онъ любилъ покупки и постройки; у него была страсть къ рѣдкимъ книгамъ; кромѣ того онъ, вѣроятно, не умѣлъ ни въ чемъ отказывать своимъ любимымъ рабамъ. Ссылка Цицерона довершила разстройство его дѣлъ, такъ что по возвращеніи своего брата Квинтъ былъ раззоренъ окончательно. Это не помѣшало ему однако въ минуту величайшей своей нищеты, отстроить себѣ домъ въ Римѣ, купить загородный домъ въ Арпинумѣ и другой въ предмѣстьяхъ города, возвести въ своей Арецейской виллѣ бани, портики, рыбные садки и проложить такую прекрасную дорогу, что ее считали за государственную. Правда, что нищета Римлянина его времени была-бы богатствомъ для многихъ изъ нашихъ теперешнихъ вельможъ. Но пришелъ наконецъ такой день, когда Квинтъ попалъ совсѣмъ въ руки своихъ заимодавцевъ и не могъ больше найти кредита нигдѣ. Тогда онъ прибѣгнулъ къ послѣднему источнику для всѣхъ запутавшихся должниковъ: онъ отправился къ Цезарю.

---

[1]) Ad Quint., I, 2.

Слѣдовательно, Квинта влекла въ Галлію не одна любовь къ славѣ; подобно многимъ другимъ, онъ ѣхалъ туда съ цѣлью разбогатѣть. До сихъ поръ результатъ не вполнѣ оправдывалъ надежды, и у такихъ народовъ, какъ Белги и Германцы, не нашлось тѣхъ сокровищъ, которыхъ ожидали; но все еще не отчаявались: вмѣсто того, чтобы отказаться отъ созданной воображеніемъ блестящей химеры, послѣ каждой неудачи все дальше отодвигали то волшебное мѣсто, гдѣ должны были находиться богатства. Такъ какъ теперь собирались напасть на Британію, то мѣсто это и полагали въ Британіи. Всѣ разсчитывали тамъ разбогатѣть, и даже самъ Цезарь, по словамъ Светонія, надѣялся вывезти оттуда много жемчугу.[1]) И на этотъ разъ пришлось обмануться въ надеждахъ: въ Британіи не было ни жемчугу, ни золотыхъ рудниковъ. Съ большимъ трудомъ удалось захватить лишь нѣсколько рабовъ, не имѣвшихъ большой цѣнности, такъ какъ нечего было и думать сдѣлать изъ нихъ литераторовъ и музыкантовъ. Вмѣсто всякаго богатства у этого народа были только тяжелыя повозки, стоя на верху которыхъ, онъ храбро бился со врагомъ. Вотъ почему Цицеронъ шутливо писалъ Требацію, когда тотъ передалъ ему о разочарованіи арміи: «Такъ какъ ты не находишь тамъ ни золота, ни серебра, по моему мнѣнію, ты долженъ похитить одну изъ этихъ британскихъ повозокъ и пріѣхать на ней безостановочно въ Римъ».[2]) Квинтъ былъ почти того-же мнѣнія. Хотя и хорошо принятый Цезаремъ, который назначилъ его однимъ изъ своихъ помощниковъ, когда онъ увидѣлъ, что богатство не приходитъ такъ скоро, какъ онъ разсчитывалъ, онъ упалъ духомъ и, подобно Требацію, думалъ даже одно время вернуться назадъ; но Цицеронъ, уже не шутившій на этотъ разъ, не позволилъ ему этого сдѣлать.

Этимъ онъ оказалъ ему важную услугу, такъ какъ именно въ ту зиму, которая послѣдовала за Британскою войной, Квинтъ имѣлъ случай совершить геройскій подвигъ, придавшій его имени уваженіе въ глазахъ военныхъ людей. Хотя онъ съ крайнимъ увлеченіемъ читалъ Софокла и самъ писалъ трагедіи, но въ сущности былъ не больше, какъ солдатъ. Въ виду врага онъ сознавалъ самого себя и обнаружилъ энергію, которой никто за нимъ не подозрѣвалъ. Среди возмутившагося населенія, сидя въ окопахъ, воздвигнутыхъ на скорую руку и всего въ одну ночь, онъ сумѣлъ съ однимъ только легіономъ защитить лагерь, порученный Цезаремъ его охранѣ, и отразить безчисленныхъ непріятелей, только что разбившихъ римскую армію. Онъ твердо отвѣчалъ на ихъ дерзкія выходки. Не смотря на болѣзнь, онъ проявилъ неимовѣрную дѣятельность, и только волненіе между солдатами заставило его поберечь себя. Не стану возвращаться къ подробностямъ этого дѣла, такъ хорошо разсказаннаго Цезаремъ въ его Комментаріяхъ и принадлежащаго къ числу самыхъ блестящихъ дѣлъ Галльской войны. Этотъ прекрасный военный подвигъ возвышаетъ Квинта; онъ сглаживаетъ мелочи его характера и помогаетъ ему съ нѣсколько большимъ достоинствомъ поддерживать неблагодарную и трудную роль младшаго брата великаго человѣка.

[1]) Caes., 47.
[2]) Ad fam., VII, 7.

III.

Цицеронъ очень хорошо предвидѣлъ, что хотя Цезарь, составляя свои Комментаріи, увѣрялъ, будто онъ просто намѣренъ подготовить матеріалы для исторіи, тѣмъ не менѣе совершенство этого труда было таково, что благоразумные люди никогда не рѣшатся вновь начинать его. Вотъ, почему Діонъ и Плутархъ остереглись его передѣлывать; они ограничились однимъ сокращеніемъ его, и въ настоящее время Галльская война извѣстна намъ только по разсказу того, кто былъ ея героемъ. Какъ ни совершенъ этотъ разсказъ, и даже именно вслѣдствіе этого самаго совершенства, намъ очень трудно довольствоваться имъ. Отличительная черта такихъ прекрасныхъ произведеній состоитъ именно въ томъ, что вмѣсто того, чтобы удовлетворять общему любопытству, они только подстрекаютъ его. Заинтересовывая насъ повѣствуемыми фактами, они возбуждаютъ въ насъ желаніе получше ознакомиться съ ними, и однимъ изъ вѣрнѣйшихъ признаковъ несомнѣннаго ихъ успѣха служитъ то, что читатель не удовлетворяется ими и желаетъ узнать больше того, что въ нихъ сказано. Эта потребность знать новыя подробности объ одномъ изъ важнѣйшихъ событій исторіи дѣлаетъ для насъ столь драгоцѣнными письма Цицерона къ Требацію и къ своему

брату. Хотя они рѣже и короче, чѣмъ-бы мы желали, но достоинство ихъ состоитъ въ томъ, что они проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на разсказы Цезаря объ его походахъ. Такъ какъ они проще, чѣмъ какой-нибудь разсказъ, написанный для публики, то больше вводятъ насъ въ частную жизнь побѣдителя Галліи; они даютъ намъ возможность проникать въ его палатку въ часы его досуга и отдыха, о которыхъ онъ не подумалъ разсказывать намъ самъ. Само собою разумѣется, что это—любопытное зрѣлище, естественнымъ образомъ дополняющее собою **Комментаріи**, и если мы пожелаемъ хорошо ознакомиться съ Цезаремъ и его окружающими, то лучше всего сдѣлаемъ, если соберемъ изъ этихъ писемъ разсѣянныя въ нихъ подробности.

Мнѣ кажется, что армія Цезаря не была похожа на тѣ старинныя римскія арміи, которыя описываются намъ обыкновенно такими важными и умѣренными, трепещущими передъ розгой ликторовъ и во всякое время подчиненными неумолимой дисциплинѣ. Вѣроятно, она строго содержалась въ минуту опасности и не позволяла себѣ никогда ропота. Никакая другая армія не выносила столько утомленія и не совершала такихъ трудовъ; но какъ только проходила опасность, дисциплина ослабѣвала. Цезарь разрѣшалъ своимъ солдатамъ отдыхъ, а иногда и удовольствія. Онъ позволялъ имъ носить блестящіе доспѣхи и даже изысканно одѣваться. «Что за бѣда, если они душатся? говорилъ онъ. Въ случаѣ нужды они сумѣютъ и драться» [1]). И дѣйствительно, эти воины, которыхъ помпеянцы называли изнѣженными, умирая съ голода въ Дирpaxiумѣ, объявляли, что они скорѣе станутъ ѣсть древесную кору, нежели выпустятъ Помпея. Набирались они большею частію между цизальпинскими Галлами, у которыхъ римская цивилизація еще не отняла прирожденныхъ имъ качествъ; эта любезная и блестящая раса любила войну и вела ее всегда весело. Вожди очень походили на солдатъ; они отличались живымъ и пламеннымъ духомъ, находчивостью въ критическія минуты и больше дѣйствовали по вдохновенію, нежели по предписаннымъ правиламъ. Надо замѣтить, что никто изъ нихъ не заслужилъ извѣстности въ прежнія войны. Цезарю какъ-будто хотѣлось, чтобы ихъ военная слава началась только съ его времени. Нѣкоторые изъ нихъ, и въ томъ числѣ, быть можетъ, величайшій — Лабіэнъ, были его политическіе друзья и такіе-же старые заговорщики, какъ онъ, которые по его примѣру и съ небольшей подготовкой, чѣмъ у него, изъ народныхъ агитаторовъ сдѣлались превосходными вождями. Напротивъ того, другіе, какъ напримѣръ Фабій Максимъ и Сервій Гальба, носили знаменитыя имена; то были приверженцы, набранные имъ впередъ изъ аристократіи или, такъ сказать, заложники, которыхъ онъ у нея взялъ. Большинство изъ нихъ, какъ-то: Крассъ, Планкъ, Волкацій Туллъ, Децимъ Брутъ и впослѣдствіи Полліонъ, были молодые люди, пользовавшіеся особеннымъ предпочтеніемъ съ его стороны и на которыхъ онъ охотно полагался въ отважныхъ предпріятіяхъ. Онъ любилъ молодежь и по естественному влеченію и по политическимъ разсчетамъ: такъ какъ она еще не присоединялась пока ни къ какой партіи и не успѣла еще привязаться къ республикѣ, служа ей, онъ разсчитывалъ, что ей легче будетъ подчиниться тому новому порядку, который онъ хотѣлъ учредить.

[1]) Свет., Caes., 67.

Обычную свиту проконсула составляли не одни только помощники, которыхъ число было различно. Сюда надо прибавить толпу молодыхъ Римлянъ, сыновей знати, предназначенныхъ къ почестямъ по самому своему рожденію и пріѣхавшихъ обучаться военному искусству подъ его начальствомъ. Ихъ называли его сожатерниками, **contubernales**. Такіе-же солдаты, какъ и всѣ другіе, подвергавшіеся одинаковой съ ними участи во дни битвъ, послѣ сраженія они становились друзьями и товарищами военачальника и повсюду слѣдовали за нимъ въ походахъ, подобно кліэнтамъ, сопровождавшимъ въ городѣ своего патрона. Они присутствовали при его разговорахъ, участвовали во всѣхъ его потѣхахъ и удовольствіяхъ, садились за его столъ, окружали его въ судѣ, на трибуналѣ,—словомъ, составляли собой когорту, можно даже сказать, дворъ претора (**praetoria cohors**). Говорятъ, будто этотъ способъ увеличивать внѣшнее значеніе верховной власти въ глазахъ покоренныхъ народовъ былъ придуманъ Сципіономъ Африканскимъ, послѣ чего всѣ правители тщательно заботились о томъ, чтобы поддерживать эту обстановку, придававшую имъ такъ много значенія. Но это еще не все, и рядомъ съ военными тамъ было мѣсто для людей очень разнообразныхъ по способностямъ и роду занятій. Для администраціи обширныхъ странъ, управляемыхъ проконсуломъ, необходимы были искусные финансисты, умные секретари и даже ученые юрисконсу-

льты. Такимъ образомъ самъ Требацій, нашъ миролюбивый Требацій, былъ совсѣмъ не лишнимъ лицомъ въ свитѣ арміи и имѣлъ случай прилагать къ дѣлу свое искусство даже у Нервійцевъ и Белговъ. Если къ этимъ людямъ, которымъ ихъ обязанности придавали извѣстное значенье, присоединить толпу мелкихъ служителей или подчиненныхъ должностныхъ лицъ, какъ-то, ликторовъ, судебныхъ приставовъ, писцовъ, толмачей, сторожей, медиковъ, комнатныхъ слугъ и даже аруспицієвъ, мы получимъ тогда приблизительное понятіе о той дѣйствительно царской свитѣ, которую влачилъ за собою обыкновенно проконсулъ.

Свита Цезаря была, вѣроятно, еще пышнѣе другихъ. Десять легіоновъ, находившихся подъ его начальствомъ и обширность странъ, которыя ему предстояло покорить и затѣмъ управлять ими, объясняютъ намъ, почему онъ былъ окруженъ такимъ огромнымъ числомъ служащихъ и всякихъ другихъ лицъ. Впрочемъ онъ и отъ природы любилъ великолѣпіе. Онъ охотно принималъ всѣхъ, кто къ нему являлся, и всегда находилъ для нихъ какую-нибудь должность, чтобы удержать ихъ. Даже въ этихъ дикихъ странахъ онъ любилъ поражать всѣхъ своимъ пріемомъ. Светоній разсказываетъ, что онъ всюду возилъ съ собою наборные или мозаичные полы и имѣлъ при себѣ всегда два стола съ приборами, за которые садились посѣщавшіе его богатые Римляне и знатные провинціалы. [1]) Помощники его подражали ему, и Пинарій писалъ Цицерону, что онъ былъ въ восхищеніи отъ обѣдовъ, которыми его угощалъ его братъ. [2]) Цезарь дорожилъ роскошными обѣдами и богатыми жилищами не лично для себя. Извѣстно, что онъ былъ человѣкъ воздержный, способный въ случаѣ нужды спать подъ открытымъ небомъ и ѣсть не поморщившись прогорклое масло; но онъ любилъ представительность и роскошь. Хотя республика еще существовала, онъ былъ уже почти что царемъ; у него были угодники и придворные даже среди лагерей въ Британіи и Германіи. Доступъ къ нему былъ не легокъ; Требацій испыталъ это на себѣ, и намъ извѣстно, какъ долго онъ не могъ къ нему попасть. Несомнѣнно, что Цезарь принималъ людей не съ тѣмъ жесткимъ и торжественнымъ величіемъ, которое отталкивало всѣхъ отъ Помпея; но

[1]) Свет., Caes., 46 и 48.
[2]) Ad Quint., III, 1.

какъ онъ ни старался быть любезнымъ, въ немъ все-таки было нѣчто такое, что внушало къ нему уваженіе, и какъ-то невольно чувствовалось, что простота его обращенія со всѣми проистекаетъ отъ превосходства, увѣреннаго въ себѣ самомъ. Этотъ защитникъ демократіи былъ тѣмъ не менѣе аристократъ, никогда не забывавшій своего происхожденія и охотно говорившій о своихъ предкахъ. Въ началѣ своего политическаго поприща, когда онъ всего сильнѣе нападалъ на учрежденія Силлы и хлопоталъ о томъ, чтобы трибунамъ была возвращена ихъ прежняя власть, развѣ онъ не произнесъ надъ могилою своей тетки похоронной рѣчи, полной генеалогическихъ вымысловъ, гдѣ онъ вволю разглагольствовалъ о томъ, что его родъ происходитъ и отъ царей и отъ боговъ вмѣстѣ? Впрочемъ тутъ онъ слѣдовалъ преданіямъ своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, Гракховъ. И тѣ горячо отстаивали народные интересы и въ то же время напоминали о своемъ аристократическомъ происхожденіи гордымъ изяществомъ своихъ манеръ. Извѣстно, что при ихъ вставаніи отъ сна ихъ ожидала цѣлая толпа кліэнтовъ, и что они первые вздумали дѣлать между ними различія, напоминающія собою большіе и малые выходы Людовика XIV.

Что всего замѣчательнѣе въ толпѣ, окружавшей Цезаря, это ея любовь къ литературѣ. Подлинно, было уже не то время, когда римскіе полководцы приказывали сжигать образцовыя сочиненія и хвастались своимъ невѣжествомъ. Со временъ Муммія и Марія литература проникла въ лагери, которые, какъ извѣстно, не служатъ ей обычнымъ мѣстопребываніемъ. Между тѣмъ я думаю, что ни въ одномъ лагерѣ не было собрано вмѣстѣ столько просвѣщенныхъ литераторовъ, образованныхъ лицъ и свѣтскихъ людей, какъ въ этомъ. Почти всѣ помощники Цезаря были близкими друзьями Цицерона и охотно поддерживали усердныя сношенія съ тѣмъ, кого въ Римѣ привыкли считать оффиціальнымъ патрономъ литературы. Крассъ и Планкъ научились краснорѣчію, произнося возлѣ него свои защитительныя рѣчи, и изъ дошедшихъ до насъ писемъ Планка, по нѣкоторой ораторской многорѣчивости видно, что онъ хорошо воспользовался его уроками. Требоній, побѣдитель при Марсели, охотно вездѣ оглашалъ, что ему очень нравятся его остроты и даже издалъ цѣлый сборникъ ихъ. Цицерону не было непріятно такое восхищеніе, хотя онъ и находилъ, что издатель его помѣстилъ слишкомъ много своего собственнаго въ предисловіяхъ, какъ будто для

того, чтобы подготовить читателей къ дѣйствію шутокъ и дать лучше понять ихъ. «Смѣхъ весь истощится, пока дойдешь наконецъ до меня», говоритъ онъ. Гирцій былъ замѣчательный историкъ, взявшійся впослѣдствіи докончить Комментаріи своего начальника. Мацій, преданный другъ Цезаря, оказавшійся впослѣдствіи достойнымъ этой дружбы за свою вѣрность, переводилъ латинскими стихами Иліаду. Квинтъ былъ также поэтомъ, но трагическимъ. Зимою, въ то время, какъ ему приходилось сражаться съ Нервійцами, на него напалъ такой поэтическій жаръ, что онъ сочинилъ четыре піэсы въ шестнадцать дней; значитъ, онъ обращался съ трагедіей немного по военному. Лучшую изъ нихъ, по его мнѣнію, Эригону, онъ отправилъ къ своему брату, но она пропала дорогой. «Съ тѣхъ поръ, какъ Цезарь управляетъ Галліей, сказалъ Цицеронъ, только одна Эригона не смогла доѣхать въ безопасности!» [1]) Странно, конечно, встрѣтить за одинъ разъ столько писателей между полководцами; но еще страннѣе то, что всѣ эти римскіе всадники, слѣдовавшіе за арміей и назначаемые Цезаремъ на мѣста управляющихъ и поставщиковъ, провіантмейстеровъ или съемщиковъ податей на откупъ, повидимому, больше любили литературу, чѣмъ это кажется совмѣстнымъ съ ихъ привычками и образомъ ихъ дѣятельности. Мы видимъ, что одинъ изъ нихъ, Лепта, употребляемый для подобнаго рода услугъ, благодаритъ Цицерона за присылку ему трактата о риторикѣ, какъ человѣкъ, способный оцѣнить подобный подарокъ. Испанецъ Бальбъ, этотъ умный банкиръ и искусный администраторъ, сумѣвшій такъ прекрасно устроить финансы Рима и, что еще было труднѣе, денежныя дѣла Цезаря, любилъ философію съ большею горячностью, чѣмъ этого можно было-бы ожидать отъ банкира. Онъ спѣшилъ отдавать въ переписку сочиненія Цицерона прежде чѣмъ они станутъ извѣстны въ публикѣ, и хотя по своему характеру это былъ скромнѣйшій изъ людей, ему случалось дѣлать нескромности для того, чтобы только первому прочесть эти сочиненія.

Но между этимъ книжнымъ людомъ больше всѣхъ любилъ литературу все-таки Цезарь; она близко подходила къ его изящной натурѣ и, вѣроятно, казалась ему самымъ отраднымъ занятіемъ и отдохновеніемъ для избраннаго ума. Нельзя однако сказать, чтобы онъ питалъ къ ней вполнѣ безкорыстное чувство, такъ какъ мы видимъ,

---

1) Ad Quint., III, 9.

что эта любовь слишкомъ хорошо служила его политикѣ. Ему надо было всѣми способами овладѣть общественнымъ мнѣніемъ, а ничто на него такъ не дѣйствуетъ, какъ превосходство ума въ соединеніи съ превосходствомъ силы. Всѣ его произведенія написаны съ такою именно мыслью, и съ этой точки зрѣнія могутъ въ свою очередь назваться поступками. Если въ послѣднее время своего пребыванія въ Галліи онъ написалъ свои Комментаріи съ быстротою, изумившею его друзей, то сдѣлалъ это, конечно, не для того только, чтобы очаровать нѣсколько праздныхъ литераторовъ. Онъ хотѣлъ, чтобъ Римляне не позабыли его побѣдъ; разсказавши ихъ восхитительнымъ образомъ, онъ хотѣлъ оживить и, если можно, увеличить произведенное ими впечатлѣніе. Сочиняя свои двѣ книги объ Аналогіи, онъ, вѣроятно, разсчитывалъ поразить публику видомъ военачальника, который, по выраженію Фронтона, «занимался словообразованіемъ въ то самое время, когда стрѣлы разсѣкали воздухъ, и отыскивалъ законы языка при звукѣ роговъ и трубъ». Онъ зналъ, какую выгоду его слава можетъ извлечь изъ этихъ противуположностей, и какъ велики будутъ изумленіе и восторгъ въ Римѣ, когда изъ такой дали разомъ придетъ грамматическій трактатъ и извѣстіе о какой-нибудь новой побѣдѣ. Эта самая мысль заставляла его такъ сильно желать дружбы Цицерона. Если по своей деликатной и изящной натурѣ онъ находилъ великое удовольствіе поддерживать знакомство съ такимъ умнымъ человѣкомъ, ему было въ то же время небезъизвѣстно, какое вліяніе этотъ человѣкъ имѣлъ на общественное мнѣніе и насколько громче становились похвалы, проходя черезъ его краснорѣчивыя уста. Мы утратили письма, которыя онъ ему писалъ; но такъ какъ Цицеронъ былъ отъ нихъ въ восхищеніи, а его нелегко было удовлетворить, то надо думать, что они преизобиловали лестью и ласками. Отвѣты Цицерона были также полны самыхъ живыхъ увѣреній въ преданности. Въ это время онъ заявлялъ, что въ привязанностяхъ его Цезарь слѣдуетъ непосредственно за его дѣтьми и даже стоитъ на ряду съ ними; онъ горько жаловался на предубѣжденія, отдѣлявшія его дотолѣ отъ него, и крѣпко обѣщалъ себѣ заставить его позабыть, что онъ вышелъ однимъ изъ самыхъ позднихъ его друзей. «Я буду подражать, говорилъ онъ, тѣмъ путешественникамъ, которые встали позже, чѣмъ хотѣли: они усугубляютъ скорость и такъ торопятся, что доходятъ до конца прежде, нежели тѣ, которые

или часть ночи» [1]). Они какъ-бы кокетничали другъ передъ другомъ, осыпали одинъ другого комплиментами и подзадоривали себя взаимно сочиненіями въ стихахъ и прозѣ. Читая первые разсказы о походѣ въ Британію, Цицеронъ восклицалъ въ порывѣ восторга: «Какія чудесныя событія! какая страна! какіе народы! какія битвы, а главное, какой военачальникъ!» И тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ онъ писалъ своему брату: «Дай мнѣ описать Британію, добудь мнѣ красокъ, я возьмусь за кисть» [2]). И онъ въ самомъ дѣлѣ началъ писать эпическую поэму объ этомъ завоеваніи, и только другія занятія мѣшали ему продолжать ее такъ скоро, какъ-бы хотѣлось. Съ своей стороны Цезарь посвящалъ Цицерону свой трактатъ объ Аналогіи и по этому случаю обращался къ нему въ слѣдующихъ великолѣпныхъ выраженіяхъ: «Ты открылъ всѣ богатства краснорѣчія и первый воспользовался ими. Въ этомъ отношеніи ты много сослужилъ римскому имени и принесъ честь своей отчизнѣ. Ты снискалъ себѣ наилучшую славу, и тріумфъ твой выше тріумфа великихъ полководцевъ, такъ какъ вѣдь лучше раздвигать границы ума, нежели расширять предѣлы имперіи» [3]). Это самая деликатная лесть, какую только можетъ сказать писателю такой побѣдоносецъ, какъ Цезарь.

Таковы были отношенія, поддерживаемыя Цицерономъ съ Цезаремъ и его служащими во время Галльской войны. Его переписка, хранящая въ себѣ воспоминанія о нихъ, близко знакомя насъ съ привычками и наклонностями этихъ умныхъ людей, представляетъ ихъ намъ болѣе живыми и приближаетъ насъ къ нимъ. Безъ сомнѣнія, это—величайшая изъ услугъ, какую только она можетъ оказать намъ. Прочитавъ ее, вы какъ-бы видите передъ собою ихъ собранія и даже какъ-будто присутствуете при ихъ разговорахъ. Отнюдь не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что Римъ сильно занималъ ихъ. Изъ глубины Галліи они постоянно устремляли на него взоры, да и трудились-то они такъ равностно именно для того, чтобы произвести тамъ хоть немного шуму. Проходя столько неизвѣстныхъ странъ отъ Роны до Океана, вся эта молодежь, конечно, надѣялась, что о нихъ будутъ говорить на тѣхъ праздникахъ и въ тѣхъ кружкахъ, гдѣ свѣтскіе люди судятъ и рядятъ надъ общественными дѣлами. Самъ

[1]) Ad Quint., II, 15.
[2]) Ad Quint., II, 16.
[3]) Циц., Brut., 72 и Плин., Hist. nat., VII, 30.

Цезарь, переходя Рейнъ по своему деревянному мосту, разсчитывалъ поразить воображеніе празднолюбцевъ, собиравшихся на форумѣ, у подножія трибуны, чтобы разузнавать новости. Мы видимъ, что высадившись съ войсками въ Британіи, онъ спѣшитъ писать своимъ друзьямъ и особенно Цицерону [1]); дѣлалъ онъ это не потому, чтобы особенно удосужился въ эту минуту, но потому, вѣроятно, что считалъ честью помѣтить свое письмо названіемъ страны, на почву которой не ступалъ до тѣхъ поръ ни одинъ Римлянинъ. Если здѣсь дорожили тѣмъ, чтобы посылать въ Римъ славныя новости, то были очень рады и получать ихъ оттуда. Всѣ приходившія письма читались съ жадностью; они какъ-бы приносили съ собою въ Германію и Британію тотъ свѣтскій духъ, котораго никогда не могутъ разлюбить и позабыть тѣ, кто его однажды полюбилъ. Цезарю недостаточно было читать дневники римскаго народа, передававшіе въ сухомъ изложеніи главнѣйшія политическія событія и сокращенный протоколъ народныхъ собраній. Его гонцы такъ и сновали черезъ Галлію, привозя ему письма, наполненныя точными и мельчайшими подробностями. «Ему все разсказываютъ, говорилъ Цицеронъ, и важныя и мелкія вещи» [1]). Эти нетерпѣливо ожидаемыя и пріятно переданныя новости, вѣроятно, составляли для него обыкновенный предметъ разговора съ друзьями. Мнѣ кажется, что за этимъ роскошнымъ, описаннымъ мною выше, столомъ, гости, потолковавши о литературѣ и грамматикѣ и послушавъ стиховъ Мація или Квинта, всего больше говорили о Римѣ, и что эта изящная молодежь, сожалѣвшая объ его удовольствіяхъ, никогда не уставала вспоминать о немъ. Конечно, услыхавъ въ то время, какъ эти молодые люди толкуютъ между собою о послѣднихъ городскихъ событіяхъ, о политическихъ безпорядкахъ или о частныхъ скандалахъ, что было для нихъ еще интереснѣе,—какъ они сообщаютъ другъ другу новѣйшіе слухи и самыя свѣжія остроты, тщательно имъ переданныя, едва можно было-бы повѣрить, что находишься въ самой глубинѣ страны Белговъ, на берегахъ Рейна или Океана и наканунѣ битвы; скорѣе можно было представить себѣ, что присутствуешь среди сборища умныхъ

[1]) Цезарь писалъ Цицерону изъ Британіи два раза. Первое письмо шло до Рима двадцать шесть дней, а второе двадцать восемь. Для тогдашняго времени это скоро; значитъ, Цезарь хорошо устроилъ у себя почтовую службу. Извѣстно впрочемъ, что пребываніе Цезаря въ Британіи было очень непродолжительно.
[2]) Ad Quint, III ,1.

людей въ какомъ-нибудь аристократическомъ домѣ на Палатинѣ или въ богатомъ Каренскомъ кварталѣ.

Письма Цицерона оказываютъ намъ еще другую услугу; изъ нихъ мы видимъ, какой громадный эффектъ производили въ Римѣ побѣды Цезаря. Онѣ возбуждали столько-же удивленія, сколько и восторга, будучи въ одно и то же время и открытіями и побѣдами. Развѣ до него было что-нибудь извѣстно объ этихъ отдаленныхъ странахъ? Ничего, кромѣ нѣсколькихъ смѣшныхъ басенъ, разсказываемыхъ по возвращеніи торговцами, желавшими придать себѣ побольше важности. Онѣ стали извѣстны только при Цезарѣ. Онъ первый дерзнулъ напасть и побѣдоносно напалъ на этихъ Германцевъ, которыхъ описывали великанами съ какими то страшными глазами; онъ первый рѣшился отправиться въ Британію, гдѣ, какъ увѣряли, ночь длилась цѣлые три мѣсяца, и всѣ эти разсказываемые вымыслы придавали какой-то волшебный оттѣнокъ его побѣдамъ. Не всѣ однако охотно подчинялись такому обаянію. Наиболѣе проницательные люди изъ аристократической партіи, смутно предчувствовавшіе, что на берегахъ Рейна рѣшается теперь участь республики, хотѣли, чтобы Цезарь былъ отозванъ назадъ, и чтобы на мѣсто его былъ назначенъ другой военачальникъ, который не докончитъ, быть можетъ, завоеванія Галліи, но за то не будетъ помышлять о завоеваніи своего отечества. Катонъ, доводившій обыкновенно все до крайности, когда было предложено сенату возблагодарить боговъ за пораженіе Аріовиста, предложилъ, напротивъ, выдать побѣдителя Германцамъ; но такіе возгласы не измѣняли общественнаго мнѣнія. Оно объявляло себя за того, кто такъ быстро завоевалъ столько неизвѣстныхъ странъ. Всадники, сдѣлавшіеся римскими финансистами и негоціантами, поздравляли себя при видѣ новыхъ громадныхъ земель, открытыхъ для ихъ дѣятельности. Цезарь, желавшій привязать ихъ къ себѣ, звалъ ихъ за собою, и первою заботою его было проложить для нихъ дорогу черезъ Альпы. Народъ, любящій вообще военную славу и искренно предающійся восторгамъ, не могъ достаточно налюбоваться на того, кто раздвигалъ для Римлянъ границы міра. При каждомъ новомъ извѣстіи о побѣдѣ Римъ устроивалъ празднества и приносилъ благодарность богамъ. Послѣ побѣды надъ Белгами, сенатъ, одолѣнный общимъ мнѣніемъ, не могъ отказаться отъ установленія общенародныхъ двухнедѣльныхъ молебствій, чего никогда ни для кого не дѣлалось. Узнавъ

объ успѣхахъ Германскаго похода, ихъ назначили двадцать, а послѣ взятія Алезіи двадцать еще. Такихъ почестей для Цезаря просилъ обыкновенно Цицеронъ, который становился органомъ общественнаго восторга, когда говорилъ своимъ прекраснымъ языкомъ: «Въ первый разъ осмѣлились напасть на Галловъ; до сихъ поръ довольствовались тѣмъ, что отражали ихъ. Другіе полководцы римскаго народа считали достаточнымъ для своей славы мѣшать имъ проникнуть къ намъ; но Цезарь самъ пошелъ на нихъ. Эти страны, не описанныя ни въ одной исторіи и неизвѣстныя свѣту даже по имени, были пройдены нашимъ полководцемъ, нашими легіонами, нашимъ оружіемъ. Мы обладали въ Галліи только одной тропинкой; теперь рубежи этихъ народовъ стали ужь предѣлами нашей имперіи. Надо считать за особенную милость Провидѣнія то, что природа устроила изъ Альповъ какъ-бы твердыню Италіи. Еслибы доступъ въ нее былъ открытъ всей этой толпѣ варваровъ, Римъ никогда не сдѣлался-бы центромъ и мѣстопребываніемъ всемірнаго господства. Пусть-же онѣ понизятся теперь, эти неприступныя горы! Начиная отъ Альповъ и до Океана нечего больше бояться за Италію.» [1])

Эти великолѣпныя похвалы, за которыя столько упрекали Цицерона, тѣмъ не менѣе понятны, и что себѣ ни говори политики, но легко объяснить это увлеченіе Цезаремъ, которому поддавались въ то время столько честныхъ и благоразумныхъ людей. Безграничное восхищеніе отъ этихъ побѣдъ объяснялось не столько ихъ величіемъ, сколько потребностью. Онѣ могли стать опасны для будущаго, но въ эту минуту онѣ были необходимы. Впослѣдствіи онѣ уничтожили свободу Рима, но въ это время онѣ упрочивали его существованіе. [2]) То, что весьма законныя впрочемъ предубѣжденія и опасенія скрывали отъ глазъ подозрительной аристократіи, угадывалось патріотическимъ инстинктомъ народа. Онъ смутно понималъ всѣ опасности, могшія въ скоромъ времени прійти изъ Галліи, если ее не поспѣшатъ завоевать. Опасаться надо было, собственно говоря, не Галловъ, такъ какъ у нихъ уже начался упадокъ, и они вовсе не думали о завоеваніяхъ, но Германцевъ. Діонъ сильно ошибается, предполагая, будто Цезарь сѣялъ войны

---

[1]) De prov. cons., 13 и 14.

[2]) Это вполнѣ доказалъ г. Моммсенъ въ своей Римской Исторіи.

по прихоти и въ интересахъ своей славы. Какія-бы выгоды онъ изъ нихъ ни извлекъ, слѣдуетъ сказать, что онъ скорѣе терпѣлъ ихъ, чѣмъ вызывалъ. Не Римъ шелъ въ то время на Германцевъ, а скорѣе сами Германцы смѣло выступали противъ него. Въ то время, какъ Цезарь былъ назначенъ проконсуломъ, Аріовистъ занималъ одну часть страны Секвановъ и хотѣлъ овладѣть остальною. Соотечественники его, привлеченные плодородіемъ этихъ прекрасныхъ земель, ежедневно переходили Рейнъ для того, чтобы присоединиться къ нему, и ихъ прибыло однажды двадцать пять тысячъ разомъ. Что сталось-бы съ Италіей, еслибы въ то время, какъ Римъ терялъ свои силы во внутренней борьбѣ, Свевы и Сикамбры утвердились на Ронѣ и въ Альпахъ? Нашествіе, остановленное за вѣкъ передъ тѣмъ Маріемъ, начиналось снова; оно могло повлечь за собою гибель Рима, какъ это и случилось четыре вѣка спустя; но Цезарь остановилъ его теперь. Отбросить Германцевъ за Рейнъ было его славою, какъ впослѣдствіи славою имперіи было удерживать ихъ тамъ впродолженіи трехъ сотъ лѣтъ.

Но это было не единственное и не самое великое послѣдствіе побѣдъ Цезаря. Завоевавъ Галлію, онъ сдѣлалъ ее вполнѣ и навсегда римскою. Та изумительная быстрота, съ какою Римъ пріуподобляетъ себѣ въ то время Галловъ, становится намъ понятною лишь тогда, когда мы знаемъ, въ какомъ состояніи онъ ихъ нашелъ. Они не были вполнѣ варварами, подобно Германцамъ; надо замѣтить, что ихъ побѣдитель, хорошо знавшій ихъ, не даетъ имъ этого названія въ своихъ Комментаріяхъ. У нихъ были большіе города, правильная система налоговъ, уже сложившіяся религіозныя понятія, гордая и могущественная аристократія и нѣкотораго рода національное воспитаніе подъ руководствомъ жрецовъ. Эта хотя и несовершенная культура, если не вполнѣ просвѣтила умы, то по крайней мѣрѣ пробудила ихъ. Они были довольно открыты и любознательны, довольно понятливы для того, чтобы видѣть, чего имъ недоставало, и на столько свободны отъ предразсудковъ, чтобы отказываться отъ своихъ обычаевъ, если они находили лучшіе. Съ самаго начала войны они выучились подражать римской тактикѣ, строить осадныя машины и дѣйствовать ими съ ловкостью, которой Цезарь воздаетъ должную справедливость. Итакъ, они были еще суровы и грубы, если угодно, но уже совершенно готовы къ принятію высшей цивилизаціи, къ которой инстинктивно стремились. Этимъ и объясняется то, что они такъ легко приняли ее. Они десять лѣтъ боролись противъ иноземнаго владычества, но не упорствовали ни одного дня, принять чужой языкъ и чужіе обычаи. Можно сказать, что Галлія походила на одну изъ странъ, засушенныхъ горячимъ солнцемъ и съ жадностью впивающихъ въ себя первыя капли дождя; она такъ глубоко пропиталась римской цивилизаціей, которой жаждала еще не зная ея, что послѣ стольких вѣковъ и не смотря на столько переворотовъ, она и теперь не утратила ея слѣдовъ и это—единственная вещь, уцѣлѣвшая донынѣ въ этомъ краѣ, гдѣ все такъ измѣняется. Итакъ Цезарь не просто прибавлялъ нѣсколько новыхъ земель къ римскимъ владѣніямъ, онъ дѣлалъ Риму болѣе прекрасный и болѣе полезный подарокъ, онъ давалъ ему цѣлый умный народъ, который цивилизовался немедленно послѣ того, какъ былъ завоеванъ, и который, дѣлаясь римскимъ столько-же по сердцу, сколько по языку, сливая свои интересы съ интересами своей новой родины, поступая въ ея легіоны для ея защиты, бросившись съ жаромъ и замѣчательнымъ талантомъ изучать искусства и литературу для прославленія ея, долженъ былъ возвратить юность и силу этой утомленной имперіи.

Между тѣмъ какъ въ Галліи совершались такія великія дѣла, Римъ продолжалъ быть театромъ самыхъ постыдныхъ безпорядковъ. Правительства въ немъ уже не было; едва удавалось выбирать должностныхъ лицъ и приходилось драться всякій разъ, когда народъ собирался на форумѣ или на Марсовомъ полѣ. Эти волненія, заставлявшія краснѣть честныхъ людей, усиливали собою дѣйствіе, производимое побѣдами Цезаря. Какая разница между битвами противъ Аріовиста или Верцингеторикса и битвами гладіаторовъ, обагрявшими кровью улицы Рима! Какимъ славнымъ должно было казаться взятіе Агендикума или Алезіи тѣмъ людямъ, которые занимались только осадою дома Милона Клодіемъ или убійствомъ Клодія Милономъ. Всѣ государственные люди, оставшіеся въ Римѣ, въ томъ числѣ и Помпей съ Цицерономъ, утратили отчасти свое достоинство, замѣшавшись въ эти интриги. Цезарь, во время отъ нихъ удалившійся, одинъ только сталъ выше среди всеобщаго униженія. Вслѣдствіе того всякій, чья душа была оскорблена этими печальными картинами, и кто сколько нибудь заботился о римской чести, не спускалъ глазъ съ него и съ его арміи. Подобно тому, какъ это случалось въ иные моменты нашей революціи, воен-

ная слава утѣшала честныхъ людей за внутренній позоръ и униженіе. Кромѣ того крайніе размѣры, достигнутые зломъ, заставляли искать противъ него повсюду надежнаго лѣкарства. Начинала распространяться та мысль, что для достиженія спокойствія нужно создать твердую и прочную власть. Послѣ изгнанія Цицерона аруспиціи предсказали, что снова наступитъ монархія [1]), и чтобы предвидѣть это, вовсе не требовалось быть прорицателемъ. Когда нѣсколько лѣтъ спустя зло еще больше усилилось, сама республиканская партія, не смотря на все свое отвращеніе, вынуждена была прибѣгнуть къ энергическому средству, устроивъ временную диктатуру. Помпей былъ начначенъ единымъ консуломъ, но Помпей не разъ уже доказалъ, что у него не доставало ни силы, ни рѣшимости, чтобы навсегда уничтожить неурядицу. Надо было искать въ иномъ мѣстѣ болѣе твердой руки и болѣе рѣшительной воли, и всѣ взоры естественнымъ образомъ устремлялись на побѣдителя Галліи. Онъ былъ предназначенъ для этой роли своей славою; его уже напередъ звали занять ее надежды однихъ и опасенія другихъ; умы съ каждымъ днемъ все больше привыкали къ той мысли, что онъ унаслѣдуетъ республику, и революція, доставившая ему Римъ, была уже на половину совершена въ то время, какъ онъ перешелъ Рубиконъ.

---

[1]) De Aruсp. resp., 25.

II.

Побѣдитель и побѣжденные послѣ Фарсалы.

Междоусобная война прервала сношенія, поддерживаемыя Цицерономъ съ Цесаремъ въ теченіе Галльской войны. Онъ долго колебался принять въ ней участіе и только послѣ продолжительнаго раздумья, угрызенія совѣсти, страхъ передъ общественнымъ мнѣніемъ и особенно примѣръ друзей побудили его наконецъ отправиться въ станъ Помпея. «Какъ быкъ слѣдуетъ за стадомъ, говорилъ онъ, я отправляюсь присоединиться къ честнымъ людямъ;» [1]) тѣмъ не менѣе онъ пускался туда неохотно и безнадежно. Послѣ Фарсалы, по его мнѣнію, было невозможно продолжать борьбу; онъ прямо заявилъ это на совѣтѣ республиканскихъ вождей, собравшемся въ Диррахіумѣ, и поспѣшилъ вернуться въ Брундузій, чтобы отдаться въ распоряженіе побѣдителя.

Какія сожалѣнія долженъ онъ былъ испытывать въ то время, если онъ перенесся мыслью за нѣсколько лѣтъ назадъ и вспомнилъ о своемъ торжественномъ возвратѣ изъ ссылки! Въ этомъ самомъ городѣ, гдѣ его встрѣтили съ такими празднествами, онъ принужденъ былъ поспѣшно высадиться, скрывать своихъ ликторовъ, избѣгать толпы и выходить только ночью. Здѣсь онъ провелъ въ одиночествѣ и въ страхѣ одиннадцать самыхъ грустныхъ мѣсяцевъ своей жизни. Сердце его разрывалось со всѣхъ сторонъ и, его домашнія дѣла причиняли ему не меньше огорченій, чѣмъ общественныя. Его отсутствіе окончательно разстроило его состояніе. Въ минуту, когда оно находилось въ самомъ худшемъ поло-

---

[1]) Ad Att., VII, 7.

женіи, онъ имѣлъ неосторожность ссудить всѣ остававшіяся у него деньги Помпею: кинжалъ Египетскаго царя унесъ сразу и кредитъ, и должника. Въ то время какъ онъ старался добыть хоть сколько нибудь денегъ, распродавая свою мебель и посуду, онъ узналъ, что жена его стакнулась съ его вольноотпущенниками и грабила то, что у него еще оставалось; онъ узналъ, что его братъ и племянникъ, отправясь къ Цезарю, старались оправдать себя на его счетъ и хлопотали о томъ, чтобы погубить его ради своего спасенія; онъ увидѣлся съ своею возлюбленной дочерью Тулліей, но нашелъ ее печальной и больной, оплакивающей разомъ несчастія своего отца и невѣрности своего мужа. Къ этимъ и безъ того уже слишкомъ дѣйствительнымъ несчастіямъ присоединились для него въ это время несчастія воображаемыя, заставлявшія его тѣмъ не менѣе страдать; больше всего мучитъ его обычная ему нерѣшительность. Едва онъ высадился въ Италіи, какъ уже раскаивается въ томъ, что туда пріѣхалъ. Его безпокойное воображеніе, какъ и всегда, представляетъ ему вещи въ худшемъ видѣ, нежели онѣ въ дѣйствительности, и онъ затѣйливо отыскиваетъ во всемъ случающемся съ нимъ какія нибудь причины къ неудовольствію. Онъ плачется, когда Антоній хочетъ принудить его покинуть Италію; когда-же ему позволяютъ остаться тамъ, онъ плачется опять, такъ какъ подобное исключеніе въ его пользу можетъ повредить его репутаціи. Если Цезарь рѣдко ему пишетъ, онъ начинаетъ тревожиться; получивши-же отъ него письмо, какъ бы оно ни было благосклонно, онъ до такой степени взвѣшиваетъ каждое его слово, что подъ конецъ непремѣнно открываетъ въ немъ какую нибудь причину опасенія; самая полная и широкая амнистія не совсѣмъ его успокоиваетъ. «Когда такъ легко прощаютъ, говоритъ онъ, значитъ, только отстрочиваютъ на время месть.» [1]

Наконецъ послѣ годоваго пребыванія въ этомъ шумномъ и зачумленномъ городѣ ему дозволено было покинуть Брундузій. Онъ вернулся въ свои прекрасные загородные дома, которые такъ любилъ и гдѣ чувствовалъ себя столь счастливымъ; здѣсь онъ нашелъ свои книги, принялся за свои прерванныя ученыя занятія и снова могъ вкусить тѣхъ драгоцѣнныхъ благъ, которыми человѣкъ наслаждается

[1]) Ad Att., XI, 20, я читаю cognitionem вмѣсто notionem, такъ какъ послѣднее не имѣетъ по моему мнѣнію смысла.

безсознательно, пока обладаетъ ими, и которыя начинаетъ цѣнить лишь тогда, когда утратитъ ихъ на время, — благъ безопасности и спокойствія. Ничто не могло сравниться съ прелестью первыхъ дней, спокойно проведенныхъ имъ въ Тускулумѣ послѣ столькихъ бурь, и съ его удовольствіемъ при возвращеніи къ спокойнымъ занятіямъ ума, для которыхъ именно онъ и былъ созданъ, какъ почувствовалъ это въ то время. «Знай, писалъ онъ своему другу Варрону, что со времени своего возвращенія я примирился съ своими старыми друзьями, то есть, съ книгами. По правдѣ сказать, если я избѣгалъ ихъ, то не потому, чтобы сердился на нихъ, но потому что не могъ видѣть ихъ безъ нѣкотораго стыда. Мнѣ казалось, что впутываясь въ столь тревожныя дѣла и съ такими сомнительными союзниками, я не совсѣмъ точно слѣдовалъ заключающимся въ нихъ правиламъ. Онѣ прощаютъ и снова призываютъ меня къ себѣ; онѣ говорятъ мнѣ, что ты поступалъ умнѣе меня, потому-что не покидалъ ихъ. Теперь, примирившись съ ними, я надѣюсь, что мнѣ легче будетъ переносить тѣ бѣдствія, которыя тяготѣютъ надъ нами, и тѣ, которыя грозятъ намъ въ будущемъ.» [1])

Съ этихъ поръ онъ начерталъ себѣ впередъ образъ дѣйствій. Той великой партіи, которой онъ служилъ и которую защищалъ, онъ обязанъ былъ тѣмъ, что держался внѣ новаго правительства. Ему приходилось искать въ философіи и литературѣ полезнаго примѣненія для своей дѣятельности и создать себѣ почетное уединеніе вдали отъ общественныхъ дѣлъ, которыми онъ уже не могъ больше съ честью заниматься. Онъ хорошо понималъ это, когда говорилъ: «Сохранимъ по крайней мѣрѣ полусвободу, умѣя прятаться и молчать.» [1]) Дѣйствительно, прятаться и молчать было наилучшею программою, какъ для него, такъ и для всѣхъ покорившихся послѣ Фарсалы. Мы увидимъ, насколько онъ оставался ей вѣренъ.

I.

Очень трудно сразу отвыкнуть отъ политики. Занятіе дѣлами и примѣненіе власти, даже когда и не вполнѣ удовлетворяютъ душу, разочаровываютъ ее во всемъ остальномъ, и жизнь кажется пустою

[1]) Ad fam., IX. 1.
[2]) Ad Att., XVI, 31.

тому, кто лишается ихъ. Это самое случилось съ Цицерономъ. Нѣтъ сомнѣнія, что покидая Брундузій, онъ вполнѣ искренно обязывался «совсѣмъ зарыться въ литературу»; но онъ обѣщалъ больше, чѣмъ могъ выполнить. Покой скоро утомилъ его и научныя наслажденія показались ему уже черезъ чуръ тихими; онъ съ большимъ любопытствомъ сталъ прислушиваться ко внѣшнимъ звукамъ и, чтобы лучше слышать ихъ, покинулъ Тускулумъ и поселился въ Римѣ. Здѣсь онъ нечувствительно вернулся къ своимъ прежнимъ привычкамъ; онъ сталъ ходить въ сенатъ; домъ его снова открылся для тѣхъ, кто любилъ литературу и занимался ею; онъ опять началъ посѣщать друзей изъ партіи Цезаря и съ ихъ помощью возобновилъ свои сношенія съ самимъ Цезаремъ.

Они легко примирились, не смотря на всѣ поводы сердиться другъ на друга. Соединявшая ихъ любовь къ умственнымъ наслажденіямъ была въ нихъ сильнѣе всѣхъ политическихъ антипатій. Когда прошелъ первый порывъ гнѣва, они вернулись другъ къ другу съ непринужденностью людей, живущихъ въ большомъ свѣтѣ, дѣйствительно или притворно позабывъ обо всѣхъ раздѣлявшихъ ихъ несогласіяхъ. Между тѣмъ эти отношенія сдѣлались для Цицерона щекотливѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ нашелъ въ прежнемъ своемъ товарищѣ не просто покровителя, но и властелина. Между ними уже не было, какъ прежде, условія или соглашенія, создававшаго для нихъ взаимныя обязанности; теперь здѣсь съ одной стороны былъ побѣдитель, которому разрѣшалось все правомъ войны, и побѣжденный, получившій жизнь, благодаря его милосердію. Затруднительность положенія увеличивалась еще тѣмъ, что чѣмъ больше правъ имѣлъ побѣдитель казаться требовательнымъ, тѣмъ осторожнѣе заставляло быть побѣжденнаго общественное мнѣніе. Во время Галльской войны можно было полагать, что Цицеронъ защищаетъ замыслы Цезаря изъ дружбы или по убѣжденію; но съ тѣхъ поръ какъ онъ такъ ясно выразилъ ему свое неодобреніе во время междоусобій, теперешнія любезности его были не что иное, какъ низкая лесть и постыдный способъ заслужить себѣ прощеніе. Уже внезапный возвратъ его изъ-подъ Фарсалы строго осуждался. «Мнѣ не прощаютъ того, что я живу», говорилъ онъ [1]). Еще меньше прощали ему его близкія сношенія съ друзьями Цезаря. Честные люди

[1]) Ad fam. IX, 5.

порицали его за то, что онъ такъ усердно посѣщаетъ домъ Бальба, обѣдаетъ у сластолюбиваго Эвтрапела въ обществѣ Пансы и Антонія, рядомъ съ актрисою Киѳеридой, и принимаетъ участіе въ роскошныхъ пирахъ, задаваемыхъ Долабеллою на деньги побѣжденныхъ; недоброжелательство со всѣхъ сторонъ старалось подсмотрѣть его слабости. Итакъ, ему приходилось удовлетворять разомъ всѣ партіи, щадить побѣдителей и побѣжденныхъ въ интересахъ своей собственной репутаціи и безопасности, жить возлѣ своего господина, не слишкомъ ему угождая и никогда его не сердя, и посреди такихъ опасныхъ отношеній устроить свои дѣла такъ, чтобы не повредить своей чести и не нарушить своего спокойствія. Обыкновенному человѣку было-бы трудно справиться съ такимъ щекотливымъ положеніемъ, но Цицеронъ былъ для этого достаточно искусенъ и ловокъ. Чтобы выйти изъ затрудненія со славой для себя, у него было одно чудесное качество, мѣшавшее ему казаться слишкомъ смиреннымъ и низкимъ даже тогда, когда онъ былъ принужденъ льстить. Г-жа де-Севинье сказала гдѣ-то: «Умъ—своего рода достоинство». Слова эти справедливы во всѣхъ отношеніяхъ; ничто такъ не помогаетъ безъ низости переживать трудныя времена. Если человѣкъ сохраняетъ свой умъ передъ неограниченнымъ властелиномъ, если онъ дерзаетъ шутить и улыбаться среди всеобщаго страха и молчанія, онъ доказываетъ этимъ самымъ, что его не страшитъ величіе того, съ кѣмъ онъ говоритъ, и что онъ чувствуетъ себя достаточно сильнымъ чтобы его выдерживать. Сохранять полное самообладаніе въ его присутствіи есть одинъ изъ способовъ бравировать его, и мнѣ кажется, что требовательный и подозрительный деспотъ бываетъ, вѣроятно, такъ-же недоволенъ тѣми, кто позволяетъ себѣ обнаруживать передъ нимъ свой умъ, какъ и тѣми, кого онъ можетъ заподозрить въ томъ, что у нихъ есть сердце. Итакъ, ниже мужества души, внушающаго энергическія рѣшенія, но все-таки рядомъ съ нимъ есть мужество ума, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, такъ какъ часто бываетъ, что оно одно только и возможно. Послѣ пораженія людей сердца очередь за людьми ума, еще оказывающими нѣкоторыя услуги въ то время, когда тѣ уже не могутъ ничего сдѣлать. Такъ какъ они ловки и гибки и быстро умѣютъ подымать голову послѣ того, какъ необходимость принудитъ ихъ склонить ее, они еще поддерживаютъ себя съ нѣкоторою честью среди гибели своей партіи. Ихъ насмѣшливость, хотя и весьма скромная, слу-

жить какъ-бы протестомъ противъ наложеннаго на всѣхъ молчанія и мѣшаетъ по крайней мѣрѣ людямъ, утратившимъ свободу дѣйствія, потерять еще окончательно и возможность говорить. Слѣдовательно, умъ не такая ничтожная вещь, какъ объ этомъ иногда толкуютъ; онъ имѣетъ также свое величіе, и можетъ случиться такъ, что послѣ какой-нибудь важной катастрофы, когда все безмолвно, убито и обезоэтажено, онъ одинъ поддерживаетъ близкое къ гибели человѣческое достоинство.

Такова была приблизительно роль Цицерона въ эту эпоху, и надо сознаться, что она была довольно важна. Въ этомъ большомъ городѣ,—покорномъ и безмолвномъ, онъ одинъ осмѣливался говорить. Онъ уже давно началъ это дѣлать, и когда былъ еще въ Брундузіи, не зная, помилуютъ-ли его или нѣтъ, то уже пугалъ Аттика своими свободными рѣчами. Безнаказанность естественнымъ образомъ сдѣлала его смѣлѣе, такъ что, вернувшись въ Римъ, онъ заботился лишь о томъ, чтобы сдѣлать насмѣшки свои какъ можно пріятнѣе и остроумнѣе. Цезарь любилъ умъ, если даже онъ былъ обращенъ противъ него. Вмѣсто того, чтобы сердиться на остроты Цицерона, онъ ихъ собиралъ и, въ самый разгаръ Испанской войны, приказывалъ своимъ корреспондентамъ сообщать ихъ ему; Цицеронъ, знавшій это, продолжалъ говорить не стѣсняясь. Такая свобода, бывшая въ то время большою рѣдкостью, привлекала къ нему всѣ взоры. Никогда его не окружало столько людей. Друзья Цезаря охотно посѣщали его, чтобы, по примѣру своего вождя, придать себѣ видъ либерализма и терпимости. Такъ какъ по смерти Помпея и Катона онъ оставался самымъ славнымъ представителемъ республиканской партіи, то вокругъ него тѣснились также приверженцы республики. Итакъ, къ нему приходили со всѣхъ сторонъ, и всѣ партіи встрѣчались поутру въ сѣняхъ его дома. «Въ одно и то же время, говорилъ онъ, меня посѣщаетъ много честныхъ людей, которымъ грустно, посѣщаютъ и наши веселые побѣдители [1])»

Вѣроятно, ему очень льстило подобное вниманіе, и ничто его такъ не радовало, какъ именно то, что онъ снова пріобрѣлъ свое прежнее значенье. Замѣтимъ однако, что, сдѣлавшись снова знатнымъ лицомъ, чьей дружбы всѣ искали и чей домъ всѣ спѣшили посѣщать, онъ уже нарушилъ первую часть предначертанной имъ себѣ программы;

[1]) **Ad Att.** IX, 20.

участіе, принятое имъ въ то же время въ возвращеніи изгнанниковъ, заставило его вскорѣ позабыть и вторую часть ея. Онъ пересталъ скрываться, съ тѣмъ чтобы отвѣчать на предупредительность Цезаря; посмотримъ теперь, какъ онъ пересталъ молчать, чтобы отблагодарить его за милосердіе.

Есть полное основаніе восхищаться милосердіемъ Цезаря, и похвалы ему вполнѣ заслужены. Среди безжалостныхъ войнъ древняго міра въ первый разъ блеснулъ въ то время лучъ гуманности. Никогда не закрадывалось еще въ душу побѣдителя сомнѣніе насчетъ обширности его правъ; онъ считалъ ихъ безграничными и пользовался ими беззавѣтно. Кто жь до Цезаря провозглашалъ и примѣнялъ на дѣлѣ уваженіе къ побѣжденному? Онъ первый объявилъ, что месть его не будетъ переживать его побѣдъ, и что онъ не станетъ поражать безоружнаго противника. Восторгъ, внушаемый намъ его поведеніемъ, увеличивается еще оттого, что онъ подалъ этотъ прекрасный примѣръ умѣренности и кротости въ эпоху насилій, въ промежутокъ отъ проскрипцій Силлы и до проскрипцій Октавія; онъ миловалъ своихъ враговъ даже въ тотъ моментъ, когда тѣ убивали его плѣнныхъ воиновъ и сжигали заживо его матросовъ вмѣстѣ съ ихъ судами. Впрочемъ не надо ничего преувеличивать, и исторія не должна быть панегирикомъ. Безъ всякаго намѣренія умалять славу Цезаря, позволительно спросить себя, по какой причинѣ онъ миловалъ побѣжденныхъ, и вполнѣ справедливо будетъ изслѣдовать пріемы и предѣлы его милосердія.

Одинъ изъ его лучшихъ друзей, Куріонъ, въ задушевной бесѣдѣ съ Цицерономъ говорилъ ему однажды, что Цезарь жестокъ по характеру, и если щадилъ своихъ враговъ, то лишь для того, чтобы сохранить привязанность народа [1]); но скептическій Куріонъ, подобно Целію, былъ наклоненъ смотрѣть на людей съ дурной ихъ стороны, и въ этомъ случаѣ, конечно, клеветалъ на своего начальника. Въ дѣйствительности Цезарь былъ милосердъ и по природѣ и по системѣ, **pro natura et pro instituto**; [2]) такъ говоритъ о немъ продолжатель его **Комментаріевъ**, очень хорошо его знавшій. Но если сердце не измѣняется, зато можетъ измѣняться по обстоятельствамъ политика. Кто добръ единственно по

[1]) **Ad Att.**, X, 4.
[2]) **Bell. afric.**, 88.

природѣ, тотъ остается добрымъ завсегда; но если къ этому естественному инстинкту, влекущему насъ къ милосердію, присоединяется размышленіе, разсчитывающее, какой эффектъ оно произведетъ и какую выгоду можно изъ него извлечь, тогда легко можетъ случиться, что милосердіе пооcлабнетъ, если не найдетъ достаточно выгоды проявить себя. Тотъ, кто всилу системы являлся кроткимъ и гуманнымъ, чтобы привлечь къ себѣ людей, рѣшится также всилу системы быть жестокимъ, если почувствуетъ надобность устрашить ихъ. Это самое и бывало съ Цезаремъ; изучая жизнь его вблизи, мы видимъ, что милосердіе его неоднократно затмевалось. Я не думаю, чтобы онъ совершалъ жестокости безъ причины или просто изъ удовольствія совершать ихъ, какъ это дѣлали многіе изъ его современниковъ; но онъ не отказывался отъ нихъ, когда находилъ ихъ для себя выгодными. Во время его преторства въ Испаніи ему случалось брать приступомъ города, согласные и безъ того на сдачу, для того только, чтобы имѣть поводъ ограбить ихъ. Въ Галліи онъ никогда не колебался устрашать своихъ враговъ жесточайшею местью; такъ онъ приказываетъ отсѣчь головы всему сенату Венетовъ, перерѣзать Узипетовъ и Тенктеровъ, сразу продать въ рабство сорокъ тысячъ жителей Генабума и отрѣзать кулакъ всякому, кто взялся противъ него за оружіе въ Укселлодунѣ. А развѣ онъ не держалъ въ тюрьмѣ впродолженіи цѣлыхъ пяти лѣтъ своего достойнаго противника, геройскаго вождя Арвернцевъ, Верцингеторикса, чтобы впослѣдствіи холодно отдать приказаніе умертвить его въ день своего тріумфа? Даже въ эпоху междоусобій, когда онъ бился съ своими согражданами, онъ наконецъ усталъ прощать. Увидѣвъ, что его система милосердія не обезоруживаетъ его враговъ, онъ отказался отъ нея, и ихъ упорство, очень его изумившее, подъ конецъ прямо его ожесточило. По мѣрѣ того, какъ борьба продолжается, она съ обѣихъ сторонъ принимаетъ все мрачнѣйшій оттѣнокъ. Между республиканцами, доведенными до отчаянья рядомъ неудачъ, и между побѣдителемъ, доведеннымъ до бѣшенства ихъ сопротивленіемъ, война становится безпощадною. Послѣ Тапса Цезарь подаетъ примѣръ казней, и его армія, заразившись его гнѣвомъ, умерщвляетъ побѣжденныхъ на его глазахъ. Отправляясь въ послѣдній Испанскій походъ, онъ объявилъ, что милосердіе его истощилось, и что всякій, не положившій оружія, будетъ преданъ смерти. По этому Мундская битва была ужасна. Діонъ разсказываетъ, что обѣ арміи напали другъ на друга въ безмолвномъ бѣшенствѣ, и что вмѣсто воинственныхъ пѣсенъ, раздающихся обыкновенно въ это время, слышались только изрѣдка слова: «Рази и бей». Когда окончилась битва, началась рѣзня. Старшій сынъ Помпея, которому удалось бѣжать, былъ преслѣдуемъ въ лѣсахъ впродолженіи нѣсколькихъ дней и наконецъ убитъ безъ всякой пощады, подобно вандейскимъ вождямъ во время нашихъ войнъ въ такъ называемомъ Полѣсьѣ.

Лучшій моментъ милосердія Цезаря былъ подъ Фарсалой. Еще вступая въ Италію, онъ заранѣе объявилъ, что тамъ не увидятъ больше возобновленія проскрипцій. «Я не хочу подражать Силлѣ, говорилъ онъ въ одномъ знаменитомъ и, вѣроятно, очень распространенномъ письмѣ. Водворимъ новый способъ побѣждать и поищемъ для себя охраны въ милосердіи и кротости [1])». Сначала онъ и дѣйствовалъ согласно съ этими прекрасными словами. Послѣ побѣды онъ приказалъ солдатамъ щадить своихъ согражданъ и на самомъ полѣ битвы протянулъ руку Бруту и многимъ другимъ. Но во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ думать, чтобы въ это время была дана всеобщая амнистія [2]). Напротивъ того, эдиктомъ Антонія, управлявшаго Римомъ въ отсутствіе Цезаря, строго воспрещалось всѣмъ помпеянцамъ возвращаться въ Италію, не получивъ на то разрѣшенія. Исключеніемъ были въ этомъ случаѣ Цицеронъ и Лелій, которыхъ нечего было бояться. Впослѣдствіи возвратилось еще много другихъ, но ихъ призвали отдѣльно и особыми декретами. Этимъ способомъ Цезарь извлекалъ наибольшія выгоды изъ своего милосердія. Обыкновенно такія отдѣльныя милости раздавались не даромъ, и изгнанниковъ почти всегда заставляли платить за нихъ частію своего достоянія. Рѣдко также онѣ бывали полными съ перваго раза; имъ разрѣшали сначала вернуться въ Сицилію, потомъ въ Италію, прежде чѣмъ открыть для нихъ вполнѣ ворота Рима. Этѣ искусно подготовленныя ступени, увеличивая собою число милостей, даруемыхъ Цезаремъ, не давали засыпать общественному восторгу. Всякій разъ хоръ льстецовъ возобновлялъ свои похвалы, не переставая прославлять великодушіе побѣдителя.

---

[1]) Ad Att., IX., 7.

[2]) Общая амнистія, о которой говоритъ Светоній, была дана уже гораздо позже.

И такъ, послѣ Фарсалы въ Греціи и въ Азіи было нѣсколько изгнанниковъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ позволенія вернуться, и получившихъ его однако не всѣ. Письма Цицерона оказываютъ намъ услугу, знакомя насъ съ нѣкоторыми изъ нихъ. Тутъ были люди всѣхъ классовъ и состояній, начиная съ негоціантовъ и откупщиковъ податей и оканчивая вельможами. Рядомъ съ Марцелломъ, Торкватомъ, Домиціемъ, встрѣчаются совершенно неизвѣстныя личности, подобныя Требіану и Toранію, а это доказываетъ, что месть Цезаря распространялась не на однихъ только вождей партіи. Между ними встрѣчаются также три писателя, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что съ ними было поступлено, быть можетъ, всего хуже. Одинъ изъ нихъ, Т. Ампій, пылкій республиканецъ, не оказалъ во время ссылки столько твердости, сколько слѣдовало ожидать. Онъ писалъ исторію знаменитыхъ людей и, повидимому, не извлекъ для себя достаточно пользы изъ представлявшихся ему тамъ прекрасныхъ примѣровъ. Мы лучше знаемъ двухъ остальныхъ, нисколько впрочемъ не похожихъ другъ на друга: умнаго негоціанта, Этруска Цецину, и ученаго Нигидія Фигула. Нигидій, котораго ставили на ряду съ Варрономъ за обширность его свѣдѣній, и который, подобно ему, былъ въ одно и то же время философомъ, грамматикомъ, астрономомъ, физикомъ, риторомъ и юрисконсультомъ, больше всего поразилъ своихъ современниковъ глубиною своихъ теологическихъ изысканій. Такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ много занимается ученіемъ Халдеевъ и Орфиковъ, онъ слылъ за великаго чародѣя. Думали, что онъ предсказываетъ будущее, и подозрѣвали, что онъ можетъ воскрешать мертвыхъ. Столько разнообразныхъ занятій не мѣшали ему однако интересоваться дѣлами своей страны. Въ то время не думали, что ученый воленъ и не быть гражданиномъ. Путемъ разныхъ происковъ онъ достигъ общественныхъ должностей; онъ былъ преторомъ въ трудныя времена и отличился при этомъ своей энергіей. Когда Цезарь вступилъ въ Италію, Нигидій, вѣрный правиламъ своего учителя, Пиѳагора, повелѣвающаго мудрому являться на помощь, когда въ опасности—законъ, поспѣшилъ оставить свои книги и выступилъ въ первомъ ряду бойцовъ при Фарсалѣ. Сначала Цецина показалъ себя столь-же твердымъ, какъ Нигидій, и, подобно ему, отличился своей республиканской ревностью. Не довольствуясь тѣмъ, чтобы взять оружіе противъ Цезаря, онъ еще оскорбилъ его въ одномъ памфлетѣ при началѣ войны; но онъ былъ

такъ-же слабъ, какъ пылокъ, и не могъ вынести изгнанія. Этому легкомысленному человѣку необходимы были удовольствія Рима, и онъ сокрушался о томъ, что лишенъ ихъ. Чтобъ получить помилованіе, онъ вздумалъ написать новое сочиненіе, совершенно противорѣчащее прежнему для того, чтобы изгладить произведенное имъ дурное впечатлѣніе. Онъ назвалъ его своими *Жалобами*, и уже одно это названіе показываетъ, каковъ былъ его характеръ. Онъ расточалъ въ немъ безмѣрныя похвалы Цезарю и все еще боялся, что недовольно ихъ наговорилъ. «Я трепещу всѣми членами, говорилъ онъ Цицерону, когда спрашиваю себя, останется-ли онъ этимъ доволенъ»[1]). Столько смиренія и низости тронули наконецъ побѣдителя, и между тѣмъ какъ онъ безжалостно оставлялъ умирать въ ссылкѣ энергическаго Нигидія, не умѣвшаго льстить, онъ позволилъ Цецинѣ приблизиться къ Италіи и поселиться въ Сициліи.

Цицеронъ сталъ утѣшителемъ всѣхъ этихъ изгнанниковъ и употреблялъ весь свой кредитъ, чтобы улучшить ихъ положеніе. Онъ служилъ имъ всѣмъ съ одинаковою преданностью, хотя и имѣлъ причины жаловаться на нѣкоторыхъ изъ нихъ; но онъ позабывалъ ихъ вины, лишь только видѣлъ ихъ несчастными. Въ своихъ письмахъ къ нимъ онъ съ трогательной ловкостью старался приладить свой языкъ къ ихъ положенію и чувствамъ, мало заботясь о томъ, чтобы оставаться въ согласіи съ самимъ собою, лишь-бы только утѣшить ихъ и быть имъ полезнымъ. Тѣмъ, кто сокрушался о своемъ удаленіи изъ Рима, онъ говорилъ, что они напрасно желаютъ туда вернуться, и что лучше просто слышать о несчастіяхъ республики, нежели видѣть ихъ своими глазами; напротивъ того, тѣмъ, которые слишкомъ мужественно выносили ссылку и даже, къ отчаянью своихъ семействъ, вовсе не хотѣли возвращаться назадъ, онъ писалъ совершенно иное. Если онъ замѣчалъ слишкомъ раболѣпную поспѣшность въ стремленіи предупредить и вызвать милости Цезаря, онъ не затруднялся осуждать это и съ безконечными оговорками напоминалъ несчастному о позабытомъ имъ уваженіи къ самому себѣ. Напротивъ, видя, что кто-нибудь расположенъ къ геройской опрометчивости и рѣшается на совершенно безполезную выходку, онъ принимался проповѣдывать осторожность и покорность. Въ это время онъ не щадилъ своихъ трудовъ. Онъ отправлялся къ

[1]) Ad fam., VII, 7.

друзьямъ властителя, а въ случаѣ нужды и къ нему самому, хотя очень трудно было найти доступъ къ человѣку, на которомъ лежали дѣла цѣлаго міра. Онъ просилъ, обѣщалъ, утомлялъ своими мольбами, и почти всегда одерживалъ успѣхъ, такъ какъ Цезарь старался все больше и больше привязать его разными одолженіями къ своей партіи. Испросивъ для кого-нибудь помилованіе, онъ спѣшилъ обыкновенно первый сообщить его нетерпѣливо ожидавшему изгнаннику; онъ съ жаромъ поздравлялъ его и прибавлялъ къ своимъ привѣтствіямъ нѣсколько наставленій насчетъ умѣренности и молчанія, которыя онъ охотно давалъ другимъ, не всегда соблюдая самъ.

Самымъ значительнымъ лицомъ между этими изгнанниками былъ прежній консулъ Марцеллъ; и никого изъ нихъ Цезарь не имѣлъ больше причинъ ненавидѣть, какъ его. По особаго рода жестокому презорству, Марцеллъ приказалъ высѣчь розгами одного жителя Комы, желая этимъ показать, что ни во что не ставитъ права̀, дарованныя Цезаремъ этому городу. Послѣ Фарсалы онъ удалился на остр. Митилену и нисколько не думалъ возвращаться назадъ, когда его роднымъ и Цицерону пришло въ голову хлопотать объ его помилованіи. Но уже съ первыхъ шаговъ они встрѣтили препятствіе, на которое вовсе не разсчитывали: они думали, что имъ придется умолять одного Цезаря, между тѣмъ оказалось, что сначала надо еще уговорить Марцелла. Это былъ человѣкъ энергическій, не павшій духомъ вслѣдствіе неудачи своего дѣла, настоящій философъ, вполнѣ примирившійся съ изгнаніемъ, упрямый республиканецъ, не желавшій возвращаться въ Римъ, чтобы не видѣть его порабощеннымъ. Пришлось вести продолжительные переговоры, прежде чѣмъ онъ согласился, чтобы за него ходатайствовали у побѣдителя, да и пошелъ онъ на это очень неохотно. Читая письма къ нему по этому поводу отъ Цицерона, нельзя не удивляться искусству послѣдняго, хотя и трудно понять причину его настойчивости. Съ удивленіемъ спрашиваешь себя, почему онъ принималъ больше участія въ возвращеніи Марцелла, нежели самъ Марцеллъ. Они никогда не были очень дружны между собою; Цицеронъ не стѣснялся осуждать его за упорство, да притомъ мы знаемъ, что онъ не любилъ такихъ твердыхъ и сильныхъ характеровъ. Слѣдовательно, для того, чтобы такъ страстно желать возвращенія Марцелла въ Римъ, у него была какая-нибудь другая причина, посильнѣе его привязанности къ нему. Эта невысказанная имъ причина, о которой можно однако догадываться, была страхъ

общественнаго мнѣнія. Онъ зналъ, что его осуждаютъ за то, что онъ слишкомъ мало старался для своего дѣла, и онъ самъ укорялъ себя иногда за то, что слишкомъ рано покинулъ его. Когда, живя въ Римѣ, гдѣ онъ весело проводилъ время въ роскошныхъ пирахъ, задаваемыхъ ему Гирціемъ и Долабеллою и посѣщаемыхъ имъ, по его словамъ, для того, чтобы позабыть немного о своемъ рабствѣ, онъ вспоминалъ о честныхъ людяхъ, дававшихъ убивать себя въ Африкѣ или въ Испаніи, а не то—жившихъ изгнаниками въ какомъ-нибудь печальномъ и глухомъ городкѣ Греціи, онъ негодовалъ на себя за то, что онъ не съ ними, и мысль объ ихъ страданіяхъ часто смущала его удовольствія. Вотъ, почему онъ такъ ревностно хлопоталъ объ ихъ возвратѣ. Для него было важно уменьшить число людей, составлявшихъ по своимъ страданіямъ досадную противуположность съ тѣмъ счастіемъ, какимъ онъ наслаждался, а также и тѣхъ, кто своимъ гордымъ поведеніемъ какъ-бы осуждалъ его покорность. Всякій разъ, какъ въ Римъ возвращался какой-нибудь ссыльный, Цицерону казалось, что онъ самъ освободился отъ какой-то душевной тяжести и избѣгнулъ упрековъ со стороны своихъ недоброжелателей. Потому, когда онъ неожиданно добился помилованія Марцелла, радость его не знала границъ. Благодаря ей, онъ позабылъ даже принятое имъ намѣреніе молчать, строго выполняемое имъ впродолженіи двухъ лѣтъ. Желая поблагодарить Цезаря, онъ заговорилъ въ сенатѣ и произнесъ знаменитую дошедшую до насъ рѣчь [1]).

Слава этой рѣчи отличается крайне измѣнчивою судьбою. Ею долгое время беззавѣтно восхищались, и въ прошломъ столѣтіи добрый Ролленъ считалъ ее за образецъ и за послѣдній предѣлъ краснорѣчія; но этотъ восторгъ значительно уменьшился съ тѣхъ поръ, какъ люди стали менѣе чувствительны къ искусству деликатнымъ образомъ прославлять государей и начали больше дорожить откровеннымъ и свободнымъ словомъ, нежели самою остроумною лестью. Правда, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой рѣчи хотѣлось-бы видѣть больше достоинства. Особенно непріятно поражаетъ въ ней способъ, какимъ приводятся щекотливыя воспоминанія о междоусобной войнѣ. Слѣдовало

---

[1]) Само собою разумѣется, что я вѣрю подлинности этой рѣчи; причины, почему заподозривали ея подлинность, кажутся мнѣ ничтожными. Дальше я буду говорить о причинахъ, извлеченныхъ изъ самаго характера рѣчи, и докажу, что она далеко не такъ низка и раболѣпна, какъ это говорятъ.

или вовсе не говорить о ней или говорить съ большей гордостью. Надо-ли было, напримѣръ, скрывать причины, заставившія республиканцевъ взяться за оружіе, и свести всю борьбу на столкновеніе между честолюбіями двухъ важныхъ особъ? Время-ли было послѣ пораженія Помпея принести его въ жертву Цезарю и утверждать съ такою увѣренностью, что онъ хуже воспользовался-бы побѣдой? Чтобы не слишкомъ строго осуждать тѣ уступки, которыя Цицеронъ считалъ себя обязаннымъ сдѣлать побѣдоносной партіи, мы должны вспомнить, при какихъ обстоятельствахъ была произнесена эта рѣчь. Послѣ Фарсалы онъ еще въ первый разъ говорилъ публично. Въ этомъ сенатѣ, очищенномъ Цезаремъ и наполненномъ имъ своими креатурами, никто еще не слыхалъ свободнаго голоса. Друзья и поклонники властелина только одни имѣли право тамъ говорить, и сколь-бы ни крайни казались намъ похвалы Цицерона Цезарю, можно навѣрное полагать, что лесть его должна была казаться очень умѣренной передъ ежедневно раздававшеюся здѣсь лестью другихъ. Прибавимъ къ этому, что никто еще не рѣшался испытывать терпимости Цезаря и никто не зналъ точно ея предѣловъ. А очень естественно, что тотъ, кто не знаетъ навѣрное, гдѣ начинается продерзость, всегда немного опасается стать дерзкимъ. Не зная мѣры дозволенной свободы, можно иногда не достичь ея изъ опасенія перейти ея предѣлъ. Впрочемъ этотъ ораторъ, говорившій за изгнанника, принадлежалъ самъ къ числу побѣжденныхъ. Онъ вполнѣ зналъ, какія права давала въ то время побѣда, и не скрывалъ этого. «Мы были разбиты, говоритъ онъ Цезарю, и ты могъ по закону всѣхъ насъ умертвить»[1]). Въ настоящее время вещи сильно измѣнились. Человѣчность сократила эти безжалостныя права, да и побѣжденный, знающій это, уже не такъ легко сдается весь вполнѣ: съ той минуты, какъ онъ не подвергается прежнимъ опасностямъ, ему легко быть похрабрѣе; но, находясь передъ властелиномъ, имѣвшимъ надъ нимъ неограниченную власть, и зная, что онъ долженъ считать дарованіе ему свободы и жизни за благодѣяніе, которое можно всегда и отнять, онъ не могъ говорить съ такою-же увѣренностью, и несправедливо было-бы назвать робостью ту осторожность, къ какой вынуждало его столь опасное положеніе. Наконецъ остается еще послѣдній, болѣе простой и, вѣроятно, болѣе истинный способъ объяснить тѣ

[1]) Pro Marc., 4.

нѣсколько неумѣренныя похвалы, въ которыхъ упрекали Цицерона, а именно, признать ихъ искренними. Чѣмъ обширнѣе были права побѣдителя, тѣмъ больше было заслуги отказаться отъ нихъ. особенно-же если онъ отказывался отъ нихъ въ пользу человѣка, котораго имѣлъ законное право ненавидѣть. Вотъ почему прощеніе Цезаремъ своего личнаго врага произвело сильное впечатлѣніе и на сенаторовъ, и на Цицерона. Доказательствомъ того, что изъявленія радости и благодарности, наполняющія собою его рѣчь, не были просто ораторскою ложью, служитъ то, что они находятся и въ письмѣ къ Сульпицію, писанномъ вовсе не для публики. «Этотъ день показался мнѣ такъ прекрасенъ, говоритъ онъ ему, описывая это достопамятное засѣданіе сената, что мнѣ чудилось, будто я вижу возрожденіе республики»[1]). Говоря это, онъ слишкомъ увлекся, потому-что ничто не походило такъ мало на пробужденіе республики, какъ этотъ произвольный поступокъ властелина, милующаго людей, виноватыхъ лишь въ томъ, что хорошо служили своему отечеству. Тѣмъ не менѣе такая сильная гипербола служитъ доказательствомъ глубокаго и искренняго впечатлѣнія, произведеннаго въ то время на Цицерона милосердіемъ Цезаря. Извѣстно, до какой степени эта живая натура была доступна впечатлѣніямъ минуты. Обыкновенно онъ такъ пылко предается восторгу или ненависти, что выражая ихъ, рѣдко соблюдаетъ должныя границы. Вотъ почему въ рѣчи за Марцелла мы встрѣчаемъ гиперболическія похвалы и чрезмѣрную иногда лесть; хоть и легко ихъ объяснить, но пріятнѣе было-бы вовсе не встрѣчать ихъ.

Когда сдѣлаешь всѣ этѣ оговорки остается лишь восхищаться рѣчью Цицерона. Она заключаетъ въ себѣ не одну только лесть, какъ это думаютъ иные, и, кто прочтетъ ее внимательно и безъ предубѣжденій, тотъ найдетъ въ ней нѣчто другое. Поблагодаривъ Цезаря за его милосердіе, онъ позволяетъ себѣ высказать ему нѣсколько истинъ и подать нѣсколько совѣтовъ. Эта вторая часть, исчезающая теперь въ блескѣ первой, гораздо любопытнѣе, хотя и не такъ блестяща, и въ свое время производила, вѣроятно, больше дѣйствія. Хотя онъ по обыкновенію и передѣлалъ свой трудъ прежде, чѣмъ пустить его въ свѣтъ, но, вѣроятно, сохранилъ въ немъ движеніе импровизаціи. Если онъ не сразу нашелъ эти пре-

[1]) Ad fam., IV, 4.

красные періоды, самые звучные и пышные въ латинскомъ языкѣ, то, вѣроятно, не слишкомъ сильно измѣнилъ порядокъ мыслей и ходъ рѣчи. Вы чувствуете, что онъ понемногу оживляется, входитъ въ пылъ и становится все смѣлѣе по мѣрѣ того, какъ идетъ дальше. Успѣхъ его краснорѣчія, котораго всѣ были такъ долго лишены, рукоплесканія друзей Цицерона, восторгъ и изумленіе новыхъ сенаторовъ, еще не слыхавшихъ его дотолѣ, упоеніе собственною рѣчью, ощущаемое человѣкомъ, когда онъ видитъ, что его слушаютъ, наконецъ, самое мѣсто, гдѣ произносилась рѣчь, эти стѣны сената, на которыя онъ въ ней намекаетъ, хранившія на себѣ память о стольких краснорѣчивыхъ и свободныхъ голосахъ, все это придаетъ ему отваги. Онъ постепенно забываетъ свой первый робко-сдержанный приступъ, и смѣлость является у него вмѣстѣ съ успѣхомъ. Развѣ онъ не нападаетъ косвеннымъ образомъ на неограниченную власть, когда наприм. говоритъ: «Мнѣ больно видѣть, что участь республики, долженствующей быть безсмертною, вполнѣ зависитъ отъ жизни человѣка, который долженъ умереть» [1]). А что сказать о слѣдующихъ еще болѣе рѣзкихъ и почти жестокихъ словахъ: «Ты много сдѣлалъ для того, чтобы невольно восхитить людей, но недостаточно для того, чтобы заслужить похвалы ихъ» [2]). Что-жь долженъ дѣлать Цезарь для того, чтобы въ будущемъ его столько-же хвалили, сколько восхищались имъ? Онъ долженъ измѣнить существующее: «Республика не можетъ оставаться въ томъ видѣ, какъ она есть». Онъ ничего дальше не объясняетъ, но можно понять, чего ему хочется. Онъ хочетъ свободы, если не такой полной, какою пользовались до Фарсалы, то правильной и умѣренной, совмѣстимой съ сильной побѣдительскою властью, единственно возможной въ то время для Рима. Очевидно, что въ эту минуту Цицеронъ не считалъ еще невозможнымъ достигнуть соглашенія между Цезаремъ и свободой. Развѣ человѣкъ, такъ блистательно отказывавшійся отъ наименѣе оспориваемыхъ правъ побѣды, не могъ пожелать впослѣдствіи отказаться и отъ другихъ? А, видя его милосердіе и великодушіе относительно частныхъ лицъ, развѣ нельзя было подумать, что онъ проявитъ ихъ современемъ относительно своего отечества? Какъ ни слаба была эта надежда, но за неимѣ-

[1]) Pro Marc., 7.
[2]) Pro Marc., 8.

ніемъ другой, честный человѣкъ и добрый гражданинъ не долженъ былъ дать ей затеряться и даже обязанъ—всѣми средствами побуждать Цезаря къ ея осуществленію. Слѣдовательно, восторженно расхваливать Цезаря за сдѣланное, чтобы подвигнуть его сдѣлать еще больше, вовсе не было преступленіемъ, и мнѣ кажется, что похвалы, расточаемыя ему Цицерономъ, утратятъ отчасти тотъ раболѣпный видъ, за который ихъ укоряютъ, если мы вспомнимъ при этомъ его цѣль.

Цезарь выслушалъ комплименты съ удовольствіемъ, а совѣты безъ гнѣва. Онъ слишкомъ радовался тому, что Цицеронъ перестал молчать, чтобы сердиться за сказанное имъ. Для него было очень важно, чтобы этотъ государственный человѣкъ, на котораго были устремлены всѣ взоры, снова вступилъ какимъ-бы то ни было образомъ въ общественную жизнь. Этотъ великій голосъ, столь упорно безмолвствовавшій, какъ-бы протестовалъ противъ новаго правительства. Даже и не пытаясь ему противорѣчить, онъ заставлялъ предполагать, что нѣтъ для этого довольно свободы и такимъ образомъ выставлялъ порабощеніе еще болѣе тяжелымъ. Голосу Цицерона такъ обрадовались, что позволили ему говорить, какъ онъ хотѣлъ. Онъ вскорѣ это замѣтилъ и этимъ воспользовался. Съ этой минуты становится ощутительно, что, говоря въ публикѣ, онъ чувствуетъ себя свободнѣе. Тонъ его дѣлается тверже, и онъ меньше расточаетъ комплиментовъ и похвалъ. Дѣло въ томъ, что, говоря рѣчь за Марцелла, онъ какъ-бы хотѣлъ попытать, на сколько можетъ дать себѣ воли. Изслѣдовавши такимъ образомъ почву, онъ могъ лучше распоряжаться своими шагами и идти съ большей увѣренностью.

Таково было положеніе Цицерона при диктаторствѣ Цезаря; читатель видитъ, что оно вовсе не такъ смиренно, какъ это думали, и что онъ во времена деспотизма сумѣлъ оказать нѣкоторыя услуги свободѣ. На эти услуги не обратили вообще вниманія, что меня нисколько не удивляетъ. Съ людьми бываетъ отчасти то же, что и съ произведеніями искусствъ: глядя на нихъ издали, поражаются только ихъ вольными положеніями и вѣрно схваченными позами, а подробности и оттѣнки ускользаютъ отъ глазъ. Лица, вполнѣ предавшіяся побѣдителю, подобно Куріону или Антонію, или безустанно сопротивлявшіяся ему, подобно Лабіэну и Катону, совершенно понятны для всѣхъ. Зато мы всегда строже относимся къ тѣмъ ловкимъ и гибкимъ умамъ, которые бѣгутъ всякой крайности, искусно

умѣютъ лавировать между подчиненіемъ и возстаньемъ, скорѣе обходятъ затрудненія, нежели преодолѣваютъ ихъ, и готовы заплатить небольшою лестью за право высказать нѣсколько истинъ. Такъ какъ издали нельзя вполнѣ ясно видѣть ихъ положенія, то малѣйшая снисходительность съ ихъ стороны представляется уже низостью, и намъ кажется, что они лежатъ распростертыми на землѣ, когда они просто лишь кланяются. Только подойдя къ нимъ, т. е. начавши изучать факты ближе, мы дѣлаемся наконецъ способными справедливо относиться къ нимъ. Мнѣ кажется, что сдѣланный нами подробный разборъ не можетъ быть неблагопріятенъ для Цицерона, и что онъ не ошибался, когда впослѣдствіи, при описаніи этой эпохи своей жизни, говорилъ, что порабощеніе его было не безъ нѣкотораго достоинства; **quievi cum aliqua dignitate** [1]).

II.

Отдавая отчетъ въ отношеніяхъ между Цицерономъ и Цезаремъ послѣ Фарсалы я умышленно умолчалъ о происходившей между ними изысканно-вѣжливой борьбѣ по поводу Катона. Явленіе это до такой степени любопытно, что показалось мнѣ достойнымъ отдѣльнаго изученія, а чтобы лучше понять чувства, внесенныя каждымъ изъ нихъ въ эту борьбу, быть-можетъ, не безполезно будетъ начать ближайшимъ ознакомленіемъ съ личностью, служившей предметомъ спора.

О Катонѣ всѣ имѣютъ довольно правильное понятіе, такъ что и нападающіе на него, и восхищающіеся имъ почти вполнѣ согласны между собою относительно главныхъ чертъ его характера. Это не была такая неуловимая и сложная натура, какъ Цицеронъ, съ такимъ трудомъ поддающаяся опредѣленію. Напротивъ того, не было человѣка безусловнѣе и однообразнѣе его, и мы не видимъ во всей исторіи ни одного лица, чьи достоинства и недостатки были-бы такъ ясно обозначены. Единственное, что грозитъ изучающимъ его, это—соблазнъ еще преувеличить эту могучую и рѣзкую фигуру. При небольшомъ желаніи, изъ этого упрямца можно сдѣлать человѣка съ норовомъ, изъ этой откровенной и чистосердечной натуры — невѣжу и грубіяна, словомъ, написать каррикатуру Катона, а не портретъ его. Чтобы не впасть въ подобную крайность, слѣдуетъ, прежде, чѣмъ говорить о немъ, прочитать небольшое письмо, написанное имъ Цицерону, въ то время проконсулу въ Киликіи [1]). Отъ Катона ничего не осталось, кромѣ этой записки, и по моему, она должна крайне удивить всякаго, кто составилъ себѣ о немъ предвзятое понятіе. Въ ней нѣтъ ни грубости, ни жесткости, а напротивъ, есть очень много тонкости и ума. Случай былъ весьма затруднительный: приходилось отказать Цицерону въ отличіи, которое ему очень хотѣлось получить. На старости лѣтъ у него явилось тщеславное желаніе прослыть побѣдителемъ, и онъ проситъ сенатъ вотировать благодарственныя молитвы богамъ за успѣхъ совершоннаго имъ похода. Сенатъ отнесся вообще довольно снисходительно къ этой прихоти; сопротивлялся почти одинъ Катонъ; но и ему не хотѣлось также ссориться съ Цицерономъ, и письмо, написанное имъ въ оправданіе своему отказу, можетъ положительно назваться образцовымъ произведеніемъ ловкости. Онъ доказываетъ ему, что, сопротивляясь его просьбѣ, онъ лучше его самого понимаетъ интересъ его славы. Если онъ не хочетъ благодарить боговъ за успѣхи Цицерона, такъ это потому, что, по его мнѣнію, Цицеронъ обязанъ этими успѣхами самому себѣ. Развѣ не лучше отнести честь ихъ лично къ нему, нежели приписывать ихъ случаю или покровительству неба? Подобный способъ отказа былъ, несомнѣнно, весьма любезенъ и не позволялъ даже разгнѣваться Цицерону, имѣвшему на это полное право. Итакъ, Катонъ умѣлъ при случаѣ дѣйствовать очень хитро, чего о немъ никакъ нельзя предположить съ перваго взгляда. Характеръ его сдѣлался гибче вслѣдствіе прилежнаго изученія греческихъ писателей; онъ жилъ среди изящнаго кружка и, помимо своей воли, заимствовалъ у него кое-что. Подозрѣвать это заставляетъ насъ его остроумное письмо, и мы должны вспоминать и перечитывать его всякій разъ, какъ намъ вздумается представить его себѣ мужикомъ — неучемъ.

Надо однако сознаться, что онъ былъ обыкновенно рѣзокъ и упрямъ, суровъ къ самому себѣ и строгъ къ другимъ. Такова его природная наклонность, и онъ усилилъ ее еще своей волею. Не одна природа виновна въ созданіи такихъ цѣльныхъ и безусловныхъ характеровъ; нѣкоторое желаніе казаться интересно-оригиналь-

---

[1] **Philipp., III, 11.**

[1]) **Ad fam., XV. 5.**

нымъ и небольшая поблажка самому себѣ часто дѣлаютъ то, что человѣкъ помогаетъ природѣ и тѣмъ сильнѣе выдаетъ ее. Самое имя Катона влекло его къ этому недостатку. Примѣръ его знаменитаго предка былъ у него постоянно передъ глазами, и онъ всего болѣе старался походить на него, не принимая въ соображеніе разности времени и людей. При подражаніи сплошь является преувеличеніе. Воспроизведеніе чужихъ добродѣтелей всегда стоитъ нѣкоторыхъ усилій и ведетъ къ чрезмѣрности. Берутъ лишь наиболѣе выдающіяся черты своего образца и пренебрегаютъ умѣряющими ихъ остальными. Это самое случилось съ Катономъ, и Цицеронъ справедливо укоряетъ его за то, что онъ подражалъ только грубымъ и жесткимъ чертамъ своего дѣда. «Дозволь ты своей строгой мудрости, говорилъ онъ, заимствовать нѣкоторыя легкія и веселыя черты дѣдовскихъ нравовъ, достоинства твои сдѣлались-бы пріятнѣе»[1]). Несомнѣнно, что у стараго Катона была жилка остроумія, деревенской веселости и насмѣшливаго добродушія, которыхъ совсѣмъ не было у его внука. Онъ заимствовалъ у него только грубость и упрямство и довелъ ихъ до крайности. Изъ всѣхъ крайностей самая опасная есть, быть можетъ, крайность въ добрѣ; по крайней мѣрѣ отъ нея всего труднѣе исправиться, такъ какъ виновный тутъ рукоплещетъ самъ себѣ, и никто не осмѣливается укорять его. Недостатокъ Катона состоялъ въ томъ, что онъ ни въ чемъ не зналъ мѣры. Желая твердо держаться своего мнѣнія, онъ оставался непреклоннымъ къ совѣтамъ друзей и къ урокамъ опыта. Практика жизни, эта повелительная госпожа, по словамъ Боссюэта, не имѣла на него никакого вліянія. Энергія его доходила до упрямства, а честность его бывала иногда не въ мѣру щепетильною. Эта крайняя щепетильность и помѣшала именно его успѣхамъ въ то время, когда онъ добивался общественныхъ должностей. Народъ былъ очень требователенъ къ тѣмъ, кто обращался къ его выбору. Во все остальное время года онъ давалъ водить себя во всѣ стороны; но въ день выборовъ сознавалъ себя властелиномъ и любилъ это показывать. Его нельзя было задобрить, не льстя всѣмъ его прихотямъ. Цицеронъ нерѣдко смѣялся надъ этими несчастными услужливыми кандидатами (natio officiosissima candidatorum), которые рано по утрамъ идутъ стучаться у всѣхъ дверей, проводятъ жизнь въ дѣланіи визитовъ и комплиментовъ, считаютъ своею обязанностью сопровождать всѣхъ полководцевъ, возвращающихся въ Римъ и уѣзжающихъ оттуда, составляютъ изъ себя свиту всѣхъ вліятельныхъ ораторовъ и принуждены быть безконечно внимательны и почтительны ко всѣмъ. Изъ людей народа, отъ которыхъ, собственно говоря, и зависѣли выборы, наиболѣе честные ждали себѣ лести, а другіе требовали подкупа. Катонъ не былъ способенъ ни на то, ни на другое. Онъ не хотѣлъ ни льстить, ни лгать; а платить еще и того менѣе. Когда его побуждали дѣлать пиры и подарки, въ которыхъ уже издавна не могли отказывать кандидаты, онъ грубо отвѣчалъ: «Ведете-ли вы просто мѣновой торгъ удовольствіями съ развратной молодежью или требуете у римскаго народа управленія міромъ»? И онъ не переставалъ повторять то правило, «что надо добиваться должностей только однимъ личнымъ достоинствомъ»[1]). Жесткія слова! сказалъ Цицеронъ; ихъ не привыкли слышать въ такія времена, когда всѣ должности сдѣлались продажными. Онѣ не понравились народу, извлекавшему для себя выгоду изъ этой продажности, и Катонъ, продолжавшій добиваться должностей только за свои личныя достоинства, бывалъ почти всегда побѣждаемъ тѣми, кто хлопоталъ съ деньгами въ рукахъ.

Подобнаго рода честные и рѣшительные характеры встрѣчаются на различныхъ ступеняхъ и въ частной и въ общественной жизни. По этому они столько же относятся къ области комедіи, какъ и къ области исторіи. Если бы я не боялся повредить важности изучаемаго мною лица, я сказалъ-бы, что вышеприведенный гордый отвѣтъ невольно напоминаетъ собою одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній нашего театра. Въ Мизантропѣ Мольеръ хотѣлъ изобразить своего рода Катона. Правда, что здѣсь дѣло идетъ о судьбѣ частнаго лица, а не объ управленіи міромъ, и ведется просто гражданскій процессъ; но по этому поводу Катонъ нашей комедіи говоритъ точно такъ-же, какъ и тотъ. Онъ тоже не хочетъ подчиниться тѣмъ обычаямъ, которыхъ не одобряетъ. Рискуя даже проиграть свое дѣло, онъ не хочетъ идти къ своимъ судьямъ, а когда ему говорятъ:

«А кого-же вы желаете имѣть за себя ходатаемъ?»

онъ отвѣчаетъ такъ-же гордо, какъ Катонъ:

---

[1]) Pro Muraena, 31.

[1]) Pro Mur., 35.

«Кого?—Разумъ, мое законное право и справедливость.»

Какъ бы то ни было, подобныя личности внушаютъ всегда большое уваженіе. Осуждать ихъ не хватаетъ духу, а между тѣмъ это необходимо. Не преувеличеніями и не предвзятой суровостью должно защищать такія благородныя вещи, какъ праводушіе, честь и свобода. Имъ и безъ того уже невыгодно бороться съ испорченностью и развратомъ; къ чему-же придавать имъ еще непріятную и притомъ безполезную жесткость и суровость? Преувеличивать нравственную щепетильность значитъ обезоруживать добродѣтель. Уже довольно того, что она принуждена быть степенною; зачѣмъ-же дѣлать ее отталкивающею? Не жертвуя ни однимъ принципомъ, она должна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ умѣть уступать людямъ для того, чтобы надъ ними господствовать. Доказательствомъ того, что люди, гордящіеся своей неуступчивостью, неправы, служитъ то, что они вовсе не такъ несговорчивы, какъ воображаютъ и, не смотря на все свое сопротивленіе, подъ-конецъ всетаки дѣлаютъ кой-какія уступки. Этотъ строгій и суровый Альцестъ все-таки принадлежитъ свѣту и притомъ къ самому лучшему. * Онъ ведетъ придворную жизнь, что легко узнается не только по его манерамъ и обращенію, хотя я и представляю себѣ человѣка съ зелеными лентами, одѣтымъ со вкусомъ и изяществомъ, но и по дѣлаемымъ имъ послабленіямъ и по тѣмъ уловкамъ вѣжливости, которыя также не что иное, какъ ложь, и которыхъ онъ не потерпѣлъ-бы въ Филинтѣ. Прежде, чѣмъ разразиться противъ вельможи съ его сонетомъ, онъ употребляетъ ловкія выраженія, въ которыхъ можно только предугадывать истину:

«Развѣ вы имѣете что-нибудь возразить на мой сонетъ?»

— Я этого не говорю.

Выраженіе: я этого не говорю, такъ часто повторяемое имъ, если его разобрать со строгостью мизантропа, развѣ оно не потакательство и не преступная слабость? Руссо строго упрекаетъ за это Альцеста, и я не думаю, чтобы Альцестъ, твердо держась своихъ правилъ, нашелся что отвѣчать Руссо. И у Катона не трудно найти подобнаго рода измѣны самому себѣ. Этотъ строгій врагъ происковъ, не желавшій сначала ничего дѣлать для успѣха своихъ кандидатуръ, подконецъ просто ихъ добивается: подобно всѣмъ прочимъ, онъ ходитъ на Марсово поле, чтобы пожимать руки гражданъ и выпрашивать у нихъ голоса. «Какъ! говорилъ ему иронически Цицеронъ, потѣшавшійся такими противорѣчіями, развѣ тебѣ приходить ко мнѣ за избирательнымъ голосомъ? Мнѣ кажется, что скорѣе я долженъ благодарить человѣка съ такими достоинствами, какъ твои, соглашающагося взять на себя изъ-за меня столько трудовъ и опасностей»?[1]) Онъ дѣлалъ еще больше, этотъ строгій врагъ лжи: у него былъ одинъ изъ рабовъ, называемыхъ номенклàторами, знавшихъ имена и профессію всѣхъ римскихъ гражданъ, и онъ, подобно другимъ, пользовался имъ для того, чтобы увѣрить бѣдныхъ избирателей, будто онъ ихъ лично знаетъ. «Развѣ это не значитъ злоупотреблять публикою и надувать ее»? говорилъ Цицеронъ и былъ въ этомъ случаѣ совершенно правъ. Всего грустнѣе то, что эти уступки, унижающія достоинство и цѣльность характера, ни къ чему не служатъ; онѣ дѣлаются обыкновенно неохотно и слишкомъ поздно; онѣ не изглаживаютъ воспоминанія о прежнихъ грубостяхъ и никого собою не подкупаютъ. Не смотря на эти позднія старанія и на помощь своего номенклатора, Катонъ не достигъ консульства, и Цицеронъ строго осуждаетъ промахи, заставившіе его потерпѣть неудачу. Самъ онъ могъ, конечно, обойтись безъ консульства; но республикѣ нужно было имѣть его консуломъ, и, по мнѣнію многихъ хорошихъ гражданъ, способствовать торжеству дурныхъ людей путемъ преутонченной щепетильности или преувеличенной честности, значило почти то же самое, что покинуть республику или измѣнить ей.

Такія преувеличенія и крайности еще понятны въ человѣкѣ, который, подобно Альцесту, намѣревается бѣжать близости людей: но они становятся непростительны, когда хочешь жить съ людьми, да еще стремишься управлять ими. Управленіе людьми вещь очень деликатная и трудная, не дозволяющая сразу отталкивать отъ себя тѣхъ, кѣмъ намѣреваешься руководить. Конечно, надо желать сдѣлать ихъ лучшими, но прежде всего ихъ надо принимать такими, какъ они есть. Первый законъ политики состоитъ въ томъ, чтобы желать только возможнаго. Катонъ часто позабывалъ о немъ. Онъ не умѣлъ оказывать той снисходительности, безъ которой нельзя управлять народами; въ характерѣ его не было ни довольно гибко-

* Альцестъ—герой мольеровскаго Мизантропа. *Примѣч. перев.*

[1]) Pro Mur., 36.

сти, ни той степени честнаго ухищренія, которая даетъ успѣхъ въ предпринимаемыхъ дѣлахъ; въ немъ не было вяжущаго элемента, сближающаго между собою противоположныя честолюбія, успокоивающаго зависть соперниковъ и собирающаго вокругъ одного лица людей, съ совершенно различными характерами, взглядами и интересами. Онъ могъ служить только блистательнымъ протестомъ противъ нравовъ своего времени; но онъ не былъ главою партіи. Не смотря на все свое уваженіе къ нему, я дерзаю сказать, что духъ его былъ упоренъ потому, что умъ у него былъ узокъ. Онъ не усматривалъ съ самаго начала тѣхъ пунктовъ, относительно которыхъ должно держать себя вольнѣе, и тѣхъ, которые надо отстаивать до конца. Ученикъ стоиковъ, говорившихъ, что всѣ проступки равны между собою, такъ что, по остроумному замѣчанію Цицерона, убить безъ нужды цыпленка ровно такъ-же грѣшно, какъ задушить отца роднаго, онъ прилагалъ эту странную и суровую теорію къ политикѣ, Замкнувшись въ строгой законности, онъ съ непріятнымъ ожесточеніемъ защищалъ въ ней всякій вздоръ. Онъ былъ неразборчивъ въ своемъ восхищеніи прошлымъ. Онъ одинаково подражалъ и древнимъ костюмамъ, и древнимъ правиламъ, и не носилъ туники подъ тогою только потому, что ея не носилъ Камиллъ. Ограниченность его ума, а также его узкое и упрямое усердіе не разъ вредили республикѣ. Плутархъ укоряетъ его, что онъ бросилъ Помпея въ руки Цезаря, отказавши ему въ пустомъ удовлетвореніи тщеславія. Цицеронъ осуждаетъ его за то, что онъ разсердилъ всадниковъ, съ такимъ трудомъ приближенныхъ имъ къ сенату. Правда, что всадники заявляли неразумныя требованія; но онъ долженъ былъ лучше уступить имъ, нежели допустить ихъ помочь Цезарю своими громадными богатствами. По этому именно поводу Цицеронъ говорилъ о немъ: «Онъ думаетъ, что стоитъ въ республикѣ Платона, а не въ грязи Ромула» [1]), и слова эти сохранились, какъ всего лучше характеризующія ту неловкую политику, которая, требуя слишкомъ многаго отъ людей, въ концѣ концовъ ничего отъ нихъ не получаетъ.

Естественная роль Катона состоитъ въ сопротивленіи. Онъ не умѣлъ ни урядить, ни вести за собой партію; онъ былъ восхитителенъ, когда ему приходилось выдержать нападеніе противника. Чтобы одолѣть его, онъ употреблялъ часто удававшуюся ему тактику: видя, что

[1]) Ad Att., II, 1.

намѣреваются принять рѣшеніе, казавшееся ему гибельнымъ, и что надо, во-чтобъ то ни стало, помѣшать народу утвердить его, онъ начиналъ говорить и уже не переставалъ. Плутархъ повѣствуетъ о немъ, будто онъ могъ говорить не утомляясь цѣлый день. Ропотъ, крики, угрозы, ничто его не страшило. Случалось, что ликторъ стаскивалъ его съ трибуны; но какъ только онъ освобождался, онъ всходилъ на нее опять. Однажды трибунъ Требоній, выведенный изъ терпѣнія такимъ сопротивленіемъ, приказалъ отвести его въ тюрьму: Катонъ нисколько не смутился и продолжалъ свою рѣчь по дорогѣ, сопровождаемый толпою людей, желавшихъ его слушать. Надо при этомъ замѣтить, что онъ не былъ въ сущности непопуляренъ: народъ, любящій вообще мужество, въ концѣ концовъ угомонялся этимъ упорнымъ хладнокровіемъ и этой непобѣдимою энергіей. Иногда онъ принималъ его сторону, вопреки своимъ интересамъ и склонностямъ, и Цезарь, всемогущій повелитель толпы, берегся однако-же вспышекъ Катона.

Тѣмъ не менѣе, какъ я уже говорилъ, Катонъ не могъ быть главою партіи, а что еще прискорбнѣе, партія, за которую онъ боролся, вовсе не имѣла главы. То было собраніе умницъ и вельможъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для управленія другими. Не говоря уже о Помпеѣ, этомъ сомнительномъ союзникѣ, не внушавшемъ къ себѣ довѣрія, Сципіонъ отталкивалъ отъ себя всѣхъ своимъ высокомѣріемъ и жестокостью; Аппій Клавдій былъ не болѣе, какъ убѣжденный авгуръ, вѣрившій священнымъ курамъ; Марцеллъ былъ недостаточно гибокъ и привѣтливъ и самъ сознается, что почти никто его не любилъ; у Сервія Сульпиція были всѣ слабости придирчиваго юрисконсульта; наконецъ Цицеронъ и Катонъ грѣшили противуположными крайностями, такъ что надо было или соединить ихъ въ одно, или измѣнить ихъ одного другимъ для того, чтобы изъ нихъ вышелъ удовлетворительный политикъ. И такъ, до Фарсалы въ этой республиканской партіи были блестящія личности, но не было главы, а такъ какъ ревнивое самолюбіе и соперническое тщеславіе ея членовъ никакъ не могли ужиться между собою, то врядъ-ли ихъ можно даже и считать за партію.

Междоусобная война, послужившая подводнымъ камнемъ для столькихъ другихъ людей, вызвавшая наружу столько мелочности и низости, открыла, напротивъ того, всю доброту, все величіе Катона. Тогда въ характерѣ его произошелъ какъ-бы переломъ. Подобно тому, какъ

въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ приближеніе предсмертныхъ минутъ дѣлаетъ умъ возвышеннѣе и прозорливѣе, точно такъ, въ виду грозившей катастрофы, долженствовавшей поглотить свободныя учрежденія Рима, кажется, что честная душа Катона очистилась еще больше, и умъ его почерпнулъ въ чувствѣ общественной опасности болѣе правильный взглядъ на существующее положеніе. Тогда какъ страхъ заставляетъ другихъ все преувеличивать, его онъ исцѣлилъ отъ его всегдашней склонности къ преувеличенію; помышляя объ опасностяхъ, грозившихъ республикѣ, онъ вдругъ сдѣлался благоразуменъ и умѣренъ. Онъ, всегда готовый оказывать безполезное сопротивленіе, совѣтуетъ покориться Цезарю, дать ему то, чего онъ требуетъ и готовъ на всевозможныя уступки, лишь бы избѣжать междоусобной войны. Когда она вспыхиваетъ, онъ переноситъ ее съ грустью и всѣми средствами старается уменьшить ея ужасы. Всякій разъ, какъ съ нимъ совѣтуются, онъ бываетъ на сторонѣ умѣренности и кротости. Между этими молодыми людьми, героями римскаго вылощеннаго общества, между этими литературными умниками и щеголями, дѣло человѣчности защищается суровымъ Катономъ. Не смотря на гнѣвъ горячихъ помпеянцевъ, онъ заставляетъ положить рѣшеніе, что ни одинъ городъ не будетъ разграбленъ, и ни одинъ гражданинъ не будетъ убитъ внѣ поля битвы. Приближеніе предвидимыхъ имъ бѣдствій какъ-бы размягчило это энергическое сердце. Вечеромъ битвы при Диррахіумѣ, когда всѣ веселились въ лагерѣ Помпея, одинъ Катонъ, видя разбросанные вокругъ трупы столькихъ Римлянъ, заплакалъ: благородныя слезы, достойныя слезъ Сципіона на развалинахъ Карѳагена, о которыхъ такъ часто вспоминала древность! Сидя въ шатрѣ, подъ Фарсалою, онъ строго осуждалъ тѣхъ, которые говорили только объ убійствахъ и объ изгнаніяхъ и напередъ раздѣляли между собою дома и земли побѣжденныхъ. Но зато послѣ пораженія, когда большинство этихъ фанатиковъ стояли колѣнопреклоненные передъ Цезаремъ, Катонъ отправился набирать ему повсюду враговъ и возжечь междоусобную войну по окраинамъ міра. Насколько онъ желалъ уступчивости до битвы, настолько онъ рѣшился не покоряться, когда была утрачена всякая надежда на свободу. Извѣстно его геройское сопротивленіе въ Африкѣ не только противъ Цезаря, но и противъ бѣшеныхъ членовъ республиканской партіи, постоянно готовыхъ на всякія крайности. Извѣстно, какъ послѣ Тапса, видя, что все потеряно, онъ не захотѣлъ принять прощенія побѣдителя и лишилъ себя жизни въ Утикѣ.

Смерть его далеко отозвалась во всемъ римскомъ мірѣ. Она заставила устыдиться тѣхъ, кто началъ уже привыкать къ рабству; она дала нѣкотораго рода толчекъ упавшимъ духомъ республиканцамъ и вновь оживила оппозицію. При жизни Катонъ не всегда оказывалъ хорошія услуги своей партіи, но сдѣлался ей очень полезенъ по своей смерти. У опальнаго дѣла былъ теперь свой идеалъ и свой мученикъ. Всѣ его уцѣлѣвшіе приверженцы соединились и пріютились вокругъ этого великаго имени. Особенно въ Римѣ, въ этомъ неспокойномъ и подвижномъ городѣ, гдѣ столько людей гнуло голову, не покоряясь въ душѣ, прославленіе его сдѣлалось обычнымъ занятіемъ недовольныхъ. «Вокругъ тѣла Катона, говоритъ Моммсенъ, бились точно такъ-же, какъ въ Троѣ около трупа Патрокла». Фабій Галлъ, Брутъ, Цицеронъ и, вѣроятно, еще много другихъ неизвѣстныхъ намъ лицъ прославляли его письменно. Цицеронъ началъ писать о немъ по просьбѣ Брута. Сначала его отталкивала трудность предмета: «это трудъ Архимеда, говорилъ онъ;» [1]) но по мѣрѣ того, какъ работа его подвигалась впередъ, онъ полюбилъ ее и окончилъ ее даже съ какимъ-то энтузіазмомъ. Эта книга не дошла до насъ; мы знаемъ только, что Цицеронъ помѣстилъ въ ней совершеннѣйшую апологію Катона: «онъ превозноситъ его до небесъ,» [2]) говоритъ Тацитъ. Между тѣмъ они часто спорили между собою, о чемъ онъ сообщаетъ безо всякаго стѣсненія во многихъ мѣстахъ своей переписки; но, какъ это обыкновенно бываетъ, смерть примирила собою все. Кромѣ того, Цицеронъ, упрекавшій себя за то, что недостаточно сдѣлалъ для своей партіи, обрадовался, найдя случай уплатить ей свой долгъ. Книга, важная и по имени автора, и по имени героя, имѣла такой успѣхъ, что встревожила и разсердила Цезаря. Но онъ тщательно скрылъ, конечно, свое недовольство; напротивъ того, онъ поспѣшилъ написать лестное письмо къ Цицерону, въ которомъ привѣтствовалъ талантъ, обнаруженный имъ въ этомъ произведеніи. «Читая его, говорилъ онъ, я чувствую, что становлюсь краснорѣчивѣе» [3]). Вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ, какъ

[1]) Ad Att., XII, 4.
[2]) Ann., IV, 34.
[3]) Ad Att., XIII, 46

этого можно было опасаться, онъ рѣшилъ, по выраженію Тацита, что только перо можетъ мстить за нападки, учиненныя перомъ. По его приказанію, его помощникъ и другъ Гирцій написалъ Цицерону длинное письмо, которое было издано въ свѣтѣ, и въ которомъ разбиралась его книга. Впослѣдствіи, когда этотъ отвѣтъ былъ признанъ недостаточнымъ, самъ Цезарь принялъ участіе въ спорѣ и среди трудовъ Испанской войны сочинилъ своего Анти-Катона.

Цезаря очень хвалили за подобную умѣренность; она не всегда встрѣчается у людей, обладающихъ безграничной властью, и Римляне справедливо говорили, что человѣкъ рѣдко удовольствуется писаніемъ, когда онъ можетъ приложить къ дѣлу изгнаніе. Достоинство его великодушнаго поведенія увеличивается еще оттого, что онъ ненавидѣлъ Катона. Онъ говоритъ о немъ всегда съ горечью въ своихъ Комментаріяхъ, и хотя обыкновенно справедливо относится къ своимъ врагамъ, но не упускаетъ здѣсь случая его ославить. Развѣ онъ не дерзнулъ предположить, что, берясь противъ него за оружіе, Катонъ дѣйствовалъ по внушенію личной мести и изъ желанія отомстить за свои неудачи на выборахъ [1]), хотя онъ очень хорошо зналъ, что никто такъ великодушно не забывалъ о себѣ ради своего отечества! Дѣло въ томъ, что между ними существовала не одна только политическая распря, но и антипатія въ характерахъ. Недостатки Катона были, вѣроятно, особенно непріятны Цезарю; добродѣтели же его принадлежали къ числу такихъ, которыя Цезарь не только не старался пріобрѣсти, но которыхъ онъ не могъ даже постигнуть. Могло-ли ему нравиться это узкое уваженіе законности и рабское подражаніе древнимъ обычаямъ, ему, находившему какое-то ядовитое удовольствіе смѣяться надъ стариною? Могъ-ли такой расточительный человѣкъ, привыкшій тратить безъ счету и государственныя, и свои собственныя деньги, воздавать должное той строгой щепетильности, съ какою Катонъ распоряжался общественной казною, его заботливости о своихъ частныхъ дѣлахъ и странной для того времени гордости тѣмъ, что долги его не превышаютъ его имущества? Повторяю, что Цезарь не могъ понять подобныхъ качествъ. Слѣдовательно, онъ нападалъ на нихъ вполнѣ искренно и по убѣжденію. Этому умному человѣку, любящему удовольствія, равнодушному къ принципамъ, скептическому относительно

---

[1]) Цезарь, Bell. civ., I, 4.

мнѣній, привыкшему жить въ легкомысленномъ и вѣжливомъ кругу, Катонъ едва-ли могъ казаться чѣмъ другимъ, какъ лишь фанатикомъ и грубымъ человѣкомъ. Такъ какъ онъ не ставилъ ничего выше отборныхъ чувствъ и вѣжливыхъ пріемовъ, то изящный порокъ нравился ему больше дикой добродѣтели. Напротивъ того, Катонъ хотя и не остался чуждъ литературному образованію и свѣтскому духу, но во глубинѣ души продолжалъ быть древнимъ Римляниномъ. Не смотря на всѣ усилія, ни свѣтъ, ни литература не могли искоренить въ немъ совершенно рѣзкости или, лучше сказать, грубости формъ, присущей его характеру и расѣ, и мы находимъ ихъ отчасти даже въ его лучшихъ поступкахъ. Приведу только одинъ примѣръ. Плутархъ въ своемъ восхитительномъ описаніи его послѣднихъ минутъ, разсказываетъ, что когда рабъ Катона изъ любви къ нему отказался подать ему мечъ, тотъ такъ бѣшено ударилъ его кулакомъ, что до крови разбилъ себѣ руку. Въ глазахъ такого деликатнаго человѣка, какъ Цезарь, этотъ ударъ кулакомъ обнаруживалъ грубую натуру и, какъ мнѣ кажется, помѣшалъ ему понять красоту этой смерти. Подобная разница или, лучше сказать, подобныя антипатіи встрѣчаются во всей ихъ частной жизни. Между тѣмъ какъ Цезарь поставилъ себѣ за правило все прощать своимъ друзьямъ и простиралъ свою снисходительность къ нимъ до того, что даже закрывалъ глаза на ихъ измѣны, Катонъ относился чрезвычайно строго и требовательно къ своимъ близкимъ. Онъ нимало не колебался поссориться въ Кипрѣ съ Мунаціемъ, товарищемъ всей своей жизни, оказавши ему оскорбительное недовѣріе. Въ своемъ домашнемъ быту это былъ несомнѣнно образецъ честности и вѣрности; тѣмъ не менѣе онъ не всегда оказывалъ своей женѣ то уваженіе и вниманіе, которыхъ она заслуживала. Извѣстно, что онъ безъ церемоній уступилъ ее просившему ее у него Гортензію, а послѣ его смерти очень просто взялъ ее къ себѣ обратно. Какъ различно было поведеніе Цезаря съ своей женой, хотя онъ и имѣлъ поводъ на нее жаловаться. Однажды ночью въ домѣ его былъ пойманъ человѣкъ; судъ производилъ слѣдствіе, онъ могъ отмстить за оскорбленіе, но предпочелъ позабыть о немъ. Призванный въ судъ въ качествѣ свидѣтеля, онъ объявилъ, что ничего не знаетъ, спасая такимъ образомъ своего соперника для того, чтобы не повредить доброй славѣ жены. Онъ отослалъ ее отъ себя уже послѣ, когда замолкли слухи объ этомъ похожденіи. Это значило дѣйство-

вать, какъ подобаетъ свѣтскому человѣку, умѣющему жить. Но и тутъ, если сравнимъ его съ Катономъ, то увидимъ что выгодная сторона остается за менѣе добросовѣстнымъ и въ сущности менѣе достойнымъ,—за легкомысленнымъ и развратнымъ мужемъ, который выигрываетъ только благодаря какой-то естественной деликатности своихъ чувствъ.

Такая рознь въ поступкахъ и противуположность въ характерахъ, объясняютъ, по моему, лучше всякихъ политическихъ несогласій, почему Цезарь относится извѣстнымъ образомъ къ Катону въ своемъ сочиненіи. Уцѣлѣвшіе отъ него отрывки и свидѣтельство Плутарха доказываютъ, что онъ нападалъ на него съ чрезвычайною силою, стараясь выставить его сразу и смѣшнымъ, и гнуснымъ. Но, не смотря на всѣ его старанія, это ему не удалось. Не смотря ни на что, всѣ продолжали читать книгу Цицерона и восхищаться ею. Слава Катона не только пережила оскорбленія Цезаря, но еще увеличилась при имперіи. Въ эпоху Нерона, когда деспотизмъ былъ всего тяжеле, Тразея снова написалъ его исторію, Сенека приводитъ его на каждой страницѣ своихъ сочиненій и онъ до конца продолжалъ быть гордостью и образцомъ для честныхъ людей, которые, при общемъ униженіи характеровъ, сохраняли еще въ себѣ чувство чести и достоинства. Его смерть они изучали еще больше, чѣмъ его жизнь, такъ какъ въ то время необходимо было учиться умирать, и когда представлалась эта печальная необходимость, то ставили передъ собою его примѣръ и у всѣхъ на языкѣ было его имя. Велика, безспорно, слава поддержать и утѣшить столько благородныхъ сердецъ среди такихъ жестокихъ испытаній, и я увѣренъ, что Катонъ не пожелалъ-бы себѣ никакой другой.

III.

Изъ образа дѣйствій Цезаря послѣ Фарсалы и изъ его отношеній къ Цицерону можно заключить, что въ этотъ моментъ онъ старался сблизиться съ республиканской партіей. Ему было-бы трудно дѣйствовать иначе. Пока дѣло шло о ниспровerженіи республики, онъ принималъ помощь всякаго, и къ нему преимущественно шли самые дурные люди. «Когда человѣкъ былъ кругомъ въ

долгахъ и во всемъ нуждался, говоритъ Цицеронъ, и если при этомъ было доказано, что это злодѣй, способный на все, Цезарь дѣлалъ его своимъ другомъ;» [1]) но всѣ подобные люди, безъ совѣсти и безъ нравственныхъ правилъ, годны только для разрушенія установленной власти, а не для утвержденія новой. Правительство Цезаря не могло внушить къ себѣ никакого довѣрія до тѣхъ поръ пока возлѣ властелина, рядомъ съ этими удальцами, которыхъ всѣ привыкли бояться, не появится нѣсколько почтенныхъ и всѣми уважаемыхъ лицъ. А такого рода лица находились преимущественно въ средѣ побѣжденныхъ. Къ этому надо прибавить, что Цезарь вовсе не желалъ, чтобы какая-нибудь одна партія воспользовалась его побѣдою. Онъ не старался, подобно Марію или Силлѣ, доставить торжество извѣстной партіи; онъ намѣревался основать новое правленіе и призывалъ къ себѣ людей различныхъ мнѣній, чтобы они помогли ему въ его предпріятіи. Думали, будто онъ старался примирить партіи, и прославляли его за это. Но похвалы эти не совсѣмъ справедливы: онъ не примирялъ ихъ, а просто уничтожалъ. Прежнія республиканскія партіи не могли существовать при томъ монархическомъ порядкѣ, какой онъ думалъ учредить [2]). Онъ искусно воспользовался раздорами между народомъ и сенатомъ, чтобы овладѣть и тѣмъ, и другимъ; первымъ результатомъ его побѣды было то, что онъ отдѣлилъ ихъ другъ отъ друга, такъ что можно сказать, что послѣ Фарсалы, за исключеніемъ лишь самого Цезаря, были только одни побѣжденные. Этимъ и объясняется, что, разъ одержавъ побѣду, онъ одинаково пользовался и приверженцами сената, и демократами. Подобное равенство, полагаемое имъ между ними, было естественно, такъ какъ всѣ они одинаково и безразлично сдѣлались его подданными. Но онъ хорошо зналъ, что, принимая услуги прежнихъ республи-

---

[1]) Philipp., II, 32.

[2]) Такъ какъ дѣло Цэзаря было прервано его смертью, то нелегко сказать, каковы были его намѣренія. По мнѣнію однихъ, онъ желалъ только нѣкотораго рода пожизненной диктатуры; но большинство полагаетъ, что онъ окончательно хотѣлъ установить монархію. Вопросъ этотъ слишкомъ важенъ для того, чтобы къ нему можно было приступать случайно и рѣшать его въ нѣсколькихъ словахъ. Скажу только, что сначала онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, быть можетъ, объ одной диктатурѣ; но по мѣрѣ того, какъ увеличивалось его могущество, у него, повидимому, стала появляться серьёзная идея объ основаніи монархіи. Во всякомъ случаѣ изъ одного мѣста у Плутарха (Brut., 7) можно вывести то заключеніе, что умирая онъ еще не рѣшилъ окончательно вопроса о наслѣдственности.

канцевъ, онъ пріобрѣтаетъ въ ихъ лицѣ не всегда покорныя орудія, что онъ принужденъ будетъ предоставить имъ нѣкоторую независимость въ словахъ и дѣлахъ и сохранить за республикою хоть одну наружность; но это впрочемъ не слишкомъ огорчало его. Онъ не чувствовалъ того непреодолимаго отвращенія къ свободѣ, какое питаютъ къ ней государи, выросшіе на неограниченной власти, и знающіе ея имя лишь для того, чтобы опасаться ея и проклинать. Онъ прожилъ съ нею двадцать пять лѣтъ, привыкъ къ ней и понималъ ея значеніе. Вслѣдствіе того онъ не старался уничтожить ее совершенно. Онъ не заставлялъ умолкнуть краснорѣчивые голоса, сожалѣвшіе о прошломъ, хотя и могъ-бы это сдѣлать; онъ не запрещалъ даже говорить придирчивой оппозиціи, старавшейся отвѣчать насмѣшками на его побѣды. Онъ позволялъ критиковать нѣкоторыя изъ своихъ правительственныхъ распоряженій и допускалъ давать ему совѣты. Этотъ великій умъ зналъ очень хорошо, какъ ослабляется страна, когда гражданъ заставляютъ равнодушно относиться къ дѣламъ своимъ и лишаютъ ихъ охоты заниматься ими. Онъ не вѣрилъ чтобы можно было основать что-либо прочное на косномъ и безмолвномъ повиновеніи, и въ правительствѣ, которое онъ основывалъ, ему хотѣлось удержать хоть нѣкоторую долю общественной жизни. Мы узнаемъ это отъ Цицерона въ одномъ любопытномъ мѣстѣ его переписки. «Мы наслаждаемся здѣсь глубокимъ спокойствіемъ, пишетъ онъ одному изъ своихъ друзей; но я предпочелъ бы ему однако немного честнаго и спасительнаго волненія;» затѣмъ онъ прибавляетъ: «Я вижу, что и Цезарь тѣхъ-же мыслей [1]).»

Всѣ эти причины побудили его ступить лишній шагъ на томъ великодушномъ и милостивомъ пути, которымъ онъ пошелъ послѣ Фарсалы. Онъ простилъ большинство тѣхъ, кто брался противъ него за оружіе; многимъ изъ нихъ онъ предложилъ раздѣлить съ нимъ власть. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ возвращалъ назадъ большую часть изгнанныхъ, онъ назначилъ Кассія своимъ помощникомъ; онъ далъ Бруту управленіе Цизальпинской Галліей, а Сульпицію—Греціей. Далѣе мы еще будемъ говорить о двухъ первыхъ; но чтобы лучше понять политику Цезаря необходимо поскорѣе ознакомиться съ третьимъ и указать, насколько онъ былъ

[1]) Ad fam., XII, 17.

достоинъ благодѣяній побѣдителя и какимъ образомъ воспользовался ими.

Сервій Сульпицій принадлежалъ къ знатной римской фамиліи и былъ знаменитѣйшимъ юрисконсультомъ своего времени. Цицеронъ чрезвычайно восхваляетъ его за то, что онъ первый ввелъ въ право философію, т. е. посредствомъ общихъ взглядовъ началъ и соединилъ между собою мелочныя правила и точныя формулы, составлявшія эту науку. [1]) Потому онъ не затрудняется поставить его гораздо выше его предшественниковъ и даже выше великой фамиліи Сцеволъ, въ которой римская юриспруденція находила до тѣхъ поръ какъ-бы свое воплощеніе. Но между ними и Сульпиціемъ существовала чрезвычайно важная разница: Сцеволы давали Риму юрисконсультовъ, авгуровъ, жрецовъ, т. е. людей, преданныхъ вполнѣ спокойнымъ и миролюбивымъ занятіямъ; въ то же время это были чрезвычайно дѣятельные граждане, рѣшительные политики и храбрые воины, мужественно защищавшіе свое отечество отъ мятежниковъ и чужеземцевъ. Ведя такую занятую жизнь, они оказались способными ко всѣмъ дѣламъ и на высотѣ всякихъ положеній. Авгуръ Сцевола въ то время, какъ его зналъ Цицеронъ, былъ не смотря на свои лѣта, еще здоровый старикъ, встававшій всегда на разсвѣтѣ, чтобы отвѣчать своимъ деревенскимъ кліэнтамъ. Онъ приходилъ обыкновенно первымъ въ курію, и всегда бралъ съ собою какую-нибудь книгу для чтенія, чтобы не оставаться празднымъ, поджидая своихъ сослуживцевъ; но въ тотъ день, когда Сатурнинъ вздумалъ угрожать спокойствію республики, этотъ ученый, такъ глубоко любившій свои занятія, этотъ слабый старикъ, едва державшійся на ногахъ и дѣйствовавшій только одной рукою, вооружилъ эту руку копьемъ и отправился во главѣ народа для нападенія на Капитолій. [2])Верховный жрецъ Сцевола былъ не только искусный юрисконсультъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неподкупный правитель, о которомъ воспоминаніе навѣки осталось въ Азіи. Когда сборщики податей напали на его квестора, Рутилія Руфа, виновнаго въ томъ, что онъ не позволялъ имъ раззорять провинцію, онъ защитилъ его съ дивнымъ краснорѣчіемъ и съ такою силою, которой не могла поколебать никакая угроза. Онъ отказался покинуть Римъ въ моментъ первыхъ

[1]) Brut., 51.
[2]) Pro Rabir, 7.

проскрипцій и оставить своихъ кліэнтовъ и свои дѣла, хотя и зналъ, какая участь его ожидаетъ. Раненный на похоронахъ Марія, онъ былъ убитъ черезъ нѣсколько дней возлѣ храма Весты. [1]) Впрочемъ такіе люди не были въ Римѣ исключеніемъ. Въ хорошія времена республики истый гражданинъ обязанъ былъ за одинъ разъ быть земледѣльцемъ, воиномъ, администраторомъ, финансистомъ, адвокатомъ и даже юрисконсультомъ. Въ ту пору специальностей не существовало, и изъ древняго Римлянина мы принуждены были бы сдѣлать теперь четыре или пять совсѣмъ разныхъ лицъ; но въ эпоху, до которой мы достигли, этотъ снопъ способностей, требовавшихся отъ одного человѣка, уже разбитъ; каждый примыкаетъ къ какой-нибудь специальности, и начинаютъ отличать людей ученыхъ отъ дѣльцовъ. Утратили-ли характеры свой энергическій закалъ, или просто надо думать, что съ тѣхъ поръ какъ здѣсь ознакомились съ образцовыми произведеніями Греціи и стали подражать имъ, всякая наука осложнилась до такой степени, что общая тяжесть всѣхъ ихъ вмѣстѣ была уже просто невыносима для однихъ плечъ? Какъ-бы то ни было, если Сульпицій стоялъ выше Сцеволъ, какъ юрисконсультъ, зато онъ далеко не имѣлъ ихъ твердости, какъ гражданинъ. Будучи и преторомъ, и консуломъ, онъ продолжалъ оставаться кабинетнымъ ученымъ. Въ обстоятельствахъ требующихъ твердости духа, всякій разъ, когда надо рѣшиться и начать дѣйствовать, онъ чувствовалъ, что ему не по себѣ. Такъ и видно, что эта честная и кроткая душа была создана не для того, чтобы быть первымъ должностнымъ лицомъ въ возмутившейся республикѣ. Его манія постоянно разъигрывать роль примирителя и посредника въ эту эпоху насилій сдѣлалась наконецъ смѣшна. Самъ Цицеронъ, хотя и былъ его другомъ, немножко подсмѣивается надъ нимъ, описывая намъ какъ этотъ великій миротворецъ отправляется въ сопровожденіи своего маленькаго секретаря и подзубривши напередъ всѣ юридическія рубрики, чтобы явиться посредникомъ между партіями въ тотъ моментъ, когда партіи ничего больше не желаютъ, какъ уничтожить другъ друга.

Цезарь всегда полагалъ, что Сульпицій, по своему характеру, не способенъ оказать ему большого сопротивленія и издавна старался привязать его къ себѣ. Онъ началъ съ того, что нашелъ себѣ въ

[1]) Pro Rosc. am. 12

его домѣ могучаго союзника. Въ Римѣ сильно поговаривали, что добрый Сульпицій позволяетъ командовать надъ собой супругѣ своей, Постуміи; Цицеронъ, любившій передавать злые слухи, не разъ на это намекаетъ. А надо сказать, что репутація Постуміи была не безупречна, и Светоній заноситъ ея имя въ списокъ любовницъ Цезаря. Оно находится тамъ въ числѣ множества другихъ; но этотъ вѣтренникъ, столь легкомысленно переходившій отъ одной возлюбленной къ другой, пользовался тѣмъ страннымъ преимуществомъ, что покидаемыя имъ женщины продолжали оставаться его преданными друзьями. Онѣ прощали ему его невѣрности, продолжали принимать участіе во всѣхъ его успѣхахъ и предлагали къ услугамъ его политики тѣ изумительные источники хитрости и настойчивости, какіе способна отыскать только любящая женщина. Вѣроятно, Постумія убѣдила супруга дѣйствовать въ пользу Цезаря во все время сульпиціева консульства и сопротивляться бурнымъ выходкамъ своего сослуживца, Марцелла, желавшаго, чтобы въ Галлію былъ назначенъ другой правитель. Однако, не смотря на всѣ свои слабости, Сульпицій былъ искренній республиканецъ, и когда вспыхнула война, онъ объявилъ себя противъ Цезаря и покинулъ Италію. Послѣ пораженія онъ подчинился подобно другимъ, и уже снова принялся за свои обычныя занятія, когда Цезарь отыскалъ его въ его уединенномъ пріютѣ и сдѣлалъ его правителемъ Греціи.

Само собою разумѣется, что невозможно было найти болѣе подходящаго для него управленія. Пребываніе въ Аѳинахъ, во всякое время пріятное для богатыхъ Римлянъ, было, вѣроятно, особенно пріятно теперь, когда этотъ городъ служилъ убѣжищемъ для столькихъ знаменитыхъ изгнанниковъ. Пользуясь удовольствіемъ слушать самыхъ извѣстныхъ въ мірѣ риторовъ и философовъ, Сульпицій могъ въ то же время бесѣдовать о Римѣ и о республикѣ съ такими знатными лицами, какъ Марцеллъ и Торкватъ, и такимъ образомъ удовлетворять вмѣстѣ всѣ свои любимыя наклонности. Ничто, конечно, не могло такъ нравиться этому ученому и писателю, случайно сдѣлавшемуся государственнымъ человѣкомъ, какъ пользоваться обширною, но безопасною властью, соединенною съ изящными умственными наслажденіями въ одной изъ самыхъ прекрасныхъ и великихъ странъ міра. Такимъ образомъ Цезарь удовлетворилъ его желаніе, давши ему должность въ этомъ городѣ, куда Римляне отправлялись обыкновенно ради удовольствія. Мы не замѣчаемъ однако, чтобы

Сульпицій былъ чувствителенъ къ этимъ преимуществамъ. Едва достигнувъ Греціи, онъ уже недоволенъ, зачѣмъ туда пріѣхалъ, и порывается оставить ее. Очевидно, не страна была не по душѣ ему; онъ нигдѣ не чувствовалъ-бы себя лучше; но онъ сожалѣлъ о республикѣ. Послѣ своей робкой защиты ея, онъ не могъ утѣшиться въ ея паденіи и укорялъ себя за то, что служитъ человѣку, ниспровергшему ее. Чувства эти ясно выражены въ письмѣ, написанномъ имъ изъ Греціи къ Цицерону. «Судьба, пишетъ онъ ему, похитила у насъ блага, долженствовавшія быть для насъ всего драгоцѣннѣе: мы утратили честь, достоинство, отечество... Въ теперешнія времена счастливѣе всѣхъ тѣ, кто умеръ» [1]).

Если такимъ образомъ рѣшался говорить такой скромный и умѣренный человѣкъ, какъ Сульпицій, чтожь должны были говорить и думать другіе? Это можно угадать, судя по тому, какъ Цицеронъ пишетъ большей части изъ нихъ. Обращаясь къ служащимъ лицамъ новаго правительства, онъ нисколько не старался скрывать своихъ мнѣній; онъ свободно выражаетъ свои сѣтованія, хорошо зная, что ихъ раздѣляютъ. Онъ говоритъ съ проконсуломъ Азіи, Сервиліемъ Исаврикомъ, какъ съ человѣкомъ, недовольнымъ безусловною властью одного лица и желающимъ ее ограничить [2]). Онъ говоритъ правителю Африки, Корнифицію, что въ Римѣ дѣла идутъ дурно, и происходитъ много такого, что оскорбило бы его [3]). «Я знаю, что ты думаешь о судьбѣ честныхъ людей и о несчастіяхъ республики», пишетъ онъ сицилійскому проконсулу Фурфанію, рекомендуя ему изгнанника [4]). Между тѣмъ эти лица получили отъ Цезаря значительныя должности; они раздѣляли его власть и слыли его друзьями: но, несмотря на всѣ испытанныя отъ него благодѣянія, они не могли вполнѣ отдаться его дѣлу. Они служили ему съ мысленными оговорками и отдавались только на половину. Откуда могли происходить подобныя затрудненія, встрѣчаемыя новымъ правительствомъ между людьми, сперва согласившимися въ немъ участвовать? Они зависѣли отъ многихъ причинъ, которыя легко указать. Первая и, быть можетъ, главнѣйшая изъ нихъ, заключалась въ томъ, что это правительство, даже осыпая ихъ почестями, не могло возвратить имъ того,

[1]) Ad fam., IV, 5.
[2]) Ad fam., XIII, 68.
[3]) Ad fam., XII, 18.
[4]) Ad fam., VI, 2.

что доставляла прежняя республика. Съ утвержденіемъ монархіи во всѣхъ общественныхъ должностяхъ произошла значительная перемѣна: члены городского управленія сдѣлались чиновниками. Въ прежнее время лица выбранныя народомъ, могли дѣйствовать въ своей сферѣ, какъ имъ было угодно. Плодотворная иниціатива оживляла на всѣхъ ступеняхъ эту іерархію республиканскихъ должностей. Начиная отъ эдила и до консула каждый былъ полнымъ господиномъ на своемъ мѣстѣ. Но при неограниченномъ правленіи это было невозможно. Вмѣсто того, чтобы управлять за свой счетъ, они были, такъ сказать, не болѣе, какъ каналы, по которымъ воля одного человѣка разливалась до крайнихъ предѣловъ міра. Несомнѣнно, что общественная безопасность выиграла очень много отъ того, что смущавшія ее безпрестанно столкновенія между властями наконецъ исчезли, а для провинцій было величайшимъ благодѣяніемъ, когда было отнято всемогущество у ихъ жадныхъ правителей. Но если управляемые пользовались этими реформами, тѣмъ не менѣе очень естественно, что сами правители были ими очень недовольны. Съ той минуты, какъ имъ приходилось только исполнять приказы другого, значеніе ихъ должностей уменьшилось, и эта верховная неограниченная власть, бывшая у нихъ всегда надъ головою, сдѣлалась наконецъ тягостною для самыхъ покорныхъ. Если честолюбцы жаловались на уменьшеніе своей власти, то и добросовѣстные люди не такъ-то легко могли привыкнуть къ потерѣ свободы. По мѣрѣ удаленія отъ Фарсалы сѣтованія ихъ становились все живѣе. Они начинали образумливаться отъ внезапнаго пораженія и оправлялись понемногу отъ причиненнаго имъ ужаса. Въ первыя минуты послѣ великихъ катастрофъ, въ которыхъ ожидалъ своей гибели, сначала вполнѣ предаешься удовольствію жить, но это—одно изъ удовольствій, къ которымъ всего легче привыкаешь, и оно такъ естественно, что наконецъ перестаешь его ощущать. Всѣ эти испуганные люди, желавшіе только покоя на другой день послѣ Фарсалы, достигнувъ его, пожелали инаго. При неувѣренности за свою жизнь, никто не думалъ о томъ, будетъ-ли онъ жить свободнымъ человѣкомъ; но когда страхъ за жизнь прошелъ, желаніе свободы воротилось опять во всѣ сердца, и тѣ, кто служилъ Цезарю, испытали его подобно другимъ. Извѣстно, что Цезарь отчасти удовлетворилъ это желаніе, но это помогло не на долго. На склонѣ свободы такъ же трудно остановиться, какъ и на склонѣ про-

извола. Одна дарованная милость заставляетъ желать другой, и люди не столько наслаждаются тѣмъ, что они получили, сколько сожалѣютъ о томъ, чего имъ недостаетъ. Такъ и Цицеронъ, встрѣтившій съ такою восторженною радостью милость Цезаря и привѣтствовавшій въ возвращеніи Марцелла какъ-бы реставрацію республики, вскорѣ перемѣнилъ чувства и языкъ. Чѣмъ дальше проникаешь въ его переписку, тѣмъ болѣе онъ становится желчнымъ и недовольнымъ. У него, такъ строго осуждавшаго тѣхъ, кто, «обезоруживъ свою руку, не обезоружилъ сердца» [1]), собственное сердце было переполнено самымъ горькимъ неудовольствіемъ. Онъ безпрестанно повторялъ, что все потеряно, что онъ стыдится быть рабомъ, и что ему совѣстно жить. Онъ нападалъ съ своими безпощадными насмѣшками на самыя полезныя мѣры и самыя справедливыя дѣйствія. Онъ смѣялся надъ реформою календаря и старался казаться непріятно пораженнымъ увеличеніемъ Рима. Онъ пошелъ еще дальше. Когда сенатъ приказалъ помѣстить статую Цезаря рядомъ со статуями древнихъ царей, онъ не могъ удержаться чтобы не сдѣлать жестокаго намека на то, какимъ образомъ погибъ первый изъ этихъ властителей. «Я очень радъ, сказалъ онъ, видя Цезаря такъ близко отъ Ромула!» [2]) Между тѣмъ и году не прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ рѣчи за Марцелла, онъ умолялъ его во имя отечества беречь свои дни и говорилъ ему съ восторгомъ: «Отъ твоей безопасности зависитъ наша!»

Итакъ, Цезарь былъ окруженъ одними только недовольными. Умѣренные республиканцы, на которыхъ онъ разсчитывалъ, какъ на помощниковъ въ его дѣлѣ, не могли примириться съ утратою республики. Изгнанники, возвращенные имъ въ Римъ, болѣе униженные его милостью, нежели признательные за нее, не переставали питать противъ него неудовольствіе. Его собственные полководцы, осыпаемые имъ богатствами и почестями, причемъ невозможно было ничѣмъ насытить ихъ алчность, обвиняли его въ неблагодарности и даже замышляли убить его. Наконецъ, народъ котораго онъ былъ идоломъ, и который такъ охотно исполнялъ всѣ его требованія, начиналъ удаляться отъ него; онъ уже не такъ торжествовалъ при его побѣдахъ и, повидимому, самъ боялся той высоты, на которую его возвелъ. Когда статую его несли поставить рядомъ съ царскими, народъ, при видѣ ея, оставался безмолвнымъ, и мы знаемъ, что извѣстіе объ этомъ непривычномъ молчаніи, разсѣянное гонцами союзныхъ царей и народовъ всѣхъ странъ міра, заставило вездѣ думать, что приближается переворотъ [1]). Въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ скрывались послѣдніе воины Помпея, огонь междоусобій все еще продолжавшій тлѣть, вспыхивалъ ежеминутно, и эти постоянныя тревоги, не приводя за собою серьёзныхъ опасностей, не давали, однако, утвердиться общественному спокойствію. Въ Римѣ съ восторгомъ читали прекрасныя сочиненія Цицерона, гдѣ восхвалялась слава республики; всякій съ жадностью перечитывалъ анонимные памфлеты, которые никогда не были болѣе рѣзки и многочисленны. Какъ это всегда бываетъ наканунѣ большихъ переломовъ, всѣ были недовольны настоящимъ, безпокоились за будущее и готовились къ чему-то непредвидѣнному. Извѣстно, какъ трагически окончилось это натянутое положеніе. Ударъ кинжала, нанесенный Брутомъ, вовсе не былъ простою случайностью, какъ это иные говорили; такая страшная развязка объясняется общею болѣзнью умовъ Заговорщиковъ было всего шестьдесятъ, но соучастниками ихъ былъ весь Римъ. [2]) Всѣ эти тревоги и неудовольствія, горькія сожалѣнія о прошломъ, обманутыя честолюбивыя надежды, неудавшіяся соперничества, эти явныя или тайныя ненависти, словомъ, всѣ эти либо дурныя, либо великодушныя страсти, наполнявшія собою сердца, вооружили ихъ руку, и мартовскія иды были не болѣе, какъ кровавымъ взрывомъ накопившагося гнѣва.

Такимъ образомъ событія разрушили всѣ планы Цезаря. Онъ не нашелъ для себя безопасности въ милосердіи, какъ надѣялся; ему не удалось дѣло примиренія, начатое имъ при рукоплесканіяхъ всего міра; онъ не смогъ обезоружить партій. Эта слава была предназначена человѣку, не имѣвшему ни его обширнаго генія, ни великодушнаго характера, а именно ловкому и жестокому Октавію. Не одинъ этотъ разъ исторія представляетъ намъ печальное зрѣлище, что люди обыкновенные успѣваютъ въ томъ, что не удается великимъ; но въ подобнаго рода предпріятіяхъ успѣхъ зависитъ главнымъ обра-

[1]) Pro Marc., 10.
[2]) Ad Att., XII, 45.

[1]) Pro Dejot., 12.
[2]) Всѣ честные люди, говоритъ Цицеронъ (Philipp., II, 12), приняли по возможности участіе въ убійствѣ Цезаря. Однимъ не доставало средствъ, другимъ рѣшимости, многимъ не представлялось случая; но желаніе было у всѣхъ.

зомъ отъ обстоятельствъ, а надо сознаться, что они чрезвычайно благопріятствовали Августу. Тацитъ объясняетъ намъ главную причину его удачъ, когда при описаніи устройства имперіи говоритъ: «Въ то время не было уже почти никого изъ лицъ, видѣвшихъ республику» [1]). Напротивъ того, люди, надъ которыми намѣревался властвовать Цезарь, всѣ ее знали. Многіе проклинали ее, когда она своими волненіями и бурями смущала спокойствіе ихъ жизни; но почти всѣ, утративши ее, стали сожалѣть о ней. Въ обладаніи и пользованіи свободою, несмотря на тѣ опасности, которымъ она подвергаетъ людей, есть какая-то высшая прелесть и привлекательность, никогда не забываемыя тѣми, кто узналъ ихъ одинъ разъ. Именно объ это упорное воспоминаніе и разбился геній Цезаря. Но послѣ битвы при Акціумѣ, люди, присутствовавшіе при великихъ сценахъ свободы и видѣвшіе республику, уже не существовали. Они были пожраны двадцатилѣтнею междоусобною войною, самою губительною изъ всѣхъ когда-либо опустошавшихъ землю. Новое поколѣніе не восходило далѣе Цезаря. Первые услышанные имъ звуки были привѣтственныя восклицанія побѣдителю Фарсалы, Тапса и Мунды; первое увидѣнное имъ зрѣлище были проскрипціи. Оно выросло среди грабежей и убійствъ. Впродолженіе двадцати лѣтъ трепетало оно ежедневно за свое имущество, за жизнь. Оно жаждало безопасности и готово было пожертвовать всѣмъ ради покоя. Ничто не влекло его къ прошлому, какъ современниковъ Цезаря; напротивъ, всѣ сохранившіеся у него воспоминанія о немъ, еще сильнѣе привязывали его къ современному порядку; если же ему случалось оглянуться назадъ, оно находило тамъ много предметовъ ужаса и ни одного—для сожалѣнья. Только при такихъ условіяхъ неограниченная власть могла спокойно стать наслѣдницею республики.

---

[1]) Ann., I, 3

Брутъ.

Его сношенія съ Цицерономъ.

Безъ писемъ Цицерона, мы не знали-бы, что такое Брутъ. Такъ какъ о немъ никогда не говорили хладнокровно, и политическія партіи привыкли помѣщать подъ его именемъ либо свои надежды, либо свою ненависть, то дѣйствительныя черты его физіономіи изгладились рано. Среди страстныхъ препирательствъ, возбуждаемыхъ однимъ его именемъ, такъ какъ иные, подобно Лукану, превозносятъ его до небесъ, другіе-же, какъ напр. Дантъ, положительно помѣщаютъ его въ преисподнюю, онъ очень естественно сдѣлался какимъ-то легендарнымъ лицомъ. Чтеніе Цицерона возвращаетъ насъ къ дѣйствительности. Благодаря ему, этотъ поразительный, но смутный образъ, безмѣрно преувеличенный восхищеніемъ или ужасомъ, опредѣляется точнѣе и принимаетъ человѣческіе размѣры. Если онъ и теряетъ часть своего величія, будучи разсматриваемъ такъ близко, зато онъ пріобрѣтаетъ больше правды и жизненности.

Связь между Цицерономъ и Брутомъ продолжалась десять лѣтъ. Собраніе писемъ, написанныхъ ими другъ другу въ теченіе этого времени, составляло, вѣроятно, нѣсколько томовъ, такъ какъ одинъ грамматикъ упоминаетъ о девятой книгѣ его. Они всѣ пропали, за исключеніемъ двадцати пяти писемъ, написанныхъ послѣ смерти Цезаря. [1]) Не смотря на потерю остальныхъ, Брутъ занимаетъ та-

---

[1] Начиная съ прошлаго вѣка подлинность этихъ писемъ часто подвергалась сомнѣнію; еще недавно этотъ вопросъ очень горячо обсуждался въ Германіи, причемъ знаменитый геттингенскій критикъ, Ф. Германъ, издалъ въ свѣтъ очень замѣчательныя записки, доказывающія подлинность этихъ писемъ, и на которыя, по моему мнѣнію трудно что-нибудь отвѣчать. Я вкратцѣ передалъ главные аргументы этого труда въ своихъ „Изысканіяхъ о томъ, какъ были собраны письма Цицерона,“ глава V.

кое важное мѣсто въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ Цицерона, особенно въ его перепискѣ, что здѣсь можно найти всѣ элементы, необходимые для ближайшаго знакомства съ нимъ. Я хочу соединить ихъ между собою и написать не разсказъ о всей жизни Брута, чтобы не повторять общеизвѣстныхъ уже событій, а просто исторію его сношеній съ Цицерономъ.

I.

Аттикъ, этотъ всеобщій другъ, сблизилъ ихъ между собою. Это было около 700 года, вскорѣ по возвращеніи Цицерона изъ ссылки, во время волненій, возбужденныхъ Клодіемъ, такимъ-же заурядным агитаторомъ, какъ Катилина, посредствомъ которыхъ Цезарь истощалъ напередъ силы римской аристократіи, чтобы легче справиться съ нею впослѣдствіи. Положеніе, занимаемое въ то время Цицерономъ и Брутомъ въ республикѣ было весьма различно. Цицеронъ отправлялъ самыя высшія должности и успѣлъ оказать знаменитыя услуги государству. Его талантъ и честность дѣлали его драгоцѣннымъ помощникомъ аристократической партіи, къ которой онъ примкнулъ; въ то же время онъ имѣлъ вліяніе на народъ, очарованный его рѣчами; провинціи любили его за то, что онъ не разъ защищалъ ихъ интересы противъ алчныхъ правителей, и еще недавно Италія доказала ему свою любовь, съ тріумфомъ пронесши его отъ Брундузія до Рима. Бруту былъ всего тридцать одинъ годъ; большая часть жизни его протекла вдали отъ Рима, въ Аѳинахъ, гдѣ онъ, какъ всѣмъ было извѣстно, съ жаромъ предавался изученію греческой философіи, на островѣ Кипрѣ и на Востокѣ, куда онъ послѣдовалъ за Катономъ. Онъ не отправлялъ еще ни одной изъ должностей, дающихъ политическое значеніе, и ему пришлось дожидаться болѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ подумать о консульствѣ. Между тѣмъ Брутъ былъ уже извѣстнымъ лицомъ. При первомъ знакомствѣ, не смотря на разницу ихъ лѣтъ и званій, Цицеронъ подступаетъ къ нему самъ, бережетъ и предупреждаетъ его. Можно сказать, что всѣ какъ-будто чего-то ожидали отъ этого юноши и смутно догадывались, что онъ предназначенъ для важныхъ вещей и дѣлъ. Въ то время, какъ Цицеронъ находился въ Киликіи, Аттикъ, торопя его уважить нѣкоторыя просьбы Брута, говорилъ ему: «Если ты вывезешь изъ этой провинціи только его дружбу, этого будетъ много.» [1]) А Цицеронъ писалъ о немъ въ то-же самое время: «Онъ уже первый между молодежью и, надѣюсь, скоро будетъ первымъ въ городѣ» [2]).

Дѣйствительно, все, казалось, обѣщало великую будущность Бруту. Происходя отъ одного изъ знаменитѣйшихъ домовъ въ Римѣ, племянникъ Катона, зять Кассія и Лепида, онъ только что женился на одной изъ дочерей Аппія Клавдія; другая же была замужемъ за старшимъ сыномъ Помпея. Благодаря этимъ связямъ, онъ примыкалъ со всѣхъ сторонъ къ самымъ вліятельнымъ семействамъ, но онъ больше отличался отъ другихъ своимъ характеромъ и нравомъ, нежели своимъ происхожденіемъ. Онъ провелъ воздержную молодость; онъ занимался философіей не изъ одного любопытства, какъ однимъ изъ полезнѣйшихъ умственныхъ наслажденій, но какъ мудрецъ, желающій приложить на дѣлѣ ея правила. Онъ вернулся изъ Аѳинъ съ репутаціей очень мудраго человѣка, что подтвердила его честная и правильная жизнь. Уваженіе къ его добродѣтели усугублялось, когда вспоминали, въ какой средѣ она возникла и противъ какихъ отвратительныхъ примѣровъ она должна была устоять. Его мать, Сервилія, была одною изъ самыхъ сильныхъ страстей Цезаря, быть можетъ, его первой любовью. Она постоянно имѣла на него большое вліяніе и воспользовалась имъ для того, чтобы обогатиться послѣ Фарсалы, черезъ присужденіе ей доли имущества побѣжденныхъ. Когда она устарѣла и почувствовала, что могущественный диктаторъ ускользаетъ изъ ея рукъ, то чтобы господствовать надъ нимъ еще и послѣ, она способствовала, говорятъ, его связи съ одною изъ дочерей ея, женою Кассія. Другая ея дочь, вышедшая за Лепида, пользовалась не лучшей репутаціей, и Цицеронъ разсказываетъ объ ней очень забавную исторію. Молодой римскій фатъ, К. Ведій, проѣзжая черезъ Киликію съ большою свитой, нашелъ удобнымъ оставить часть своихъ вещей у одного изъ своихъ хозяевъ. На бѣду хозяинъ этотъ умеръ; печати были наложены на тюки путешественника, такъ-же какъ и на остальныя вещи, причемъ прежде всего были найдены портреты пяти знатныхъ

---

[1]) **Ad Att.**, VI, 1.

[2]) **Ad fam.**, III, 11.

дамъ, и въ томъ числѣ портретъ сестры Брута. «Надо сознаться, сказалъ Цицеронъ, никогда не упускавшій случая сострить, что братъ и мужъ вполнѣ заслуживаютъ своихъ названій. Братъ очень глупъ (**brutus**), потому что ничего не замѣчаетъ, а мужъ слишкомъ снисходителенъ (**lepidus**), потому что все безропотно выноситъ.» [1]) Вотъ, какова была семья Брута. Что касается его друзей, то объ нихъ нечего и говорить. Извѣстно, какъ жила въ то время богатая римская молодежь, и что за люди были эти Целіи, Куріоны, Долабеллы. Посреди ихъ кутежей, суровая честность Брута, его прилежаніе къ дѣлу, презрѣніе къ удовольствіямъ, любовь къ ученію, о которой свидѣтельствовало его блѣдное и серьёзное лицо, выдѣлялись, какъ рѣзкая противоположность. Потому-то взоры всѣхъ были устремлены на этого степеннаго юношу, такъ мало походившаго на другихъ. Приближаясь къ нему, нельзя было воздержаться отъ чувства, повидимому, несоотвѣтственнаго съ его лѣтами: онъ внушалъ къ себѣ невольно уваженіе. Даже тѣ, кто былъ старше и гораздо важнѣе его, Цицеронъ и Цезарь, не смотря на ихъ славу, Антоній, столь мало на него походившій, его соперники, его враги, никто не могъ отдѣлаться отъ этого чувства въ его присутствіи. Всего изумительнѣе то, что оно пережило его. Его испытывали при воспоминаніи о немъ, какъ прежде передъ нимъ лично; и живой, и мертвый онъ внушалъ къ себѣ уваженіе. Оффиціальные историки имперіи, Діонъ, такъ дурно отзывавшійся о Цицеронѣ, Веллей, льстившій Тиберію, всѣ уважали Брута. Кажется, будто политическая непріязнь, желаніе льстить, насилія партій, все чувствовало себя обезоруженнымъ передъ этой строгой личностью.

Но, уважая его, его вмѣстѣ и любили. А эти чувства не всегда идутъ рядомъ. Аристотель запрещаетъ употреблять въ драмѣ героевъ вполнѣ совершенныхъ, боясь, что они не будутъ интересовать публику. Въ жизни случается нѣчто подобное тому, что происходитъ въ театрѣ; какой-то инстинктивный страхъ удаляетъ насъ отъ безукоризненныхъ личностей, а такъ какъ мы обыкновенно сближаемся между собою своими общими слабостями, то и не чувствуемъ особаго влеченія къ тому, въ чемъ вовсе нѣтъ слабостей, и довольствуемся тѣмъ, что уважаемъ совершенство

[1]) Ad Att., VI, 1.

на извѣстномъ разстояніи. Но не то было съ Брутомъ, и Цицеронъ справедливо могъ сказать объ немъ въ одномъ изъ обращенныхъ къ нему сочиненій: «Былъ-ли кто болѣе тебя уважаемъ и любимъ?» [1]) Дѣло въ томъ, что этотъ человѣкъ, чуждый слабостей, былъ однако слабъ къ тѣмъ, кого онъ любилъ. Его мать и сестры имѣли на него большое вліяніе и заставили его совершить не одинъ проступокъ. У него было много друзей, и Цицеронъ укоряетъ его за то, что онъ слишкомъ слушается ихъ совѣтовъ: то были простые люди, ничего не смыслившіе въ дѣлахъ; но Брутъ былъ такъ нѣжно привязанъ къ нимъ, что не умѣлъ противъ нихъ защищаться. Послѣднимъ горемъ его въ Филиппахъ была вѣсть о смерти Флавія, его смотрителя за рабочими, и о смерти его помощника Лабеона; онъ позабылъ о самомъ себѣ, когда оплакивалъ ихъ. Умирая, онъ поздравлялъ себя съ тѣмъ, что ни одинъ другъ никогда не измѣнялъ ему; подобная вѣрность, бывшая въ то время большою рѣдкостью, утѣшила его въ послѣднія минуты. Легіоны его, хотя и составленные частію изъ прежнихъ солдатъ Цезаря, не смотря на то, что онъ строго обходился съ ними, наказывая грабителей и мародёровъ, тѣмъ не менѣе любили его и оставались ему вѣрными. Наконецъ самый народъ въ Римѣ, относившійся вообще враждебно къ защищаемому имъ дѣлу, не разъ оказывалъ ему свое сочувствіе. Когда Октавій велѣлъ провозгласить врагами государства убійцъ Цезаря, и когда въ числѣ другихъ произнесли съ трибуны имя Брута, всѣ грустно склонили голову и среди общаго пораженія всего сената, уже предчувствовавшаго проскрипціи, одинъ свободный голосъ дерзнулъ объявить, что онъ никогда не осудитъ Брута.

Цицеронъ поддался очарованію, подобно другимъ, но не безъ сопротивленія. Дружба его съ Брутомъ была полна волненій и бурь и, не смотря на общность ихъ взглядовъ, между ними не разъ возникали жестокіе споры. Ихъ несогласія объясняются различіемъ ихъ характеровъ. Никогда два друга не походили меньше одинъ на другого. Кажется, что не было человѣка болѣе созданнаго для общества, какъ Цицеронъ; онъ вносилъ туда всѣ качества, необходимыя тамъ для успѣха, значительную гибкость сужденій, большую терпѣливость къ другимъ, довольно легкое отношеніе къ самому себѣ, искусство свободно лавировать между партіями и нѣкото-

[1]) Orat., 10.

рую врожденную снисходительность, дозволявшую ему все понимать и почти со всѣмъ мириться. Хоть онъ писалъ очень плохіе стихи, у него былъ поэтическій темпераментъ, странная подвижность впечатлѣній, болѣзненная чувствительность, гибкій, обширный и быстрый умъ, все проворно усвоивавшій, но скоро разстававшійся съ своими идеями, и однимъ скачкомъ переходившій отъ одной крайности къ другой. Онъ не принялъ ни одного серьезнаго рѣшенія, въ которомъ не раскаялся-бы на другой-же день. Всякій разъ, какъ онъ на что-нибудь отваживался, онъ былъ живъ и смѣлъ только сначала, а затѣмъ постепенно начиналъ охладѣвать. Брутъ, напротивъ того, не имѣлъ быстраго ума; обыкновенно онъ колебался въ началѣ всякаго предпріятія и никогда не принималъ сразу никакого рѣшенія. Серьезный и медленный, онъ во всемъ шелъ впередъ постепенно; но если разъ онъ на что-нибудь рѣшался, то весь замыкался въ своей идеѣ, и ничто не могло отвлечь его отъ нея; онъ уединялся и сосредоточивался въ ней, онъ оживлялся и воспламенялся къ ней размышленіемъ, такъ что подъ-конецъ слѣдовалъ только неумолимой логикѣ, заставляшей его осуществить ее. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ умовъ, о которыхъ Сенъ-Симонъ говоритъ, что они отличаются бѣшеною послѣдовательностью. Упрямство составляло его силу, и Цезарь хорошо понималъ Брута, говоря объ немъ: «Все, чего онъ хочетъ, онъ очень этого хочетъ»[1]).

Эти два друга, столь мало между собою схожіе, естественно должны были приходить въ безпрерывныя столкновенія. Первыя несогласія ихъ были литературнаго характера. Въ то время былъ обычай, чтобы защита какого-нибудь важнаго судебнаго дѣла раздѣлялась между нѣсколькими ораторами; каждый бралъ себѣ часть, наиболѣе подходившую къ его таланту. Цицеронъ, принужденный часто появляться передъ судьями, являлся туда съ своими друзьями и учениками и раздѣлялъ между ними часть своего дѣла, чтобы быть въ состояніи его выполнить. Нерѣдко онъ оставлялъ за собою только заключительный выводъ, гдѣ могъ вполнѣ излить свое плодотворное и страстное краснорѣчіе, и предоставлялъ имъ остальное. Такимъ образомъ въ началѣ ихъ дружбы Брутъ велъ иногда судебную защиту возлѣ него и подъ его покровительствомъ. А между тѣмъ Брутъ не принадлежалъ къ его школѣ; фанатическій поклонникъ Демосѳена, статую котораго онъ помѣстилъ между статуями своихъ предковъ, воспитанный на книгахъ аттическихъ писателей, онъ старался воспроизводить ихъ изящную умѣренность и энергическую твердость. Тацитъ говоритъ, что усилія его не всегда увѣнчивались успѣхомъ: избѣгая украшеній и патстическихъ мѣстъ, онъ становился неясенъ и холоденъ, а слишкомъ заботясь о точности и силѣ, онъ дѣлался натянутъ и сухъ. Эти недостатки были противны Цицерону, который, видя притомъ въ этомъ краснорѣчіи, развившемся въ школу, критику своего собственнаго, всѣми силами старался поставить Брута на путь истинный; но это ему не удалось, и въ этомъ отношеніи они никогда не сошлись между собою. Послѣ смерти Цезаря, когда всѣмъ было не до литературныхъ споровъ, Брутъ послалъ своему другу рѣчь, произнесенную имъ въ Капитоліи, и просилъ его исправить ее. Цицеронъ, конечно, не сдѣлалъ этого; онъ такъ хорошо зналъ по опыту самолюбіе писателей, что не рискнулъ оскорбить Брута, пытаясь сдѣлать лучше его. Впрочемъ рѣчь дѣйствительно показалась ему прекрасною, и онъ писалъ Аттику, что не видывалъ ничего болѣе изящнаго и лучше написаннаго, но добавлялъ при этомъ: «Впрочемъ еслибъ мнѣ пришлось ее сочинять, я внесъ-бы въ нее больше страсти.» [1]) Несомнѣнно, что и у Брута не было недостатка въ страсти, но ее можно было сравнить съ тайнымъ и сдержаннымъ пламенемъ, сообщаемымъ имъ только близкимъ людямъ;

[1]) **Ad. Att.,XIV,1.**—Въ музеѣ Кампаны можно видѣть очень любопытную статую Брута. Сдѣлавщій ее художникъ не старался идеализировать свой образецъ и, повидимому, стремился только къ обыкновенной реальности; но въ ней легко узнать Брута. По этому низкому лбу, по этимъ тяжело обрисовывающимся лицевымъ костямъ угадывается узкій умъ и упрямая душа. Лицо имѣетъ лихорадочный и болѣзненный видъ; оно въ одно и то же время и молодо, и старо, какъ это бываетъ у людей, не имѣвшихъ молодости. Всего больше на немъ замѣтна странная грусть, какъ у человѣка, подавленнаго великой и роковой судьбою. Въ прекрасномъ бюстѣ Брута, находящемся въ Капитолійскомъ музеѣ, лицо полнѣе и красивѣе. Кротость и грусть остались на немъ, но болѣзненный видъ исчезъ. Черты его вполнѣ похожи на тѣ, что находятся на знаменитой медали, вычеканенной въ послѣдніе годы жизни Брута и имѣющей на оборотной сторонѣ изображеніе фригійской шапки между двумя кинжалами, съ угрожающей надписью: Idus martiae. Микель Анджело принимался за бюсгъ Брута, великолѣпный очеркъ котораго можно видѣть во флорентійскихъ Уффиціяхъ. Это было не выдуманное изображеніе; очевидно, что онъ пользовался для него древними портретами, немного идеализируя.

[1]) **Ad. Att., XV, 1, B.**

ему противно было прибѣгать въ великимъ движеніямъ и къ тому пламенному паѳосу, безъ которыхъ нельзя увлечь толпу.

Итакъ, онъ не былъ вѣрнымъ ученикомъ для Цицерона и вдобавокъ можно сказать, что онъ не былъ для него и удобнымъ другомъ. У него недоставало податливости въ сношеніяхъ съ другими, и тонъ его былъ всегда рѣзокъ и грубъ. Въ началѣ своего знакомства съ нимъ, Цицеронъ, привыкшій къ деликатности со стороны даже самыхъ важныхъ лицъ, находилъ желчными и заносчивыми письма этого молодаго человѣка и обижался ими. И это былъ не единственный упрекъ, который онъ могъ ему сдѣлать. Всѣмъ извѣстно раздражительное, подозрительное и требовательное тщеславіе великаго консуляра; всѣмъ извѣстно, до какой степени онъ любилъ похвалы: онъ щедро надѣлялъ ими самъ себя, онъ ожидалъ ихъ отъ другихъ, и если тѣ медлили воздавать ихъ, онъ не стыдился ихъ требовать. Друзья его относились вообще снисходительно къ этой наивной слабости и не дожидались того, чтобы онъ приглашалъ ихъ хвалить себя. Сопротивлялся одинъ только Брутъ; онъ гордился своею искренностью и безпощадно высказывалъ все, что у него было на сердцѣ. Цицеронъ часто жаловался на него за то, что у него приходится выторговывать милости; однажды онъ даже серьезно разсердился на Брута. Дѣло шло о великомъ консульствѣ и о тѣхъ обсужденіяхъ, вслѣдствіе которыхъ были казнены Лентулъ и сообщники Катилины. Это былъ самый твердый поступокъ въ жизни Цицерона, и онъ имѣлъ право гордиться имъ, такъ какъ заплатилъ за него изгнаніемъ. Брутъ, описывая это дѣло, уменьшилъ въ пользу своего дяди, Катона, участіе, принятое въ немъ Цицерономъ. Онъ похвалилъ его только за то, что онъ покаралъ заговоръ, не упоминая о томъ, что онъ открылъ его, и удовольствовался назвать его лишь превосходнымъ консуломъ. «Какая жидкая похвала! съ гнѣвомъ говоритъ Цицеронъ; подумаешь, что она идетъ отъ врага!» [1]) Но все это были не болѣе, какъ легко заживляемые уколы самолюбія; между ними произошелъ одинъ болѣе важный раздоръ, заслуживающій особеннаго вниманія, такъ какъ онъ сильно заставляетъ насъ призадуматься надъ состояніемъ тогдашняго римскаго общества.

Въ 702 году, т. е. вскорѣ послѣ начала своего знакомства съ

1) Ad Att., XII, 21.

Брутомъ, Цицеронъ отправился проконсуломъ въ Киликію. Онъ не добивался этой должности, зная, какія затрудненія его тамъ ожидаютъ. Онъ ѣхалъ съ намѣреніемъ исполнить свою обязанность, и не могъ ее исполнить иначе, какъ взявши себѣ разомъ на шею и своихъ покровителей патриціевъ, и своихъ кліентовъ всадниковъ, кому онъ покровительствовалъ самъ. Дѣйствительно, и патриціи, и всадники, находившіеся въ постоянной враждѣ между собою, съ рѣдкимъ единодушіемъ грабили провинціи. У всадниковъ, державшихъ на откупу общественные налоги, было только одно помышленіе, а именно, нажиться впродолженіе пяти лѣтъ, т. е. въ обыкновенный срокъ откупнаго контракта. Вслѣдствіе того они безпощадно взимали одну десятую съ произведеній почвы, одну двадцатую съ товаровъ, въ гаваняхъ—ввозную пошлину, внутри страны—пастбищный налогъ, словомъ, всѣ подати, которыми Римъ обложилъ покоренные народы. Жадность ихъ не щадила ничего; Титъ Ливій сказалъ о нихъ слѣдующія страшныя слова: «Всюду, куда проникаетъ сборщикъ податей, для людей не существуетъ больше ни справедливости, ни свободы.» [1]) Несчастнымъ городамъ очень трудно было насытить этихъ нестоворчивыхъ финансистовъ; почти вездѣ муниципальныя кассы, дурно управляемыя неискусными или грабимыя безчестными служаками, были опустошены. Между тѣмъ надо было добыть денегъ во чтобъ то ни стало. А у кого-же ихъ было спрашивать, какъ не у римскихъ банкировъ, служившихъ уже впродолженіе цѣлаго вѣка банкирами для всего міра? Къ нимъ обыкновенно и обращались. Нѣкоторые изъ нихъ были на столько богаты, что могли изъ собственныхъ кошельковъ снабжать цѣлые города и иностранныхъ государей, подобно тому Рабирію Постуму, котораго защищалъ Цицеронъ, и который доставилъ Египетскому царю деньги, необходимыя ему для обратнаго завоеванія своего государства. Другіе, чтобы меньше рисковать, составляли между собою финансовыя ассоціаціи, въ которыхъ участвовали своими капиталами самые знатные Римляне. Такъ у Помпея была значительная сумма въ одномъ изъ коммандитныхъ обществъ, основанныхъ Клувіемъ Пуццольскимъ. Всѣ эти заимодавцы, какъ частныя лица, такъ и общества, какъ всадники, такъ и патриціи, были весьма беззастѣнчивы и давали взаймы не иначе, какъ подъ огром-

1) Лив., XLV, 18.

ные проценты, обыкновенно 4% или 5% въ мѣсяцъ. Трудность для нихъ заключалась въ томъ, чтобъ взыскать платежъ. Такъ какъ на подобныя условія идутъ обыкновенно только уже совсѣмъ разорившіеся люди, то полученіе обратно денегъ, отдаваемыхъ за такіе крупные проценты, бываетъ всегда очень не надежно. При наступленіи срока бѣдный городъ былъ менѣе чѣмъ когда-либо въ состояніи уплатить долгъ; онъ прибѣгалъ тогда ко всевозможнымъ проискамъ, говорилъ, что будетъ жаловаться сенату, и начиналъ съ того, что обращался къ проконсулу. На бѣду ему, проконсулъ бывалъ зачастую сообщникомъ его враговъ, участникомъ въ ихъ прибыляхъ. Кредиторы, заручившись его помощью посредствомъ хорошей взятки, присылали тогда въ провинцію своимъ представителемъ какого-нибудь вольноотпущеннаго или дѣльца; проконсулъ, употребляя общественную власть къ услугамъ частныхъ интересовъ, давалъ этому ходатаю титулъ намѣстника, нѣсколько солдатъ и разныя полномочія, и если спорившіе не скоро приходили къ какому нибудь соглашенію, несостоятельный городъ подвергался всѣмъ ужасамъ осады въ мирное время и оффиціальнаго грабежа. Очень естественно, что проконсулъ, отказывавшійся способствовать подобнымъ злоупотребленіямъ и надѣявшійся, по словамъ Цицерона, помѣшать смерти провинцій, возбуждалъ къ себѣ гнѣвъ во всѣхъ тѣхъ, кто жилъ именно этой смертью. Всадники и вельможи, не получившіе обратно своихъ денегъ, становились его заклятыми врагами. Правда, что онъ сохранялъ за собой признательность провинцій, но это было очень немного. Было замѣчено, что въ этихъ восточныхъ странахъ «привыкшихъ вслѣдствіе продолжительнаго порабощенія къ отвратительной лести,» [1]) народъ воздавалъ всего больше почестей и воздвигалъ всего больше статуй тѣмъ именно правителямъ, которые всего больше грабили, потому-что ихъ больше боялись. Предшественникъ Цицерона совершенно разорилъ Киликію: оттого и замышляли построить храмъ въ честь ему. Вотъ, нѣкоторыя изъ затрудненій, ожидавшихъ добросовѣстнаго правителя, если таковой случался. Цицеронъ вышелъ изъ нихъ съ честью; въ римской республикѣ рѣдкая провинція управлялась такъ хорошо, какъ его, но онъ вывезъ съ собою оттуда кой-какую благодарность, очень немного денегъ, множество враговъ, и чуть не поссорился тамъ съ Брутомъ.

[1]) Циц., ad Quint., I. 1.

Брутъ—кто могъ бы этому повѣрить—также принималъ участіе въ этихъ денежныхъ дѣлахъ. Онъ далъ взаймы Аріобарзану, царю армянскому, одному изъ тѣхъ мелкихъ государей, которымъ Римъ оставлялъ жизнь изъ сожалѣнія, и кромѣ того—городу Саламину на островѣ Кипрѣ. Передъ отъѣздомъ Цицерона, Аттикъ, который, какъ извѣстно, самъ не пренебрегалъ подобнаго рода барышами, очень просилъ его похлопотать объ этихъ двухъ дѣлахъ; но Брутъ неудачно помѣстилъ свои капиталы, и Цицерону невозможно было взыскать ихъ. У Аріобарзана было множество кредиторовъ, и никому изъ нихъ онъ не платилъ. «Я не знаю никого, бѣднѣе этого царя, говорилъ Цицеронъ, и ничего, жалче этого государства». [1]) Ничего нельзя было получить съ нихъ. Что касается дѣла съ Саламиномъ, то съ самаго начала оно оказалось важнѣе. Брутъ не рѣшался даже сознаться, что онъ заинтересованъ въ немъ непосредственно,—такъ громаденъ былъ процентъ и такъ постыдны предшествовавшія условія. Нѣкто Скапцій, другъ Брута, далъ взаймы жителямъ Саламина крупную сумму денегъ за 4% въ мѣсяцъ. Такъ какъ они не могли возвратить ее, то онъ, по обыкновенію, получилъ отъ предшественника Цицерона, Аппія, конный отрядъ, съ помощью котораго онъ держалъ въ такой тѣсной осадѣ саламинскій сенатъ, что пять сенаторовъ умерло съ голоду. Узнавъ объ этомъ поступкѣ, Цицеронъ просто возмутился и поспѣшилъ отозвать солдатъ, которыхъ такъ дурно употребили въ дѣло. Онъ все еще думалъ, что вредитъ при этомъ лицу, находящемуся только подъ покровительствомъ Брута; но по мѣрѣ того, какъ дѣло принимало худшій оборотъ, Брутъ постепенно открывался, въ надеждѣ, что Цицеронъ будетъ снисходительнѣе къ нему. Когда-же онъ увидалъ, что ему придется получить свои деньги съ большими вычетами, онъ вышелъ изъ себя и рѣшился прямо объявить, что Скапцій—не болѣе, какъ подставное лицо, и что настоящимъ кредиторомъ Саламинцевъ былъ онъ самъ.

Изумленіе испытанное при этомъ Цицерономъ, раздѣлятъ, конечно, всѣ,—до такой степени поступокъ Брута противорѣчилъ, повидимому, его всегдашнему поведенію. Невозможно однакожь сомнѣваться въ его безкорыстіи и честности. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ Катонъ блистательнымъ образомъ доказалъ свою вѣру въ нихъ,

[1]) Ad Att., VI, 1.

когда, не зная, на кого положиться—до такой степени честные люди были рѣдки даже и вокругъ него,—онъ поручилъ ему принять и доставить въ Римъ сокровища Кипрскаго царя. Итакъ, будемъ увѣрены, что если Брутъ и поступилъ такъ дурно съ Саламинцами, то это потому, что онъ считалъ себя вправѣ такъ поступать. Онъ просто слѣдовалъ примѣру другихъ и уступилъ господствовавшему вокругъ него предразсудку. Для Римлянъ той эпохи провинціи были еще завоеванными странами. Прошло слишкомъ мало времени съ тѣхъ поръ, какъ ихъ покорили, чтобы память объ ихъ пораженіи совершенно изгладилась. Предполагалось, что и онѣ не позабыли о немъ, и это самое заставляло не довѣрять имъ; во всякомъ случаѣ о нихъ помнили Римляне и считали себя постоянно вооруженными противъ нихъ страшнымъ правомъ войны, противъ котораго никто не возражалъ въ древности. Имущество побѣжденнаго принадлежало цѣликомъ побѣдителю, слѣдовательно, послѣдній, беря себѣ часть его, не только не винилъ себя за это, но еще считалъ съ своей стороны подаркомъ, оставляя ему хоть кое-что, и быть-можетъ въ глубинѣ души хвалилъ себя за такое великодушіе. Провинціи считались поэтому лугами и полями римскаго народа (**praedia, agri fructuarii populi Romani**) и такъ съ ними и обходились. Если же соглашались щадить ихъ, то дѣлали это не изъ сожалѣнія и любви къ нимъ, а изъ предосторожности, подражая хорошимъ землевладѣльцамъ, которые берегутся истощать свое поле, требуя отъ него слишкомъ много вдругъ. Таковъ смыслъ законовъ, изданныхъ при республикѣ для охраненія провинцій; очень понятно, что въ составленіи ихъ не столько участвуетъ гуманность, сколько интересъ, который, сдерживая себя немного въ настоящемъ, какъ-бы дѣлаетъ запасы для будущаго. Очевидно, что Брутъ вполнѣ принималъ подобный способъ воззрѣнія на права побѣдителя и на участь побѣжденныхъ. Въ этомъ случаѣ мы касаемся одной изъ величайшихъ слабостей этой честной, но узкой души. Воспитанная въ эгоистическихъ взглядахъ римской аристократіи, она не обладала достаточной ширью и высотой, чтобы понять всю несправедливость ихъ, и поддавалась имъ безъ всякаго сопротивленія до тѣхъ поръ, пока врожденная ей кротость и гуманность не брали верхъ надъ внушеніями ея воспитанія и надъ преданіями ея партіи. Поступки его въ управляемыхъ имъ провинціяхъ показываютъ, что вся жизнь его была не чѣмъ инымъ, какъ борьбою между его честной

натурою и этими предразсудками. Разоривъ Саламинцевъ своимъ лихоимствомъ, онъ управлялъ Цизальпинскою Галліей съ безкорыстіемъ, дѣлающимъ ему большую честь, и тогда какъ на островѣ Кипрѣ его ненавидѣли, въ Миланѣ до временъ Августа сохранилась память объ его благодѣтельномъ управленіи. Подобное противорѣчіе встрѣчается и во время его послѣдняго похода; онъ плакалъ съ горя, видя, что жители Ксанта упорно разрушаютъ собственный городъ, а между тѣмъ наканунѣ Филиппской битвы обѣщалъ своимъ солдатамъ разграбленіе Ѳессалоникъ и Лакедемона. Это—единственная тяжкая вина въ его жизни,—вина, въ которой укоряетъ его Плутархъ; то было пробужденіе закоренѣлаго предразсудка, отъ котораго онъ никогда не могъ отдѣлаться, не смотря на прямоту своей души, и это вмѣстѣ доказываетъ, какъ сильно вліяло на него до конца жизни то общество, въ которое онъ былъ поставленъ своимъ рожденіемъ.

Впрочемъ этотъ предразсудокъ не простиралъ въ то время своей власти на всѣхъ. Цицеронъ, который, какъ человѣкъ новый, легче могъ защищаться отъ тираннія преданій, оказывалъ всегда больше гуманности къ провинціямъ и осуждалъ постыдныя выгоды, извлекаемыя изъ нихъ. Въ письмѣ къ своему брату онъ громко провозглашалъ совершенно новый принципъ [1]), что управлять ими надо не для однихъ только интересовъ римскаго народа, но и для ихъ собственныхъ, стараясь при этомъ надѣлить ихъ всевозможнымъ счастіемъ и благоденствіемъ. Это именно онъ и старался дѣлать въ Киликіи; вотъ почему его такъ непріятно поразило поведеніе Брута. Онъ наотрѣзъ отказался помогать ему, хотя Аттикъ, обладавшій болѣе покладистой совѣстью; съ жаромъ умолялъ его объ этомъ. «Очень сожалѣю, отвѣчалъ онъ ему, что не могу сдѣлать угодное Бруту, а еще болѣе сожалѣю о томъ, что нахожу его совсѣмъ не такимъ, какъ воображалъ себѣ» [2]). — «Если онъ меня осудитъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, то я не хочу имѣть подобныхъ друзей. По крайней мѣрѣ я увѣренъ, что дядя его Катонъ не осудитъ меня» [3]).

То были жесткія слова, и дружба ихъ, вѣроятно, много пострадала-бы отъ этихъ споровъ, если-бы ихъ снова не сблизили насту-

[1]) **Ad Quint., I, 1.**
[2]) **Ad Att., VI, 1.**
[3]) **Ad Att. V, 21.**

павшія затѣмъ важныя событія. Цицеронъ только-что вернулся въ Италію, когда вспыхнула уже давно ожидаемая междоусобная война. Частные раздоры должны были сгладиться въ виду столь великаго столкновенія. Впрочемъ Цицеронъ и Брутъ были соединены между собою въ то время какой-то странной общностью чувствъ. Оба они отправились въ лагерь Помпея и оба сдѣлали это безъ всякой страсти и увлеченія, какъ-бы принося лишь жертву долгу. Брутъ любилъ Цезаря, оказывавшаго ему завсегда отеческую нѣжность, и вдобавокъ ненавидѣлъ Помпея. Не говоря уже о томъ, что ему не могла нравиться торжественная спѣсь послѣдняго, онъ не прощалъ ему смерти своего отца, убитаго среди междоусобій Силлы. Но при общественной опасности онъ позабылъ о своихъ личныхъ чувствахъ любви или ненависти и отправился въ Ѳессалію, гдѣ уже находились консулы и сенатъ. Извѣстно, что въ лагерѣ Помпея онъ отличился своимъ усердіемъ[1]); но, вѣроятно, многое изъ того, что тамъ совершалось, дѣйствовало на него очень непріятно, и безъ сомнѣнія, онъ находилъ, что къ дѣлу свободы, которую онъ только и хотѣлъ защищать, примѣшивается слишкомъ много частной вражды и самолюбія. Это самое не нравилось другу его Цицерону и зятю его Кассію; приведенные въ негодованіе рѣчами безумцевъ, окружавшихъ Помпея, они рѣшились не доводить войны до крайнихъ предѣловъ, какъ того желали другіе. «Я еще помню, писалъ впослѣдствіи Цицеронъ Кассію, тѣ откровенныя бесѣды, въ которыхъ, послѣ долгихъ споровъ, мы положили связать съ успѣхомъ одной битвы, если не правоту своего дѣла, то по крайней мѣрѣ свое рѣшеніе»[2]). Неизвѣстно, присутствовалъ-ли Брутъ при разговорахъ этихъ двухъ друзей; но несомнѣнно то, что всѣ трое они дѣйствовали одинаковымъ образомъ. На слѣдующій день послѣ Фарсалы Цицеронъ отказался командовать остатками республиканскаго войска; Кассій поспѣшилъ сдать Цезарю находившійся подъ его начальствомъ флотъ; что касается Брута, онъ храбро дѣйствовалъ во время битвы, но по окончаніи ея нашелъ, что имъ довольно сдѣлано, и самъ представился побѣдителю, который принялъ его съ радостью, отвелъ въ сторону, вызвалъ на разговоръ и узналъ отъ него кое-что относительно убѣжища Помпея. Послѣ этой бесѣды

---

[1]) Ad Att., XI, 4.

[2]) Ad fam., XI, 15.

Брутъ былъ совершенно побѣжденъ; онъ не только не отправился за республиканцами сражавшимися въ Африкѣ, но еще сопровождалъ Цезаря въ его завоевательномъ походѣ на Египетъ и на Азію.

II.

Во время Фарсальской битвы Бруту было тридцать семь лѣтъ. Для Римлянина это былъ возрастъ политической дѣятельности. Въ это время онъ становился обыкновенно квесторомъ или эдиломъ; впереди у него было преторство или консульство, для достиженія которыхъ ему приходилось мужественно бороться на форумѣ и въ куріи. Самое лучшее, о чемъ мечталъ каждый юноша при началѣ своей дѣловой жизни, было добиться этихъ почестей въ тѣ лѣта, когда онѣ разрѣшались законами, а именно, преторства въ сорокъ лѣтъ, а консульства въ сорокъ три года, чтобы имѣть почетное удовольствіе сказать: « и я сталъ преторомъ или консуломъ, какъ только получилъ на это право по лѣтамъ (meo anno)». Если въ то время, какъ онъ занималъ эти должности, на его счастіе была какая-нибудь значительная удачная война, дававшая возможность убить пять тысячъ непріятелей, онъ получалъ за это тріумфъ, послѣ чего ему уже не оставалось желать ничего больше.

Очень можетъ быть, что и Брутъ питалъ эту надежду, подобно другимъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что происхожденіе и таланты позволили-бы ему осуществить ихъ; Фарсала разрушила всѣ его замыслы. Почести не были недоступны для него, такъ какъ онъ былъ другомъ того, кто ихъ раздавалъ; но эти почести были уже не больше, какъ пустые титулы съ тѣхъ поръ, какъ дѣйствительная власть попала въ руки одному человѣку. Человѣкъ этотъ хотѣлъ властвовать одинъ и не предлагалъ никому раздѣлить съ нимъ власть. «Онъ не слушаетъ даже своихъ, говоритъ Цицеронъ, и совѣтуется только съ самимъ собою«[1]). Для другихъ политическая жизнь уже перестала существовать. Вслѣдствіе того даже лица, употребленныя въ дѣло новымъ правительствомъ, чувствовали себя

---

[1]) Ad fam., VI, 9.

подъ-часъ незанятыми, особенно послѣ сильныхъ волненій предъидущихъ годовъ. Богъ, выражаясь словами Виргилія, ниспосылалъ всѣмъ досуги. Брутъ употребилъ ихъ на то, чтобы возвратиться къ ученымъ занятіямъ своей юности, скорѣе прерваннымъ, нежели оставленнымъ вовсе. Возвратиться къ нимъ значило еще тѣснѣе сблизиться съ Цицерономъ.

Онъ не забывалъ его и прежде; слѣдуя за Цезаремъ въ Азію, онъ узналъ, что другъ его, удалясь въ Брундузіумъ, терпитъ тамъ и отъ угрозъ цезарійцевъ, не прощавшихъ ему его участія въ Фарсальской битвѣ, и отъ мстительности помпеянцевъ, упрекавшихъ его за то, что онъ слишкомъ рано покинулъ ее. Среди возбужденнаго имъ всеобщаго неудовольствія Цицеронъ, не отличавшійся, какъ извѣстно, большой энергіей, чувствовалъ себя очень несчастнымъ. Брутъ писалъ ему, чтобы подкрѣпить его духъ. «Ты совершилъ дѣла, говорилъ онъ ему, которыя будутъ свидѣтельствовать о тебѣ, не смотря на твое молчаніе, которыя будутъ жить послѣ твоей смерти и которыя, и въ случаѣ спасенія государства, и въ случаѣ его гибели, будутъ всегда служить доказательствомъ честности твоихъ политическихъ поступковъ»[1]). Цицеронъ говоритъ, что когда онъ прочиталъ это письмо, ему показалось, что онъ какъ-будто избавился отъ какой-то продолжительной болѣзни и открылъ глаза на дневной свѣтъ. По возвращеніи Брута въ Римъ отношенія ихъ умножились. Ближе ознакомясь между собою, они лучше оцѣнили другъ друга. Цицеронъ, обладавшій такимъ пылкимъ воображеніемъ и молодымъ сердцемъ, не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, совершенно влюбился въ Брута. Частое обхожденіе съ этимъ любознательнымъ умомъ и съ этой прямою душою оживило и помолодило его талантъ. Въ издаваемыхъ имъ въ то время прекрасныхъ сочиненіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ чрезвычайно быстро, другъ его занимаетъ всегда очень важное мѣсто. Видно, что сердце его наполнено имъ, онъ говоритъ о немъ, сколько можетъ, не устаетъ расхваливать его и ему первому хочетъ понравиться; можно подумать, что для него важны только похвалы и дружба Брута. Прежде всего ихъ соединяло между собою изученіе философіи. Оба они любили ее и занимались ею съ молодыхъ лѣтъ, и оба стали, повидимому, больше дорожить и заниматься ею съ тѣхъ поръ, какъ единоличное правленіе удалило

[1]) Циц., Brut., 96.

ихъ отъ общественныхъ дѣлъ. Цицеронъ, не могшій оставаться въ покоѣ, обратилъ на нее тогда всю свою дѣятельность «Греція старѣется, говорилъ онъ своимъ друзьямъ и ученикамъ, пойдемте-же и отнимемъ у нея ея философскую славу»[1]); и онъ первый принялся за дѣло. Сначала онъ дѣйствовалъ ощупью и не могъ сразу найти философію, подходящую для его соотечественниковъ. Нѣкоторое время онъ пытался направить ихъ къ вопросамъ утонченной метафизики, столь противной практическому здравому смыслу Римлянъ. Онъ перевелъ Тимея, самую темную вещь изо всей философіи Платона; но вскорѣ замѣтилъ, что ошибается, и поспѣшилъ оставить путь, по которому ему пришлось-бы идти одному. Въ Тускуланахъ онъ возвратился къ вопросамъ прикладной морали, и уже не покидалъ ихъ больше. Различные характеры страстей, дѣйствительная сущность добродѣтели, іерархія обязнностей, всѣ эти загадки, ставимыя себѣ честнымъ человѣкомъ впродолженіе своей жизни, и особенно та, отъ которой онъ всего чаще отступаетъ самъ и къ которой затѣмъ всего чаще возвращается съ какимъ-то ужасающимъ упорствомъ, смущающая по временамъ наиболѣе матеріальныя и земныя души, а именно, загробная жизнь,—вотъ что онъ изучалъ безъ всякихъ діалектическихъ фокусовъ, безъ всякихъ школьныхъ предразсудковъ, безъ всякой предвзятой системы, и не столько стараясь изобрѣтать новыя идеи, сколько стремясь повсюду набраться практическихъ и разумныхъ началъ. Таковъ былъ характеръ римской философіи, и мы отнюдь не должны осуждать ее, такъ какъ она играла великую роль въ мірѣ, и какъ только благодаря ей философія Грековъ, сдѣлавшись и основательнѣе и яснѣе, дошла до народовъ Запада. Философія эта начинается съ Фарсалы, такъ-же какъ и имперія, и она многимъ обязана побѣдѣ Цезаря, который, подавивъ политическую жизнь, принудилъ любознательные умы искать себѣ другой пищи для дѣятельности. Съ восторгомъ принятая сначала всѣми страждущими и незанятыми душами, она дѣлалась все болѣе и болѣе популярною по мѣрѣ того, какъ становилась тяжеле императорская власть. Люди были рады, что могутъ противупоставить этому господству надъ ихъ внѣшними дѣйствіями полное обладаніе собою внутри, доставляемое философіей; изучать себя, замыкаться въ себѣ самомъ — значило съ одной стороны избѣгать

[1]) Tusc., II, 2.

тиранніи властителя, и стараясь получше узнать самого себя, человѣкъ какъ-бы увеличивалъ территорію, куда не имѣла доступа власть тирана. Императоры хорошо это поняли; они были смертельными врагами науки, дозволявшей себѣ ограничивать ихъ власть. Вскорѣ она показалась имъ подозрительною, такъ-же какъ и исторія, напоминавшая о непріятныхъ для нихъ вещахъ. Эти два имени, говоритъ Тацитъ, стали неугодны государямъ, **ingrata principibus nomina**.

Мнѣ незачѣмъ указывать, почему всѣ философскія сочиненія, написанныя въ концѣ республики или при имперіи, несравнимо важнѣе сочиняемыхъ нами въ настоящее время подобныхъ книгъ; объ этомъ было уже говорено такъ прекрасно, что возвращаться къ тому мнѣ нечего [1]). Несомнѣнно, что въ это время, когда религія ограничивалась однимъ культомъ, когда книги ея содержали въ себѣ только собраніе формулъ и подробнѣйшее описаніе обрядовъ, и когда задачею ея было сообщать своимъ адептамъ только умѣнье приносить жертвы сообразно ритуалу,—одна лишь философія могла дать всѣмъ честнымъ и смущеннымъ душамъ, блуждавшимъ безъ направленія и жаждавшимъ найти его себѣ, тѣ именно уроки, въ которыхъ онѣ нуждались. И такъ, читая моральную книгу той эпохи, не слѣдуетъ забывать, что она была написана не для однихъ только ученыхъ празднолюбцевъ, охотниковъ до прекрасныхъ рѣчей, но и для тѣхъ, кого Лукрецій изобразилъ ищущими жизненнаго пути на удачу; надо помнить, что правила эти прилагались къ практикѣ, что эти теоріи стали образцами для поведенія, и что вся эта мораль, такъ сказать, жила. Возьмите, напримѣръ, первую Тускулану: Цицеронъ хочетъ доказать въ ней, что смерть—не зло. Какое, повидимому, общее мѣсто, и какъ намъ трудно не считать всѣхъ этихъ прекрасныхъ разглагольствованій за ораторскія только упражненія и за школьную болтовню! Между тѣмъ это вовсе не такъ, и поколѣніе, для котораго они были написаны, находило въ нихъ совсѣмъ иное. Оно, наканунѣ проскрипцій, читало эти сочиненія, чтобы почерпнуть въ нихъ силу, и послѣ этого чтенія чувствовало себя тверже, рѣшительнѣе и болѣе готовымъ къ перенесенію предвидимыхъ имъ великихъ бѣдъ. Самъ Аттикъ, этотъ замѣчательный эгоистъ, который былъ такъ далекъ отъ того,

[1]) Объ этомъ вопросѣ см. въ интересномъ сочиненіи г. Марта: Моралисты во время римской имперіи.

чтобы жертвовать ради кого-нибудь своею жизнью, почерпалъ въ нихъ невѣдомую ему энергію. «Ты говоришь мнѣ, пишетъ ему Цицеронъ, будто мои Тускуланы ободряютъ тебя; тѣмъ лучше. Нѣтъ болѣе быстраго и надежнаго средства противъ событій какъ то, что я указываю» [1]). Средство это было смерть. И сколько же людей воспользовалось ею! Никогда не видано было такого невѣроятнаго презрѣнія къ жизни, никогда смерть не казалась менѣе страшною. Со времени Катона самоубійство сдѣлалось какою-то заразой, умоизступленіемъ. Побѣжденные, какъ напримѣръ, Юба, Петрей, Сципіонъ, не знаютъ инаго средства спастись отъ побѣдителя. Латеренсій убиваетъ себя съ горя, видя, что другъ его Лепидъ измѣнилъ республикѣ; Скапула, не имѣя больше силъ сопротивляться въ Кордовѣ, приказываетъ сложить костеръ и сжигаетъ себя заживо; когда Децимъ Брутъ во время бѣгства колеблется выбрать это геройское средство, другъ его Блазій убиваетъ себя въ его глазахъ, чтобы подать ему примѣръ. Въ Филиппахъ это превращается въ какой-то горячечный бредъ. Даже тѣ, кто могъ спастись, не хотѣли переживать своего пораженія. Квинтилій Варъ облекается въ знаки своего достоинства и приказываетъ рабу убить себя; Лабеонъ самъ вырываетъ могилу и убиваетъ себя на краю ея; юный Катонъ, боясь быть пощаженнымъ, сбрасываетъ съ себя шлемъ и выкрикиваетъ свое имя; Кассій, какъ человѣкъ нетерпѣливый, убиваетъ себя слишкомъ рано; Брутъ заключаетъ собою этотъ списокъ самоубійствомъ, поразительнымъ по своему спокойствію и достоинству. Какой странный и ужасный комментарій къ Тускуланамъ, и какъ эта общая истина, приложенная къ дѣлу столькими великодушными людьми, перестаетъ быть общимъ мѣстомъ!

Именно въ этомъ духѣ слѣдуетъ изучать тѣ, къ сожалѣнію, слишкомъ короткіе отрывки, которые уцѣлѣли отъ философскихъ сочиненій Брута. Находящіяся тамъ общія мысли не станутъ уже казаться малозначительными и неясными, когда мы вспомнимъ, что тотъ, кто изложилъ ихъ, намѣревался вмѣстѣ съ тѣмъ прилагать ихъ къ жизни. Знаменитѣйшее изъ сочиненій Брута, разсужденіе его О добродѣтели, было обращено къ Цицерону и достойно ихъ обоихъ. [2]) То было прекрасное произведеніе, нравившееся особенно потому,

[1]) Ad Att., IV, 2.

[2]) Квинт., X, 1.

что при чтеніи его чувствовалось, какъ авторъ его былъ самъ вполнѣ убѣжденъ въ написанномъ. Изъ него сохранился для насъ значительный отрывокъ у Сенеки. Въ этомъ отрывкѣ Брутъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ въ Митиленѣ М. Марцелла, того самаго, который былъ впослѣдствіи прощенъ Цезаремъ по просьбѣ Цицерона. Онъ нашелъ его погруженнымъ въ серьёзныя занятія, едва помнящимъ о Римѣ и его удовольствіяхъ и вкушающимъ въ тишинѣ и спокойствіи невѣдомое имъ дотолѣ счастье. «Когда пришлось покинуть его, говоритъ онъ, и я увидѣлъ, что ухожу безъ него, мнѣ показалось, что въ ссылку отправляюсь я самъ, а не Марцеллъ остается въ ней»[1]). Изъ этого примѣра онъ вывелъ то заключеніе, что не слѣдуетъ жаловаться на ссылку, потому-что туда можно унести съ собою всю свою добродѣтель. Мораль книги состояла въ томъ, что для того, чтобы быть счастливымъ, человѣкъ нуждается только въ самомъ себѣ. Если хотите, и это—общее мѣсто; но, стараясь сообразовать всю свою жизнь съ этимъ правиломъ, Брутъ сдѣлалъ его живою истиной. Онъ не развивалъ какого-нибудь философскаго тезиса, а просто излагалъ житейское правило,предлагая его другимъ и крѣпко держась его самъ. Онъ съ давнихъ поръ привыкъ замыкаться въ себѣ самомъ и находить внутри себя и радости, и горе. Отсюда происходила свобода ума, сохраняемая имъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ, презрѣніе къ внѣшнимъ вещамъ, замѣченное въ немъ всѣми современниками, и легкость, съ какою онъ разставался съ ними. Наканунѣ Фарсалы, когда всѣ такъ тревожились и заботились, онъ спокойно читалъ себѣ Полибія и дѣлалъ свои замѣтки въ ожиданіи битвы. Послѣ мартовскихъ идъ,среди волненія и страха всѣхъ друзей своихъ, онъ одинъ сохранялъ вѣчное спокойствіе, раздражавшее немного Цицерона. Изгнанный изъ Рима, подъ грозою ветерановъ Цезаря, онъ утѣшался во всемъ, говоря: «Нѣтъ ничего лучше, какъ замкнуться въ воспоминаніи своихъ добрыхъ дѣлъ и не заниматься ни людьми, ни событіями»[2]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобное умѣнье отрѣшаться отъ внѣшнихъ предметовъ и жить въ себѣ самомъ—драгоцѣнное качество для человѣка размышляющаго и занятаго; таковъ пожалуй идеалъ философа; но не бываетъ-ли умѣнье это

[1]) Сен., Cons. ad. Helv., 9.

[2]) Epist. Brut., I, 16.

опаснымъ и ошибочнымъ у человѣка дѣловаго, у политика? Слѣдуетъ-ли отрѣшаться отъ мнѣнія другихъ, когда успѣхъ предпринятыхъ дѣлъ зависитъ отъ этого мнѣнія? Подъ предлогомъ слушаться внушеній своей совѣсти и твердо держаться ихъ, развѣ нужно не обращать вниманія на обстоятельства и запутываться на удачу въ безцѣльныя похожденья? Наконецъ, стараясь держать себя внѣ толпы и всячески предохраняя себя отъ ея страстей, не рискуетъ-ли человѣкъ утратить связь, соединяющую его съ нею и сдѣлаться неспособнымъ руководить ей? Аппіанъ, въ своемъ описаніи послѣдней войны, веденной республиканской арміей, разсказываетъ, что Брутъ всегда умѣлъ владѣть собою и держалъ себя почти совсѣмъ въ сторонѣ отъ обсуждавшихся въ то время важныхъ дѣлъ. Онъ любилъ разговаривать и читать; онъ осматривалъ проходимыя войскомъ мѣстности, какъ любознательный человѣкъ, и бесѣдовалъ съ жителями; словомъ, это былъ философъ посреди стана. Напротивъ того, Кассій исключительно занятый войною, не давалъ себя отклонить ни въ какую сторону и, такъ сказать, всѣмъ своимъ существомъ стремился къ этой цѣли, напоминая собою сражающагося гладіатора[1]). Я подозрѣваю, что Брутъ презиралъ немного такую лихорадочную дѣятельность, касавшуюся исключительно обыденныхъ вещей, и что подобная роль гладіатора заставляла его улыбаться. Но онъ ошибался: именно гладіатору принадлежитъ успѣхъ въ человѣческихъ дѣлахъ, и успѣть въ нихъ можно, только отдавши имъ всю свою душу. Чтожь касается этихъ отвлеченныхъ мыслителей, заключенныхъ въ себѣ самихъ, желающихъ держать себя внѣ и выше обыденныхъ страстей, то они удивляютъ толпу, но не увлекаютъ ея; они, пожалуй, и мудрецы, но—плохіе вожди партій.

Впрочемъ очень можетъ быть, что еслибъ Брутъ былъ предоставленъ самому себѣ, ему никогда не пришло-бы въ голову сдѣлаться главою партіи. Онъ не относился враждебно къ новой власти, и Цезарь не пропускалъ ни одного случая привязать его къ себѣ, милуя, по его просьбѣ, наиболѣе компрометированныхъ помпеянцевъ. Вернувшись въ Римъ, онъ поручилъ ему управленіе одной изъ самыхъ лучшихъ провинцій имперіи, Цизальпинской Галліей. Въ это время было получено извѣстіе о пораженіи рес-

[1]) App., De bell. civ., IV, 133.

публиканской арміи при Тапсѣ и о смерти Катона. Вѣроятно, Брутъ былъ этимъ очень огорченъ. Онъ написалъ самъ и попросилъ Цицерона сочинить похвалу своему дядѣ; но мы знаемъ изъ Плутарха,—онъ осуждалъ его за то, что тотъ отказался принять милосердіе Цезаря. Когда получившій помилованіе Марцеллъ былъ убитъ недалеко отъ Аѳинъ, нѣкоторые думали и говорили, что Цезарь легко могъ быть участникомъ этого преступленія. Брутъ поспѣшилъ написать его оправданіе съ жаромъ, изумившимъ Цицерона. Слѣдовательно, онъ находился въ то время вполнѣ подъ обаяніемъ Цезаря. Прибавимъ къ этому, что въ лагерѣ Помпея онъ почувствовалъ отвращеніе къ усобицамъ. Они похитили у него нѣсколькихъ изъ его драгоцѣннѣйшихъ друзей, напримѣръ, Торквата и Тріарія, двухъ молодыхъ людей, подававшихъ громадныя надежды, и потерю которыхъ онъ горько оплакивалъ. Думая о безпорядкахъ, причиненныхъ междоусобіями, о жертвахъ, похищенныхъ ими, онъ, вѣроятно, говорилъ вмѣстѣ съ своимъ другомъ, философомъ Фавоніемъ: «Лучше выносить произвольную власть, нежели разжигать безбожныя войны»[1]). Какимъ-же образомъ онъ далъ себя увлечь къ возобновленію ихъ? Какимъ искуснымъ заговоромъ друзья сумѣли побѣдить его отвращеніе, вооружить его противъ любимаго имъ человѣка и втянуть въ предпріятіе, долженствовавшее перевернуть весь міръ? Это стоитъ того, чтобъ быть разсказаннымъ, и письма Цицерона дозволяютъ намъ отчасти проникнуть эту тайну.

III.

Со дня Фарсальской битвы не было недостатка въ недовольныхъ. Эта великая аристократія, такъ долго управлявшая міромъ, не могла считать себя разбитою послѣ перваго пораженія. Ей тѣмъ естественнѣе хотѣлось сдѣлать еще одно усиліе, что она сознавала, что въ первый разъ она сражалась не при хорошихъ условіяхъ и что, связавъ свое дѣло съ дѣломъ Помпея, она стала на плохую почву. Помпей внушалъ свободѣ не больше довѣрія, чѣмъ Цезарь. Извѣстно было, что онъ любитъ чрезвычайныя полномочія и охотникъ забирать въ свои руки всю общественную власть. Въ началѣ междо-

[1]) Плут., Brut., 12.

усобной войны онъ такъ надменно отвергъ самыя справедливыя предложенія и такъ горячо старался ускорить кризисъ, что можно было подумать,—онъ спѣшитъ отдѣлаться отъ стѣснявшаго его соперника, а не торопится на помощь находившейся въ опасности республикѣ. Другъ его Цицеронъ говоритъ намъ, что, видя въ его лагерѣ окружавшихъ его дерзкихъ людей и то упорство, съ какимъ онъ отказывался принимать совѣты, можно уже было подозрѣвать, что тотъ, кто такъ дурно принимаетъ совѣты передъ битвою, сдѣлается господиномъ послѣ побѣды. Вотъ почему столько честныхъ людей, и первый изъ нихъ Цицеронъ, такъ долго не рѣшались объявить себя за него; а главное, вотъ почему такіе неустрашимые люди, какъ Брутъ, такъ поспѣшно сложили оружіе послѣ перваго пораженія. Къ этому надо прибавить, что если нельзя было быть вполнѣ увѣреннымъ относительно намѣреній Помпея, то легко было также ошибиться и насчетъ замысловъ Цезаря. Всякому было ясно, что онъ хочетъ власти, но какой именно? Желалъ-ли онъ только одной изъ тѣхъ временныхъ диктатуръ, какія необходимы для свободныхъ государствъ послѣ эпохи анархіи, которыя задерживаютъ на время свободу, но не уничтожаютъ ея? Хотѣлъ-ли онъ разъиграть роль Марія и Силлы, пережитыхъ однако республикою? Въ крайнемъ случаѣ можно было-бы подумать послѣднее, и ничто не мѣшаетъ предполагать, что такова была мысль многихъ офицеровъ Цезаря, особенно тѣхъ, которые, разочаровавшись въ немъ впослѣдствіи, составили противъ него заговоръ.

Но послѣ Фарсалы нельзя уже было поддаваться этому самообольщенію. Цезарь требовалъ не какой-нибудь чрезвычайной власти, а просто хотѣлъ основать новое правленіе. Не говорилъ-ли онъ, что республика есть слово, не имѣющее смысла, и что Силла, отказавшись отъ диктатуры, непростительно сглуповалъ? Мѣры, принятыя имъ для того, чтобы устроить въ свою пользу народное голосованіе, назначеніе имъ консуловъ и преторовъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, распоряженіе общественною казною и доходами, довѣренное имъ своимъ вольноотпущенникамъ и рабамъ, собраніе всѣхъ почетныхъ званій на свою собственную голову, цензура подъ именемъ префектуры нравовъ, вѣчная диктатура, не мѣшавшая ему назначаться ежегодно консуломъ по выбору, наконецъ все въ его законахъ и поведеніи указывало на какой-то окончательный захватъ власти. Не принимая ни одной изъ предосторожностей, употребляемыхъ впослѣд-

ствіи Августомъ для того, чтобы скрыть размѣры своей власти, онъ какъ-будто нарочно выставлялъ ее на видъ, безъ всякой заботы о томъ, что этой откровенностью можетъ нажить себѣ враговъ. Напротивъ, по какому-то ироническому скептицизму и смѣлой дерзости знатнаго вельможи, онъ любилъ оскорблять фанатическихъ приверженцевъ старинныхъ обычаевъ. Онъ улыбался, видя изумленіе жрецовъ и авгуровъ, когда при всемъ сенатѣ онъ осмѣливался отрицать боговъ, и тѣшился смущеніемъ этихъ стариковъ формалистовъ, суевѣрныхъ хранителей древнихъ обрядовъ. Кромѣ того, такъ какъ онъ выше всего любилъ удовольствія, то власть нравилась ему не только сама по себѣ, но еще и потому, что ею можно было наслаждаться; онъ не довольствовался существенною стороной верховенства, ему нужна была и его внѣшность, окружающій его блескъ, требуемыя имъ почести, возвышающая его пышность и даже имя его обозначающее. Онъ зналъ, до какой степени страшитъ Римлянъ царскій титулъ, котораго ему такъ хотѣлось; но смѣлость его находила удовольствіе пренебрегать эти старые предразсудки, между тѣмъ какъ его искренность почитала болѣе честнымъ называть настоящимъ именемъ ту власть, которою онъ пользовался. Благодаря такому поведенію Цезаря, не осталось ровно ничего неразъясненнаго; оно не допускало больше никакихъ иллюзій и недоразумѣній. Вопросъ былъ поставленъ теперь не между честолюбіями двухъ соперниковъ, какъ во время Фарсальской битвы, но между двумя противоположными правительствами. Мнѣнія, какъ это обыкновенно бываетъ, точнѣе опредѣлились одно другимъ, и громко высказываемое Цезаремъ намѣреніе создать монархію привело къ образованію большой республиканской партіи.

Какимъ образомъ самые смѣлые и рьяные въ этой партіи вздумали соединиться и организоваться? Какимъ образомъ, переходя отъ одной довѣренности къ другой, они составили заговоръ на жизнь диктатора? Этого нельзя хорошо узнать. Но кажется, что первая мысль о заговорѣ возникла одновременно въ двухъ совершенно противуположныхъ лагеряхъ, а именно, между побѣжденными при Фарсалѣ и, что гораздо удивительнѣе, между самими полководцами Цезаря. Вѣроятно эти два заговора были сначала отдѣльны другъ отъ друга, и каждый изъ нихъ дѣйствовалъ за свой счетъ: между тѣмъ какъ Кассій намѣревался убить Цезаря на берегахъ Кидна, Требоній чуть не умертвилъ его въ Нарбоннѣ. Впослѣдствіи оба заговора, неизвѣстно, какимъ образомъ, соединились между собою.

Каждая партія прежде всего отыскиваетъ себѣ вождя. Еслибы захотѣли продолжать преданія послѣдней войны, то глава былъ налицо: у Помпея оставался сынъ, Секстъ, какимъ-то чудомъ спасшійся во время Фарсальской и Мундской битвъ и пережившій всѣхъ своихъ. Побѣжденный, но не павшій духомъ, онъ бродилъ въ горахъ и по берегамъ рѣкъ, становясь поочередно то искуснымъ партизаномъ, то смѣлымъ морскимъ разбойникомъ, и упорные помпеянцы собирались вокругъ него. Но теперь никто не хотѣлъ уже быть помпеянцемъ. Желали имѣть главою человѣка, который былъ-бы не именемъ, а принципомъ, и служилъ-бы представителемъ республики и свободы безъ всякой личной задней мысли. Своею жизнью, нравами и характеромъ онъ долженъ былъ составлять полную противуположность съ тѣмъ правительствомъ, на которое собирались напасть. Онъ долженъ былъ быть честенъ, такъ какъ власть была испорчена, безкорыстенъ, чтобы протестовать этимъ самымъ противъ окружавшей Цезаря ненасытной корысти, уже на столько славенъ, чтобы различные элементы, составлявшіе партію, поддавались этому непремѣнно еще молодому человѣку, такъ какъ былъ необходимъ внезапный и рѣшительный ударъ. Только одинъ человѣкъ соединялъ въ себѣ всѣ эти качества: это былъ Брутъ. Потому-то взоры всѣхъ и обратились на него. Общественный голосъ называлъ его вождемъ республиканской партіи еще въ то время, какъ онъ былъ другомъ Цезаря. Когда первые заговорщики набирали со всѣхъ сторонъ участниковъ, имъ постоянно отвѣчали одно и то же: «Мы пристанемъ къ вамъ, если насъ поведетъ Брутъ.» Самъ Цезарь, не смотря на свое довѣріе и дружбу къ нему, какъ-бы предчувствовалъ иногда, откуда ему грозитъ опасность. Однажды, когда его пугали неудовольствіемъ и угрозами Антонія и Долабеллы, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, этихъ развратниковъ опасаться нечего: опасны блѣдные и худые.» Ему хотѣлось особенно указать на Брута.

Къ этому давленію со стороны общественнаго мнѣнія, располагавшаго Брутомъ и назначавшаго ему мѣсто безъ его согласія, надо было прибавить еще болѣе опредѣленныя побужденія, которыя заставили-бы его рѣшиться, и шли къ нему со всѣхъ сторонъ. Мнѣ незачѣмъ напоминать о запискахъ, которыя онъ находилъ у себя на трибу-

налѣ, о надписяхъ, помѣщаемыхъ подъ статуею его предка, [1]) и прочихъ ловкихъ продѣлкахъ, такъ хорошо разсказанныхъ Плутархомъ. Но никто такъ не способствовалъ людямъ, желавшимъ сдѣлать Брута заговорщикомъ, какъ Цицеронъ, хотя онъ ихъ вовсе не зналъ. Письма его показываютъ намъ его тогдашнее настроеніе. Въ нихъ съ особенной живостью выражается досада, гнѣвъ и сожалѣніе объ утраченной свободѣ. «Мнѣ стыдно быть рабомъ,» [2]) пишетъ онъ однажды Кассію, не подозрѣвая, что въ эту самую минуту Кассій изыскиваетъ въ тиши способы освободиться отъ рабства. Невозможно, чтобы чувства эти не прорывались у Цицерона въ издаваемыхъ имъ въ ту пору книгахъ. Мы находимъ ихъ тамъ въ настоящее время и при спокойномъ чтеніи; тѣмъ болѣе ихъ должны были видѣть тогда, когда эти книги комментировались ненавистью и читались глазами, изорчавшимися отъ страсти. Сколько тамъ подмѣчалось уже неуловимыхъ для насъ теперь эпиграммъ! Сколько колкихъ и горькихъ словъ, незамѣчаемыхъ нами нынѣ, съ восторгомъ уловлялось и лукаво повторялось тогда въ разговорахъ, терзавшихъ властелина и его друзей. Цицеронъ остроумно называлъ это «укусами свободы, которая никогда такъ хорошо не рветъ зубами, какъ побывъ нѣкоторое время въ намордникѣ.» [3]) При небольшомъ стараніи можно было вездѣ найти намеки. Если авторъ говорилъ съ такимъ восхищеніемъ о древнемъ краснорѣчіи, то это вѣдь для того, чтобы пристыдить свой пустынный форумъ и нѣмой сенатъ; о старомъ порядкѣ вспоминалось для того, чтобы такимъ образомъ нападать на новый, и похвала умершимъ дѣлалась сатирою на живыхъ. Цицеронъ вполнѣ понималъ все значеніе своихъ книгъ, когда впослѣдствіи говорилъ: «Онѣ были для меня какъ-бы сенатомъ или трибуною, откуда я могъ говорить.» [4]) Ничто такъ сильно не раздражало общественнаго мнѣнія, не возбуждало въ сердцахъ сожалѣнія о прошломъ и отвращенія къ настоящему, словомъ, ничто такъ не подготовило послѣдующихъ событій, какъ его книги.

[1]) Прибѣгавщіе къ этимъ уловкамъ знали, что они касаются самой чувствительной струны Брута. Происхожденіе его отъ изгонщика царей было подъ большимъ сомнѣніемъ; но чѣмъ больше оно считалось сомнительнымъ, тѣмъ сильнѣе онъ старался утвердить его. Сказать ему: „Нѣтъ ты не Брутъ,“ значило заставить его исполнить свою обязанность или подзадорить его къ тому, чтобы онъ доказалъ свое происхожденіе на дѣлѣ.

[2]) Ad fam., XV, 18.

[3]) De Offic., II, 7.

[4]) De Divin., II, 2.

На Брута чтеніе писаній Цицерона должно было производить болѣе глубокое впечатлѣніе, чѣмъ на другихъ: они посвящались его имени и для него собственно писались. Хотя и предназначенныя дѣйствовать на всю публику, они заключали въ себѣ нѣкоторыя части, обращенныя наиболѣе къ нему. Цицеронъ старался не только пробудить его патріотическія чувства, но еще пробуждалъ въ немъ воспоминанія и надежды молодости. Съ коварной ловкостью онъ затрогивалъ даже его тщеславіе, указывая ему на то, какое важное мѣсто онъ могъ-бы занимать при возстановленіи прежняго правительства. «О Брутъ, говорилъ онъ, я чувствую, что горесть моя возрастаетъ при взглядѣ на тебя и при той мысли, что именно когда твоя юность неудержимо порывалась къ славѣ, ты былъ внезапно остановленъ на этомъ пути несчастною судьбою республики. Вотъ предметъ моей горести и причина заботъ моихъ и Аттика, раздѣляющаго со мною уваженіе и любовь къ тебѣ. Ты—единственный предметъ нашихъ интересовъ, и намъ хочется, чтобы ты пожалъ плоды своей добродѣтели; душевно желаемъ, чтобы республиканское государство позволило тебѣ когда-нибудь воскресить и еще увеличить славу двухъ знаменитыхъ домовъ, которыхъ ты представитель. Тебѣ слѣдовало-бы быть господиномъ на форумѣ и властвовать тамъ безраздѣльно; вотъ почему мы и огорчаемся вдвойнѣ тѣмъ, что республика потеряна для тебя, а ты— для республики.» [1]) Понятно, что подобныя сожалѣнія, да еще выраженныя такимъ образомъ, въ которыхъ частный интересъ смѣшивался съ общественнымъ, сильно волновали Брута. Антоній не вполнѣ ошибался, виня Цицерона за соучастіе въ смерти Цезаря. Если онъ не самъ нанесъ ударъ, то вооружилъ руки, нанесшія его, и заговорщики были совершенно правы, когда, вышедши изъ сената послѣ мартовскихъ идъ, они призывали Цицерона, потрясая своими окровавленными кинжалами.

Къ этимъ внѣшнимъ возбужденіямъ присоединились другія еще сильнѣйшія, встрѣчаемыя Брутомъ у себя дома. Мать всегда пользовалась своимъ вліяніемъ на него, чтобы сблизить его съ Це-

[1]) Brut., 97.

заремъ; но именно въ этотъ критическій часъ власть Сервиліи уменьшилась вслѣдствіе женитьбы Брута на своей двоюродной сестрѣ, Порціи. Дочь Катона и вдова Бибула, Порція вносила въ свой новый домъ всѣ страсти своего отца и своего перваго мужа, и главнымъ образомъ ненависть къ Цезарю, причинившему всѣ ея несчастія. Едва она вступила въ эту семью, какъ уже начались несогласія между ею и ея свекровью. Цицеронъ, сообщающій намъ это, не объясняетъ однако ихъ причинъ; но ничуть не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что эти двѣ женщины оспоривали другъ у друга расположеніе Брута и хотѣли господствовать надъ нимъ, чтобы увлекать его каждая по своему направленію. Вѣроятно, вліяніе Сервиліи уменьшилось отчасти вслѣдствіе этихъ домашнихъ раздоровъ, и голосъ ея, побѣжденный совѣтами новой и любимой супруги, не имѣлъ уже прежняго вѣса, когда она говорила за Цезаря.

Итакъ, все соединилось вмѣстѣ, чтобы увлечь Брута. Представьте себѣ этого слабаго и боязливаго человѣка, осажденнаго со всѣхъ сторонъ разомъ вызовами общественнаго мнѣнія, воспоминаніями прошлаго, преданіями своей семьи, самымъ именемъ, которое онъ носилъ, тайными упреками, подкладываемыми ему подъ руки и бросаемыми подъ ноги, безпрестанно поражавшими его невнимательные взоры и разсѣянный слухъ, и наконецъ находящаго у себя дома тѣ же воспоминанія и упреки въ формѣ очень законной горести и трогательнаго сожалѣнія. Развѣ онъ не долженъ былъ уступить наконецъ этимъ ежедневнымъ нападкамъ? Однако очень можетъ быть, что прежде чѣмъ сдаться, онъ сопротивлялся и выдерживалъ сильную борьбу въ тѣ безсонныя ночи, о которыхъ говоритъ Плутархъ; но такъ какъ подобныя внутреннія борьбы никому не довѣряются, то онѣ и не оставили по себѣ никакого слѣда у историковъ. Если кто хочетъ знать ихъ, тому ничего больше не остается, какъ попытать, не отыщется ли хоть отдаленное воспоминаніе о нихъ въ письмахъ Брута, написанныхъ имъ впослѣдствіи и дошедшихъ до насъ. Такъ мы видимъ, что онъ возвращается здѣсь два раза къ одной и той-же мысли: «Предки наши полагали, что мы не должны терпѣть тирана, еслибъ онъ былъ даже нашъ отецъ... [1]) Имѣть больше власти, нежели законы и сенатъ, этого права я не призналъ-бы даже и за отцомъ своимъ» [2]). Не было ли это его отвѣтомъ самому себѣ всякій

[1]) Epist. Brut., I, 17.
[2]) Epist. Brut., I, 16.

разъ, когда онъ чувствовалъ себя смущеннымъ воспоминаніемъ объ отеческой привязанности къ нему Цезаря, и о томъ, что этотъ человѣкъ, противъ котораго онъ вооружался, называлъ его своимъ сыномъ? Что касается полученныхъ или ожидаемыхъ отъ него милостей, онѣ могли-бы обезоружить другого человѣка; онъ-же укрѣплялъ и закалялъ себя противъ нихъ. «Нѣтъ на столько выгоднаго рабства, говорилъ онъ, чтобы принудить меня разстаться съ намѣреніемъ быть свободнымъ» [1]). Этимъ самымъ онъ защищался противъ друзей диктатора и, можетъ быть, противъ своей матери, когда та, желая ослѣпить его, говорила ему, что согласись онъ терпѣть царскую власть Цезаря, то можетъ надѣяться раздѣлить ее. Но онъ былъ не таковъ, чтобы заплатить своей свободою за право господствовать надъ другими; такая сдѣлка показалась-бы ему невыгодной. «Лучше ни надъ кѣмъ не властвовать, писалъ онъ гдѣ-то, нежели быть чьимъ-бы то ни было рабомъ. Можно жить не властвуя, но нѣтъ больше причины жить, когда сдѣлаешься рабомъ» [2]).

Среди всѣхъ этихъ никому невѣдомыхъ тревогъ, произошло одно событіе, очень удивившее публику, и которое Цицеронъ передаетъ въ своихъ письмахъ безъ всякаго объясненія. Когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Цезарь, побѣдитель сыновей Помпея, возвращался въ Римъ, Брутъ проявилъ столько поспѣшности выйти ему на встрѣчу, что это всѣ замѣтили и многіе осуждали. Каковъ-же былъ его умыселъ? Его можно угадать изъ нѣсколькихъ словъ Цицерона, на которыя не было обращено достаточно вниманія. Въ минуту, передъ принятіемъ крайняго рѣшенья, Брутъ хотѣлъ сдѣлать послѣднее усиліе надъ умомъ Цезаря и попытаться въ послѣдній разъ приблизить его къ республикѣ. Онъ, нарочно хвалилъ передъ нимъ людей изъ побѣжденной партіи, особенно Цицерона, въ той надеждѣ, что ихъ, быть можетъ, снова призовутъ къ дѣламъ. Цезарь благосклонно выслушалъ эти похвалы, хорошо принялъ Брута и не слишкомъ обезотваживалъ его. Легко всему вѣрившій Брутъ поспѣшилъ вернуться въ Римъ и возвѣстить всѣмъ, что Цезарь возвращается къ честнымъ людямъ. Онъ дошелъ даже до того, что уговаривалъ Цицерона написать къ

[1]) Epist. Brut., I, 17.
[2]) Квинт., I, X, 3.

диктатору политическое письмо и помѣстить тамъ нѣсколько добрыхъ совѣтовъ и любезностей; но Цицеронъ не раздѣлялъ надеждъ своего друга и послѣ нѣкоторыхъ колебаній отказался писать. Впрочемъ Брутъ обманывался не долго. Антоній предупредилъ его у Цезаря. Антонію, своими безумствами нарушившему спокойствіе Рима, во многомъ, слѣдовало бы просить себѣ прощенія, но онъ зналъ, какимъ средствомъ его можно достигнуть. Между тѣмъ какъ Брутъ старался сблизить Цезаря съ республиканцами и воображалъ себѣ, будто успѣлъ въ этомъ, Антоній, желая склонить къ себѣ властелина, льстилъ самымъ завѣтнымъ его желаніямъ и, вѣроятно, манилъ его блескомъ столь желанной имъ короны. Сцена луперкалій ясно доказала, что Антоній одержалъ верхъ, и Брутъ не могъ больше сомнѣваться въ намѣреніяхъ Цезаря. Правда, что планъ Антонія не удался на этотъ разъ: крики толпы и оппозиція двухъ трибуновъ принудили Цезаря отказаться отъ предлагаемой ему діадемы; но всѣ знали, что эта неудача не обезотважила его вконецъ. Случай былъ отложенъ только на время и долженъ былъ представиться опять. По поводу войны съ Парѳянами затѣяли принести въ сенатъ старый сивиллинскій оракулъ, гласившій, что Парѳяне будутъ побѣждены только царемъ, и требовать этого титула для Цезаря. Въ сенатѣ-же было слишкомъ много иностранцевъ и подлецовъ, чтобы можно было сомнѣваться въ отвѣтѣ. Этотъ самый моментъ Кассій выбралъ для того, чтобы открыть Бруту составлявшійся заговоръ и сдѣлать его главою.

Кассій, чье имя съ этѣхъ поръ уже неразлучно съ именемъ Брута, представлялъ собою совершенную противуположность съ нимъ. Онъ заслужилъ большую воинскую славу, спасши остатки арміи Красса и прогнавъ Парѳянъ изъ Сиріи; но въ то-же время его обвиняли въ страсти къ удовольствіямъ, въ томъ, что онъ эпикуреецъ и въ теоріи, и на практикѣ, жадно любитъ власть и неразборчивъ къ средствамъ ея пріобрѣтенія. Подобно всѣмъ почти проконсуламъ, онъ ограбилъ управляемую имъ провинцію; говорили, что Сиріи нелегче было оттого, что онъ спасъ ее, и что она, пожалуй, предпочла-бы попасть въ руки Парѳянъ. Кассій былъ желченъ въ своихъ насмѣшкахъ, неровенъ въ обращеніи, вспыльчивъ, подъ часъ жестокъ, [1]) и, конечно, не почувствовалъ-бы отвращенія

[1]) Слѣдуетъ однако замѣтить, что въ корреспонденціи Цицерона находится

къ убійству; но откуда у него возникла мысль убить Цезаря? Плутархъ говоритъ, будто она явилась у него съ досады на то, что онъ не получилъ городской претуры, пожалованной диктаторомъ Бруту, и ничто, дѣйствительно, не мѣшаетъ думать, что личныя неудовольствія ожесточили эту бѣшеную душу. Впрочемъ, еслибы Кассію приходилось мстить только за эту обиду, онъ по всей вѣроятности не вступилъ бы въ соглашеніе съ тѣмъ, кто въ ней участвовалъ и воспользовался ею. У него было много другихъ причинъ ненавидѣть Цезаря. Аристократъ по рожденію и по страсти, онъ носилъ въ своемъ сердцѣ всю ненависть побѣжденной аристократіи; ему нужна была кровавая расправа за пораженіе людей его касты; самое прощеніе, дарованное Цезаремъ, не погасило въ немъ гнѣва, возникавшаго при видѣ ея угнетенія. Итакъ, между тѣмъ какъ Брутъ старался быть человѣкомъ принципа, Кассій открыто заявлялъ себя человѣкомъ партіи. Кажется, онъ издавна питалъ мысль отмстить за Фарсалу убійствомъ. По крайней мѣрѣ Цицеронъ разсказываетъ, что лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ полученія имъ прощенія онъ поджидалъ Цезаря на одномъ изъ береговъ Кидна, намѣреваясь убить его, и что Цезарь спасся лишь потому, что случайно высадился на другой берегъ. Въ Римѣ, не смотря на всѣ получаемыя имъ милости, онъ снова принялся за свой планъ. Онъ устроилъ заговоръ, разъискивалъ недовольныхъ, собиралъ ихъ на тайныя совѣщанія и видя, что всѣ желаютъ имѣть главою Брута, взялся переговорить съ нимъ.

Они еще были въ ссорѣ между собою изъ-за соперничества при выборѣ на должность городскаго претора. Кассій отложилъ въ сторону всякія неудовольствія и отправился къ своему зятю. «Онъ взялъ его за руку, повѣствуетъ Аппіанъ, и сказалъ ему: Что намъ дѣлать, если льстецы Цезаря предложатъ его въ цари? Брутъ отвѣчалъ, что онъ разсчитываетъ не идти въ сенатъ.—Но какъже? возразилъ Кассій. Если насъ потребуютъ туда въ качествѣ преторовъ, чтожь мы будемъ дѣлать?—Я буду защищать республику до самой смерти, отвѣчалъ тотъ.—Такъ не возьмешь-ли ты себѣ въ сообщники еще нѣсколько сенаторовъ? спросилъ Кассій, обнимая его. Какъ ты думаешь, кто пишетъ тѣ надписи, что ты находишь

нѣсколько писемъ Кассія, изъ которыхъ иныя остроумны и очень веселы. Въ нихъ встрѣчаются даже каламбуры. (Ad fam., XV, 19).

на своемъ судейскомъ мѣстѣ: презрѣнные наемники или первѣйшi граждане Рима? Отъ другихъ преторовъ ожидаютъ игръ, ристалищъ и охотъ; отъ тебя требуютъ только, чтобы ты возвратилъ Риму его свободу, какъ сдѣлали это твои предки» [1]). Слова эти окончательно побѣдили душу, уже давно тревожимую столькими тайными и явными просьбами. Еще колеблющаяся, но уже почти сдавшаяся, она, чтобы окончательно рѣшиться, ожидала только какого-нибудь твердо-установленнаго плана.

Наконецъ у заговора былъ глава. Нечего было еще сомнѣваться и ждать. Чтобы избѣжать нескромностей или слабостей, надо было спѣшить дѣломъ. Кассій открылъ заговоръ Бруту вскорѣ послѣ праздника луперкалій, отправляемаго 15 февраля, и менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ того, 15 марта, Цезарь былъ убитъ въ куріи Помпея.

IV.

Брутъ былъ дѣйствительно главою заговора, хотя первая мысль о немъ принадлежала не ему. Онъ былъ составленъ Кассіемъ, и тотъ одинъ могъ оспоривать у него право управлять имъ. Быть можетъ, онъ нѣкоторое время и имѣлъ это намѣреніе. Мы видимъ, что сначала онъ предложилъ планъ дѣйствій, въ которомъ обнаруживается вся рьяность его характера. Онъ хотѣлъ, чтобы вмѣстѣ съ Цезаремъ были убиты его главные друзья, особенно Антоній. Брутъ отказался отъ этого, и прочіе заговорщики раздѣлили его мнѣніе. Подъ-конецъ сдался и самъ Кассій, причемъ надо замѣтить, что, не смотря на всю свою гордость и властолюбіе, онъ также подчинился вліянію Брута. Нѣсколько разъ онъ пытался избавиться отъ него, но послѣ многихъ вспышекъ и угрозъ чувствовалъ себя обыкновенно побѣжденнымъ холодною разсудительностью своего друга: итакъ, на дѣлѣ всѣмъ предпріятіемъ руководилъ Брутъ.

Это очень замѣтно: въ самомъ способѣ вести дѣло и въ исполненіи ясно отражается его характеръ и складъ ума. Мы имѣемъ здѣсь передъ собою не обыкновенный заговоръ и не заговорщиковъ

---

1) De bell. civ., II, 113.—Плутархъ разсказываетъ то же самое и почти въ тѣхъ же словахъ.

по ремеслу, сплошь и рядомъ людей очень грубыхъ и на все готовыхъ. Но это и не какіе-нибудь честолюбцы, завидующіе богатству и почестямъ другого, ни даже безумцы, доходящіе до бѣшенства вслѣдствіе политической ненависти. Эти чувства существовали, вѣроятно, въ сердцахъ многихъ заговорщиковъ, какъ говорятъ историки, но Брутъ принудилъ скрыть ихъ. Онъ желалъ окончить свое дѣло съ нѣкотораго рода спокойнымъ достоинствомъ. Онъ былъ вѣдь только противъ системы; чтожь касается самого человѣка, онъ не питаетъ къ нему, повидимому, ни малѣйшей ненависти. Сразивъ его, онъ его не оскорбляетъ; не смотря на множество заявленій неудовольствія, онъ позволяетъ устроить ему похороны и прочесть народу его завѣщаніе. Прежде всего онъ заботится о томъ, чтобы никто не подумалъ, будто онъ старается для себя или для своихъ; онъ хочетъ избѣгнуть всякаго подозрѣнія въ личномъ честолюбіи и въ желаніи дѣйствовать въ интересѣ партіи. Таковъ былъ этотъ заговоръ, въ которомъ принимало участіе столько людей совершенно различнаго характера, но который весь былъ проникнутъ духомъ Брута. Вліяніе его и на послѣдующія событія было такъ-же велико. Онъ дѣйствовалъ вовсе не случайно, какъ его обвиняетъ въ этомъ Цицеронъ, и какъ повторяютъ всѣ; онъ впередъ начерталъ себѣ планъ дѣйствій для будущаго и имѣлъ передъ собою твердо установленную цѣль. Но, къ сожалѣнію, его планъ, задуманный въ уединеніи, вдали отъ сообщества и знанія людей, былъ неприложимъ къ дѣлу. Это было произведеніе разсуждающаго логика, который среди революціи хочетъ держать себя такъ-же, какъ и въ обычныя времена, и желающаго ввести узкое уваженіе къ законности даже въ насильственное дѣло. Онъ послѣ сознавалъ свою ошибку, и принужденъ былъ постепенно отказаться отъ всѣхъ внушеній своей совѣсти; но, не обладая гибкостью политика, умѣющаго подчиняться необходимости, онъ уступилъ слишкомъ поздно, неохотно, и безпрестанно съ сожалѣніемъ вспоминая о тѣхъ прекрасныхъ проектахъ, которые принужденъ былъ покинуть совсѣмъ. Отсюда происходили всѣ его колебанія и несообразности. Говорятъ, будто онъ проигралъ дѣло потому, что не имѣлъ напередъ составленнаго плана; я-же, напротивъ того, думаю, что если оно не удалось ему, такъ это именно потому, что онъ хотѣлъ быть слишкомъ вѣрнымъ составленному имъ химерическому плану, не смотря на всѣ уроки, данные событіями. Достаточно будетъ бѣглаго очерка фактовъ, чтобъ по-

казать, что именно это погубило его вмѣстѣ съ его партіей и сдѣлало безполезною пролитую кровь.

По умерщвленіи Цезаря заговорщики вышли изъ сената, размахивая мечами и созывая народъ. Народъ слушалъ ихъ съ удивленіемъ, безъ особеннаго гнѣва, но и безъ всякаго сочувствія. Видя себя одинокими, они поднялись въ Капитолій, гдѣ можно было защищаться, и заперлись тамъ подъ охраною нѣсколькихъ гладіаторовъ. Къ нимъ пришли сюда лишь тѣ сомнительные друзья, которыхъ всегда находятъ партіи при началѣ кажущейся удачи. Если никто не спѣшилъ примкнуть къ заговорщикамъ, тѣмъ менѣе хотѣли нападать на нихъ. Сторонники Цезаря были поражены ужасомъ. Антоній сбросилъ свою консульскую одежду и скрылся. Долабелла старался казаться веселымъ и намекалъ, что самъ принадлежитъ къ числу заговорщиковъ. Многіе спѣшили покинуть Римъ и бѣжали въ деревни. Но когда увидѣли, что все остается въ порядкѣ, и что заговорщики довольствуются только произнесеніемъ рѣчей въ Капитоліи, самые испуганные ободрились. Ужасъ, возбужденный ихъ смѣлымъ поступкомъ, уступилъ мѣсто удивленію при видѣ столь страннаго бездѣйствія. На другой же день Антоній снова облекся въ свою консульскую одежду, собралъ своихъ друзей, вооружился смѣлостью, и теперь надо было уже считаться съ нимъ.

«Они дѣйствовали, сказалъ Цицеронъ, со смѣлостью мужа и съ ребяческою осторожностью, **animo virili, consilio puerili**» [1]). Они какъ будто ничего не приготовили, ничего не предусмотрѣли. Вечеромъ мартовскихъ идъ они ожидали событій, не сдѣлавши ровно ничего для управленія ими. Было-ли это, какъ думали, непредусмотрительность и легкомысліе? Нѣтъ, то были система и явное преднамѣреніе. Брутъ присоединился къ другимъ лишь для того, чтобы освободить республику отъ человѣка, нарушавшаго правильный ходъ законныхъ учрежденій. По смерти его, народъ получалъ обратно свои права и могъ свободно располагать ими. Оставить за собою хоть на одинъ день власть, отнятую у Цезаря, значило возбудить противъ себя подозрѣніе въ своекорыстіи дѣйствій. А готовить напередъ декреты или законы, условливаться о будущемъ, избирать средства для того, чтобы дать дѣламъ желаемое направленіе, не значило-ли это брать на себя нѣкоторымъ образомъ роль всей рес-

---

[1]) **Ad Att.**, XV, 4.

публики? Чтожь иное дѣлалъ Цезарь? Итакъ, чтобъ не явиться подражателями и дѣйствовавшими только изъ-за соперничества честолюбій, заговорщики, тотчасъ послѣ главнаго удара, должны были прибѣгнуть къ отреченію. Вотъ, чѣмъ, на мой взглядъ, можно объяснить ихъ поступки. По какому-то странному чувству безкорыстія и законности они добровольно оставались безоружными. Они какъ-бы гордились тѣмъ, что сошлись между собою только для убійства Цезаря. Совершивъ это дѣло, они должны были возвратить народу распоряженіе его дѣлами и выборъ себѣ правительства, предоставляя на его волю выразить свою благодарность тѣмъ, кто освободилъ его или, пожалуй, отплатить имъ забвеніемъ.

Здѣсь именно и начинался ихъ самообманъ: они думали, что между народомъ и свободою былъ только одинъ Цезарь, и какъ скоро его не станетъ, то свобода непремѣнно тотчасъ-же возродится; но въ тотъ день, когда они призвали гражданъ принять обратно свои права, никто не отвѣчалъ имъ, да никто и не могъ отвѣчать, такъ какъ гражданъ больше не существовало. «Уже съ давнихъ поръ, говоритъ по этому случаю Аппіанъ, римскій народъ былъ не болѣе, какъ смѣсь всякихъ націй. Вольноотпущенные перемѣшивались тамъ съ гражданами, рабъ ничѣмъ больше не отличался отъ своего господина. Наконецъ, производимыя въ Римѣ раздачи хлѣба привлекали туда нищихъ, лѣнтяевъ и злодѣевъ со всей Италіи» [1]). Это космополитское населеніе безъ прошлаго и безъ преданій было уже вовсе не римскій народъ. Зло это шло изстари, и проницательные умы должны были-бы уже давно открыть его. Цицерону это иногда какъ будто приходитъ въ голову, особенно, когда онъ видитъ, какъ легко торгуютъ голосами на выборахъ. Тѣмъ не менѣе все еще, повидимому, шло правильно, дѣла и вещи слѣдовали данному имъ однажды движенію. При подобномъ состояніи, когда государство движется только ужь по привычкѣ, — все гибнетъ, если это движеніе разъ остановится. А со смертью Цезаря старыя колеса перестали дѣйствовать. Перерывъ былъ непродолжителенъ, но машина находилась уже въ такомъ разстройствѣ, что остановившись она рухнула со всѣхъ сторонъ. Такимъ образомъ заговорщики не могли возсоздать даже того, что существовало передъ междоусобной войною, такъ что и эта

---

[1]) **De Bell. civ.**, II, 120.

послѣдняя тѣнь республики, при всемъ несовершенствѣ своемъ, была утрачена на вѣкъ.

Вотъ, почему ихъ никто не слушалъ и никто за ними не пошелъ. При видѣ этой равнодушной толпы, въ этомъ Капитоліи, гдѣ ихъ оставляли однихъ, вѣроятно, не одинъ изъ нихъ упалъ духомъ. Больше всѣхъ огорчался Цицеронъ, видя, что тамъ произносятся только прекрасныя рѣчи. Онъ хотѣлъ, чтобъ они дѣйствовали, чтобы они пользовались минутою, чтобъ они умерли, если это нужно: «Развѣ смерть не была-бы прекрасною въ такой великій день?» Этотъ обыкновенно нерѣшительный старикъ чувствовалъ въ себѣ о ту пору больше рѣшимости, чѣмъ всѣ эти молодые люди, только что нанесшіе такой смѣлый ударъ. А между тѣмъ что-же онъ предлагалъ въ концѣ концовъ? «Надо еще возбудить народъ», говорилъ онъ. Мы видѣли сейчасъ, могъ-ли народъ отвѣчать. «Надо было созвать сенатъ и воспользоваться его испугомъ для того, чтобы исторгнуть у него благопріятные декреты» [1]). Вѣроятно, сенатъ утвердилъ-бы все, что они пожелаютъ; но когда декреты будутъ изданы, какъ ихъ привести въ исполненіе? Всѣ эти проекты были недостаточны, и невозможно было предложить болѣе полезныхъ людямъ, рѣшившимся не выходить изъ предѣловъ законности. Оставалось одно средство, —смѣло захватить власть, сохранять ее съ помощью насилія и беззаконности, не отступая даже передъ проскрипціей, противупоставить только что разрушенной народной тираніи аристократическую диктатуру,—словомъ, возобновить образъ дѣйствій Силлы. Кассій, быть можетъ, и поступилъ-бы такъ; но Брутъ ужасался насилія. Съ какой-бы стороны ни шла тираннія, она казалась ему преступленіемъ, онъ предпочелъ-бы погибнуть вмѣстѣ съ республикою, нежели спасти ее этими средствами.

Слѣдовавшіе затѣмъ нѣсколько дней прошли въ странныхъ передрягахъ. Настало какое-то междуцарствіе, впродолженіе котораго партіи мѣрились между собою силами съ различнымъ успѣхомъ. Народъ не послѣдовалъ за заговорщиками, но не болѣе поддерживалъ и ихъ враговъ. Не зная, на что опереться, обѣ стороны дѣйствовали наудачу. Отсюда происходили разныя противорѣчія и неожиданности. Сегодня провозглашали амнистію, и Брутъ отправлялся обѣдать къ Лепиду, на другой день поджигали дома заговорщиковъ. Уничтоживъ

[1]) Ad Att., XIV, 10 и XV, 11.

диктатуру, утверждали акты диктатора. Друзья Цезаря воздвигли ему колонну и алтарь на форумѣ; одинъ другъ его приказалъ разрушить ихъ. И вотъ среди такого затруднительнаго положенія, когда обѣ партіи бродили въ нерѣшимости и ощупью, не отваживаясь ни на какой смѣлый шагъ, когда каждый искалъ вокругъ себя, гдѣ находится сила, въ это время явились тѣ, которые впослѣдствіи должны были сдѣлаться владыками.

Уже издавна въ Римѣ совершался тайный переворотъ, котораго никто не замѣчалъ, такъ какъ успѣхи его были медленны и постепенны, но который, дойдя до конца, измѣнилъ форму государства. Пока сражались только у воротъ Рима и въ Италіи, походы бывали непродолжительны. Гражданамъ некогда было терять въ лагеряхъ преданій гражданской жизни; въ то время не было еще ни солдатъ по ремеслу, ни полководцевъ по профессіи. Но по мѣрѣ того какъ войны становились болѣе отдаленными и продолжительными, ведшіе ихъ люди привыкли жить въ-дали отъ Рима. Они столь на долго теряли изъ виду форумъ, что позабывали его страсти и привычки. Въ то же время вмѣстѣ съ распространеніемъ гражданскаго права легіоны открывались для людей всѣхъ странъ. Такое смѣшеніе окончательно ослабило связь, соединявшую солдата съ городомъ; онъ привыкъ разобщать себя отъ него, имѣть свои отдѣльные интересы и смотрѣть на лагерь, какъ на свое отечество. Послѣ великой Галльской войны, продолжавшейся десять лѣтъ, ветераны Цезаря уже не помнили того, что они граждане, и въ воспоминаніяхъ своихъ не восходили далѣе Аріовиста и Верцингеторикса. Когда ихъ пришлось наградить, Цезарь, никогда не бывшій неблагодарнымъ, роздалъ имъ самыя лучшія земли Италіи; и эта раздача совершена при новыхъ условіяхъ. До тѣхъ поръ солдаты по окончаніи войны возвращались въ массу народа; если ихъ посылали въ какую-нибудь колонію, они тамъ какъ-бы затеривались и поглощались среди прочихъ гражданъ; теперь-же они прямо перешли изъ лагеря на дарованныя имъ земли, и такимъ образомъ въ нихъ сохранился военный духъ. Такъ какъ они были не слишкомъ удалены другъ отъ друга и могли видаться между собою, то не утратили вполнѣ своей любви къ жизни полной приключеній. «Они сравнивали, говоритъ Аппіанъ, трудныя земледѣльческія работы съ блестящими и прибыльными случайностями битвъ» [1]). Итакъ, они составляли внутри Ита-

[1]) De Bell. Civ., III, 42.

ліи цѣлое военное населеніе, прислушивающееся ко всѣмъ военнымъ новостямъ и готовое подняться по первому призыву

Именно въ это время ихъ было еще очень много въ Римѣ, гдѣ они дожидались раздачи земель отъ Цезаря. Другіе находились поблизости въ Кампаніи, занятые своимъ устройствомъ, и первыя хлопоты новоселья уже успѣли имъ, быть можетъ, опротивѣть. Многіе изъ нихъ вернулись въ Римъ, услышавъ о томъ что случилось остальные, прежде чѣмъ рѣшиться, дожидались, чтобы имъ дорого заплатили, и пускали себя на публичный торгъ. Правда, что въ покупщикахъ недостатка не было. Наслѣдство великаго диктатора соблазняло всѣхъ. Благодаря этимъ солдатамъ, готовымъ продать свои услуги, каждый изъ соискателей могъ имѣть сторонниковъ и надежду на успѣхъ. Антоній господствовалъ надъ всѣми ими блескомъ своего консульскаго имени и воспоминаніемъ своей дружбы съ Цезаремъ; но на ряду съ нимъ стояли развратный Долабелла, подававшій надежду всѣмъ партіямъ, и молодой Октавій, пріѣхавшій изъ Эпира для полученія наслѣдства своего дяди. Даже неспособный Лепидъ сумѣлъ расположить въ свою пользу нѣсколько легіоновъ и также фигурировалъ между этими честолюбцами. И вотъ всѣ они, окруженные закупленными солдатами, и обладая значительными провинціями, съ недовѣріемъ наблюдали другъ за другомъ, пока настанетъ минута начать бой.

Что дѣлалъ въ это время Брутъ? Такъ какъ случай мартовскихъ идъ былъ упущенъ, онъ еще могъ воспользоваться раздорами цезаріанцевъ, чтобы броситься на нихъ и раздавить ихъ. Рѣшительные люди изъ его партіи совѣтовали ему попытать это и призвать къ оружію всю молодежь Италіи и провинцій, которая торжествовала при извѣстіи о смерти Цезаря; но Брутъ ненавидѣлъ междоусобіе и не могъ рѣшиться подать къ нему новый сигналъ. Вообразивъ себѣ, что народъ поспѣшитъ принять возвращаемую ему свободу, онъ ожидалъ, что возстановленіе республики произойдетъ безъ всякаго насилія. Одна иллюзія вела за собой другую, и онъ думалъ, что ударъ кинжала, повлекшій за собою страшную двѣнадцатилѣтнюю войну, навсегда упрочитъ общественное спокойствіе. Именно съ этой увѣренностью, выйдя изъ куріи Помпея, гдѣ только-что убилъ Цезаря, онъ бѣгалъ по улицамъ Рима и кричалъ: «Миръ! Миръ!» Это слово сдѣлалось въ этихъ поръ его девизомъ. Когда его друзья, узнавши объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергался, явились на его защиту изъ со-

сѣднихъ муниципій, онъ отослалъ ихъ назадъ. Онъ лучше хотѣлъ сидѣть запершись дома, нежели подавать предлогъ къ зачину насилій. Принужденный оставить Римъ, онъ еще скрывался нѣкоторое время въ сосѣднихъ садахъ, тревожимый солдатами, выходя только по ночамъ, но все поджидая великаго народнаго движенія, на которое упорно разсчитывалъ. Никто не шевельнулся. Онъ уѣхалъ еще дальше и пріютился въ своихъ виллахъ въ Ланувіумѣ и въ Анціумѣ. Отсюда онъ слышалъ военный шумъ, оглашавшій Италію, и видѣлъ, что всѣ партіи готовятся къ битвѣ. Только онъ одинъ продолжалъ стоять на своемъ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ онъ уклонялся отъ ужасной необходимости, съ каждымъ днемъ становившейся все болѣе и болѣе неизбѣжною. Онъ не рѣшался допустить ее и совѣтовался со всѣми. Въ своихъ письмахъ [1]) Цицеронъ разсказываетъ даже о нѣкотораго рода совѣтѣ, собиравшемся въ Анціумѣ для опредѣленія того, что надобно дѣлать. На немъ присутствовали Сервилія съ Порціей, Брутъ и Кассій, да было приглашено нѣсколько самыхъ вѣрныхъ друзей, въ томъ числѣ Фавоній и Цицеронъ. Сервилія, заботившаяся больше о безопасности, нежели о чести своего сына, желала, чтобы онъ удалился. Она выпросила у Антонія, оставшагося ея другомъ, для своего сына и зятя легацію, т. е. порученіе закупить хлѣба въ Сициліи. То былъ благовидный и безопасный предлогъ покинуть Италію; но уѣхать съ отпускомъ, подписаннымъ Антоніемъ, принять ссылку, какъ благодѣяніе, какой позоръ! Кассій не соглашался на это, онъ горячился, негодовалъ, угрожалъ, «можно было подумать, что онъ жаждетъ только войны и ничего больше.» Напротивъ того Брутъ спокойно и покорно разспрашивалъ друзей, рѣшившись удовлетворить ихъ, еслибъ даже при этомъ ему довелось рисковать своею жизнью. Желаютъ-ли чтобъ онъ отправился въ Римъ? Онъ готовъ туда ѣхать. При этомъ предложеніи всѣ противъ него возстали. Римъ былъ полонъ опасностей для заговорщиковъ, и они не хотѣли безполезно рисковать своею послѣднею надеждой на свободу. Но чтожь оставалось дѣлать? Всѣ сходились лишь въ томъ, что горько сожалѣли о своемъ прежнемъ образѣ дѣйствій. Кассій тужилъ о томъ, что не убили Антонія, какъ онъ этого требовалъ, и Цицеронъ не возражалъ ему. Къ несчастію, подобные перекоры не вели ровно ни къ чему;

---

[1]) **Ad Att.**, XV, 11.

дѣло было не въ томъ, чтобъ жалѣть о прошломъ, наступила минута устроить будущее, а никто не зналъ, на что рѣшиться.

И послѣ этого совѣщанія Брутъ рѣшился еще не тотчасъ. Сколько было возможно, онъ и тутъ продолжалъ оставаться на своей Ланувіумской виллѣ, занимаясь подъ ея прекрасными портиками чтеніемъ и бесѣдой съ греческими философами, составлявшими его всегдашнее общество. Наконецъ надо было ѣхать. Италія становилась все менѣе и менѣе безопасною, ветераны безобразничали по дорогамъ и грабили загородные дома. Брутъ поѣхалъ въ Велію, гдѣ дожидалось нѣсколько кораблей, чтобы отвезти его въ Грецію. Онъ называлъ свой отъѣздъ ссылкою и, поддаваясь послѣдней иллюзіи, надѣялся, что это будетъ только служить сигналомъ войны. Когда Антоній обвинялъ его въ томъ, что онъ подготовилъ ее, онъ отвѣчалъ ему отъ имени Кассія и своего восхитительнымъ письмомъ, конецъ котораго мы здѣсь приводимъ: «Не льсти себя надеждою испугать насъ, страхъ ниже нашего характера. Еслибъ какія-нибудь другія причины могли внушить намъ желаніе междоусобной войны, то письмо твое не таково, чтобы уничтожить это желаніе, такъ какъ угрозы недѣйствительны надъ свободными сердцами; но ты знаешь, что мы ненавидимъ войну, что ничто не будетъ въ состояніи вовлечь насъ въ нее, и, вѣроятно, ты принимаешь угрожающій видъ для того, чтобы заставить думать, будто наше рѣшеніе было послѣдствіемъ нашего страха. Вотъ наши чувства: мы желаемъ видѣть тебя достойно живущимъ въ свободномъ государствѣ; мы не хотимъ быть тебѣ врагами, но мы больше дорожимъ свободою, нежели твоей дружбой. Итакъ, мы молимъ боговъ преподать тебѣ спасительные совѣты относительно республики и самого тебя. Иначе, желаемъ, чтобы окружающіе тебя повредили тебѣ какъ можно меньше, и чтобы Римъ былъ свободенъ и славенъ!» [1]).

Въ Веліи настигъ Брута Цицеронъ, также собиравшійся уѣхать. Унылый отъ бездѣйствія своихъ друзей, напуганный угрозами недруговъ, онъ уже пытался бѣжать въ Грецію, но былъ отброшенъ вѣтромъ къ берегамъ Италіи. Узнавши, что Брутъ хочетъ удалиться, онъ захотѣлъ еще разъ повидаться съ нимъ и, если можно, уѣхать съ нимъ вмѣстѣ. Цицеронъ часто говорилъ раздирающимъ тономъ о трогательности этого послѣдняго свиданія.

---

[1]) **Ad fam.**, **XI**, 3.

«Я видѣлъ его, разсказывалъ онъ впослѣдствіи народу, я видѣлъ, какъ онъ удалялся изъ Италіи, чтобы не возбуждать тамъ междоусобной войны. О горестное зрѣлище, говорю я, не только для людей, но даже для волнъ и береговъ. Спаситель отечества былъ принужденъ бѣжать, а погубившіе его оставались всемогущими господами.» [1]) Послѣднею мыслью Брута въ эту грустную минуту было все-таки общественное спокойствіе. Не смотря на столько разочарованій, онъ все еще разсчитывалъ на римскій народъ; ему казалось, что было недостаточно сдѣлано для возбужденія въ немъ прежняго жара, и онъ не хотѣлъ вѣрить, что нѣтъ болѣе гражданъ. Онъ уѣхалъ, сожалѣя о томъ, что не попытался прибѣгнуть къ послѣдней борьбѣ на законной почвѣ. Безъ сомнѣнія, онъ не могъ больше вернуться въ Римъ и снова появиться въ сенатѣ; но Цицеронъ былъ компрометированъ меньше его, слава его вынуждала уваженіе; всѣ любили слушать его рѣчи. Не могъ-ли онъ рискнуть на эту послѣднюю борьбу? Брутъ всегда это думалъ, а въ настоящую минуту рѣшился даже высказать. Брутъ указалъ Цицерону, какую великую обязанность надо было выполнить и какую великую роль съиграть; его совѣты, упреки и просьбы убѣдили того отказаться отъ своего путешествія и воротиться въ Римъ. Ему казалось, какъ онъ говорилъ впослѣдствіи, что его зоветъ голосъ отечества! [2]) И они разстались, чтобы уже не встрѣчаться болѣе.

Между тѣмъ, какъ Брутъ ни сопротивлялся, но неизбѣжная сила событій, съ которою онъ боролся уже цѣлые шесть мѣсяцевъ, увлекала его къ междоусобной войнѣ. Покинувъ Италію, онъ прибылъ въ Аѳины, гдѣ проводилъ время, слушая академика Ѳеомнеста и перипатетика Кратиппа. Въ подобномъ поведеніи Плутархъ видитъ искусную скрытность. «Въ-тайнѣ, говоритъ онъ, онъ подготовлялъ войну.» Напротивъ того, письма Цицерона доказываютъ, что сама война отыскала его. Ѳессалія и Македонія были полны старыми солдатами Помпея, оставшимися тамъ со времени Фарсальской битвы; на островахъ Эгейскаго моря и въ греческихъ городахъ, считавшихся какимъ-то убѣжищемъ для изгнанниковъ, было много недовольныхъ, нежелавшихъ подчиниться Цезарю, а послѣ мартов-

---

[1]) **Philipp.**, **X**, 4.
[2]) **Ad fam**, **X**, 1.

скихъ идъ они сдѣлались пріютомъ для всякаго, кто бѣжалъ отъ владычества Антонія. Наконецъ въ Аѳинахъ жило множество молодыхъ людей самыхъ знатныхъ римскихъ фамилій, республиканцевъ по происхожденію и по возрасту, пріѣхавшихъ докончить здѣсь свое воспитаніе. Всѣ они только и дожидались Брута, чтобы взяться за оружіе. Съ его пріѣзда началось со всѣхъ сторонъ великое, неодолимое движеніе, которому онъ и самъ принужденъ былъ уступить. Апулей и Ватиній привели къ нему войска, которыми командовали. Прежніе македонскіе солдаты собрались подъ начальствомъ Кв. Гортензія; ихъ явилось изъ Италіи такое множество, что консулъ Панса началъ наконецъ жаловаться и грозилъ задерживать рекрутовъ Брута на дорогѣ. Молодежь, обучавшаяся въ Аѳинахъ, въ томъ числѣ сынъ Цицерона и молодой Горацій, бросили свои занятія и пошли къ нему на службу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Брутъ былъ господиномъ всей Греціи и имѣлъ въ своемъ распоряженіи восемь легіоновъ.

Въ эту минуту республиканская партія какъ-будто сразу пробуждалась повсюду. Цицеронъ имѣлъ неожиданный успѣхъ въ Римѣ и нашелъ Антонію враговъ, побившихъ его передъ Моденою. Брутъ составилъ въ Греціи значительное войско. Кассій проходилъ по Азіи, набирая дорогой легіоны, и весь Востокъ объявлялъ себя за него. Надежда возвращалась къ самымъ робкимъ, и казалось, что можно всего ожидать для республики отъ содѣйствія столькихъ великодушныхъ защитниковъ. Между тѣмъ именно въ эту минуту, когда согласіе было такъ важно, между Цицерономъ и Брутомъ вспыхнула самая сильная изъ всѣхъ, бывшихъ между ними размолвокъ. Какъ намъ ни тяжело вспоминать о ней, тѣмъ не менѣе мы должны разсказать ее, такъ какъ она даетъ окончательное понятіе объ этихъ двухъ людяхъ.

Первый сталъ жаловаться Цицеронъ. Этотъ человѣкъ, обыкновенно столь слабый и нерѣшительный, сдѣлался чрезвычайно энергиченъ послѣ смерти Цезаря. Мудрость, милосердіе, умѣренность, эти прекрасныя качества, которыя онъ такъ любилъ и такъ охотно прилагалъ къ дѣлу, показались ему неподходящими для тогдашнихъ обстоятельствъ. Этотъ великій прославитель мирныхъ побѣдъ проповѣдывалъ теперь войну противъ всѣхъ; этотъ строгій другъ законности требовалъ, чтобы всѣ покинули ее теперь. «Не дожидайся декретовъ сената,» [1]) говорилъ онъ одному.—«Будь самъ себѣ сенатомъ,» [2]) писалъ онъ другому. Для достиженія цѣли всѣ средства казались ему хорошими, даже самыя насильственныя; ему нравились всякія связи, даже съ тѣми людьми, которыхъ онъ не уважалъ. Напротивъ того Брутъ, хотя и рѣшась взяться за оружіе, остался по прежнему совѣстливымъ и боязливымъ и продолжалъ не любить насилія. Хотя имя его и прославилось главнымъ образомъ черезъ убійство, ему однакоже всегда претила кровь. Въ противность безчеловѣчнымъ законамъ, принятымъ во всемъ мірѣ, предоставлявшимъ побѣжденнаго въ полное безотчетное распоряженіе побѣдителя, онъ щадилъ враговъ, когда тѣ находились въ его власти. Онъ показалъ это на дѣлѣ, подаривъ жизнь побѣжденному имъ брату Антонія. Хотя это былъ дурной человѣкъ, который вмѣсто благодарности пытался еще подкупить сторожившихъ его солдатъ, Брутъ постоянно продолжалъ кротко обходиться съ нимъ. Кажется преступленіе это было невелико; между тѣмъ въ Римѣ очень разсердились на него. Бѣшеныя угрозы Антонія, которыхъ удалось избѣжать съ такимъ трудомъ, воспоминаніе о пережитыхъ ужасахъ и о страшныхъ перемѣнахъ, совершившихся впродолженіе шести мѣсяцевъ, довели до крайности самыхъ спокойныхъ. Нѣтъ ничего сильнѣе гнѣва умѣренныхъ людей, когда ихъ выведутъ изъ терпѣнія. Они хотѣли покончить дѣло во чтобъ то ни стало и какъ можно скорѣе. Они помнили, съ какимъ отвращеніемъ и медлительностью Брутъ началъ войну. Видя его уступчивость и милосердіе, они боялись, что онъ снова станетъ колебаться и откладывать минуту мщенія и безопасности. Цицеронъ взялся сообщить Бруту неудовольствіе ихъ. Въ письмѣ своемъ, сохранившемся для насъ, онъ очень живо перечислялъ всѣ ошибки, совершонныя по смерти Цезаря; онъ напоминалъ обо всѣхъ слабостяхъ и колебаніяхъ, обезотважившихъ рѣшительныхъ людей, и, что всего сильнѣе должно было оскорбить Брута, выставлялъ въ смѣшномъ видѣ желаніе установить общественный миръ посредствомъ увѣщаній. «Развѣ ты не знаешь, говорилъ онъ ему, о чемъ идетъ дѣло въ настоящую минуту? Толпа негодяевъ и убійцъ грозитъ даже храмамъ боговъ, и этой войною рѣшается вопросъ о нашей жизни и смерти. Кого мы ща-

[1]) Ad fam., XI, 7.
[2]) Ad fam., X, 16.

димъ? Что мы дѣлаемъ? Благоразумно-ли щадить людей, которые, ставъ побѣдителями, изгладятъ даже самый слѣдъ нашего существованія?» [1])

Эти упреки задѣли Брута за живое, и онъ также отвѣчалъ на нихъ упреками. Съ своей стороны онъ тоже былъ недоволенъ сенатомъ и Цицерономъ. Какъ-бы его ни восхищало краснорѣчіе Филиппикъ, но многое должно было непріятно поражать его въ нихъ при чтеніи. Общій тонъ этихъ рѣчей, колкія личности, пламенные укоры, все это не могло нравиться тому, кто, поражая Цезаря, желалъ казаться безстрастнымъ и выставлялъ себя скорѣе врагомъ принципа, нежели человѣка. Если мы видимъ въ Филиппикахъ большую любовь къ свободѣ, то видимъ также страшную ненависть противъ одного лица. Ясно чувствуется, что этотъ врагъ отечества въ то же время близкій личный противникъ. Онъ пытался подчинить себѣ Римъ, но въ то же время въ одной уморительной рѣчи позволилъ себѣ подшутить надъ всѣми смѣшными сторонами стараго консуляра. Въ тотъ день, когда Цицеронъ прочелъ эту позорную для себя вещь, его раздражительное самолюбіе вспыхнуло; по выраженію одного изъ своихъ современниковъ, «онъ взбѣсился» [2]). Великодушная ненависть, питаемая имъ къ общественному врагу, воспламенилась частнымъ неудовольствіемъ; завязалась ожесточенная борьба, поддерживаемая все съ новой силою въ цѣлыхъ четырнадцати рѣчахъ. «Я хочу обременить его своими поношеніями, говорилъ онъ, и предать его запятнаннаго на вѣчный позоръ потомству;» [3]) и онъ сдержалъ свое слово. Такая страстная настойчивость и такой пылкій и необузданный тонъ должны были оскорбить Брута. Что ему не нравилось въ Цицеронѣ не менѣе его гнѣва, это—его податливость. Онъ сердился на него за чрезмѣрныя похвалы, расточаемыя имъ людямъ, вовсе ихъ не заслуживавшимъ, какъ напр. этимъ военачальникамъ, сражавшимся за столько различныхъ дѣлъ, этимъ государственнымъ людямъ, скомпрометированнымъ при всевозможныхъ правительствахъ, этимъ честолюбцамъ и всякаго рода интриганамъ, которыхъ съ такимъ трудомъ подобралъ Цицеронъ, чтобы составить изъ нихъ то, что онъ называлъ партіей честныхъ людей; особенно горько было ему видѣть, что онъ расточаетъ почести молодому Октавію и кладетъ къ ногамъ его республику; а слыша, какъ онъ называетъ его «божественнымъ юношей, посланнымъ самими богами для защиты отечества,» онъ едва сдерживалъ свое негодованіе.

[1]) Ad Brut., II, 7.

[2]) Ad fam., XI, 23.

[3]) Philipp., XIII, 19

Кто изъ нихъ двухъ былъ правъ? Конечно, Брутъ, если вспомнить развязку. Несомнѣнно, что Октавій былъ не больше, какъ честолюбецъ и измѣнникъ. Носимое имъ имя было уже для него неизбѣжнымъ искушеніемъ; предоставить ему республику значило погубить ее. Брутъ справедливо полагалъ, что Октавія слѣдуетъ бояться больше, чѣмъ Антонія, и ненависть не обманывала его, когда въ этомъ божественномъ юношѣ, такъ превозносимомъ Цицерономъ, онъ предвидѣлъ будущаго владыку имперіи, наслѣдника и преемника тому, кого онъ убилъ. А между тѣмъ надо-ли было винить Цицерона, или только обстоятельства? Принявши однажды помощь Октавія, могъ-ли онъ отъ нея отказаться? Въ это время республика не могла выставить ни одного солдата противъ Антонія; приходилось либо взять ихъ у Октавія, либо погибнуть. Послѣ того какъ онъ спасъ республику, неловко было бы скупиться для него на почести и благодарности. Впрочемъ его ветераны требовали ихъ для него способомъ, не терпѣвшимъ отказа, а иногда и сами давали ихъ ему впередъ. Сенатъ все спѣшилъ утверждать, опасаясь, чтобы не обошлись безъ его согласія. «Обстоятельства, говоритъ гдѣ-то Цицеронъ, дали ему въ руки власть; мы только прибавили внѣшніе ея аттрибуты.» [1]) Итакъ, прежде чѣмъ осуждать сговорчивость Цицерона или обвинять его за слабость, надо было подумать о трудностяхъ его положенія. Онъ пытался возстановить республику съ помощью людей, недавно бившихся противъ нея и никогда ея не любившихъ. Могъ-ли онъ положиться на Гирція, составившаго строгій законъ противъ помпеянцевъ, на Планка или Поллiона, бывшихъ помощниковъ Цезаря, или на Лепида и Октавія, желавшихъ занять его мѣсто? А между тѣмъ у него не было иной опоры, кромѣ ихъ. Великому честолюбцу, желавшему стать властелиномъ уже на другой день мартовскихъ идъ, онъ могъ противупоставить только коалицію второстепенныхъ, или болѣе скрытныхъ, честолюбцевъ. Среди всѣхъ этихъ явныхъ и тайныхъ алканій крайне трудно было держаться какого-нибудь опредѣленнаго

[1]) Philipp., XI, 8.

направленія. Надо было обуздывать ихъ одного другимъ, льстить имъ для того, чтобы управлять ими, и удовлетворять ихъ только на половину для того, чтобы сдерживать ихъ. Отсюда и происходили всѣ эти расточаемыя или обѣщаемыя почести, щедрая раздача похвалъ и титуловъ и преувеличенная оффиціальная благодарность. То была необходимость, налагаемая обстоятельствами; вмѣсто того, чтобы ставить Цицерону въ вину то, что онъ подчинялся ей, изъ этого слѣдуетъ скорѣе заключить, что пытаться въ послѣдній разъ вести законную борьбу, возвратиться въ Римъ, чтобы пробудить въ народѣ одушевленіе, положиться еще разъ на силу воспоминаній и на верховную власть слова—значило подвергать себя напраснымъ опасностямъ и несомнѣннымъ неудачамъ. Цицерону это было хорошо извѣстно. Конечно, иногда, въ пылу битвы онъ могъ увлекаться торжествомъ своего краснорѣчія, какъ въ тотъ день, когда онъ наивно писалъ Кассію: «Еслибы можно было говорить почаще, то не слишкомъ трудно было-бы возстановить республику и свободу.» [1]) Но такіе самообманы были непродолжительны. Когда упоеніе проходило, онъ самъ признавалъ безсиліе слова и говорилъ, что надо надѣяться только на республиканскую армію. Этого мнѣнія онъ никогда не измѣнялъ. «Ты мнѣ говоришь, писалъ онъ Аттику, будто я ошибаюсь, думая, что республика вполнѣ зависитъ отъ Брута; нѣтъ ничего болѣе вѣрнаго. Если она еще можетъ быть спасена, то будетъ спасена только имъ и его сторонниками.» [2]) Цицеронъ рѣшился на это послѣднее предпріятіе безъ всякихъ самообольщеній и надеждъ и единственно для того, чтобы исполнить желаніе Брута, продолжавшаго упорствовать въ своей любви къ законному сопротивленію и мирной борьбѣ. Слѣдовательно, Брутъ менѣе всякаго другого могъ упрекать его за неудачу. Цицеронъ не даромъ такъ часто вспоминалъ о свиданіи въ Веліи съ своимъ другомъ, когда тотъ убѣдилъ его вернуться въ Римъ, не смотря на все его нежеланіе. Это воспоминаніе служило ему защитой; оно должно было удерживать Брута отъ всякаго горькаго слова противъ человѣка, ринутаго имъ самимъ въ безвыходное положеніе.

Цицеронъ, вѣроятно, глубоко чувствовалъ эти упреки, что не вредило, однако, его дружбѣ къ Бруту. Онъ устремляетъ взоры именно

[1]) Ad fam., XII, 2

[2]) Ad Att., XIV, 20.

на него и призываетъ опять-таки его, когда все уже кажется ему потеряннымъ въ Италіи. Ничто такъ не трогательно, какъ его послѣдній тревожный кликъ. «Мы сдѣлались, любезный Брутъ, игрушками своеволія солдатъ и дерзости вождя. Каждый хочетъ имѣть въ республикѣ столько власти, сколько у него силы. Не хотятъ больше знать ни благоразумія, ни мѣры, ни закона, ни обязанностей; не заботятся больше ни объ общественномъ мнѣніи, ни о судѣ потомства. Приди-же наконецъ и дай республикѣ ту свободу, которую ты завоевалъ ей своимъ мужествомъ, но которой мы еще не можемъ наслаждаться. Всѣ окружатъ тебя толпою; у свободы нѣтъ инаго прибѣжища, какъ подъ твоими шатрами. Таково наше положеніе въ данную минуту; ахъ, еслибы оно могло улучшиться! А случится иначе, я буду оплакивать только республику; она должна была быть безсмертною. Что до меня, мнѣ ужь такъ мало остается жить!» [1]).

Немного мѣсяцевъ спустя послѣ того Антоній, Лепидъ и Октавій, тріумвиры для возстановленія республики, какъ они себя величали, собрались около Болоньи. Они слишкомъ хорошо знали другъ друга, чтобы не считать себя способными на все, а потому и приняли одинъ противъ другого предосторожности, не забывая послѣднихъ мелочей. Свиданіе ихъ происходило на островѣ, куда они прибыли каждый съ одинаковымъ числомъ войска, которое не должно было выпускать ихъ изъ вида. Для большей безопасности и изъ боязни, нѣтъ-ли у кого-нибудь изъ нихъ спрятаннаго кинжала; они даже обыскали другъ друга. Успокоившись такимъ образомъ, они долго разсуждали. Вопросъ шелъ, однако, не о средствахъ возстановить республику; вмѣстѣ съ раздѣломъ власти, ихъ всего больше занимала месть, и они принялись тщательно составлять списокъ тѣмъ, кого намѣревались предать смерти. Діонъ Кассій замѣчаетъ, что такъ какъ они глубоко ненавидѣли другъ друга, то всякій, связанный тѣсной дружбою съ однимъ изъ нихъ, могъ разсчитывать на ненависть двухъ остальныхъ, а потому каждый изъ новыхъ союзниковъ требовалъ именно головы кого-нибудь изъ близкихъ друзей своего сотоварища. Впрочемъ, эта трудность ихъ не остановила: благодарность ихъ была гораздо менѣе требовательна, чѣмъ ихъ ненависть, и, платя за смерть врага нѣсколькими друзьями и даже родственниками, они еще

[1]) Ad Brut., I, 10.

находили выгодною подобную сдѣлку. Благодаря такой взаимной уступчивости, они скоро пришли къ соглашенію, и списокъ былъ составленъ. Само-собой разумѣется, что Цицеронъ не былъ позабытъ въ немъ: Антоній страстно требовалъ его смерти, и чтобы тамъ ни говорили писатели временъ имперіи, но невѣроятно, чтобы Октавій много его защищалъ: онъ вѣдь напоминалъ бы ему о тяжкой благодарности и о слишкомъ громкомъ вѣроломствѣ.

Со смертью Цицерона, мы дошли до конца этого очерка, такъ какъ мы намѣревались только изучить отношенія между Цицерономъ и Брутомъ. Кто захочетъ пойти дальше и узнать также кончину Брута, тому будетъ достаточно прочесть прелестный разсказъ Плутарха. Я боюсь испортить его сокративъ. Мы видимъ изъ него, что узнавши о смерти Цицерона, Брутъ ощутилъ глубокую горесть. Онъ не просто жалѣлъ въ немъ друга: онъ потерялъ въ немъ дорогую надежду, отъ которой никогда не хотѣлъ отказаться. По крайней мѣрѣ, на этотъ разъ онъ долженъ былъ наконецъ признать, что въ Римѣ нѣтъ больше гражданъ, и отречься навсегда отъ этого низкаго народа, дававшаго такимъ образомъ погибать своимъ защитникамъ. «Если они рабы, говорилъ онъ съ грустью, то въ этомъ они больше виноваты сами, нежели ихъ тираны». Ни одно признаніе не стоило ему, вѣроятно, дороже этого. Съ тѣхъ поръ какъ онъ убилъ Цезаря, жизнь его была не болѣе, какъ рядомъ неудачъ, и событія, какъ будто нарочно, разрушали всѣ его планы. Его щепетильная любовь къ законности заставила его упустить случай спасти республику; его отвращеніе къ междоусобной войнѣ повело его лишь къ тому, чтобы начать ее слишкомъ поздно. Недовольно было того, что онъ принужденъ былъ противъ воли нарушить законъ и сражаться со своими согражданами, но онъ принужденъ еще былъ сознать, къ своему величайшему сожалѣнію, что онъ ошибся, ожидая слишкомъ многаго отъ людей. Онъ имѣлъ объ нихъ хорошее мнѣніе, когда изучалъ ихъ издалека вмѣстѣ съ своими дорогими философами. Но какъ измѣнилось это мнѣніе, когда ему надобно было руководить ими и употреблять ихъ въ дѣло и когда ему пришлось быть свидѣтелемъ ослабленія характеровъ, подмѣчать скрытую зависть, безумный гнѣвъ и низкій страхъ въ тѣхъ, кого онъ считалъ самыми честными и лучшими. Рана его была такъ глубока, что узнавши о послѣднихъ слабостяхъ Цицерона, онъ началъ даже сомнѣваться въ философіи, своей любимой наукѣ, состав-

лявшей прелесть всей жизни его. «Къ чему, говоритъ онъ, этотъ человѣкъ писалъ такъ краснорѣчиво о свободѣ своего отечества, о смерти, о чести, объ изгнаніи, о бѣдности? Право, я перестаю довѣрять наукамъ, которыми такъ много занимался Цицеронъ»[1]. Читая эти горькія слова, мы вспоминаемъ и тѣ, что онъ произнесъ передъ смертью; одни объясняютъ собою другія, причемъ и тѣ, и другія служатъ признакомъ одинаковой внутренней боли, увеличивавшейся по мѣрѣ того, какъ дѣловая практика заставляетъ его все больше и больше разочаровываться въ жизни и въ людяхъ. Онъ сомнѣвался въ философіи, видя слабость людей, занимавшихся ею по преимуществу; когда онъ увидѣлъ, что партія гонителей торжествуетъ, онъ усомнился и въ добродѣтели. Именно такимъ образомъ долженъ былъ кончить этотъ человѣкъ науки, сдѣлавшійся, наперекоръ своему отвращенію, человѣкомъ дѣйствія и увлеченный событіями за предѣлы своихъ естественныхъ наклонностей.

---

[1]) Epist. Brut., I,

Октавій.

Политическое завѣщаніе Августа.

Цицеронъ любилъ молодежь; онъ охотно проводилъ съ нею время и самъ какъ-бы молодѣлъ тогда. Въ ту пору, какъ онъ былъ преторомъ и консуломъ, мы видимъ его окруженнаго молодыми людьми, подававшими большія надежды, какъ-то: Целіемъ, Куріономъ, Брутомъ; онъ беретъ ихъ съ собою на форумъ и даетъ имъ защищать возлѣ себя судебныя дѣла. Впослѣдствіи, когда фарсальское пораженіе удалило его отъ правленія страною, онъ зажилъ на короткой ногѣ съ веселой молодежью, послѣдовавшей за партіей побѣдителя и согласился даже для препровожденія времени давать ей уроки краснорѣчія. «Они мои ученики въ искусствѣ хорошо выражаться, писалъ онъ шутя, и мои учителя въ искусствѣ хорошо обѣдать» [1]). Послѣ смерти Цезаря событія заставили его войти въ сношенія съ еще болѣе молодымъ поколѣніемъ, начинавшимъ появляться въ то время въ политическихъ дѣлахъ. Планкъ, Поллiонъ, Мессала, которымъ было предназначено судьбою сдѣлаться важными сановниками при новомъ правительствѣ, добивались его дружбы, а основатель имперіи называлъ его своимъ отцомъ.

Переписка Цицерона съ Октавіемъ издана была въ свѣтѣ, и мы знаемъ, что она составляла по крайней мѣрѣ три книги. Она была-бы очень интересна для насъ, если-бы сохранилась до нашего

[1]) Ad fam., IX, 16.

времени. Читая ее, мы могли-бы прослѣдить всѣ фазисы этой дружбы въ нѣсколько мѣсяцевъ, окончившейся столь ужаснымъ образомъ. Вѣроятно, въ первыхъ письмахъ Цицеронъ явился-бы намъ недовѣрчивымъ, нерѣшительнымъ, холодно вѣжливымъ. Что бы тамъ ни говорили, но вѣдь не онъ призвалъ Октавія на помощь республикѣ. Октавій явился самъ предложить себя. Онъ ежедневно писалъ Цицерону [1]), приставалъ къ нему съ протестаціями и обѣщаніями и увѣрялъ его въ своей неизмѣнной преданности. Цицеронъ долгое время колебался подвергнуть эту преданность испытанію. Онъ находилъ Октавія очень умнымъ и рѣшительнымъ, но слишкомъ молодымъ Онъ боялся его имени и друзей его. «Онъ слишкомъ дурно окруженъ, говорилъ онъ, и никогда не будетъ хорошимъ гражданиномъ» [2]). Подъ конецъ однако онъ сдался; онъ позабылъ свое прежнее недовѣріе, и даже когда ребенокъ, какъ онъ его обыкновенно называлъ, заставилъ снять осаду Модены, благодарность его дошла до такихъ крайностей, что онѣ не были одобрены благоразумнымъ Аттикомъ и разсердили Брута. Если что заставляло его въ то время позабывать всякую мѣру, такъ это его радость отъ пораженія Антонія; ненависть ослѣпляетъ и увлекаетъ его. Когда онъ видитъ, что «этотъ пьяница, при выходѣ съ кутежа, прямо попадается въ сѣти Октавія» [3]), онъ не можетъ совладѣть съ собой отъ радости. Но радость его была очень непродолжительна, потому-что почти одновременно съ извѣстіемъ о побѣдѣ военачальника, онъ узналъ и объ его измѣнѣ. Письма его, относившіяся къ этому времени, были, вѣроятно, самыя интересныя. Они освѣтили-бы намъ послѣдніе мѣсяцы его жизни, которые мы очень мало знаемъ. Ему ставятъ въ вину дѣлаемыя имъ въ ту пору усилія, преклонить своего прежняго друга, и я готовъ признать, что изъ одного только чувства собственнаго достоинства ему ничего не слѣдовало просить у того, кто такъ вѣроломно измѣнилъ ему. Но дѣло шло не объ немъ одномъ. У Рима не была солдатъ, чтобы выставить ихъ противъ войскъ Октавія. Единственнымъ средствомъ обезоружить его оставалось то, чтобы напомнить ему всѣ данныя имъ обѣщанія. Не было почти никакой надежды пробудить въ

[1]) Ad Att., XVII, 11.

[2]) Ad Att., XIV, 12.

[3]) Ad fam., XII, 25: Quem ructantem et nauseantem consecі in Caesaris Octaviani plagas.

той эгоистической душѣ хоть искру патріотизма; но надо было попытаться это сдѣлать. Республика находилась въ опасности также какъ и жизнь Цицерона, и чего ему не слѣдовало дѣлать для продленія собственной жизни, онъ долженъ былъ попытать ради спасенія республики. Нѣтъ ничего низкаго въ мольбахъ, когда защищаешь свободу своей родины, и когда нѣтъ инаго средства защитить ее. Именно въ такую страшную минуту онъ и писалъ, вѣроятно, Октавію слѣдующія покорныя слова, находимыя нами въ отрывкахъ его писемъ: «Съ этихъ поръ извѣщай меня о томъ, чего ты собственно отъ меня желаешь, и я превзойду твои ожиданія»[1]). Нисколько не упрекая его за эти просьбы, я сознаюсь, что не могу видѣть безъ волненія этого знаменитаго старика, унижающагося передъ ребенкомъ, обманувшимъ его безсовѣстно, воспользовавшимся его довѣрчивостью, но отъ котораго теперь зависитъ спасти или погубить республику.

Къ сожалѣнію, отъ этихъ писемъ остались одни только безобразные отрывки, которые ничего не могутъ намъ пояснить. Если захочешь ознакомиться съ тѣмъ, кто играетъ такую важную роль въ послѣднихъ событіяхъ жизни Цицерона, надо обратиться въ другое мѣсто. Было-бы легко и поучительно привести здѣсь мнѣніе о немъ историковъ временъ имперіи. Но я предпочитаю оставаться до конца вѣрнымъ той методѣ, которой слѣдовалъ во всемъ этомъ сочинении, и судить объ Октавіи такъ-же, какъ и о Цицеронѣ, лишь по тому, что онъ говоритъ самъ, на основаніи его собственныхъ признаній и задушевныхъ отзывовъ. Такъ какъ его переписка и мемуары потеряны, возьмемъ большую Анкирскую надпись, называемую иногда Политическимъ завѣщаніемъ Августа, потому-что она заключаетъ въ себѣ всю его жизнь. По счастію, эта надпись дошла до насъ. Изъ Светонія извѣстно, что онъ приказалъ вырѣзать ее на мѣдныхъ доскахъ передъ своею гробницею [2]). Очень вѣроятно, что она была весьма распространена въ первое столѣтіе христіанской эры, и что лесть или признательность всюду размножили списки съ нея, тогда какъ по всему міру распространялся культъ основателя имперіи. Отрывки ея были найдены въ развалинахъ Аполлоніи, и она существуетъ еще вся цѣликомъ въ Ангорѣ или древней Анкирѣ. Когда жители Анкиры

[1]) Орелли, Fragm. Cic., стр. 465.

[2]) Свет., Aug., 101.

воздвигли храмъ Августу, бывшему ихъ благодѣтелемъ, они подумали, что не могутъ ничѣмъ лучше почтить его память, какъ начертавши тамъ эту повѣсть или, лучше сказать, это прославленіе его жизни, написанное имъ самимъ. Съ тѣхъ поръ этотъ памятникъ, посвященный Августу, не разъ мѣнялъ свое назначеніе: послѣ греческаго храма здѣсь была византійская церковь, а затѣмъ устроено турецкое училище. Крыша провалилась, увлекая за собою украшенія верхней части, колонны портиковъ исчезли, и къ древнимъ развалинамъ присоединились обломки византійскихъ и турецкихъ построекъ, также уже разрушенныхъ. Но по особенному счастію, мраморныя доски, повѣствующія о дѣлахъ Августа, остались прочно вдѣланными въ эти несокрушимыя стѣны.

Случай для изученія этого памятника очень благопріятенъ. Г. Перро только-что привезъ изъ Галатіи болѣе вѣрную копію съ латинскаго текста и совершенно новую часть греческаго перевода, поясняющаго и дополняющаго собою латинскій текстъ [1]).

[1]) Exploration archéologique de la Galatie, etc., par MM. Perrot-Guillaume et Delbet. Paris, 1863. Didot. — Такъ какъ Галаты говорили по-гречески и дурно понимали по-латыни, то, желая сдѣлать извѣстнымъ и для нихъ разсказъ Августа, оффиціальный текстъ помѣстили въ самомъ храмѣ на почетномъ мѣстѣ, переводъ-же его снаружи для того, чтобы всякій могъ прочесть его. Но внѣшнія стѣны храма были такъ-же мало пощажены, какъ и внутренность. Турецкіе дома прижались къ этимъ стѣнамъ, безцеремонно всовывая свои бревна въ мраморъ и пользуясь этой прочною постройкой для того, чтобы прислонять къ ней свои кирпичныя и глиняныя перегородки. Нужно было все искусство гг. Перро и Гилльіома, чтобы проникнуть въ эти негостепріимные дома. Войдя въ нихъ, они встрѣтили еще бóльшія затрудненія. Надо было разбирать стѣны, вынимать бревна и подпирать крыши, чтобы добраться до древней стѣны. Но это было еще не все. Эта стѣна была вся избита молотами, растрескалась и почернѣла отъ пыли и дыма. Какъ было разобрать находившуюся тамъ надпись? Для этого пришлось оставаться цѣлыя недѣли въ вонючихъ и темныхъ комнатахъ или на соломѣ чердака, работать со свѣчею, освѣщая во всѣхъ направленіяхъ поверхность мрамора, и такимъ образомъ, такъ сказать, вырывать и завоевывать каждую букву неслыханными усиліями мужества и постоянства. Этотъ тяжелый трудъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Изъ 19 столбцовъ, составлявшихъ греческую надпись, англійскій путешественникъ Гамильтонъ переписалъ цѣликомъ пять и еще отрывки изъ одного; г. Перро передаетъ намъ двѣнадцать совершенно новыхъ. Одного изъ нихъ, девятаго, никакъ нельзя было прочесть; онъ находился за толстой капитальной стѣною, которой невозможно было разрушить. Эти двѣнадцать столбцовъ, хотя и очень попорченные временемъ, дополняютъ собою большую часть пропусковъ въ латинскомъ текстѣ. Они знакомятъ насъ съ цѣлыми параграфами, отъ кото

Благодаря ему, за исключеніемъ нѣсколькихъ маловажныхъ пропусковъ, надпись существуетъ теперь вполнѣ и читается отъ одного конца до другого. Итакъ, мы можемъ понять ее всю цѣликомъ и дозволить себѣ судить объ ней.

I.

Качество, прежде всего замѣчаемое при чтеніи Анкирской надписи, это—ея величіе. Нельзя не поразиться имъ. По особаго рода властительному тону видно, что говорящій здѣсь человѣкъ болѣе пятидесяти лѣтъ правилъ цѣлымъ міромъ. Онъ понимаетъ всю важность того, что совершено имъ; онъ знаетъ, что создалъ новый социальный бытъ и руководилъ однимъ изъ главнѣйшихъ преобразованій въ человѣчествѣ. Вотъ почему, хотя онъ только вкратцѣ излагаетъ факты и приводитъ цифры, все, сказанное имъ, отличается какою-то важностью, и онъ умѣетъ придать своимъ сухимъ перечисленіямъ такой величественный тонъ, что, читая ихъ, чувствуешь себя объятымъ какимъ-то невольнымъ уваженіемъ. Но слѣдуетъ остерегаться этого чувства. Величіе можетъ служить удобнымъ покровомъ для прикрытія слабостей; еще недалекій отъ насъ примѣръ Людовика XIV долженъ научить насъ не довѣрять ему необдуманно. Не надо притомъ забывать, что величіе было до такой степени римскимъ качествомъ, что Римъ сохранялъ внѣшніе слѣды его еще долгое время послѣ того, какъ оно уже исчезло въ дѣйствительности. Читая надписи послѣднихъ временъ имперіи, вы не замѣчаете, что она уже близка къ своей гибели. Эти бѣдные государи, едва обладающіе нѣсколькими провинціями, продолжаютъ говорить такимъ тономъ, какъ будто они все

рыхъ не было и слѣдовъ въ оригиналѣ, и даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ латинскій текстъ сохранился всего лучше, они почти безпрестанно исправляютъ безсмыслицы, вкравшіяся при истолкованіи текста. Г. Эгже (Egger) въ своемъ Examen des historiens d'Auguste, стр. 412 и сл., весьма тщательно и критически разбираетъ Анкирскую надпись. Г. Моммсенъ, съ помощью копіи г. Перро, готовитъ относительно этой надписи ученый трудъ, послѣ котораго уже, вѣроятно, ничего не останется дѣлать.—(Трудъ г. Моммсена, о которомъ было возвѣщено въ первомъ изданіи этой книги, появился уже съ тѣхъ поръ подъ заглавіемъ: Res gestae divi Augusti ex monumentis Ancyrano et Apolloniensi).

еще повелѣваютъ цѣлою вселенной, при чемъ къ самой грубой ихъ лжи примѣшивается невообразимое достоинство. Слѣдовательно, кто не хочетъ впадать въ ошибки при изученіи памятниковъ римской имперіи, тотъ долженъ остерегаться этого перваго обманчиваго впечатлѣнія и взглянуть на вещи поближе.

Хотя разбираемая нами надпись называется «Картиною дѣяній Августа», но въ дѣйствительности Августъ не намѣревался разсказывать здѣсь всей своей жизни. Мы находимъ въ ней большіе и очень произвольные пропуски: очевидно, что сочинитель и не хотѣлъ непремѣнно все сказать. Когда въ семьдесятъ шесть лѣтъ, среди всеобщаго восхищенія и уваженья этотъ старый государь бросилъ взглядъ на свое прошедшее, для того чтобы сдѣлать быстрый очеркъ его, онъ, вѣроятно, встрѣтилъ тамъ много стѣснительныхъ для себя воспоминаній. Такъ напримѣръ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему было крайне непріятно воспоминать о первыхъ годахъ своей политической жизни. Между тѣмъ надо-же было что-нибудь сказать о нихъ, и благоразумнѣе было поисказить ихъ, нежели хранить о нихъ полное молчаніе, которое могло возбудить большіе толки. Вотъ, какъ онъ при этомъ изворачивается «Въ девятнадцать лѣтъ, говоритъ онъ, я собралъ армію по собственному почину и на свой собственный счетъ. Съ помощью ея я возвратилъ свободу республикѣ, надъ которой господствовала въ то время угнетавшая ее партія. Въ благодарность за это сенатъ путемъ почетныхъ декретовъ, принялъ меня въ свои ряды въ число консуляровъ, даровалъ мнѣ право начальствовать войсками и поручилъ мнѣ вмѣстѣ съ консулами К. Пансою и А. Гирціемъ, блюсти за благополучіемъ государства, въ качествѣ пропретора. Когда оба консула умерли въ одинъ годъ, народъ назначилъ меня на ихъ мѣсто и наименовалъ меня тріумвиромъ для устройства республики». Въ этихъ немногихъ строкахъ, которыми начинается надпись, есть уже очень странныя опущенія. Прочитавъ ихъ, можно, пожалуй, подумать, что онъ получилъ всѣ перечисляемыя имъ высокія должности, служа все одному и тому же дѣлу, и что въ промежутокъ времени между полученіемъ имъ первыхъ почестей и тріумвиратомъ не произошло ничего особеннаго. Почетные декреты сената, упоминаемые здѣсь съ нѣкоторымъ безстыдствомъ, извѣстны намъ, благодаря Филиппикамъ. Въ нихъ сенатъ поздравляетъ юнаго Цезаря съ тѣмъ, «что онъ защищалъ свободу народа» и бился съ

Антоніемъ; между тѣмъ Цезарь получилъ или, лучше сказать, принялъ титулъ тріумвира только уже договорившись съ Антоніемъ поработить римскій народъ во время мрачнаго Болоньскаго свиданія. Обо всѣхъ этихъ вещахъ надпись осторожно умалчиваетъ.

То, что слѣдовало за этимъ свиданіемъ, было-бы еще труднѣе разсказать. Тутъ Августъ всего больше желалъ забвенія. «Я изгналъ убійцъ моего отца, наказывая злодѣйство ихъ по правильнымъ судебнымъ приговорамъ. Впослѣдствіи, когда они повели войну противъ республики, я ихъ побѣдилъ въ двухъ битвахъ». Вы замѣчаете, что здѣсь ни слова не говорится о проскрипціяхъ. Да и что бы онъ могъ сказать о нихъ? Существуютъ развѣ такія ухищренія языка, съ помощью которыхъ можно было-бы убавить ихъ ужасъ? Во всякомъ случаѣ честнѣе было вовсе не говорить о нихъ. Но такъ какъ, по прекрасному выраженію Тацита, легче молчать, нежели забывать, то мы можемъ быть увѣрены, что Августъ, ничего не говорящій здѣсь о проскрипціяхъ, не разъ думалъ о нихъ въ теченіе своей жизни. Если онъ даже и не чувствовалъ угрызеній совѣсти, все же его, вѣроятно, не рѣдко смущала эта страшная улика его новой политики прошедшимъ; какъ онъ ни старался, а проскрипціи все-таки вопіяли противъ принятой имъ на себя оффиціальной роли милосердаго и добродѣтельнаго. По моему, это затрудненіе обнаруживается и здѣсь. Его молчаніе не совершенно его успокоиваетъ. Онъ чувствуетъ, что несмотря на всю скромность его разсказа, онъ непремѣнно пробудитъ собою непріятныя воспоминанія въ умѣ читающихъ и, какъ-бы желая предупредить и обезоружить ихъ, онъ прибавляетъ: «Я разносилъ свое оружіе по всему міру, на сушѣ и на морѣ, ведя войны противъ согражданъ и противъ чужихъ. Побѣдивши, я прощалъ согражданъ, оставшихся въ живыхъ послѣ битвы; чтожь касается чужихъ націй, то если можно было безопасно щадить, я предпочиталъ беречь ихъ, а не уничтожать».

Пройдя наконецъ, это непріятное мѣсто, ему легче было разсказывать остальное. Впрочемъ, онъ еще очень кратокъ, говоря о самыхъ отдаленныхъ временахъ. Быть-можетъ, онъ боялся, чтобы воспоминаніе о междоусобныхъ войнахъ не повредило примиренію партій, вызванному послѣ Акціума всеобщимъ утомленіемъ. Несомнѣнно то, что во всей надписи нѣтъ ни одного слова, которое могло-бы возбудить чей-нибудь гнѣвъ. Онъ почти не упоминаетъ о своихъ прежнихъ соперникахъ. Едва можно подмѣтить въ ней пренебрежительное слово о Лепидѣ и пущенное мимоходомъ, непріятное для Антонія обвиненіе въ томъ, что онъ присвоивалъ себѣ храмовыя сокровища. Вотъ все, что онъ говоритъ о своей войнѣ противъ Секста Помпея, стоившей ему столькихъ трудовъ, и о побѣдившихъ его храбрыхъ морякахъ: «Я освободилъ море отъ морскихъ разбойниковъ и захватилъ тридцать тысячъ бѣглыхъ рабовъ, сражавшихся противъ республики, и въ наказаніе возвратилъ ихъ къ господамъ». Что же касается великой побѣды при Акціумѣ, давшей ему власть надъ всѣмъ міромъ, онъ упоминаетъ о ней лишь затѣмъ, чтобы подтвердить готовность Италіи и западныхъ провинцій объявить себя за него.

Конечно, онъ гораздо охотнѣе останавливается на событіяхъ послѣднихъ лѣтъ своего царствованія, и очень замѣтно, что ему удобнѣе говорить о такихъ побѣдахъ, гдѣ побѣжденными были не Римляне. Онъ съ справедливой гордостью вспоминаетъ, какимъ образомъ онъ отмстилъ за оскорбленія, нанесенныя національному самолюбію еще до него. «Послѣ побѣдъ, одержанныхъ въ Испаніи и Далмаціи, я отнялъ знамена, потерянныя многими изъ нашихъ полководцевъ. Я принудилъ Парѳянъ отдать остатки и знамена трехъ римскихъ армій и прійти смиренно умолять о нашей дружбѣ. Я велѣлъ помѣстить эти знамена въ святилищѣ Марса Отмстителя». Понятно также, что онъ охотно говоритъ о походахъ противъ Германцевъ, умалчивая, однако, о пораженіи Вара, и что ему хочется сохранить воспоминаніе объ этихъ отдаленныхъ экспедиціяхъ, столь живо поразившихъ воображеніе современниковъ. «Римскій флотъ, говоритъ онъ, шелъ отъ устьевъ Рейна, все по направленію того мѣста, гдѣ восходитъ солнце, до самыхъ отдаленныхъ странъ, куда до сихъ поръ не проникалъ ни моремъ, ни сушею ни одинъ Римлянинъ. Кимвры, Хариды, Семноны и другія германскія племена тѣхъ странъ просили черезъ пословъ моей дружбы и дружбы римскаго народа. По моему приказанію и подъ моимъ покровительствомъ было послано почти одновременно двѣ арміи, одна въ Аравію, другая въ Эѳіопію. Побѣдивъ много городовъ и забравши въ плѣнъ множество людей, онѣ достигли въ Эѳіопіи до города Набаты, а въ Аравіи—до границъ Сабеянъ и до города Марибы».

Но какъ-бы ни интересны были эти историческія воспоминанія Анкирскаго памятника, онъ важенъ не по нимъ. Дѣйствительная важность его заключается въ томъ, что онъ даетъ намъ понятіе о внутреннемъ управленіи Августа.

Но также и здѣсь необходимы предостереженія и оговорки. Политическіе дѣятели не имѣютъ обыкновенія излагать на стѣнахъ храмовъ свои руководящіе принципы и такимъ образомъ великодушно объяснять публикѣ тайну своихъ поступковъ. Очевидно, что Августъ, писавшій здѣсь для всѣхъ, не думалъ всего говорить, и если кто хочетъ знать настоящую истину и основательно ознакомиться съ духомъ его учрежденій, тотъ долженъ обратиться въ другое мѣсто. Самыя полныя свѣдѣнія даетъ намъ въ этомъ случаѣ историкъ Діонъ Кассій. Его вообще не читаютъ, и это не удивительно, такъ какъ у него нѣтъ ни одного качества, привлекательнаго для читателей. Разсказъ его прерывается на каждомъ шагу безконечными рѣчами, скоро надоѣдающими даже и самымъ терпѣливымъ. Это — узкій умъ безъ всякаго политическаго смысла, вполнѣ занятый смѣшными суевѣріями и приписывающій ихъ изображаемымъ имъ лицамъ. Стоило въ самомъ дѣлѣ быть два раза консуломъ, чтобы разсказать намъ очень серьезно, будто послѣ одного важнаго пораженія Октавій снова ободрился, увидѣвъ, какъ изъ моря выпрыгнула къ его ногамъ рыба. Что еще больше увеличиваетъ наводимую имъ скуку, это то, что часто говоря о тѣхъ-же предметахъ, что и Тацитъ, онъ ежеминутно вызываетъ невыгодныя для себя сравненія. При всемъ томъ, отнюдь не слѣдуетъ пренебрегать имъ; какъ онъ ни скученъ, но оказываетъ намъ тѣмъ не менѣе очень полезныя услуги. Не обладая широкимъ взглядомъ Тацита, онъ вдается въ подробности и тутъ дѣлаетъ просто чудеса. Никто никогда не былъ точнѣе и тщательнѣе его. Я воображаю его себѣ усерднымъ чиновникомъ, прошедшимъ всѣ ступени іерархіи и состарѣвшимся въ своихъ занятіяхъ. Онъ хорошо знакомъ съ тѣмъ оффиціальнымъ и административнымъ міромъ, среди котораго онъ жилъ; онъ говоритъ объ немъ дѣльно и любитъ объ немъ поговорить. Очень естественно, что при такихъ наклонностяхъ онъ былъ пораженъ реформами, введенными Августомъ во внутреннемъ управленіи. Онъ непремѣнно хочетъ ознакомить насъ съ ними до мельчайшихъ подробностей, причемъ, вѣрный своимъ привычкамъ ритора и своей необузданной страсти къ прекраснымъ рѣчамъ, предполагаетъ, что ввести эти реформы предложилъ Августу Меценатъ, и пользуется этимъ случаемъ, чтобы заставить послѣдняго очень длинно разглагольствовать [1]). Дѣйствительно, рѣчь Мецената содержитъ въ себѣ то, что

[1]) Діонъ, LII. 14—40. См., что говоритъ о Діонѣ г. Эгже въ своемъ Examen des hist. d'Auguste, гл. VIII

можно назвать формулою имперіи. Эта любопытная программа, приведенная впослѣдствіи въ исполненіе, удивительно помогаетъ намъ понимать то, что остается разобрать въ Анкирской надписи. Надо постоянно имѣть ее передъ глазами, чтобы уловить духъ учрежденій Августа, причину его щедрости, тайный смыслъ приводимыхъ имъ фактовъ и въ особенности характеръ его отношеній къ различнымъ классамъ гражданъ.

Прежде всего разсмотримъ отношенія Августа къ его солдатамъ. «Около . . . . . тысячъ Римлянъ [1]), говоритъ онъ, носили оружіе подъ моимъ начальствомъ. Изъ нихъ я поселилъ въ колоніяхъ или отпустилъ назадъ въ ихъ муниципіи, по окончаніи службы, около 300,000 человѣкъ. Всѣмъ имъ я роздалъ земли или деньги на покупку ихъ.» Два раза, а именно, послѣ войны противъ Секста Помпея и послѣ войны противъ Антонія, Августъ находился во главѣ почти пятидесяти легіоновъ; ихъ было всего двадцать пять при его смерти. Но какъ ни ограничено это число, оно все-таки обременило финансы имперіи. Громадное увеличеніе расходовъ казны, вслѣдствіе заведенія постояннаго большаго войска, долго мѣшало Августу, не смотря на цвѣтущее его царствованіе, достигнуть того, что называется теперь равновѣсіемъ въ бюджетѣ. Четыре раза онъ принужденъ былъ помогать казнѣ своими частными средствами, и онъ считаетъ, что подарилъ государству 150 милл. сестерцій (30 мил. фр.). Ему очень нелегко было справиться съ этими затрудненіями, главною причиною которыхъ были военные расходы. Это самое подало ему мысль устроить кассу для отставныхъ военныхъ и, ради наполненія ея, обратиться къ великодушію государей и союзныхъ городовъ, а также самыхъ богатыхъ римскихъ гражданъ; чтобы побудить своимъ примѣромъ другихъ, онъ разомъ пожертвовалъ 170 милліоновъ сестерцій (34 милл. фр.). Когда-же этихъ добровольныхъ даровъ оказалось недостаточно, пришлось изобрѣсти новые налоги и пополнять военную казну сборами двадцатой части съ наслѣдствъ и сотой доли съ продажъ. Но, не смотря на всѣ эти источники, пенсіи отставнымъ военнымъ, повидимому, выплачивались не хорошо, такъ какъ это было одною изъ самыхъ главныхъ причинъ неудовольствія Паннонскихъ легіоновъ во время ихъ

[1]) Этого числа нельзя было разобрать ни въ латинской, ни въ греческой надписи.

бунта противъ Тиберія. Несомнѣнно, что армія Августа была одною изъ главнѣйшихъ заботъ его управленія. Его собственные легіоны причиняли ему столько-же хлопотъ, какъ и непріятельскіе. Ему приходилось имѣть дѣло съ солдатами, чувствовавшими, что они господа, и которыхъ впродолженіе десяти лѣтъ опьяняли лестью и обѣщаніями. Наканунѣ битвы они становились чрезвычайно требовательны, зная, что въ нихъ нуждаются, а на другой день побѣды дѣлались недоступными вслѣдствіе той гордости, которую она имъ внушала. Чтобы удовлетворить ихъ, пришлось бы обезземелить въ ихъ пользу всѣхъ жителей Италіи. Сначала, послѣ Филиппской битвы, Октавій на это согласился; но впослѣдствіи, когда онъ измѣнилъ свою политику и когда понялъ, что не будетъ въ состояніи устроить ничего прочнаго, если навлечетъ себѣ ненависть всѣхъ Италійцевъ, онъ рѣшилъ щедро платить землевладѣльцамъ за земли, раздаваемыя ветеранамъ. «Я заплатилъ деньгами, говоритъ онъ, муниципіямъ за стоимость полей, розданныхъ мною солдатамъ въ мое четвертое консульство, и впослѣдствіи въ консульство М. Красса и Кн. Лентула; за поля въ Италіи я заплатилъ 600 милл. сестерцій (120 милл.) и 260 милл. сестерцій (52 милл.) за поля въ провинціяхъ. Изъ всѣхъ, устроивавшихъ колоніи солдатъ въ провинціяхъ и въ Италіи, я пока первый и единственный, поступившій такимъ образомъ». И онъ имѣетъ полное право хвалиться этимъ. У полководцевъ того времени было не въ обычаѣ платить за то, что они брали, и самъ онъ долго подавалъ другіе примѣры. Когда, немного уже поздно, онъ дерзнулъ сопротивляться требованіямъ своихъ ветерановъ, ему пришлось вынести страшную борьбу съ ними, впродолженіе которой жизнь его неоднократно подвергалась опасности. Во всякомъ случаѣ его тогдашнее поведеніе относительно солдатъ дѣлаетъ ему много чести. Онъ былъ обязанъ имъ всѣмъ и не имѣлъ ничего, что было нужно для господства надъ ними, — ни качествъ Цезаря, ни недостатковъ Антонія; тѣмъ не менѣе онъ рѣшился сопротивляться имъ и наконецъ таки подчинилъ ихъ себѣ. Замѣчательно, что хотя онъ пріобрѣлъ себѣ власть исключительно войною, онъ однакожъ сумѣлъ поддержать въ основанномъ имъ правленіи преобладаніе гражданскаго начала. Если эта имперія, въ которой не было инаго элемента силы и жизни, кромѣ войска, не сдѣлалась съ этихъ поръ военной монархіей, то этимъ она несомнѣнно обязана его твердости.

Нѣтъ ничего проще, какъ отношенія Августа къ народу. Свѣдѣнія, сообщаемыя по этому предмету Анкирской надписью, совершенно согласуются съ рѣчью Мецената: Августъ кормилъ народъ и забавлялъ его. Прежде всего вотъ точный списокъ суммъ, истраченныхъ на его прокормленіе: «Я выплатилъ римскому народу по 300 сестерцій на человѣка (60 фр.), всилу завѣщанія моего отца, и по 400 сестерцій (80 фр.) отъ меня лично, изъ военной добычи, во время моего пятаго консульства. Въ другой разъ, въ мое десятое консульство, я подарилъ еще изъ собственныхъ своихъ денегъ по 400 сестерцій каждому гражданину. Въ свое одиннадцатое консульство я произвелъ двѣнадцать раздачъ хлѣба за свой счетъ. Когда я былъ въ двѣнадцатый разъ облеченъ трибунскою властью, я роздалъ еще народу по 400 сестерцій на человѣка. Всѣ раздачи дѣлались не менѣе, какъ 250 тысячамъ человѣкъ. Получивши трибунскую власть въ восемнадцатый разъ, а консульскую — въ двѣнадцатый, я роздалъ 320 тысячамъ римскихъ жителей по шестидесяти денаріевъ (48 фр.) на человѣка. Во время моего четвертаго консульства я велѣлъ выдѣлить изъ военной добычи и роздать въ колоніяхъ, составленныхъ изъ моихъ солдатъ, по 1000 сестерцій (200 фр.) каждому. Около ста двадцати тысячъ колонистовъ получили свою долю въ этой раздачѣ, слѣдовавшей за моимъ тріумфомъ. Сдѣлавшись консуломъ въ тринадцатый разъ, я далъ по 60 денаріевъ всѣмъ, получавшимъ въ то время хлѣбныя дачи. Ихъ было тогда немного больше двухъ сотъ тысячъ человѣкъ». Послѣ такихъ дѣйствительно ужасающихъ щедротъ, Августъ упоминаетъ объ играхъ, данныхъ имъ народу, и хотя въ текстѣ здѣсь есть нѣкоторые пропуски, можно предполагать, что забавы народа стоили ему не меньше его прокормленія. «Я давалъ бои гладіаторовъ .... разъ [1]) отъ своего имени и пять отъ имени своихъ дѣтей или внуковъ. На всѣхъ этихъ праздникахъ сражалось между собою около десяти тысячъ человѣкъ. Два раза отъ своего имени и три раза отъ имени моего внука я устроивалъ бои атлетовъ, которыхъ вызывалъ изо всѣхъ странъ. Я устроивалъ об-

[1]) Числа этого не могли разобрать. Замѣтьте громадное количество сражавшихся гладіаторовъ, погибнувшихъ, вѣроятно, во время этихъ кровавыхъ празднествъ. Сенека, желая доказать, до какой степени можно сдѣлаться равнодушнымъ къ смерти, разсказываетъ, что при Тиберіи одинъ гладіаторъ жаловался на рѣдкость подобной рѣзни, причемъ, намекая на эпоху Августа, говорилъ: „Хорошее то было время! Quam bella aetas periit“.

щественныя игры четыре раза отъ своего имени и двадцать три раза за отсутствовавшихъ должностныхъ лицъ или за такихъ, которыя не могли взять на себя издержекъ на эти игры.... Я показывалъ двадцать шесть разъ, отъ своего имени или отъ имени своихъ сыновей и внуковъ, бои африканскихъ звѣрей, въ циркѣ, на форумѣ и въ амфитеатрахъ, причемъ было убито до трехъ тысячъ пятисотъ этихъ звѣрей. Я далъ народу зрѣлище морской битвы, за Тибромъ, тамъ, гдѣ теперь находится лѣсъ Цезарей. Я приказалъ вырыть здѣсь каналъ въ тысячу восемьсотъ пядей длины и въ тысячу двѣсти пядей ширины. Здѣсь сражалось между собою тридцать судовъ, снабженныхъ таранами, триремы, биремы и много другихъ менѣе значительныхъ кораблей. На нихъ находилось, кромѣ гребцовъ, три тысячи человѣкъ экипажа». Вотъ гдѣ, по моему мнѣнію, любопытный и оффиціальный комментарій знаменитыхъ словъ Ювенала **panem et circenses**. Вы ясно видите, что это была не выходка поэта, а дѣйствительный принципъ политики, искусно придуманный Августомъ и удержанный его преемниками, какъ правительственный завѣтъ.

Понятно, что отношенія Августа къ сенату были деликатнѣе и сложнѣе. Даже послѣ Фарсальской и Филиппской битвъ еще приходилось щадить великое имя. Какъ ни принижена была эта старая аристократія, но она все еще продолжала внушать страхъ и требовала къ себѣ нѣкотораго уваженія. Это видно изъ того, какъ вездѣ почтительно говоритъ Августъ о сенатѣ въ своемъ завѣщаніи. Имя его какъ-бы нарочно безпрестанно повторяется. Если вѣрить одной внѣшности, то можно было-бы подумать, что властелиномъ былъ въ то время сенатъ, а государь только исполнялъ его декреты. Въ этомъ именно Августъ и хотѣлъ всѣхъ увѣрить. Онъ всю жизнь старался скрывать свою власть или жаловался, что несетъ ее. Изъ своего царскаго жилища на Палатинѣ онъ писалъ сенату самыя трогательныя письма, умоляя избавить его наконецъ отъ дѣловыхъ заботъ, и никогда, повидимому, онъ не чувствовалъ такого отвращенія отъ власти, какъ въ тотъ моментъ, когда всю прибиралъ ее въ рукамъ. Неудивительно, что подобную же тактику находимъ и въ его завѣщаніи; она такъ хорошо удалась ему съ современниками, что онъ попыталъ вести ее и съ потомствомъ. Вотъ почему онъ продолжаетъ играть для насъ ту-же комедію умѣренности и безкорыстія. Такъ напримѣръ, онъ нарочно столько же на-

стаиваетъ на тѣхъ почестяхъ, отъ которыхъ онъ отказывался, сколько и на тѣхъ, которыя принялъ. «Въ консульство М. Марцелла и Л. Аррунція, говоритъ онъ, когда сенатъ и народъ просили меня принять неограниченную власть [1]), я ея не принялъ. Но я не отказался отъ наблюденія за съѣстными припасами во время сильной безхлѣбицы и сдѣланными мною расходами освободилъ народъ отъ страховъ и опасностей голода. Въ награду за это онъ предложилъ мнѣ годовое или пожизненное консульство, но я отказался». Это не единственная похвала, воздаваемая имъ своей умѣренности. Онъ еще не разъ упоминаетъ о тѣхъ почестяхъ или подаркахъ, которыхъ не пожелалъ принять. Но вотъ, что дѣйствительно переходитъ уже всякую мѣру: «Въ мое шестое и седьмое консульство, когда я потушилъ междоусобныя войны и когда всѣ граждане по общему согласію предлагали мнѣ верховную власть, я передалъ управленіе республикой въ руки сената и народа. Въ награду за такой поступокъ я, на основаніи сенатскаго рѣшенія былъ названъ Августомъ, дверь мою разукрасили лаврами и гражданскимъ вѣнкомъ и въ куріи Юлія помѣстили золотой щитъ съ надписью, въ которой говорилось, что мнѣ сдѣлали эту честь для того, чтобы прославить мою добродѣтель, мое милосердіе, мою справедливость и мое благочестіе. Съ этой минуты, хотя я былъ выше всѣхъ другихъ по занимаемымъ мною должностямъ, я никогда не присвоивалъ себѣ власти больше того, сколько оставлялъ ея своимъ товарищамъ». Этотъ любопытный отрывокъ показываетъ, въ какое заблужденіе могутъ вводить надписи, если слѣпо имъ довѣряться. Развѣ изъ приведенныхъ словъ мы не имѣемъ права заключить, что въ 726 году отъ основанія Рима тамъ, по великодушію Августа, была возобновлена республика? Между тѣмъ именно въ эту эпоху неограниченная власть императоровъ, освободясь отъ внѣшнихъ опасеній и мирно всѣми принимаемая, устанавливается окончательно. Даже самъ Діонъ, — оффиціальный Діонъ, всегда готовый вѣрить императорамъ на-слово, не можетъ согласиться съ этой ложью Августа; онъ дерзаетъ не вдаваться въ обманъ и безъ труда доказываетъ, что какимъ бы именемъ ни облекалось это правленіе, въ сущности оно было монархіей; къ этому онъ могъ-бы присовокупить,

---

[1]) Судя по одному мѣсту у Светонія (Aug. 52), кажется, что то, что въ греческомъ текстѣ надписи называется самосущею властью (αὐτεξούσιος ἀρχή), было просто диктатурой.

что никогда не бывало монархіи болѣе неограниченной. Одинъ человѣкъ сдѣлался наслѣдникомъ всѣхъ должностныхъ лицъ республики и соединилъ въ себѣ всѣ ихъ права. Онъ упразднилъ народъ, съ которымъ никогда не совѣтуется; онъ господствуетъ надъ сенатомъ, выбраннымъ и составленнымъ по его волѣ; будучи вмѣстѣ консуломъ и верховнымъ жрецомъ, онъ управляетъ и мірскими дѣйствіями и вѣрованіями; такъ какъ онъ облеченъ трибунской властью, то считается неприкосновеннымъ и священнымъ, т. е. малѣйшее, неосторожно сказанное противъ него слово становится уже святотатствомъ; какъ цензоръ, съ титуломъ префекта нравовъ, онъ можетъ контролировать поведеніе частныхъ лицъ и вмѣшиваться, если ему угодно, въ самыя сокровенныя дѣла ихъ жизни [1]). Все ему подчинено, какъ частная, такъ и общественная жизнь, и власть его имѣетъ право проникать повсюду, начиная отъ сената и кончая самыми скромными и неизвѣстными семейными очагами. Прибавьте къ этому, что предѣлы его имперіи — предѣлы цивилизованнаго міра; варварство начинается тамъ, гдѣ оканчивается рабство, и противъ этого деспотизма нѣтъ даже и грустнаго спасенія въ ссылкѣ. И этотъ-то человѣкъ, обладающій такимъ страшнымъ могуществомъ, отъ котораго ничто не ускользаетъ въ его громадной имперіи, и власти котораго невозможно избѣжать, этотъ человѣкъ съ такой нахальной увѣренностью говоритъ намъ, будто онъ не хотѣлъ принять неограниченной власти!

Надо впрочемъ сознаться, что эта неограниченная власть, маскировавшаяся такъ бережно, старалась также всѣми средствами устроить, чтобы ей прощали. Всѣ вознагражденія, какія только можно предложить народу, чтобы заставить его позабыть о свободѣ, щедро раздавалъ Римлянамъ Августъ. Я говорю не объ одномъ только матеріальномъ довольствѣ, благодаря которому въ его царствованіе число гражданъ увеличилось почти на милліонъ [2]), ни даже о томъ

---

[1]) Я просто вкратцѣ излагаю здѣсь очень любопытную главу изъ Діона Кассія (Hist. rom., I, III, 17). Изъ нея очень хорошо видно, какимъ образомъ римская конституція, гдѣ раздѣленіе власти служило гарантіей свободы, сдѣлалась разомъ, вслѣдствіе одного только ея сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ, страшною махиной деспотизма.

[2]) Анкирская надпись даетъ самыя точныя свѣдѣнія объ этомъ увеличеніи Въ 725 году Августъ сдѣлалъ первую перепись послѣ промежутка въ сорокъ одинъ годъ; по этой переписи оказалось 4.063.000 гражданъ. Двадцать одинъ годъ спустя въ 746 году ихъ насчитывали 4.233.000. Наконецъ въ 767 году,

спокойствіи и безопасности, въ которыхъ всѣ такъ нуждались по окончаніи междоусобныхъ войнъ, но и о томъ несравненномъ блескѣ который онъ придалъ Риму посредствомъ всякаго рода украшеній. Этимъ способомъ можно было навѣрное понравиться народу. Зная это, Цезарь истратилъ разомъ сто милліоновъ сестерцій (20 мил. фр.) на покупку одной только земли, гдѣ долженъ былъ помѣщаться его форумъ. Августъ сдѣлалъ еще лучше. Анкирская надпись содержитъ въ себѣ списокъ построенныхъ имъ памятниковъ, и списокъ этотъ такъ длиненъ, что его невозможно привести здѣсь цѣликомъ. Въ немъ упоминаются пятнадцать храмовъ, нѣсколько портиковъ, театръ, дворецъ для сената, форумъ, базилики, водопроводы, общественныя дороги и пр. Весь Римъ былъ возобновленъ имъ. Можно сказать, что ни одинъ памятникъ отъ него не ускользнулъ, и что онъ реставрировалъ тѣ изъ нихъ, которыхъ не возвелъ вновь. Онъ докончилъ театръ Помпея и форумъ Цезаря и перестроилъ Капитолій; въ одинъ годъ онъ возстановилъ восемьдесятъ два храма, уже начинавшихъ обращаться въ развалины. Столько милліоновъ были истрачены не напрасно, и подобная расточительность со стороны такого экономнаго государя скрывала въ себѣ глубокій политическій умыселъ. Онъ хотѣлъ отуманить этотъ народъ и упоить его роскошью и великолѣпіемъ, чтобы отвлечь его отъ несносныхъ воспоминаній о прошломъ. Онъ строилъ ему этотъ мраморный Римъ для того, чтобы заставить его позабыть Римъ кирпичный.

Впрочемъ Августъ предложилъ народу не одно только это вознагражденіе. Онъ давалъ и болѣе благородныя, стараясь узаконить ими свою власть. Если онъ и требовалъ у него пожертвовать свободою, зато онъ всячески старался удовлетворить его національную гордость. Никто лучше его не заставилъ уважать Римъ вовнѣ; никто не далъ ему столько поводовъ гордиться своимъ превосход-

---

когда именно умеръ Августъ, ихъ было 4. 937. 000. Прибавивъ къ цифрѣ, имъ приводимой, число женщинъ и дѣтей, не входившихъ въ римскую перепись, мы увидимъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ его царствованія это увеличеніе составляло приблизительно 16 на 100. Этой самой цифры достигаетъ увеличеніе населенія во Франціи послѣ революціи, отъ 1800 до 1825 года, т. е. довольно сходныя политическія обстоятельства привели къ одинаковымъ результатамъ. Можно было-бы, пожалуй, подумать, что такое увеличеніе населенія при Августѣ зависѣло отъ водворенія въ городѣ иностранцевъ. Но изъ Светонія извѣстно, что Августъ, въ противность примѣру и принципамъ Цезаря, былъ очень скупъ на раздачу званія римскаго гражданина.

ствомъ надъ всѣми. Послѣдняя часть надписи наполнена разсказомъ вcase о тѣхъ почестяхъ, какія воздавали Риму въ его царствованіе самыя отдаленныя страны свѣта. Боясь, чтобы кто нибудь не остановилъ скорбныхъ взоровъ на томъ, что происходило внутри, онъ старался направить ихъ къ этой внѣшней славѣ. Тѣмъ гражданамъ, которыхъ печалилъ видъ пустыннаго форума и послушнаго сената, онъ указывалъ на римскія арміи, проникающія къ Паннонійцамъ и къ Арабамъ, на римскіе флоты, разгуливающіе по Рейну и по Дунаю, на британскихъ, свевскихъ и маркоманскихъ царей, пріютившихся въ Римѣ и умолявшихъ о поддержкѣ легіонами, на Мидянъ и Парѳянъ, этихъ страшныхъ враговъ Рима, просящихъ у него царя, на тѣ народы, которые, не смотря на свою отдаленность и малоизвѣстность, обезпечивающія ихъ отъ всякихъ опасностей, тѣмъ не менѣе испугались великаго, впервые до нихъ дошедшаго имени, и умоляли о союзѣ съ Римомъ. «Ко мнѣ пріѣзжали изъ Индіи, говоритъ онъ, послы царей, не отправлявшихъ ихъ до тѣхъ поръ ни къ одному римскому военачальнику. Бастарны, Скиѳы и Сарматы, обитающіе по сю сторону Танаиса и за этою рѣкой, цари Албанцевъ, Иверовъ и Мидянъ посылали ко мнѣ депутатовъ просить нашей дружбы». Трудно было, чтобы сердца самыхъ недовольныхъ устояли противъ такого величія. Но самымъ ловкимъ дѣйствіемъ съ его стороны было то, что онъ простиралъ свою заботу о славѣ Рима даже до прошлаго времени. Онъ уважалъ чуть не какъ боговъ, говоритъ Светоній [1]), всѣхъ, кто содѣйствовалъ этой славѣ и въ прежнія времена; а чтобы показать, что никто не исключался имъ изъ этого культа, онъ приказалъ поднять статую Помпея, у ногъ которой палъ Цезарь, и помѣстить ее въ общественномъ мѣстѣ. Такое великодушное поведеніе было вмѣстѣ съ тѣмъ искусною тактикой. Усвоивая себѣ славы прошлаго, онъ напередъ обезоруживалъ тѣ партіи, которыя захотѣли-бы сдѣлать изъ нихъ оружіе противъ него, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-бы освящалъ свою собственную власть, связывая ее такъ или иначе съ этими старыми воспоминаніями. Какъ ни велика была разница между основаннымъ имъ правленіемъ и республикой, оба они сходились по крайней мѣрѣ въ одномъ: они заботились о величіи Рима. На этой-то общей почвѣ Августъ и попытался примирить прошлое съ настоящимъ. И онъ

[1]) Свет., Aug., 31.

также украсилъ Римъ, защитилъ его границы, увеличилъ свою имперію и заставилъ уважать свое имя. Онъ продолжалъ и дополнилъ дѣло, надъ которымъ трудились уже семь вѣковъ. Слѣдовательно, онъ могъ называть себя продолжателемъ и наслѣдникомъ всѣхъ тѣхъ, кто прикладывалъ руки къ этому дѣлу, т. е. Катоновъ, Павловъ Эмиліевъ, Сципіоновъ, и помѣстить себя въ ихъ число. Онъ не замедлилъ это сдѣлать, выстроивши форумъ, которому онъ далъ свое имя; мы знаемъ изъ Светонія, что подъ этими, воздвигнутыми имъ портиками, полными воспоминаній объ его дѣлахъ, онъ приказалъ поставить изображенія всѣхъ великихъ людей республики въ одеждѣ тріумфаторовъ. Это было верхомъ искусства, такъ какъ присоединяя ихъ къ своей славѣ, онъ бралъ часть ихъ славы для себя и такимъ образомъ обращалъ въ свою пользу величіе разрушеннаго имъ политическаго порядка.

Кажется, что Римляне удовольствовались вознагражденіями, предложенными имъ Августомъ въ замѣнъ свободы. Всѣ скоро привыкли къ новому правленію, и можно сказать, что Августъ царствовалъ безпрепятственно. Заговоры, не разъ угрожавшіе его жизни, составлялись нѣсколькими недовольными одиночками, какими-нибудь молодыми головорѣзами, впавшими у него въ немилость, или пошлыми честолюбцами, которые сами били на его мѣсто, но это не было дѣломъ партій. Да можно-ли сказать, чтобы въ то время были партіи? Партіи Секста Помпея и Антонія не пережили смерти своихъ вождей; послѣ Филиппской битвы не было вообще республиканцевъ. Съ этой минуты всѣми благоразумными людьми было принято за аксіому, «что громадное тѣло имперіи не можетъ держаться ни прямо, ни въ равновѣсіи, если кто-нибудь не будетъ управлять имъ.» Только немногіе, еще необращенные упрямцы пишутъ въ школахъ горячія декламаціи подъ именемъ Эрута и Цицерона или позволяютъ себѣ свободно говорить въ тѣхъ образованныхъ кружкахъ, которые можно назвать салонами той эпохи: in conviviis rodunt, in circulis vellicant. Но это незначительныя исключенія, изчезающія среди единодушнаго и всеобщаго восторга и уваженія. Впродолженіи пятидесяти лѣтъ сенатъ, всадники и народъ изощряли свой умъ, придумывая все новыя почести для того, кто возвратилъ Риму внутреннее спокойствіе и сильною рукою поддерживалъ его внѣшнее величіе. Августъ озаботился припомнить всѣ эти почести въ разбираемой нами надписи, не изъ

мелочнаго тщеславія, но чтобы подтвердить общее согласіе всѣхъ сословій государства, какъ-бы узаконивавшее собою его власть. Мысль эта обнаруживается преимущественно въ послѣднихъ строкахъ надписи, гдѣ онъ вспоминаетъ одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ для него обстоятельствъ своей жизни, такъ какъ въ немъ блистательнѣйшимъ образомъ обнаружилось согласіе всѣхъ гражданъ: «Когда я былъ консуломъ въ тринадцатый разъ, говоритъ онъ, тогда сенатъ, сословіе всадниковъ и весь народъ дали мнѣ названіе Отца отечества и пожелали, чтобы это было написано въ сѣняхъ моего дома, въ Куріи и на моемъ форумѣ, подъ четвероконными колесницами, поставленными тамъ въ мою честь по рѣшенію сената.—Когда я писалъ все это, мнѣ шелъ семьдесятъ шестой годъ.» Онъ не безъ причины приберегъ эту подробность къ концу. Этотъ титулъ Отца отечества, которымъ его привѣтствовалъ отъ имени всѣхъ гражданъ прежній другъ Брута, Мессала, былъ какъ-бы законнымъ освященіемъ власти, пріобрѣтенной незаконнымъ путемъ, и нѣкотораго рода амнистіей, даруемой Римомъ прошлому. Понятно, что умирающій Августъ съ удовольствіемъ остановился на воспоминаніи, какъ-бы разрѣшавшемъ его грѣхи, и что для него было важно закончить имъ обозрѣніе своей политической жизни.

II.

Разобравши этотъ любопытный памятникъ, я хотѣлъ-бы выразить въ нѣсколькихъ словахъ то впечатлѣніе, какое онъ произвелъ на меня относительно составлявшаго его лица.

Политическая жизнь Августа заключается вся между двумя оффиціальными документами, которые оба, по рѣдкому счастію, дошли до насъ: я говорю о вступленіи къ эдикту о проскрипціяхъ, подписанному Октавіемъ и, по всѣмъ вѣроятностямъ, составленному имъ самимъ, а сохраненному для насъ Аппіаномъ; вторымъ документомъ была надпись, найденная на стѣнахъ Анкирскаго храма. Одинъ показываетъ намъ, чѣмъ былъ Октавій въ двадцать лѣтъ, только что вышедши изъ рукъ риторовъ и философовъ, въ первомъ пылу своего честолюбія и съ дѣйствительными инстинктами своей натуры; другой документъ раскрываетъ, чѣмъ онъ сдѣлался послѣ пятидесяти шести лѣтъ безграничной и безконтрольной власти; стоитъ только сблизить ихъ между собою, чтобы понять, какой путь онъ совершилъ, и какая перемѣна въ немъ произошла вслѣдствіе того, что онъ узналъ людей и дѣловую практику.

Власть сдѣлала его лучшимъ, что обыкновенно бываетъ не такъ, и послѣ него мы видимъ въ римской исторіи только испорченныхъ властью государей. Отъ Филиппской битвы до битвы при Акціумѣ или, вѣрнѣе сказать, до той минуты, когда онъ какъ-бы торжественно попросилъ прощенія у міра, уничтоживъ всѣ тріумвирскіе акты, видно, что онъ силится стать лучше, и можно почти слѣдить за его улучшеніемъ. Мнѣ кажется, что нѣтъ другого примѣра такого громаднаго усилія надъ самимъ собою и такой полной побѣды надъ своей натурою. По природѣ онъ былъ трусъ, и въ первый разъ, когда ему пришлось сразиться съ врагами, онъ спрятался въ своемъ шатрѣ. Не знаю, какимъ образомъ, но онъ сумѣлъ сдѣлаться храбрымъ; онъ привыкъ къ войнѣ, воюя съ Секстомъ Помпеемъ, и явился безумно смѣлымъ въ экспедиціи противъ Далматовъ, гдѣ былъ два раза раненъ. Онъ былъ циниченъ и развратенъ, и въ оргіяхъ своей юности, описанныхъ Светоніемъ, ни чуть не уступалъ Антонію; но онъ мгновенно исправился, лишь только сталъ неограниченнымъ властелиномъ, т. е. именно въ то время, когда страсти его встрѣтили-бы всего менѣе препятствій. Онъ родился жестокимъ, и притомъ холодно-жестокимъ, такъ что невозможно было надѣяться на его перемѣну въ этомъ отношеніи, а между тѣмъ, начавши съ умерщвленія своихъ благодѣтелей, онъ подъ-конецъ щадилъ даже своихъ убійцъ; такъ что тотъ, кому лучшій другъ его, Меценатъ, далъ однажды названіе палача, получилъ отъ философа Сенеки названіе милосердаго государя. [1]) Однимъ словомъ, человѣкъ, утвердившій указъ о проскрипціяхъ, отнюдь не походитъ на человѣка, написавшаго завѣщаніе, такъ что нельзя не удивляться, что, начавши такъ, какъ онъ началъ, онъ могъ до такой степени измѣниться и на мѣсто всѣхъ врожденныхъ ему пороковъ поставить добродѣтель или хоть подобіе добродѣтели.

Но, и принужденные воздать ему справедливость, мы все-таки затруднились бы полюбить его. Быть можетъ, мы и ошибаемся; вѣдь

---

[1]) De Clem., 9, Divus Augustus mitis fuit princeps. Правда, что въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ его милосердіе утомленіемъ жестокости.

разумъ говоритъ намъ, что мы должны больше цѣнить въ людяхъ тѣ хорошія качества, которыя они пріобрѣтаютъ побѣдою надъ самими собою, нежели тѣ, которыя безъ всякаго труда получены ими отъ неба. Между тѣмъ, не знаю, какимъ образомъ, но только одни эти послѣднія намъ обыкновенно и нравятся. Первымъ не достаетъ прелести, даруемой только одной природою и побѣждающей сердце. Въ нихъ слишкомъ замѣтно усиліе, а изъ-за усилія проглядываетъ личный интересъ; постоянно кажется, что человѣкъ трудился такъ много лишь потому, что находилъ въ этомъ свою выгоду. Эта своего рода благопріобрѣтенная доброта, гдѣ больше участвуетъ разумъ, нежели природа, никому не симпатична, такъ какъ она представляется результатомъ разсчитывающей воли. Вотъ почему мы такъ холодно относимся ко всѣмъ добродѣтелямъ Августа, и онѣ кажутся намъ не болѣе, какъ образцовымъ произведеніемъ хитрости. Чтобы тронуть насъ, въ нихъ недостаетъ хоть немного естественности и увлеченія. Эти качества никогда не были извѣстны этому жестокому и надменному человѣку, хотя, по словамъ Светонія, онъ любилъ казаться простымъ и добродушнымъ въ своихъ близкихъ сношеніяхъ. Но не всякій, кто желаетъ быть простякомъ, можетъ имъ дѣйствительно сдѣлаться, а его задушевныя письма, изъ которыхъ до насъ дошли нѣкоторые отрывки, показываютъ, что шуткамъ его недоставало свободы, и что простота его была плодомъ усилій. Да развѣ мы не знаемъ черезъ того же Светонія, что Августъ записывалъ то, что хотѣлъ сообщить своимъ друзьямъ, чтобы не сказать чего-нибудь случайно, и что иногда ему приходилось даже напередъ составлять свои разговоры съ Ливіей [1]).

Что окончательно губитъ для насъ Августа, это—его сосѣдство съ Цезаремъ: до такой степени велика между ними разница. Не говоря уже о болѣе высокихъ и блестящихъ сторонахъ натуры Цезаря, онъ прежде всего привлекаетъ насъ къ себѣ своею искренностью. Намъ можетъ не нравиться его честолюбіе, но съ его стороны было уже заслугою то, что онъ его не скрывалъ. Не знаю, почему г. Моммсенъ въ своей Римской исторіи всячески старается доказать, что Цезарь не дорожилъ короною, и что Антоній предложилъ ее ему, не посовѣтовавшись съ нимъ предварительно. Я предпочитаю держаться общаго мнѣнія и не думаю, чтобы оно вредило ему.

[1]) **Свет.**, **Aug.**, 84.

Онъ желалъ быть царемъ, носить его титулъ и пользоваться его властью. Никогда, подобно Августу, онъ не заставлялъ просить себя принять почести, которыхъ онъ страстно желалъ. Онъ никогда не сталъ-бы увѣрять насъ, будто онъ пользуется верховною властью съ отвращеніемъ, и никогда не рѣшился-бы сказать, въ то самое время, какъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всяческія власти, будто онъ возвратилъ республиканское правленіе сенату и народу; напротивъ того, мы знаемъ, что послѣ Фарсалы онъ откровенно говорилъ, что слово республика—одинъ пустой звукъ, и что Силла просто сглупилъ, отказавшись отъ диктатуры. Во всѣхъ вещахъ, даже въ вопросахъ литературы и грамматики, онъ всегда являлся смѣлымъ новаторомъ и не выказывалъ лицемѣрнаго уваженія къ прошлому въ тотъ самый моментъ, какъ разрушалъ его остатки. Такая искренность нравится намъ больше лживыхъ изъявленій уваженія, расточаемыхъ Августомъ сенату послѣ того, какъ онъ довелъ его до безсилія, и какъ ни восхищается имъ Светоній, разсказывая, какъ тотъ смиренно привѣтствуетъ каждаго сенатора по имени передъ засѣданіемъ, я едва-ли не предпочитаю этой комедіи дерзость Цезаря, который подъ-конецъ даже не вставалъ, когда къ нему являлся сенатъ. Имъ обоимъ, повидимому, опротивѣла власть; но никому не приходило въ голову вѣрить Августу, когда онъ такъ настоятельно требовалъ, чтобы его возвратили къ частной жизни. Отвращеніе Цезаря было глубже и искреннѣе. Та верховная власть къ которой онъ стремился впродолженіе двадцати лѣтъ съ неутомимымъ постоянствомъ, среди столькихъ опасностей, съ помощью темныхъ интригъ, которыхъ одно воспоминаніе заставляло его, вѣроятно, краснѣть, не удовлетворила его ожиданій и показалась недостаточною для этого сердца, столь горячо ея желавшаго. Онъ зналъ, что его ненавидятъ люди, уваженіемъ которыхъ онъ всего больше дорожилъ; онъ былъ принужденъ пользоваться услугами людей имъ презираемыхъ, безчестившихъ его побѣды своими выходками; чѣмъ болѣе онъ возвышался, тѣмъ въ худшемъ видѣ представлялась ему человѣческая природа и тѣмъ чаще онъ видѣлъ, какъ кишѣли и волновались у его ногъ низкая зависть и подлая измѣна. Изъ отвращенія онъ пересталъ даже цѣнить жизнь; ему казалось, что не стоитъ больше труда сохранять и защищать ее. Этому человѣку, говорившему еще въ эпоху **pro Marcello**: «Я довольно пожилъ для природы или для славы,» и отвѣчавшему

впослѣдствіи безнадежнымъ тономъ, когда его убѣждали принять предосторожности противъ своихъ убійцъ: «Лучше умереть одинъ разъ, нежели постоянно трепетать,»—этому человѣку слѣдовало-бы сказать съ Корнелемъ:

«Я желалъ власти и достигъ ея; но, желая ея, я ея не зналъ. Въ обладаніи ею я нашелъ вмѣсто всякой прелести ужаснѣйшія заботы и вѣчныя тревоги. Кругомъ меня тысяча тайныхъ враговъ, всегдашняя опасность смерти, ни одного удовольствія безъ непріятности и ни малѣйшаго покоя».

Признаюсь, что эти прекрасные стихи нравятся мнѣ меньше въ устахъ Августа. Мнѣ кажется, что этотъ смѣлый и холодный политикъ, отличавшійся такимъ самообладаніемъ, не могъ дѣйствительно знать благородной грусти, открывающей намъ въ героѣ человѣка, ни безнадежности сердца, недовольнаго собою, не смотря на свои успѣхи, и получившаго отвращеніе къ власти, благодаря ей самой. Какъ ни велико наслажденіе, испытываемое мною при чтеніи той прекрасной сцены, гдѣ Августъ предлагаетъ отречься отъ престола, я не могу не сердиться немного на Корнеля за то, что онъ дѣйствительно повѣрилъ и серьезно принялся описывать намъ торжественную комедію, которой въ Римѣ никто не вѣрилъ, такъ что, читая трагедію Цинна, чтобы сдѣлать удовольствіе свое полнымъ, мнѣ всегда хочется замѣнить въ ней личность Августа личностью Цезаря.

Оканчивая скажу еще, что всѣ эти лицемѣрныя предосторожности Августа были не просто недостатками его характера; онѣ были также политическими ошибками, оставившими самыя непріятныя послѣдствія въ созданномъ имъ правленіи. Что дѣлало несносною тиранію первыхъ Цезарей, такъ это именно та неопредѣленность относительно существа и дѣйствительныхъ границъ ихъ власти, которая возникла вслѣдствіе своекорыстной лживости Августа. Когда правительство смѣло заявляетъ свои принципы, тогда знаешь, какимъ образомъ держать себя съ нимъ; но какому пути надо слѣдовать и какого языка придерживаться, когда къ самому настоящему деспотизму примѣшивается внѣшность свободы, и подъ республиканской фикціей скрывается неограниченная власть? Среди подобнаго мрака все становится опасностью и гибелью. Гибнутъ отъ независимости, но можно погибнуть и отъ раболѣпства; если тотъ, кто отказываетъ въ чемъ-нибудь императору, есть его явный врагъ, сожалѣющій о

республикѣ, то не есть-ли тотъ, кто слишкомъ ужъ торопится все ему предоставить, его переодѣтый врагъ, желающій заявить, что республики больше не существуетъ? Чтеніе Тацита показываетъ намъ, какимъ образомъ государственные люди этой страшной эпохи шли наудачу среди добровольно созданнаго ими мрака, наталкиваясь на каждомъ шагу на непредвидѣнныя опасности, рискуя не понравиться, молчали-ли они или говорили, льстили или сопротивлялись, и безпрестанно со страхомъ спрашивая себя, какимъ образомъ можно удовлетворить эту двусмысленную власть, столь плохо опредѣленную и не имѣющую ясныхъ границъ. Можно положительно сказать, что недостатокъ искренности въ учрежденіяхъ Августа былъ причиной муки для многихъ поколѣній. Вся бѣда произошла отъ того, что Августъ больше думалъ о настоящемъ, чѣмъ о будущемъ. Онъ былъ ловкій и чрезвычайно находчивый человѣкъ, умѣвшій выпутаться изъ самаго затруднительнаго положенія; но онъ не былъ дѣйствительно великимъ политикомъ, такъ какъ взглядъ его не простирался далѣе затрудненій минуты. Поставленный лицомъ къ лицу съ народомъ, неохотно выносившимъ царскую власть и не могшимъ выносить ничего инаго, онъ придумалъ этотъ родъ переряженной царской власти и оставилъ рядомъ съ нею всѣ формы прежняго правленія, нисколько не позаботившись даже согласовать ихъ между собою. Но если онъ не былъ такимъ великимъ политикомъ, какъ это предполагали, надо сознаться, что онъ былъ превосходнымъ администраторомъ; эта сторона его дѣятельности заслуживаетъ всѣхъ похвалъ, которыя ему расточали. Приведя въ порядокъ всѣ созданныя республикой разумныя практическія мѣры и полезныя постановленія, снова пустивши въ ходъ утраченныя преданія, создавши кромѣ того самъ новыя учрежденія для администраціи Рима, для военной службы, для финансовой части, для управленія провинціями, онъ организовалъ имперію и сдѣлалъ ее такимъ образомъ способною сопротивляться внѣшнимъ врагамъ и причинамъ внутренняго распаденія. Если, не смотря на отвратительное политическое устройство, на общій упадокъ характеровъ, на пороки управлявшихъ и управляемыхъ, имперія имѣла еще свои прекрасные дни и продолжалась три столѣтія, то она обязана этимъ могущественной организаціи, полученной ею отъ Августа. Вотъ въ чемъ заключалась дѣйствительно жизненная часть его дѣла. Она настолько важна, что оправдываетъ похвалу, которую онъ воздаетъ самъ себѣ въ слѣдующей гордели-

вой фразѣ Анкирской надписи: «Я издалъ новые законы. Я заставилъ уважать примѣры нашихъ предковъ, начинавшіе исчезать въ нашихъ нравахъ, и самъ оставилъ примѣры, достойные подражанія, для нашихъ потомковъ».

III.

Письма Цицерона появились, вѣроятно, въ половинѣ этого царствованія, въ тотъ моментъ, когда тогдашній неограниченный глава республики дѣлалъ видъ, будто возвращаетъ правленіе сенату и народу. Точное время ихъ появленія на свѣтъ неизвѣстно, но, судя по всему, надо полагать, что это случилось въ одинъ изъ годовъ, слѣдовавшихъ за побѣдою при Акціумѣ. Власть Августа, сдѣлавшаяся болѣе популярною съ тѣхъ поръ, какъ она стала умѣреннѣе, чувствовала въ себѣ настолько силы, что могла предоставить нѣкоторую свободу литературѣ. До этого времени Августъ былъ недовѣрчивъ, такъ какъ онъ не довольно еще утвердился; впослѣдствіи онъ сдѣлался опять такимъ, когда замѣтилъ, что общественная любовь къ нему исчезаетъ. Это царствованіе, начавшееся проскрипціей людей, оканчивается сожженіемъ книгъ. Переписка Цицерона могла быть издана лишь въ тотъ промежутокъ времени, который раздѣляетъ собою эти строгости.

Никто не высказалъ намъ, какое впечатлѣніе она произвела на людей, прочитавшихъ ее въ первый разъ; но смѣло можно утверждать, что впечатлѣніе это было очень сильно. Междоусобія только что окончились; до тѣхъ поръ всѣ занимались одними настоящими бѣдствіями; среди несчастій ни чей умъ не былъ на столько свободенъ, чтобы помышлять о прошломъ. Но какъ скоро это измученное поколѣніе ощутило покой, оно поспѣшило бросить взглядъ на прошлое. Хотѣло-ли оно дать себѣ отчетъ въ событіяхъ, желало-ли насладиться горькимъ удовольствіемъ, находимымъ, по словамъ поэта, въ воспоминаніи о прежнихъ страдахъ, но оно вернулось къ пережитымъ печальнымъ годамъ и захотѣло дойти до самыхъ источниковъ этой борьбы, окончаніе которой оно видѣло. Ничто не могло такъ хорошо удовлетворить этому любопытству, какъ письма Цицерона; потому несомнѣнно, что всѣ жадно читали ихъ въ тѣ времена.

Не думаю, чтобы это чтеніе повредило правленію Августа. Быть можетъ, при этомъ немного пострадала репутація нѣсколькихъ важныхъ лицъ новаго правительства. Для людей, гордившихся своею особенною дружбою съ государемъ, было, конечно, непріятно, когда извлекали на свѣтъ ихъ прежнія республиканскія убѣжденія. Полагаю, что люди насмѣшливые много потѣшались надъ тѣми письмами, гдѣ Полліонъ клянется быть вѣчнымъ врагомъ тирановъ, и гдѣ Планкъ жестко приписываетъ измѣнѣ Октавія всѣ несчастія республики. Да и самъ Октавій вѣдь не былъ пощаженъ, и для него не могли быть благопріятны живыя воспоминанія о той эпохѣ, когда онъ протягивалъ руку убійцамъ Цезаря и называлъ Цицерона своимъ отцомъ. Тутъ было чѣмъ позабавить на нѣсколько недѣль разговоры недовольныхъ. Но собственно говоря, зло было не велико, и эти насмѣшки ни сколько не грозили благосостоянію великой имперіи. Можно было опасаться лишь того, чтобы воображеніе, всегда снисходительное къ прошлому, не придало республикѣ щедрою рукою тѣхъ качествъ, которыми такъ легко украсить уже не существующія правленія. Но письма Цицерона были скорѣе способны разрушить эти иллюзіи, нежели поддерживать ихъ. Представленная въ нихъ картина интригъ, безпорядковъ и скандаловъ того времени не позволяла жалѣть о немъ. Люди, которыхъ Тацитъ описываетъ намъ утомленными борьбой и жаждущими покоя, не находили здѣсь ничего для себя соблазнительнаго, а при видѣ того, какъ эти Куріоны, Целіи, Долабеллы, злоупотребляли свободой, они не такъ сильно горевали объ ея утратѣ.

Зато обнародованіе этихъ писемъ принесло пользу писавшему ихъ. Въ то время было въ обычаѣ дурно относиться къ Цицерону. Не смотря на способъ, какимъ оффиціальная исторія описывала Болоньское свиданіе, и на ту прекрасную роль, какую хотѣли придать Октавію въ проскрипціяхъ[1]), для него эти воспоминанія были во всякомъ случаѣ непріятны. Чтобъ уменьшить немного его вину, клеветали на его жертвы. Это именно хотѣлъ сдѣлать Азиній Полліонъ, когда въ своей защитительной рѣчи по дѣлу Ламіи онъ раз-

---

[1]) См. особенно у Веллеія Пат., II, 66.

сказывалъ, будто Цицеронъ умеръ трусомъ[1]). Тѣ, чья преданность власти не шла такъ далеко, и кто не чувствовалъ въ себѣ мужества оскорблять его, остерегались по крайней мѣрѣ говорить о томъ. Замѣчено, что ни одинъ изъ тогдашнихъ великихъ поэтовъ даже не упоминаетъ о Цицеронѣ, а изъ словъ Плутарха мы знаемъ, что надо было скрываться на Палатинѣ, чтобы читать его произведенія. Итакъ, эта великая слава окружалась всевозможнымъ молчаніемъ; но появленіе въ свѣтъ его писемъ напомнило о немъ всѣмъ. Прочитавши ихъ одинъ разъ, нельзя уже забыть умной и кроткой личности, столь любезной, гуманной и привлекательной даже и въ своихъ слабостяхъ.

Къ этому интересу, придаваемому перепискѣ Цицерона его личностью, для насъ присоединяется еще другой, болѣе живой. Изо всего написаннаго мною, очевидно, до какой степени наше время похоже на ту эпоху, о которой говорится въ этихъ письмахъ. У нея, такъ-же какъ и у нашей, не было прочныхъ вѣрованій, а печальный опытъ, извлеченный ею изъ переворотовъ внушилъ ей отвращеніе ото всего, пріучивъ ее ко всему въ то же самое время. Какъ и намъ, ей было извѣстно то недовольство настоящимъ и та неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, которыя не позволяютъ наслаждаться безмятежнымъ спокойствіемъ. Мы находимъ себя въ ней; горести тогдашнихъ людей отчасти наши горести, и мы вынесли тѣ самыя страданія, на которыя они жалуются. Подобно имъ, мы живемъ въ одну изъ тѣхъ переходныхъ эпохъ, самыхъ тяжелыхъ въ исторіи, когда преданія прошлаго уже исчезли, а будущность еще не обрисовалась, такъ что не знаешь, куда примкнуть, и мы понимаемъ, что имъ часто приходилось повторять съ древнимъ Гезіодомъ: «Какъ-бы мнѣ хотѣлось или раньше умереть, или позже родиться!» Вотъ, что придаетъ такой грустный и живой интересъ чтенію писемъ Цицерона: вотъ что прежде всего привлекло меня къ нимъ и что заставитъ, быть-можетъ, читателей найти хоть нѣкоторое удовольствіе въ томъ, чтобы провести минуту въ обществѣ описанныхъ тамъ лицъ, которыя, не смотря на столько раздѣляющихъ насъ столѣтій, кажутся намъ часто нашими современниками.

---

[1]) Sen., Suas. 6.

Попова. Россія и Сербія. 2 части. М. 1872 г. Цѣна 4 р.
Рихтера. Вліяніе целлулярной патологіи. М. 1872 г. Цѣна 1 р.
Рѣшетникова. Сочиненія, 2 части. М. 1874 г. Цѣна 5 р. 50 к.
Страбона. Географія (въ 17 книгахъ 1 т.). Перев. съ греческаго *Мищенка*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.—
Сурикова. Стихотворенія. Изд. третье, полное. М. 1877 г. Цѣна 1 р.
Тацита. Лѣтопись. Перев. *К. Кронеберга*. М. 1865 г. Цѣна 1 р. 50 к.
Трачевскаго. Польское безкоролевье. М. 1865 г. Цѣна 3 р.
Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
Тэна. Чтенія объ искусствѣ. М. 1874 г. Цѣна 2 р.
Фета. Стихотворенія. 2 части. М. 1868 г. Цѣна 2 р.
Финлей. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. С. *Никитенко*. Москва. 1876 г. Ц. 4 р.
Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства (съ рисунками). Части I, II и III. М. 1880 г. Ц. 4 р.
Фюстель-Куланжъ. Гражданская община античнаго міра. Перев. *Е. Корша*. М. 1867 г. Цѣна 2 р. 50 к.
Чичерина. Исторія политическихъ ученій. Часть 1, 2, 3, и 4. М. 1876 г. Ц. за каждую 3 р.
— Нѣсколько современныхъ вопросовъ. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
— Областныя учрежденія. М. 1876 г. Цѣна 3 р.
— Опыты по исторіи русскаго права М. 1876 г. Цѣна 1 р.
— Очерки Англіи и Франціи. М. 1876 г. Цѣна 1 р.
Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9 частей Ц. 10 р.
Шилова. Ключъ или алфавитный указатель къ Исторіи Россіи. К. Соловьева. Съ 6-ю родословными таблицами. М. 1870 г. Цѣна 3 р.
Шмидта, Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге*. пер. *Э. Циммермана*. Томъ I, II и III. М. 1880 г. Цѣна 13 р.